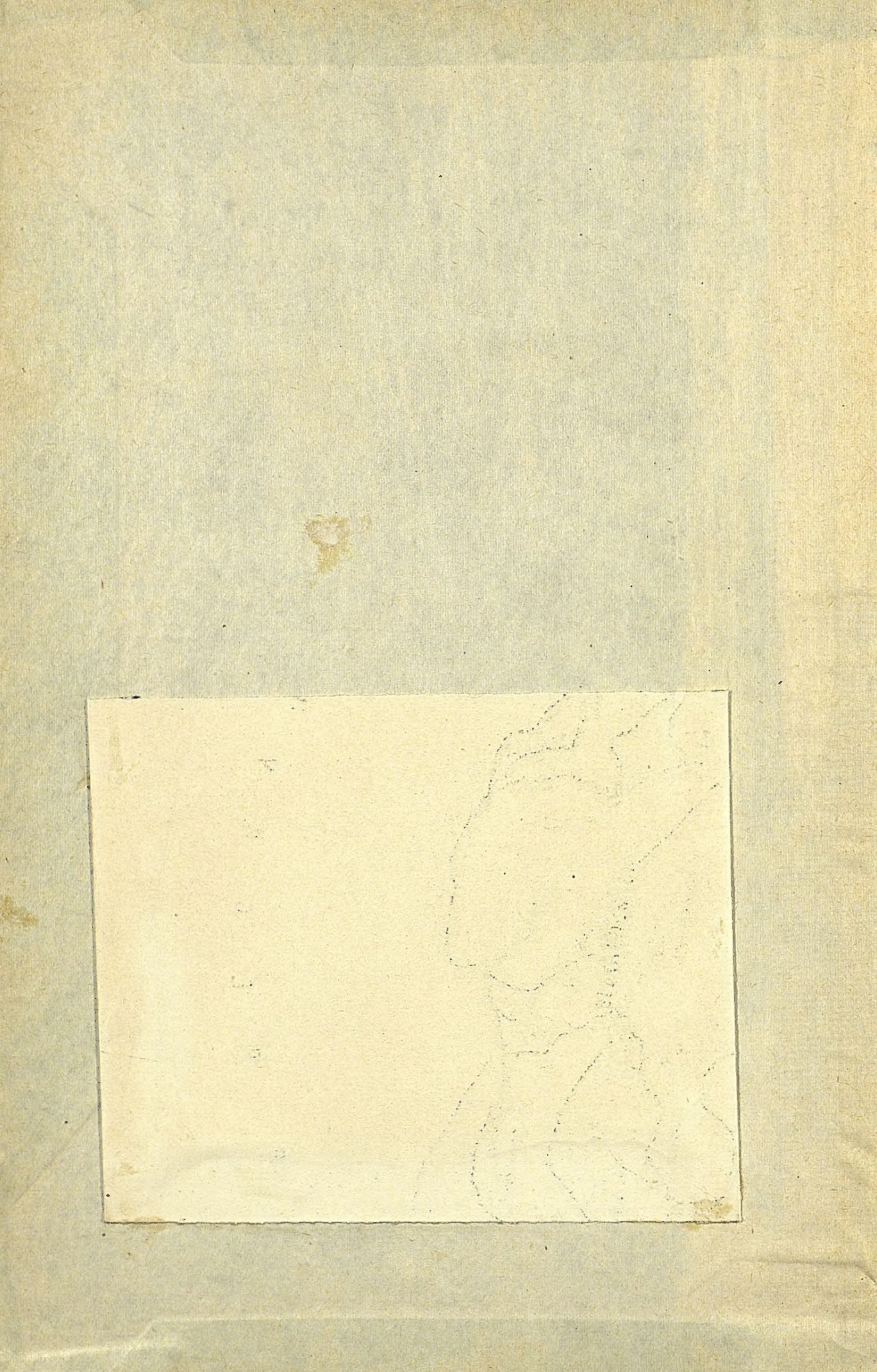

Н. БУХАРИН

БОРЬБА ЗА КАДРЫ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1 9 2 6

Н. БУХАРИН

БОРЬБА ЗА КАДРЫ

РЕЧИ И СТАТЬИ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
МОСКВА 1926 ЛЕНИНГРАД

Отпечатано в типографии изд-ства „Молодая Гвардия“, Ленинград, В. О., 5-я линия, д. 28, в количестве 15.000 экз.
Ленинградский Гублит № 2408.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая книга объединяет статьи и речи, написанные и произнесенные в разное время (1918—1925 гг.)

В первый отдел („Борьба за кадры“) включены статьи, дающие общую постановку проблемы кадра в пролетарской революции, вопроса о возможном перерождении наших кадров, вопроса о борьбе за пролетарскую высшую школу.

Второй отдел („Партия и молодежь“) посвящен взаимоотношениям нашей старой и молодой гвардий и задачам партии в ее работе среди подрастающего поколения.

Наконец третий, наиболее обширный отдел („КИМ и Комсомол“) состоит из статей и речей, обращенных к нашему российскому и к мировому Комсомолу.

В подобном сборнике неизбежны, конечно, некоторые повторения. В третьем отделе книги повторения в значительной мере оправданы тем, что самый процесс роста Комсомола нередко требовал на новой ступени развития повторной постановки ряда основных вопросов.

При оценке статей, датированных 1918—1922 гг., необходимо, разумеется, иметь в виду время, когда они были написаны.

Инициатива издания сборника принадлежит Центральному Комитету РЛКСМ. Работа по редактированию и группировке материала выполнена тов. Зорким, которому я выражаю искреннюю товарищескую благодарность.

Н. БУХАРИН

17-го декабря 1925 г.

БОРЬБА ЗА КАДРЫ

ПРОБЛЕМА КАДРА В ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Чтобы понять, как следует, крупное общественное явление, нужно понять его во всем его *своеобразии*—такова одна из основных заповедей марксистского учения. Между тем, когда обсуждают „с общей точки зрения“ вопрос о социалистической революции пролетариата, довольствуются обычно методом поверхностных аналогий, применением вульгарнейших (якобы „теоретических“) шаблонов, штампов, моделей, которые при всем своем скучном однообразии отличаются все же одним оригинальным свойством: они не годятся. Чем больше аналогий и исторических параллелей проводят господа Каутские, Леви, Мартовы и весь этот несчастный сброд трусливых „старых баб“, тем яснее становится полная теоретическая (не говоря уже о практической) беспомощность социал-демократического „марксизма“, этого убогого, искривленного и в то же время припомаженного обрубка великого пролетарского учения. Разбить шаблон и показать—хотя бы и в самых общих чертах—все своеобразие пролетарской революции по отношению к революции буржуазной представляется нам очередной задачей дня. Ибо социал-демократическая теория опирается прежде всего на шаблон, в достаточной степени безграмотный. От этого, впрочем, он ни на иоту не делается менее вредным, о чем достаточно красноречиво говорит социал-демократическая практика, это величайшее предательство, которое когда-либо видела история классовой борьбы.

Пожалуй, самым общим теоретическим вопросом о революции является вопрос о *зрелости*, вернее, о *вызревании* новых производственных отношений, нового общественного строя, или—что то же самое—нового „способа производства“ в недрах старой общественно-производственной и политической оболочки. „Созрел“ или не „созрел“

капитализм для социализма—на этот вопрос приходилось отвечать решительно всякой партии, группе, организации, которая, хотя бы на словах, присоединяла себя к социалистическому движению рабочего класса. Революционный марксизм, политически представленный коммунистическими партиями, видел и видит в империалистских войнах достаточный ответ на этот вопрос. Ибо именно эти войны и говорят, что на капиталистическом базисе мировое хозяйство не может дальше развиваться. Социал-демократический, куновский, каутскианско-зомбартианский „марксизм“ отвечает на вопрос отрицательно, проделывая при этом такие логические пируэты, которым могут позавидовать лучшие американские фокусники. В самом деле, достаточно вспомнить хотя бы старушку-Каутского. Его позиция по отношению к революции последовательно пробегала такие фазисы:

№ 1. До войны. Капитализм созрел. Мы вступили в эпоху кризисов. Идем к войне. Войну нужно использовать для революционного переворота. Пока не нервничать. Победа за нами („Путь к власти“, базельский манифест).

№ 2. Во время войны. Интернационал — мирный инструмент. Во время войны не может быть пущен в ход. Не нужно нервничать. Нужно ждать, когда будет мир. Тогда пустим его в ход. Победа будет, натурально, за нами (военные писания Каутского).

№ 3. Во время мира, после войны. Где уже думать о революции? Разве можно? При этаких-то разрушениях? Разве на этом социализм построишь? Не нужно нервничать. Нужно ждать. Победа, видит бог, будет за нами.

Эта бессильная, жалкая жвачка, которая своеобразной „триадой“ будет повторяться без конца, достаточно характеризует как логику, так и величие духа великих мастеров социал-демократической лжи.

„Жила была бабица
На горе под дубом.
Пошла баба париться
С своим милым другом.
Но, как баба умная,
Взяла пук мочалы.
Это песня скучная—
Начинай сначала.
Жила была бабица“ и т. д.

Так как это действительно чрезвычайно „скучная песня“, смысл которой при этом совершенно ясен, то на ней не приходится дольше останавливаться. Нас интересует здесь другой вопрос, на который обращалось гораздо меньше внимания.

Вопрос этот вот в чем. Социал-демократические теоретики для доказательства тезиса о незрелости приводят аналогию с буржуазной революцией. Там—говорят они—дело действительно было в шляпе. Там капитализм действительно созрел в недрах феодализма. Там революция была действительно об'ективно прогрессивным фактором, сбросила путы, дала простор развитию производительных сил. И поэтому достаточно было „снять головку", произвести кое-какую чистку, вывезти кое-какой исторический мусор, чтобы открылась эпоха быстрого поступательного развития всего общества.

Таким образом легкость буржуазной революции, ее относительно малые издержки и относительно громадные издержки русской революции и революции международной служат оппортунистам для доказательства двух вещей: во-первых, для доказательства того, что капитализм вообще не созрел для социализма, во-вторых, для доказательства того, что русская революция не может претендовать ни в коей мере на звание пролетарской революции. Мы не собираемся здесь спорить с нашими противниками по всему фронту. Но мы обращаем внимание на их *вульгарный шаблон*.

В самом деле. Они слышали звон, что новые отношения растут в старой оболочке. Но понять, *как* эти отношения растут, это—уже сверх их сил. Бесконечно, нудно, глупо повторять одно и то же о необходимости зрелости и т. д.—этому занятию они могут предаваться даже не годами, а десятилетиями. А вот увидеть, в чем состоит *своеобразие* роста капитализма внутри отношений феодального общества и роста социализма внутри общества капиталистического—этого им не нужно. И там, и здесь нужна „зрелость". Дальше этой *формальной* постановки вопроса оппортунистическая мысль не простирается.

А между тем процесс вызревания новых отношений в обоих случаях настолько отличен, настолько своеобразен, что это влечет за собой громаднейшие различия и по целому ряду других направлений.

Как вызревает капитализм в лоне феодального общества? Он, главным образом, вызревает, как *город*, который развивается в противоположность феодальному *поместью*. Из города он запускает миллионы своих щупальцев в деревню, разлагает натуральное хозяйство, подтачивает старые отношения и начинает творить мир по образу и подобию своему. Что здесь характерного? Что нужно отметить в этом *типе* роста новых отношений? Характерно здесь то, что новые отношения растут *целиком, во всей их совокупности*. В „лоне феодализма" растет не только материальный остров капиталистического режима, его вещественный

аппарат, его техника; не только существеннейшая часть его общественных связей, но все эти связи целиком. Вся капиталистическая иерархия, вся лестница живых людей, от чернорабочего через унтер-офицера промышленности вплоть до высшего командного состава и собственнической олигархии, все это в готовом виде уже имеется в рамках феодального общества. Другими словами: в рамках помещичьего строя вызревает не только новая техника, но и живой, людской общественный аппарат капитализма.

Здесь нужно оговориться. Социал-демократические талмудисты могут переиначить эти наши положения, изобразив дело таким образом, что, по-нашему, капитализм целиком вызревает в феодальном обществе вплоть до своих высших форм и в своем предельном общественном масштабе, так что при капитализме ему, капитализму, уже и развиваться нечего. Такую „мысль“ нам однако приписать не удастся. Мы утверждаем лишь одно: капиталистическая организация, живой аппарат, вызревает в пределах феодализма целиком, т. е. вместе со своей административной верхушкой. До буржуазной революции удельный вес капиталистических отношений, конечно, не очень велик, если сравнить эту эпоху с эпохой развитого капитализма или с нашим временем. Но в городах мы уже имеем оба полюса общественно-производственных отношений капитализма сразу: и буржуазию, и пролетариат.

Таков ли тип вызревания социализма в лоне капиталистических отношений производства?

Может ли он по существу быть таким?

Вот вопрос, который можно поставить прежде всего. И здесь—стоит только хоть немного подумать над этим—сразу станет очевидно, что самый тип вызревания должен быть иной и не может быть таким, каким он был в эпоху перед буржуазными революциями.

Социалистические производственные отношения не могут вызревать в лоне капиталистического общества и капиталистического государства „целиком“, т. е. с административной верхушкой производственного аппарата. Даже в самой передовой капиталистической стране, с максимумом концентрации и централизации капитала, с громадным пролетариатом и пр., и пр. этого не может быть. Ибо у социализма нет, так сказать, другого экономического поля, где бы он мог „самостоятельно“ расти. Против поместья и лэндлордов (помещиков) выростал город с буржуазией наверху, под которой был пролетариат.

Буржуазия была экономически не под поземельной аристократией, а наряду с ней и против нее.

Социализм же вовсе не занимает по отношению к буржуазной промышленности такого положения, какое город занимал по отношению к феодальному поместью. Он растет тут же, в том же проклятом каменном городском мешке, под буржуазией и без своей административной производственной верхушки. Этой административной верхушки быть не может потому, что в социалистических производственных отношениях она должна быть пролетарской. А такого положения вещей заведомо не может быть в недрах капиталистического общества. Буржуа мог в городе стоять на командном производственном посту при феодализме. Он мог быть монополистом промышленных средств производства и был им. Наоборот: пролетарий, пролетариат, как класс, не может быть на командном производственном посту при капитализме, не может владеть промышленными средствами производства. Ибо иначе не было бы и капитализма, как это сообразит даже любой двуногий осел.

Отсюда вытекает, что социалистические производственные отношения не могут вырасти в недрах капитализма целиком, т. е. со своей административной верхушкой, что социализм „вырастает" в старом обществе по-своему, по-особому, не так, как вырастает в феодальном обществе капиталистический способ производства.

Особо „тонкие" критики могут нам здесь возразить, примерно, следующее:

— Ваша постановка вопроса неверна. Неверна она потому, что в буржуазных отношениях производства предполагаются два полюса—пролетариат и буржуазия; это—классовые, эксплоататорские отношения; здесь может итти речь о „верхушке" аппарата, ибо „верхушка",—это классовое выражение. Наоборот, в социалистических производственных отношениях самый вопрос о верхушке нелеп. Социалистические производственные отношения не суть отношения эксплоатации. Поэтому нельзя ставить и вопрос об иерархии, а следовательно, о „верхушке".

Такая аргументация была бы, конечно, не верна. И притом по многим причинам.

Во-первых, не всякая „верхушка" есть классовая категория.

Рабочий класс не однороден по своему составу, по степени культурности, политической зрелости, технической квалификации и т. п. своих членов, своих составных частей.

Поэтому он не может править (и в политической, и—что нас здесь интересует—в хозяйственной жизни) „новгородским вечем", миллионами рук: он неизбежно правит через свой авангард, через свой административный

кадр, через своих руководителей. Но этот административный кадр не есть классовая категория.

Во-вторых. Не всякое классовое отношение есть отношение эксплоатации. Между развитым социализмом и капитализмом есть господство пролетариата. **Пролетариат** есть господствующий класс, командующий и в производстве. Эта начальная фаза социализма характеризуется тем, что классовая иерархия еще существует, но она имеет совсем необычный характер: **наверху** стоит пролетариат, про который, конечно, нельзя сказать, что он живет за счет эксплоатации—ну, скажем, инженерского состава, ему соподчиненного.

В третьих. Целостная система социалистических производственных отношений предполагает определенное отношение **собственности**. В начальной фазе собственником средств производства является **пролетариат**. А это значит, что он, как класс, стоит наверху.

Итак, мы приходим к заключению, что по самому существу дела, по специфической природе рабочей революции, в недрах капитализма социализм не может расти „целиком“: он не может так расти потому, что в пределах и рамках капиталистического общества не может быть места коллективно-пролетарской классовой монополии на средства производства; он не может так расти потому, что в этих рамках немыслима командная власть пролетариата в производстве вообще и командная власть его классового административно-хозяйственного кадра в частности.

Но что же в таком случае вырастает и созревает в пределах капитализма?

Во-первых, вещественно-материальный остов нового хозяйства, концентрированные и централизованные средства производства, технически допускающие **регулированный** процесс труда. Во-вторых, пролетариат, как система производственных отношений сотрудничества, всего полнее воплощающая **общественный** характер труда. В третьих, **элементы** квалифицированного организаторского, административного, „командующего“ труда (техническая интеллигенция в первую голову). В четвертых, рабочие **организации могут стать** в будущем остовом административного аппарата при пролетарской диктатуре.

Техническая интеллигенция есть, так сказать, промежуточная командующая верхушка. Но в пределах капитализма она растет, как сила **буржуазная**, антипролетарская. Она может воспитаться в новом духе—и воспитается,—но это происходит уже в период **распада** капиталистических связей. Во время переходного периода связь между рабочими и интеллигенцией (трудовая связь) лопается, и **это является одной из самых крупных причин громадных**

издержек революционного процесса (см. об этом нашу работу: „Экономика переходного периода“).

Итак, нелепо „просто“ сопоставлять „вызревание“ капитализма и „вызревание“ социализма, не видя громадной разницы *в типе этого вызревания*. Это одно.

В связи с этим обстоятельством стоит и другое капитальнейшее отличие между буржуазной революцией и революцией пролетарской.

Обычно „с маху“ проводится аналогия между противоречием, которое имеется в отношении буржуазии и помещиков, и тем противоречием, которое имеется между пролетариатом и буржуазией. В буржуазной революции буржуазия свергает помещиков, в пролетарской — пролетариат свергает буржуазию, и дело в шляпе.

Между тем, по существу дела, аналогия здесь крайне рискованная. Ибо отношения здесь совершенно различны, „противоречия“ *совершенно непохожи*. Более того, они *принципиально отличны* друг от друга.

В самом деле. Каково соотношение между буржуазией феодальным помещиком? Является ли это соотношение отношением экономической эксплоатации? Является ли буржуазия эксплоатируемым классом в феодальном обществе? Смешно об этом говорить. Именно потому, что капитализм растет в феодальном обществе со своей верхушкой; именно потому, что город растет *наряду* с хозяйничаньем помещиков на земле; именно потому, что образуются *оба* полюса буржуазных отношений,—не может быть и речи об эксплоатируемой буржуазии. Между буржуазией и феодальными помещиками происходит раздел прибавочного труда. Феодалы, имея в руках государственную власть, могут в разной форме оттягивать часть прибавочной ценности у буржуазии. Но не буржуазия создает прибавочный продукт, не буржуазия находится на положении эксплоатируемого класса. Она политически неполноправна. Она страдает от экономической политики феодалов. Она делится с ними частью своей добычи. Но она—командир в мастерской и на фабрике, она—собственник промышленных средств производства, она—класс, выкачивающий прибавочную ценность из образующегося пролетариата.

Отношение между буржуазией и феодальными помещиками не есть отношение между эксплоатируемыми и эксплоататорами.

Совершенно иное отношение имеется между классом, который свергает капиталистическое общество, и классом, который его защищает, т. е. между пролетариатом и буржуазией. *Это есть прежде и раньше всего отношение экономической эксплоатации.*

Скажут: это—общее место, это всякому известно. Зачем огород городить?

Предположим, что это всякому известно. Но тогда еще ярче подчеркивается бессмысленность некритических аналогий. Ибо из этой „всем известной“ разницы между пролетарской и буржуазной революцией вытекает еще ряд особенностей, в сумме своей обусловливающих различный ход событий, различные издержки революции, различные проблемы, помимо тех, о которых действительно известно всем и каждому.

Прежде всего необходимо отметить вот какое коренное отличие: неэксплоатируемая буржуазия могла быть уже в лоне феодализма культурно выше того класса, который она затем свергла; наоборот, экономически эксплоатируемый пролетариат не может в пределах капитализма стать культурно выше, чем господствующая буржуазия, которую ему приходится свергать.

Накопление капитала шло уже в пределах феодального общества. „Богатство“ стало скопляться в руках у буржуазии еще до революционного краха „старого режима“. Притом это богатство накоплялось в денежной форме, на основе всеобщего и повсеместного роста товарно-денежных отношений. За звонкий металл, как известно, можно достать все.

„Все куплю“—сказало Злато,
„Все возьму“—сказал Булат.
„Пошел вон!“—сказало Злато.
„И пойду!“—сказал Булат.

Таким образом уже в недрах феодального режима буржуазия была монополистом промышленных средств производства, командиром в производственном процессе, суб'ектом капиталистического накопления и собственником накапливаемых богатств. На этой основе в пределах враждебного ей строя почти беспрепятственно могла расти и буржуазная культура. Феодализм отнюдь не мог быть при таких условиях монополистом образования. Более того. Развивать свою культуру буржуазия могла в относительно все большей пропорции, так как вся большая часть прибавочного труда переходила к ней, к буржуазии, вместе с ростом товарного хозяйства. Классовый носитель нового (по сравнению с крепостническим) строя экономических отношений, буржуазия, становясь в возрастающей степени монополистом средств производства и, следовательно, присвоителем прибавочной ценности, становился сам тем самым в возрастающей степени и монополистом образования. Дворянская, „рыцарская“ школа отступала быстро перед купеческо-промышленной. Именно этой последней был

обеспечен рост, потому что деньги становились такой общественной силой, от которой зависело все. А деньги были в руках буржуазии.

При сравнении различных классовых культур и при обсуждении вопроса о культуре вообще можно различать три стороны проблемы: во-первых, вопрос о специфических, особых признаках, „принципах“ данной культуры, о „стиле“ данных идеологий, об основных ее тенденциях и методах и т. д.; во-вторых, вопрос о глубине разработки данных тенденций, методов, принципов, т. е. об интенсивности данной культуры; в третьих, вопрос о круге захватываемых этими идеологиями и навыками лиц, т. е. вопрос о широте захвата, об экстенсивном поле данной культуры.

Возьмем теперь исторический перевал, грань между феодализмом и капитализмом, и посмотрим, в каких отношениях стояла буржуазная культура к культуре феодально-дворянской.

Методы и принципы. Совершенно ясно, что уже в пределах феодализма буржуазная культура была выше крепостнической по своей структуре. Статическая точка зрения заменилась динамической (эволюционной), схоластическая спекулятивная философия—принципом естественно-научного опыта, догматизм феодально связанного общества—критицизмом „мыслящего индивидуума“. Если искать критерия „высоты“ культуры в ее практическом значении, т. е. в том, насколько она помогает овладевать силами природы (а именно так и нужно ставить вопрос), то не подлежит никакому сомнению прогрессивность этой новой буржуазной культуры. И если теперь в буржуазном хоре идеологические запевалы стремятся превозносить средневековых мыслителей, в особенности мистиков, то это лишь симптом упадка буржуазии, а вовсе не обретение затерянного „высшего принципа“, как это стараются изобразить скорбные главою современные упадочники.

Интенсивность культуры. Нельзя оспаривать тот факт, что феодальная идеология представляла довольно законченную „круглую“ систему,—взять хотя бы Фому Аквинского. Но если мы вспомним, что великая „Энциклопедия“ французских материалистов, Дидро и др., была написана до захвата власти буржуазией, то вряд ли можно сомневаться в том, что новые идеологические принципы были разработаны не менее глубоко, чем по существу ограниченная культура относительно неподвижного феодального мира. (Не лишне в скобках заметить, предупреждая могущее быть сделанным возражение, что, если и неверно было старое представление о „Средних Веках“, как о каком-то историческом провале, то, с другой стороны, двигали-то „Средние Века“ как-раз новые, растущие буржуазные отношения).

Экстенсивность культуры. Феодальная культура, поскольку мы под ней разумеем квалифицированную идеологию и навыки, имела резко выраженный кастовый характер. Вспомним о безграмотности королей и о монастырско-церковном характере ученых. Базис буржуазной культуры не мог не быть шире. Так называемая „демократизация знаний" началась по сути дела опять-таки до падения феодального режима в буржуазной революции. Таким образом и здесь буржуазия стояла выше поземельной аристократии еще до того, как был сломлен государственный становой хребет этой аристократии.

Сравним теперь с этим культурным противопоставлением культурное противопоставление пролетариата и буржуазии в рамках капиталистического режима.

Раньше всего следует обрисовать эти общие рамки, которые определяют неизбежно бытие пролетариата, а следовательно, и его культуру. Пролетариат в капиталистическом обществе—класс угнетенный и экономически, и политически. Он—основной резервуар эксплоатации, поставщик энергии, высасываемой в процессе капиталистического производства. Его бюджет — это средства, необходимые для его воспроизводства и функционирования, как физической человеческой силы.

Его квалификация — это предельно низкая общественная квалификация исполнительского физического труда. В общем и целом, только так и воспроизводится эта часть общественного механизма в его капиталистической оболочке. Нужно смотреть правде в глаза. Поскольку самый ход капиталистического способа производства требует новых категорий квалификации рабочей силы, квалификации организаторской, командующей, идеологической и т. д., постольку выделяется новая общественная группа, новый „промежуточный" класс, так называемая техническая интеллигенция, „новое среднее сословие"; и только сравнительно незначительный слой рабочей аристократии несколько приближается к этому типу. Этому нисколько не противоречит то положение, что с повышением техники повышается в целом и культурный уровень пролетариата. Ибо речь идет о сравнительных культурных уровнях пролетариата, с одной стороны, буржуазии и ее технической интеллигенции—с другой.

Крепостническая поговорка „всяк сверчок знай свой шесток" сохраняет всю свою силу и для буржуазного общества, которое воспроизводит не только материальные ценности, но и отношение между буржуазией и пролетариатом. И если чисто экономическая сторона этого процесса заключается в капиталистическом распределении доходов, то культурная сторона этого дела заключается в различии образования. Монополии на средства производства

в точности соответствует монополия образования, которая играет колоссальнейшую роль, роль, еще недостаточно оцененную в нашем сознании.

Процесс образования есть одна из существеннейших (самая существенная, если брать специфическую сторону дела) составных частей процесса производства квалифицированных „живых машин“. А в капиталистическом обществе подрастающее поколение разных классов поступает и обрабатывается в разных школьных лабораториях: божие—богови, кесарево — кесареви. А мытарь получает то, что полагается мытарю. Командующие классы отдают своих детей в высшую и среднюю школу, пролетариату она недоступна настолько же, насколько ему недоступна монополия на средства производства или присвоение прибавочной ценности.

Совершенно неправилен тот взгляд (довольно распространенный), что мало-по-малу уже в недрах капиталистического режима стирается разница между техником и рабочим, между технической интеллигенцией, как определенной социальной категорией, и рабочим классом. Конечно, было бы распрекрасно, если бы уже при капитализме рабочий класс сам, по крайней мере в лице своих крупных прослоек, превращался в техническую интеллигенцию, сливался с нею и таким образом культурно вызревал к функциям производственного управления. Если бы это было так, то тогда под скорлупой капиталистического режима новый строй вызревал бы целиком. Тогда стоило бы лишь сбросить паразитическую, пустяковую, жалкую, бессильную, лишь формально господствующую верхушку капиталистических собственников, — и дело с концом.

Если бы, да кабы,
Да во рту росли грибы.

Но, к сожалению, совсем не то происходит в действительности.

Правда, как не совсем экономически грамотно выражает это профессор Вейраух, „повсюду на место человека выступает машина, а ему зато дается в руки руководство ею. Машина работает, а человек ее направляет (führt sie)“ [1].

Но направляющая деятельность рабочего по отношению к машине или ее части отнюдь не опровергает того, что у рабочего нет направляющей деятельности по отношению к людям и всему процессу производства в целом. Эти организаторские, командные функции заперты,

---

[1] Robert Weyrauch. „Die Technik, ihr Wesen und ihre Beziehungen zu deren Lebensgebieten“. Deutsche Verlags-Anstalt. Stuttgart und Berlin. 1922. S. 34.

забронированы за другими группами и классами: за непаразитической буржуазией (крупные организаторы трестов, хозяйственные обер-вожди в роде Стиннеса, Баллина, Сименса, Круппа в Германии) и за технической интеллигенцией. Не выходя из рамок материального производства, все же мы должны признать, что одна техническая интеллигенция представляет довольно большую силу даже только нумерически. Так, в Германии в 1906 г. в крупнейших предприятиях было такое соотношение между рабочими и интеллигенцией (Beamten):

Металлургия и горное дело	на	30—26	рабочих	1 служащий.
Вязальные фабрики	„	18—25	„	1 „
Ткацкие „	„	12—10	„	1 „
Верфи	„	16—8	„	1 „
Машиностроит. заводы	„	12—4	„	1 „
Газовые „	„	9—4	„	1 „
Химические „	„	7—6	„	1 „ [1]

Во всяком случае, эти „сухие цифры" довольно красноречивы. Опыт командования, организации, применения высших технических знаний накапливается здесь и оказывается недоступным рабочему классу [2]. Если и бывают отдельные виды рабочих, близких к техникам по своей квалификации, то это очень незначительная прослоечка (напр., сборщики в электротехнической индустрии). Зато резко выражена другая тенденция, отмеченная еще Марксом и нимало не устраненная современной капиталистической техникой. „Если ранее разносторонне обученный ремесленник выполнял все работы, необходимые для производства готового фабриката, то машина, в особенности „специальная машина", требует далеко идущего разделения труда (Unterteilung des Arbeit). Она создала поэтому современного квалифицированного рабочего и допустила все большее и большее применение даже необученных рабочих сил" [3]. А вот что наблюдалось за самое последнее время. „Здесь (в области более экономного распоряжения рабочей силой. Н. Б.) прежде всего война показала новые возможности. Ибо нужно было в возрастающей степени заменять из-за мобилизаций и продолжительности войны все более редкие квалифицированные рабочие силы необученным трудом подростков и женщин. Чтобы это стало возможным, было

---

[1] R. Weyrauch, S. 43.

[2] Применение „научной организации предприятий" только усиливает эту тенденцию. „Здесь открывается совершенно новая страница в профессии инженера: быть не только конструктором вещей, но в такой же степени конструктором (Gestalter) людей..." (Willi Hellpach. „Die geistigen Kräfte der Wirtschaft", Technik und Wirtschaft, 14 Jahrg. Heft 1, S. 10).

[3] R. Weyrauch, l. c., S. 36.

необходимо подразделить возможно мельче ход производства и упростить таким путем отдельные производственные процессы. Таким образом оказалось возможным, благодаря дальнейшему разделению труда при выработке сериями (Serienfertigung), выделывать многие вещи руками необученных рабочих... Поднялось к жизни пятое сословие“ [1].

„Главным условием здорового народного хозяйства является, чтобы каждый был доволен своим местом“ [2]. „Обучение в профессиональной школе (Werkschule) должно быть по возможности самым простым, охватывающим только элементы профессиональных знаний“ [3]. „Разносторонне обученный (ausgebildet) рабочий никогда не найдет себе подходящего места и поэтому будет всегда недоволен“ [4]. Так гласят капиталистические нормы обучения, имеющие, несомненно, свою внутреннюю логику. Рабочий класс постоянно воспроизводится, как культурно низшее, хотя и самое большое общественное звено.

Так обстоит дело в процессе материального производства. Еще меньшую долю квалификации имеет пролетариат в процессе товарного обращения (взять хотя бы банки) и в идеологических отраслях труда. Если в процессе материального производства рабочий имеет все же точки соприкосновения с инженером в процессе труда, то швейцар, подающий мел господину профессору, когда тот пишет свои формулы господам студентам, уже стоит совсем в стороне от специфической логики труда. Буржуазный государственный аппарат, школа, наука, искусство и проч. имеют в капиталистическом обществе своих „спецов“, удельный трудовой вес которых в этих областях совершенно исключителен.

Следовательно, рабочий класс не может не быть классом, культурно глубоко придавленным всей механикой капиталистического режима: явление, которого не было по отношению к буржуазии до захвата ею государственной власти.

Тем не менее, благодаря, главным образом, двум обстоятельствам: росту рабочих организаций и интеллигентским перебежчикам (об этом речь будет подробно итти ниже),— рабочему классу удается создать ростки своей идеологии, а следовательно, и своей, пролетарской, культуры. Нам нужно противопоставить теперь эту пролетарскую культуру культуре буржуазной по тем трем основным линиям, по которым

---

[1] R. Weyrauch, 38 (последние два курсива наши. Н. Б.)

[2] Gustav Frenz. „Kritik des Taylor-Systems.“ Berlin. Julius Springer. 1920. S. 104.

[3] Ibid., 112.

[4] Ibid., 109.

мы проводили сравнение буржуазной культуры с культурой феодальной.

Методы и принципы. По своей структуре, по своим методам и принципам пролетарская культура, несомненно, выше буржуазной. Пролетариат, об'единенный в производстве узами сотрудничества и общей борьбой, выдвигает принципом своей идеологии об'единение под общим углом зрения всей суммы человеческого знания. Он выдвигает этот принцип против такого разделения труда, которое совершенно раздробляет различные отрасли культуры, устраняет в сознании буржуазии их связь, мешает их синтезу, которого тщетно ищет и не может найти буржуазия. Пролетариат выдвигает далее практическую значимость всякой „культурной ценности", уничтожая тем самым тот фетишизм, которым проникнуты идеологи буржуазии. Всяческие „категорические императивы" и „абсолютные идеалы" он заменяет принципом общественно-технической целесообразности. Пролетариат расширяет эволюционную точку зрения до точки зрения революционной, уничтожая буржуазные ограничения принципа динамики и обогащая его содержание. И само собой разумеется, пролетариат продолжает критическую и опытную струю идеологии революционной буржуазии, которая у буржуазии современной заменилась мистицизмом, теософией, оккультными науками и различными идеологическими Ersatz'ами, которые поставляются религией.

Интенсивность культуры. Если пролетарская культура выше по своим принципам, то ее интенсивность—поскольку речь идет о капиталистическом обществе—далеко-далеко уступает буржуазной культуре. Пролетариат не занимает командующих производственных должностей. Не он—организатор общества при капитализме. Свою культуру он развивает прежде и раньше всего в общественной классовой борьбе. Поэтому совершенно понятно, что эту сторону культуры он развивает раньше всего. Отсюда он устанавливает основы своей культуры—гениальнейшее учение Маркса лучший тому образец. Но он не может выработать кадр своих естествоиспытателей, инженеров, техников, агрономов, художников, архитекторов, геологов, организаторов производства, профессиональных квалифицированных изобретателей, математиков, поэтов, правоведов, банковых специалистов, артистов и так далее и тому подобное. Не может он в рамках капитализма внести здесь столько же своего, сколько он внес в сфере общественной теории или практической политики. Для решения таких задач у него нет возможностей в его бытии; он только в самых общих чертах намечает грядущее решение этих задач,—не более того. По сравнению с тем, что имеет буржуазия, это—настоящая крупица. Только

в области общественных наук он может противопоставить себя (здесь речь идет об интенсивности культуры) буржуазии, да в области практической политики создает эквивалентную, а иногда даже превосходящую по своей квалификации кадровую силу (недаром, например, граф Keyserling говорит, что советская Россия имеет лучших в мире вождей). Но в общем и целом, пролетариат отстает колоссально.

Экстенсивность культуры. С классовой точки зрения, т. е. с точки зрения общественно-классовых масштабов, и здесь пролетариат обречен на громадную отсталость самими условиями своего капиталистического бытия. Если приводить наиболее яркое доказательство этой мысли, достаточно упомянуть лишь, что над большим слоем пролетариата тяготеют горы, Альпы „буржуазных предрассудков“, тогда как нельзя найти ни единой горсточки буржуазии, которая бы страдала „пролетарскими предрассудками“. Скажут: но в этом виновата государственная машина буржуазии, школа, церковь и т. д. Вот именно! Эти институты буржуазного режима держат в плену целые пролетарские армии. И если мы таких людей, как Шейдеман, Носке, Том Шоу, Гомперс и т. д., считаем предателями (что совершенно правильно практически-политически), то они, с другой стороны, представляют жалкий продукт, сделанный из рабочего буржуазной культурой, всей совокупностью общественных и идеологических связей буржуазного общества. Но кроме этого типа подчинения составных частей рабочего класса буржуазии (на верхах), мы видим элементарнейшую „необученность“ широчайших масс пролетариата: техническую, образовательную, политическую и т. д.

Summa summarum, общий итог: в рамках капиталистического строя пролетариат создает гениальнейшие намеки грядущей культуры, замечательные возможности дальнейшего культурного развития человечества; но в этих рамках он, культурно-угнетенный класс, не может развить их настолько, чтобы подготовить себя к организации всего общества. Он успевает подготовить себя к „разрушению старого мира“. „Переделывает свою природу“ и вызревает он, как организатор общества, лишь в период своей диктатуры. Отсюда добавочные издержки пролетарской революции, издержки такого типа, какого, в общем, не знала буржуазная революция.

Но здесь невольно появляется вопрос: каким же образом, несмотря на свою неизбежную культурную отсталость, пролетариат создает более прогрессивные основы культуры, чем буржуазия? И каким образом он все же создает кадр своих политических идеологов и руководителей?

Здесь мы переходим к вопросу о классе, партиях и других организациях класса и о так называемых вождях. Этот вопрос нам необходимо рассмотреть, ставя его опять-таки сравнительно, т. е. беря отношения между этими величинами так, как они складывались у буржуазии, с одной стороны, и у пролетариата—с другой. Ибо, как мы увидим впоследствии, и здесь имеется громадная разница, разница, которая ставит перед пролетариатом проблемы, неизвестные буржуазным революциям, и подвергает пролетариат опасностям, каких не знала и не могла знать буржуазия.

Но предварительно нам нужно сделать несколько замечаний общего свойства.

Организация какого-либо класса возникает из потребностей усиления мощи данного класса; существо всякой организации состоит в том, что здесь получается сила, по своей величине большая, чем простая арифметическая сумма слагаемых. При этом классовые организации не охватывают всех членов класса, не совпадают с классом. Это происходит потому, что конкретно-рассматриваемый класс не представляет собой однородной по своему составу величины.

Он неоднороден по общественно-технической квалификации своих сочленов (квалифиц. и неквалифицированный рабочий, напр.), по их культурному уровню, по чистоте классового типа, по политической зрелости и т. д. Так как политическая борьба—в конечном счете борьба за власть—есть „высшая“, наиболее принципиальная форма борьбы, то совершенно естественно, что политическая партия данного класса или ее модификация (напр., якобинские клубы) является об‘единением наиболее зрелых элементов класса, через которые класс может наиболее правильно выражать свои интересы. Противопоставление партии классу нелепо поэтому в высочайшей степени.

Из неоднородности членов организаций (и партии в том числе) вытекает об‘ективная необходимость в группировках руководителей (вождей), через которых партия (или данная организация вообще) выражает свою волю. На этом мы пока кончим, возвратившись к очень сложным вопросам о вождях впоследствии, в другой связи.

Теперь еще одно предварительное замечание. Совершенно ясно, что организация, давая классу добавочную силу, создает для него добавочную возможность развития своей культуры и выделения своих руководителей. Рабочий же класс, несмотря на свою придавленность, другими сторонами своего бытия (централизация и концентрация на небольших пространствах, коллективный характер работы etc. при все же неизбежном росте своей интеллигентности) оказывался способным развить громадную энергию по сплочению своих рядов. Численный непрерывный рост и массовый характер

этого класса, с одной стороны, коллективный характер его труда, с другой, были двумя основными факторами, делавшими возможной *организацию*, что отчасти компенсировало угнетенность и придавленность.

Все же эта последняя нашла себе выражение, кроме того, о чем мы упоминали выше, в двух специфических явлениях.

Во-первых: *в то время как буржуазия не нуждалась в вождях из враждебного класса, пролетариат имеет своими вождями выходцев из буржуазной интеллигенции.*

Это вытекает с неизбежностью из всего предыдущего анализа. Буржуазия, которая культурно прекрасно могла развиваться в условиях феодализма, вырабатывала из своей собственной среды как кадры идеологов самого „высокого порядка“ (философы, ученые и т. д.), так и своих политических руководителей. Конечно, и тут были перебежчики, но относительно процент „своих“, „чистых“ был очень высок. Неизмеримо труднее приходилось и приходится пролетариату. Вот почему он имел своими высшими руководителями (вождями, идеологами) выходцев из других классов, в первую очередь из интеллигенции. Это есть совершенно неоспоримый исторический факт. Наиболее обобщающая и правильная пролетарская идеология (марксизм) была выработана Марксом, Энгельсом и их учениками.

До сих пор в области теории и высших идеологических звеньев мы видим интеллигенцию. Правда, с течением времени в больших массовых организациях рабочего класса вырабатывается впоследствии целый слой так называемой „рабочей бюрократии“, т. е. вождей-выходцев из рабочих. Но все же интеллигенция играет крупнейшую роль. Возьмем Англию и ее тред-юнионы. Над сложной системой „рабочего“ кадра стоит группа фабианцев, которые именно и являются поставщиками идей. Оппортунистический лидер трэд-юниона из администраторов отвечает на вопрос об основных проблемах политики или другой „высокой материи“: „Мы об этом не думаем; за нас думает Вебб или профессор имярек“. Германская социал-демократия и профсоюзы создали большой кадр выходцев из рабочего класса, своих профессиональных и партийных чиновников (Beamten). Но высшая инстанция — это ревизионистская клика, выросшая из редакции „Sozialistische Monatshefte“, насквозь интеллигентской.

Можно было бы умножить количество примеров. Мы приведем еще только один. Когда создавалась русская социал-демократия, то ее основным руководящим кадром были „профессиональные революционеры“, выходцы из интеллигенции. Можно считать установленным, что в особенности велик приток интеллигентов в ряды оппортунистических рабочих организаций. Но никоим образом нельзя отрицать

и руководящей роли интеллигентов, действительно ставших на точку зрения революционной классовой борьбы пролетариата. Это—первое.

Во-вторых: в то время, как культурная разница между буржуазным лидером и средним капиталистическим буржуа относительно не особенно велика, эта разница между лидерами пролетарской партии и средним рабочим гораздо больше.

Это вполне понятно.

Капиталистический буржуа при своем, если так можно выразиться, общественном производстве получает высшую или, минимум, среднюю школьную обработку. Его доход обеспечивает ему базу для „культурного существования". Его роль в производстве, обращении, идеологических отраслях труда дает ему надлежащую тренировку, навыки, знания, опыт, т. е. совершенствует его квалификацию. Уровень его жизни, быт, „духовная атмосфера", тип функций похожи и довольно близки к лидерским функциям. Не так обстоит дело у пролетариата. Его вожди, в особенности выходцы из интеллигенции („академики"), часто имеют очень большую умственную тренировку и высокий культурный уровень; между тем средний член класса отстоит крайне далеко от этого уровня. С другой стороны, выходец из интеллигенции и даже „рабочий бюрократ" не имеет часто тех инстинктивных и стихийных коллективистических нот, какие характерны для пролетариата, поскольку он находится „у станка". Психологическая разница здесь таким образом больше, чем в соответствующем случае у буржуазии.

Итак, мы установили, что еще до завоевания власти рабочим классом, до того, следовательно, как рабочий класс стал классом господствующим, он в значительной мере руководится кадром вождей-выходцев из другой среды.

Перейдем теперь к периоду, когда новый класс становится у власти, минуя этап ожесточенной открытой борьбы, т. е. перейдем к моменту, когда устанавливается некоторое социальное равновесие на новой основе.

На плечи класса, захватившего власть, ложатся громаднейшие задачи. Он становится классом-организатором общества, его руководителем на данной исторической основе. Расширяются области его борьбы, крайне обогащаются его функции. Приходится уже не только руководить классом, но и заниматься организационной „положительной работой" в ее общественном масштабе, с бесконечными ее подразделениями и специальностями Для этого требуется определенный кадр организаторов и конструкторов самого разнообразного вида.

И вот тут опять выступает громадная разница между становящейся у власти буржуазией и становящимся у власти

пролетариатом, разница, которая является продолжением и следствием явлений, разобранных выше: *буржуазия в общем и целом имеет свой кадр администраторов, управляющих государством или же лиц, почти подготовленных к этому по своей общей культурной тренировке; пролетариат же должен долго учиться на опыте; поэтому он вынужден в большой степени пользоваться силами, на определенной стадии развития ему враждебными.*

Культурных сил для государственного пролетарского аппарата во всем его об'еме требуется немало: вспомним, какую громадную организационную задачу ставит перед собой рабочая революция! Немудрено поэтому, что привлечение культурных сил „старой марки“ совершенно неизбежно и исторически необходимо. Совершенно смешным и поистине детским является представление, что можно обойтись без технической и иной интеллигенции. Это вредная утопия, которая является абсолютно нетерпимой в рядах пролетариата и его партии. Но, с другой стороны, нельзя отрицать, что такое положение вещей таит в себе крупнейшую опасность, неизбежную для пролетарской революции, выражаясь на философском языке, „имманентную“ пролетарской революции. *Мы говорим об опасности перерождения пролетарского государства и пролетарской партии.*

О перерождении буржуазного государства и буржуазной руководящей и ставшей у власти партии (или блока партий, или клубов и т. д.) не может быть речи по той простой причине, что буржуазия более культурна, чем помещики. Наоборот, опасность перерождения для пролетарского государства и партии рабочего класса имеется именно потому, что, несмотря на принципиально высшие *формы* своей культуры, рабочий класс все же гораздо ниже по своему культурному уровню, чем буржуазия.

Часто повторяется и всем известен исторический пример, вернее, исторические *примеры*, когда варварский народ-победитель, осевший на более высокие в культурном отношении племена, через некоторое время оказывался побежденным по существу: усваивал быт, обычаи, нравы, даже язык „побежденного“ народа. Более высокая культура, ловкость, навыки, техническое превосходство, тренировка, уменье ориентироваться и т. д. бесчисленными каналами, маленькими молекулярными движениями разлагали, перерождали, деформировали, переделывали бытовую ткань, общественную связь, привычную для народа-победителя, который в таком случае исторически капитулировал.

В *похожем* на этот варварский народ положении находится и пролетариат. Мало, что его культура „принци-

пиально“ выше! Здесь вопрос решается не этой принципиальной высотой, а количеством и качеством живых, действующих агентов, носителей той или другой культуры. Вот что важно. Вот что существенно во всяком историческом споре, в том числе и в великом споре между трудом и капиталом.

Явное превосходство культурных сил в начале пролетарского диктаторского периода не на стороне пролетариата и тем более не на стороне специфической пролетарской культуры. Не нужно забывать, что интеллигентские силы, вынужденные работать с пролетариатом, и даже те из них, которые добросовестно работают, принося необходимейшую пользу, все же представляют собой (подчеркиваем: на определенной фазе развития) опыт старой культуры. Что это значит? Это значит, что громадное их большинство в душе не верит в планомерное хозяйство, в общественную регулировку труда, в технико-экономическое преимущество социализма, в его экономическую рациональность. Все происходящее представляется таким элементам чем-то нездоровым, странным отклонением от нормы, что неизбежно должно быть изжито и будет изжито. У них нет социализма, как регулятивного принципа работы. Да и в опыте у них не могло быть ничего подобного. Всякую неизбежную уступку капитализму они приветствуют. Но они с такой радостью будут приветствовать каждый легкий шажок, совершенно лишний, но „здорово-капиталистический“. Схематически можно пояснить дело так. Предположим, что какую-нибудь техническую или экономическую задачу („задание“, как у нас любят теперь выражаться) можно решить старым методом и новым методом. Про новый ясно видно теоретически, что его решить можно. Но нет живого опыта, нет практиков, исполнителей, „рукастых“. А „рукастые“ привыкли решать не так, а по-своему. И вопрос решается по-старому, ибо иначе ничего не поделаешь. Конечно, иная порция старых методов невредна, и при отсутствии социалистических практиков обязательна, но „количество“ имеет, как известно, ехидное свойство переходить в „качество“. Так обстоит дело в области непосредственно производственной. Не иначе оно обстоит в области идеологической. Здесь разница культур, борьба „нового“ и „старого“ должна сказаться еще более резко; идеологии, как известно, вовсе не бессильное „ничто“; это весьма важные общественные силы, социальная квалификация которых небезразлична на всех идеологических ступеньках, вплоть до поэзии, вплоть до абстрактной философии. При недостатке своих кадров с выработавшимся и устойчивым коммунистическим, пролетарским мировоззрением и мироощущением (ибо и область чувства играет громадную общественную роль) здесь

даже помимо сознательного желания „не совсем нашего“ кадра специалистов может быть перетерта нужная новому обществу надстройка. Понятно, что речь идет здесь не о катастрофическом изменении, единократном перевороте и т. д., а о мельчайших, часто бесконечно малых движениях, которые при своем интегрировании дают весьма определенную линию развития, если и не назад в прямом смысле этого слова, то во всяком случае от социализма, к новой форме старого классового общества.

Здесь следует упомянуть еще об одном чрезвычайно важном обстоятельстве. Культурная отсталость самой рабочей массы, в особенности при общей нищете, когда, volens-nolens, администраторскому и руководящему кадру вообще приходится уделять гораздо большее количество средств потребления, чем обыкновенному среднему рабочему, возникает опасность очень значительного отрыва от масс даже той части кадрового состава, которая сама была выдвинута рабочей массой из своей собственной среды.

Апелляция к рабочему происхождению и пролетарской добродетели сама по себе не может служить аргументом против возможности такой опасности. Ибо мы должны знать и понимать, что в эпохи такой грандиозной социальной ломки, как наша эпоха, классы вообще до известной степени деформируются, и принципиально отнюдь не исключена возможность полной деформации некоторых частей старых классов и образования из них новых классов. В таком случае „оторвавшиеся“ от масс кадровые работники могут (но не обязательно должны, как мы увидим ниже) быть ассимилированы более культурными своими коллегами по командующим функциям и вместе с ними превратиться в зародыш нового господствующего класса. Само собой понятно, что шансы такого трагического исхода еще более увеличиваются, если, благодаря хозяйственной отсталости страны, неблагоприятной внешней среде, пролетарская власть делает большие уступки капитализму и не препятствует росту новых капиталистических общественно-производственных узлов и соответствующих им людских группировок (как это имеет место, напр., в России при системе совершенно неизбежной для нее „новой экономической политики“). При этом довольно безразлично практически, конституируется ли новый класс в своей девственной чистоте именно как основной класс общества, или он сам будет привеском „нэповской“ олигархии, новой буржуазии, которая вырастет, так сказать, сбоку. Различия эти будут касаться нашего потомства, коему мы, пока что, и предоставим решать соответствующие задачки. Наша же задача состоит в том, чтобы не допустить вообще такого „эволюционного“ возврата к эксплоататорским отношениям.

Нарисованная выше опасность есть опасность всякой пролетарской революции. Она реально обнаружилась в русской революции по той простой причине, что ни одна революция не заходила так далеко, как большевистская революция российского пролетариата. Этого было вполне и за глаза достаточно для того, чтобы прохвосты от социал-демократии, называются ли они Мартовыми, Каутскими, Леви или еще как-нибудь, писали книги, брошюры и статьи с доказательствами, что советская власть в России неизбежно превратится во власть буржуазную. Конечно, этим господам сейчас же приходят в голову всякие мысли во всех тех случаях, когда есть риск и борьба. Они пророчили полный крах, когда пролетариат только что брал власть. Они предрекали гибель большевикам в борьбе с Антантой и подло держали нос по ветру в случаях опасности. Они совсем похоронили диктатуру русского пролетариата, когда черные крылья голода распростерлись над страной. Так что же удивительного в том, что эти храбрецы пророчат гибель иного рода теперь, когда пролетариат подходит к новым, не „ударным“, в непосредственно боевом, военном смысле слова, но тем не менее крайне сложным и трудным задачам?

Эпоха перехода от капитализма к социализму : эпоха диктатуры пролетариата есть борьба. Но если до установления некоторого нового общественного равновесия это есть форма более или менее открытой борьбы, то в последующую фазу эта борьба между капитализмом и социализмом приобретает вид маленьких, но великих в своем целом, стычек на фронте культуры, технической ловкости и умелости, организационного опыта и навыков, идеологической борьбы во всех отраслях общественной надстройки. А так как все эти процессы затвердевают в определенной квалификации людях, от числа и качества которых зависит дальнейший ход развития, то эта культурная борьба есть, прежде и раньше всего, борьба за администраторский и идеологический классовый кадр. Тот класс имеет, выражаясь „высоким штилем“, историческое право господствовать в обществе и руководить им, который может выделить из себя достаточное количество администраторов, организаторов и идеологов, ведущих общество по определенному классовому пути. Таким образом на известной стадии революции борьба за кадр приобретает первостепенное значение не только с точки зрения строительства „вообще“, но и с точки зрения всех дальнейших социально-классовых перспектив.

„Под знаменем марксизма“
№ 7—8 за 1922 г.

* * *

БОРЬБА ЗА НОВЫХ ЛЮДЕЙ

РОЛЬ КАДРОВ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

Рабочий класс в недрах капиталистического общества вызревает как класс, который в состоянии расшибить машину буржуазного господства, экспроприировать капиталистов, подавить сопротивление внутреннего врага, т. е. остатков буржуазии. Но рабочий класс не может вызреть в рамках капиталистического общества как класс, который целиком подготовлен к тому, чтоб выполнять функции организации нового общества. И с этой точки зрения рассматривая ход пролетарской революции, мы можем сказать, что задача переходной эпохи заключается именно в том, чтобы рабочий класс дозрел до класса, который способен обществом управлять, и потом „на тормозах" растворился бы в коммунистическом обществе, когда пролетарская диктатура будет неизбежно отменена и когда исчезнут остатки старых классовых делений. Другими словами, нужно, чтобы был определенный кадр живых людей, в которых новые культурные принципы рабочего класса аккумулировались бы, накопились, вошли в кровь и плоть.

Ведь каждый человек представляет собой некоторую живую машину. Мы можем рассматривать буржуазного профессора, как живую машину, назначение которой состоит в том, чтобы во все стороны излучать энергию буржуазной культуры, передавая ее другим слоям, начиняя этими излучениями тех людей, которые должны быть обработаны с точки зрения буржуазии; или, экономически выражаясь, такой квалифицированный человек, как буржуазный профессор, есть не что иное, как средство производства для производства буржуазной идеологии.

Тот же самый вопрос неизбежно возникает и для нас. Перед нами проблема обработки людей, в значительной степени еще находящихся под влиянием враждебной нам идео-

логии, и превращения их в такие живые машины, которые бы во всех своих действиях—управляют ли они фабрикой, преподают ли в какой-нибудь школе, командуют ли армией, или еще в тысяче всевозможных случаев—руководствовались новыми принципами, новой пролетарской идеологией. Если у нас будет достаточное количество таких людей, будет одно решение вопроса; если будет недостаточное количество таких людей, будет другое решение вопроса. Это вполне ясно.

Эта проблема неразрешима в рамках и условиях капиталистического режима потому, что основой этого режима является, с одной стороны, монополия на средства производства; с другой стороны, монополия на оружие, концентрированное в руках господствующего класса; с третьей стороны, монополия образования. Если монополию образования рабочий класс не прошибет, то перед ним наглухо закрыты возможности того, чтобы он вызрел в класс, который господствует во всех отраслях.

Отсюда ясно, что нельзя мечтать о том, чтобы произвести квалифицированный культурный кадр, выходящий из самого рабочего класса и действующий во имя подлинных интересов этого класса, не разламывая и не круша буржуазной монополии высшей школы. А отсюда, в свою очередь, мы должны неизбежно заключить, что без пролетарской диктатуры это вызревание рабочего класса в такую культурную силу неосуществимо, потому что в рамках капиталистического общества рабочий класс не в состоянии разбить монополию образования.

Было бы поверхностным предполагать, что буржуазия держится на одном голом насилии или что она держится только на одной монополии средств производства. Буржуазная монополия на средства производства соответствует в капиталистическом обществе ее монопольному положению в высшей школе, в образовании; в ее руках находится могущественная машина культурно-идеологического воздействия. И само собой разумеется, что рабочий класс должен разметать эту монополию, а он не может ее разметать, не захватив в свои руки государственной машины и государственной власти. Вот в этом заключается, мне кажется, одна из самых важных черт всей эпохи переходного периода—в создании квалифицированных кадров, выходящих из самого трудящегося населения, в первую очередь выходящих из рабочего класса. Если эта задача не решается, можно зачеркнуть все остальное. Тогда рабочий класс не сможет решить ту историческую задачу, которую мы ему приписываем, тогда все оказывается одной нашей фантазией.

Таким образом являются совершенно бессмысленными и абсолютно контр-революционными те построения, которыми

пугает сейчас социал-демократия. В последней книжке главного теоретика германской социал-демократии Карла Каутского есть одно замечательное место. Он цинично отрекается от основного положения Маркса, которое гласит, что между периодом социализма и периодом капитализма лежит переходный период пролетарской диктатуры. Вместо этого Каутский высказывает такое положение, что между господством капитализма и между демократическим социализмом лежит неизбежно эпоха... коалиционного правительства. И вот это коалиционное правительство должно заменить пролетарскую диктатуру! Взгляните, пожалуйста, с точки зрения, которую я здесь защищаю, на это изменение положений Маркса Карлом Каутским...

Совершенно ясно, что даже если бы коалиционное правительство представляло собою некоторую переходную ступень (что вовсе не необходимо, как мы знаем), то этакий переходный период (каутскианский) вовсе не решал бы задачи по той простой причине, что вхождение двух-трех социал-демократических ослов в буржуазное правительство ни в коей мере не двигало бы вперед новый класс, не давало бы ему возможности „переделать свою собственную природу“, как говорил Маркс.

Маркс говорил, что для того, чтобы достигнуть окончательной победы, рабочий класс должен пережить эпоху гражданских войн в течение 15—20—50 лет для того, чтобы переделать свою собственную природу. Этот переходный период и есть период, когда рабочий класс разными путями переделывает свою собственную природу и в первую очередь переделывает ее таким образом, что из всего общего резервуара своих сил выделяет определенные когорты людей, проходящих через соответствующую культурную, идеологическую, техническую и всякую иную переработку.

Смысл переходного периода с этой точки зрения как-раз и заключается в том, чтобы рабочий класс, захватывая государственную власть, терпя нужду и лишения, в то же время выработал кадры, которые позволят ему управлять твердой рукой всей страной, ставя своих доверенных людей в качестве квалифицированной силы на разные посты. То, что он не может сделать внутри капиталистического строя, он может сделать в эпоху переходного периода. Поэтому, даже если бы были бесконечные затраты гражданской войны, если бы были великие хозяйственные неудачи на первых порах, даже если бы бесконечно велики были наши экономические издержки,— все эти пертурбации мы должны были бы проделать потому, что мы должны в конце концов заложить некоторый фундамент из новых людей, которые по новым рельсам

поведут развитие исторического процесса. Рабочая диктатура ломает буржуазную монополию образования и создает основной людской капитал для выработки нового общества.

ОПАСНОСТИ БУРЖУАЗНОГО ПЕРЕРОЖДЕНИЯ

Теперь перехожу к анализу вопроса об опасностях, которые неизбежно становятся перед каждой рабочей революцией. Из положения рабочего класса в недрах капиталистического общества неизбежно вытекает необходимость использовать в интересах рабочего класса социальный строй, ему враждебный, или попытаться нейтрализовать этот враждебный слой. Но это не есть еще решение задачи. Всякое использование элемента, социально враждебного или нейтрального, связано с опасностями.

Предположим, что у вас есть определенный слой старой буржуазной интеллигенции, который готов работать с властью рабочего класса и который приемлет его диктатуру и добросовестным образом стремится следовать влияниям руководящей рабочей партии. Здесь речь идет вовсе не о сознательном обмане или саботаже (это может быть сломлено), а речь идет о чем-то большем.

Вам надо решить какую-нибудь хозяйственную задачу. Ее можно решить разными путями. Линия (коммунистическая) совершенно ясна; принцип (организационно-технический) совершенно ясен; но нет достаточного количества рукастых людей, которые бы этот принцип могли проводить. Наоборот, есть достаточное количество людей, которые готовы на совесть сделать что угодно, но в глубине души не верят в будущее этого нового строя; людей, весь предыдущий опыт которых и технические навыки говорят за противоположное решение этих задач. Как будут действовать такие люди в подобных условиях? Они пойдут по линии наименьшего сопротивления („как-нибудь на первых порах обойдемся“), они будут решать, как им заблагорассудится. И решение получится несколько кривое—хотя бы на маленький миллиметр; но при достаточном накоплении таких неправильных малюсеньких решений вы получите при их сложении и обобщении отклонение довольно значительное.

Вот это и есть опасность внутреннего перерождения. Эта опасность неизбежно связана со всякой рабочей революцией.

Как с ней бороться?

Разберемся в том, что у нас может произойти. При определенных условиях часть вот этого нового слоя буржуазной интеллигенции, которую мы использовываем, побьет нас

своими культурными знаниями. Ленин в одной своей речи приводил исторический пример, который очень хорошо выясняет суть дела. Неоднократно бывало так, что какие-нибудь довольно „дикие", как принято выражаться в учебниках, племена наседали и завоевывали какой-нибудь сравнительно высоко стоящий в культурном отношении народ. Они механически его крушили, но через некоторое количество времени оказывалось, что эти победители, которые заняли высшие места, оказывались подточенными снизу. Проходили десятилетия, столетия, и оказывалось, что бывшие победители усваивали язык, нравы, обычаи, верования тех, кого они победили. Как это случалось? Это случалось каждый раз таким образом, что общественная необходимость требовала функционирования более квалифицированных культурных сил, чем могли дать завоеватели. И тогда, волей-неволей, в маленьких незаметных процессах, малюсенькими шажками, более культурный слой (побежденные) просачивался и захватывал себе все, что полагается, и в органическом процессе, без катастрофы, незаметно и медленно с'едал своего собственного победителя, став на его место и фактически подчинив его по всем направлениям своему влиянию.

То же может случиться и с рабочим классом. Рабочий класс может механически подавить противника, рабочий класс может вдребезги расшибить буржуазную клику, физически может захватить все в свои руки, но может быть с'еденным снизу более культурными силами своего противника; не в битвах, не в сражениях, не под Перекопом, а в процессе медленно и постепенно происходящей общественной эволюции. И вы теперь совершенно ясно видите, как это может произойти, почему это может произойти и почему эта опасность неизбежно стоит перед рабочим классом, захватившим в свои руки государственную власть. Если бы это произошло, то тогда бы техническая интеллигенция, часть новой буржуазии (конкретно говоря, подрядчиков, поставщиков, арендаторов и проч.), плюс некоторая часть даже нашей собственной партии образовали бы некоторый новый класс, и мы получили бы такое положение вещей, как в историческом примере Ленина.

Это есть, повторяю, самая крупная опасность для рабочей революции. Указание на эту опасность является в наших российских условиях совершенно необходимым. И когда Ленин выступал (помню, это было в прошлом году, если не ошибаюсь, на с'езде металлистов) и в своей замечательной речи говорил о „коммунистическом чванстве", многие из коммунистов всполошились, чуть ли не за оскорбление это приняли: как можно о членах партии выражаться таким образом,—о членах партии, которые „проливали кровь"! Здесь тов. Ленин бил в основную точку. Если мы, если

русский рабочий класс не осознает того, что мы—неучи по сравнению с буржуазией, он свое дело бескровно проиграет. Вот в чем суть.

Есть и второе разветвление этой опасности. Первое—это то, что из социальных слоев, нам враждебных или полувраждебных, может возникнуть новый класс, у которого рабочий класс превратится в класс эксплоатируемый, возникнет новая буржуазия из части нэпманов, из части интеллигенции, которую мы используем. И есть другое разветвление, о котором я считаю долгом точно так же сказать открыто, не замазывая никаким клейстером.

Даже пролетарское происхождение, даже самые что ни на есть „мозолистые руки" и прочие атрибуты пролетарского достоинства не есть гарантия против превращения в новый класс. Представим себе такое положение вещей, что происходит отрыв от рабочей массы определенной части выходцев рабочего класса, которая застывает на монопольном положении в качестве этих выходцев и превращается в своеобразную касту. Эта каста тоже может превратиться в новый класс!

После великой революции, когда старое рушится, старый класс распыляется, деформируется, из прежнего класса может выйти совершенно противоположный класс. В этом есть один из признаков революции, которая протягивает свои щупальцы до самых глубин человеческого общества.

Вот—опасности. Как против них бороться? После всех предыдущих положений это совершенно ясно. Вопрос решается *количественным перевесом культурных сил.*

Если мы, если русский рабочий класс выработает (а он это сделает, я ни на иоту в этом не сомневаюсь) достаточный кадр, который сможет с постепенностью все в большей степени заменять кадр старой интеллигенции и старого служилого сословия, то он первую опасность отшибет, т. е. у нас будет на этом самом поле всякой организационной, идейной, административной и пр. молекулярной борьбы количество культурных машин такое же или еще большее. Если эти машины будут и качественно не хуже старых, а количественно их будет больше, то нам обеспечена на этом шахматном поле борьбы полная победа. Это есть наша первая, самая элементарная задача, которую мы должны решить. И поэтому *высшая школа и решение культурной проблемы сейчас для нас являются одной из самых жгучих, самых злободневных задач*, на которые мы ни в коем случае не должны смотреть, как на добавочную игрушку или роскошь. Нет, от этого зависит исход революции.

Вторая опасность—более глубокая, более общего порядка. Что в конце концов здесь может явиться гарантией? Есть

единственное средство, которое при правильном проведении нашей политики и правильных принципах этой политики в конце концов гарантирует нам победу. Мы победим и здесь и отклоним эту более глубокую опасность, если обеспечим постоянный прилив в наши ряды свежих сил из самих рабочих масс, постоянный, в возрастающей степени идущий приток к нашей новой рабочей интеллигенции добавочных слоев из рабочего класса.

Могут быть два пути. Батальоны, которые рабочий класс бросил в высшую школу, замкнутся в себе: тогда получится замкнутая корпорация, хотя и вышедшая из недр рабочего класса, но господствующая в качестве монополистов образования. Она превратится в новый класс. Если же в возрастающем порядке будут все новые и новые элементы из рабочего класса подвергаться переработке через эту огромную школьную лабораторию и получать все бо̀льшую и бо̀льшую квалификацию, тогда и эту опасность мы расшибем.

Таким образом, если рассматривать широко план нашей работы, то первая задача—производство нового кадра, борьба за кадровый состав. Чей будет кадровый состав—наш или противника? Если в конце концов кадровый состав будет в подавляющем большинстве наш,—первая задача разрешена. И мы ее решаем в наших высших учебных заведениях.

Дальнейшая наша задача — не дать этому кадру замкнуться в качестве монопольной касты. Если и эту задачу мы разрешим, тогда, значит, мы пойдем верными шагами к коммунизму. Тогда самое противопоставление знающих и незнающих, людей умственного и людей физического труда, рабочего класса и интеллигенции будет совершенно другое и потеряет свой прежний смысл.

Тут надо подходить к делу необычайно осторожно. Например, недостаточно продумавший весь вопрос человек, когда он видит нэпмана, частенько говорит: „а не плохо ему еще раз вышибить зубы“. Мы 20 тысяч раз могли бы устроить это при желании,—это не требует труда. Но надо понять, что решение задачи и преодоление опасности, которая стоит перед нами, есть решение задачи не механическим путем (путем добавочного вышибания зубов), а путем обработки нашего человеческого материала в качестве нашего кадрового состава. Когда у нас был спор в партии, уже сейчас устаревший, относительно „рабочей оппозиции“ и т. д., тогда некоторые товарищи из „рабочей оппозиции“ шли по линии наименьшего сопротивления. Вместо этого нужно понять всю необходимость бешеной энергии в деле создания нужного нам кадра людей. Нужно понять, что здесь нужно не столько давление и принуждение, сколько внутренняя глубочайшая переработка. Если мы это поймем, тогда мы свою задачу безусловно решим.

Позвольте теперь сказать несколько слов относительно более конкретных вещей.

Какой психологический тип нам нужен сегодня? Сколько и каких людей с каким устройством головы нам нужно для того, чтобы одержать победу? Нам нужен кадровый состав. Какими чертами он должен отличаться?

Нам нужен сейчас такой психологический тип, который обладал бы хорошими свойствами старой русской интеллигенции *в смысле марксистской подготовки* и широты охвата, теоретического анализа событий, но *с американской практической хваткой*. Нам нужен новый психологический тип. Наши старые интеллигенты, даже выходцы из рабочих, отличались хорошими свойствами в смысле теоретического анализа, способности к обобщениям, но они были в подавляющем большинстве безрукие, неумелые, теряли штаны или подтяжки, не понимали ничего в практической жизни. Ко всем хорошим качествам, о которых я говорил, надо прибавить практическую хватку. *Нам нужен марксизм плюс американизм.*

Мы поневоле были в зародышевом состоянии, когда только что перешли к власти и стали управлять этой огромной машиной государства российского. Мы неизбежно должны были быть универсалистами, которые все решительно должны делать: „прикажут—акушером буду". Кое-как справлялись, ибо революционная школа дала бешеную энергию. Конечно, делали ошибки, но кое-как затыкали дыры и все-таки справлялись. Весь кадровый состав наш напоминал бродячее население удельно-вечевого времени в древней России.

Нам нужно перейти сейчас на оседлый образ жизни. С разговорами о том, что всякий все может, нужно покончить раз и навсегда. Нам нужен *наш собственный специалист*, который, может быть, других отраслей не знает, но то дело, которому учится, знает, и знает совершенно добросовестно, как знали старые буржуазные спецы, которые работали в этой области, или знает еще лучше их. Вот что нужно до-зарезу. Нужно, чтобы каждый наш специалист был в то же время коммунистом или сочувствующим коммунизму, понимал и слышал в воздухе трепетание крыльев революционного гения, мог бы ориентироваться по тем рельсам, по которым наша партия ведет страну, но в то же время, чтобы он был ответственным и знал свое собственное дело. Поэтому сейчас необходима специализация и прекращение всякой болтовни относительно всеобщего универсализма, начиная от женских болезней и кончая философией марксизма. Такой тип нам не нужен; это—вредный тип, против которого нужно бороться.

С другой стороны, совершенно ясно, что в том культурно-хозяйственном плане, который стоит перед нашими глазами, некоторые звенья приобретают бо́льшую значимость, другие—меньшую. Наибольшую значимость имеет **высшая техническая школа**. Я, впрочем, не хочу, чтобы вышла такая вещь, какая получилась после моего доклада в Москве, когда часть свердловцев решила поступить в техническое училище и выйти из Коммунистического университета. Это—перебарщивание. Но в общем и целом нужно понять, что теперь для нас инженеры и техники важнее всего. Здесь мы должны занять командную высоту. И поэтому самым симпатичным типом является тип, который в полном сознании всех марксистских добродетелей и их необходимости поступает в высшее техническое учебное заведение, зная, что именно на этом фронте в первую очередь будут происходить те битвы, о которых я докладывал.

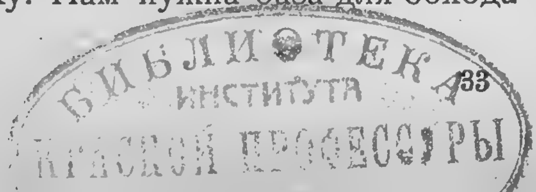
РАЗВЕРНУТЫМ ФРОНТОМ!

Наконец я остановлюсь еще на одном вопросе, более второстепенном, где я излагаю свою точку зрения, которая не разделяется большинством руководящих партийных товарищей. Это знаменитый спор по вопросу о пролетарской культуре.

Борются как-будто две точки зрения. Одна утверждает, что сейчас необходимо в наших российских условиях научить читать, научить грамоте—это основное. Мой руки после обеда, обучай грамоте—вот то, что решает бой; а все остальное—пустяки и разговоры. Вторая точка зрения, которая идет из Пролеткульта, главное внимание сосредоточила на том, чтобы вырабатывать и осуществлять принципы новой пролетарской культуры.

Мне представляется решение этого вопроса таким образом. Если мы орудуем на всю массу трудящегося населения нашей страны, если мы спросим по отношению ко всей этой массе, которая равняется рабочему классу плюс миллионы крестьянства, какова наша дальнейшая задача, то ясно и отчетливо встанет необходимость научить читать, писать и т. д. Если мы спросим себя относительно нашего бюджета, сколько мы можем дать на одно, другое, третье, то совершенно естественно, что на дело обучения элементарной грамотности мы должны отдать колоссальный процент всего того, что мы отдаем вообще в так называемый культурный фонд. Эта постановка вопроса не может вызвать никакого возражения. Если у нас есть товарищи, которые этому вопросу не уделяют достаточно времени, то они делают большую политическую ошибку. Нам нужна база для обхода

опасности, о которой я говорил, нам необходимо поднять огромный слой рабочих и крестьян на новый культурный уровень и сделать смычку между ними и новым кадром— потому что сразу всех нельзя перевести в царство небесное. Если у нас одни будут болтаться в воздухе, не умея ни читать, ни писать, а другие будут иметь солидную подготовку, перерождение неизбежно. Да и технико-экономические задачи починки нашего хозяйства мы не будем в состоянии решить в обовшивевшем и безграмотном состоянии. Со всех точек зрения это—основная политическая задача, поскольку мы ставим вопрос о нашей культурной политике по отношению к миллионам трудящихся.

Но этим вопрос не исчерпывается. Одно дело, если я говорю на огромном митинге крестьян, но другое дело, если я прихожу в Институт Красной Профессуры; я там не могу в течение четырех часов говорить о том, что нужно мыть руки перед обедом; я не могу просто потом надеть шапку и уйти; я должен отвечать по существу: как разрешать тот ряд вопросов, с которыми им приходится сталкиваться, как намечаются перспективы классовой науки и т. д. Тут нельзя увильнуть. Поэтому я скажу, что на эти вопросы мы должны тоже известную толику тратить. Какую в общем бюджете наших сил и средств? Тут я позволю себе провести некоторую параллель.

Вы знаете, что когда мы начали управление нашими хозяйственными делами, у нас наша политика развивалась толчками: то мы напирали на одно, то на другое. Возьмем наш хозяйственный план. В нем есть некоторая цепочка с разными звеньями. Если мы решительно все силы направим на одно звено, лопается другое. Следовательно, мудрое хозяйствование (до чего мы дошли уже теперь) заключается в том, чтобы при распределении наших сил и средств, напирая на какой-нибудь один фронт, одно звено, желая сюда бросить больше, чем на другое, мы не забывали и маленьких звеньев, ибо от таких маленьких часто зависит многое большое. Без гайки можно испортить всю машину, хотя гайка—пустяковая часть всего механизма.

Мы должны производить сейчас новых людей. К сожалению, все человеческое общество устроено так, что нельзя всех сразу превратить в профессоров и инженеров. Приходится итти таким путем: сперва вырабатывать кадр, к нему подтягивать остальных и т. д. Нужно создать под генералами марксистской идеологии и коммунистической практики офицерский состав, затем унтер-офицерский, промежуточный и т. д., пока вся масса не будет переработана. Если мы сейчас всех обучим грамоте, а не подготовим профессоров в области общественных наук, не говоря об естественных,—

вместо нас будут преподавать другие, чуждые нам. И будут преподавать кому? Промежуточным звеньям, этой самой сырой массе. Мы напортим здесь, мы долпнем с другого конца.

Нужно начать культурную работу развернутым фронтом. Главное внимание должно быть обращено на ликвидацию безграмотности, но нельзя забывать квалифицированные кадры, нужно обратить внимание на их подготовку, сделать их более квалифицированными для того, чтобы они свои знания передавали следующим слоям, чтобы вся машина работала.

Мы начали нашу революцию, многого не зная. Мы начали нашу революцию, не представляя себе тех колоссальных трудностей, которые за собой революция повлечет. Но когда теперь целый сонм наших противников говорит: „вы ошиблись, вышло не так, как вы предполагали, слишком много издержек, много крови и неудач, вы—банкроты",—мы скажем: „чья бы корова мычала, а твоя помолчала бы. У нас есть перспектива, у нас виден выход, есть воля, желание, мы видим перед собою путь, а у вас ничегошеньки, а вы плачете, хнычете, колупаетесь в собственном пупке, обращаетесь к боженьке, вы сделались стариками, никуда негодными, жалкими, дряхлыми, сопливыми". Мы должны сказать: „вот мы промучились, мы видим, как трудно все это делается, мы лучше вашего видим, какие опасности стоят на нашем пути. А все-таки, чорт возьми, старых богов расколотили, дверь знания открыли, новых людей делаем, и не так, как раньше делали, а по другому делаем". Этого не нужно забывать.

Нам говорят, что русская революция ничего не принесла, что у нас большая нищета. Мы знаем, что мы еще сейчас не поднялись достаточно высоко, но мы знаем, что мы наш русский народ, эту широкозадую бабу, которая раньше дальше своей околицы ничего не знала, так перетряхнули, так переделали, что она теперь знает не только, что такое Роза Люксембург, она знает то, чего не знает ни один французский мещанин.

Возьмите русское крестьянство, которое дальше своего двора ничего не знало: оно мерекает теперь не только о своем дворе, о своей деревне и даже не только о Москве, но и о Лондоне и о Париже. Возьмите занятие Рурского бассейна: мы за это время в Исполкоме Коминтерна получили из деревень массу писем, которые указывают, что публика реагирует на события, которые происходят чорт знает где. Это значит, что переделка в головах произошла коллосальная, которую недооценить может только абсолютный простофиля, идейный сопляк. Мы знаем отлично, что сейчас как-никак мы вырабатываем кое-какие кадришки,

которые, быть может, делают ошибки, но все же продвигаются вперед.

Вот недавно немецкий посланник был на с'езде советов в Москве. Он говорит: „Да, там публика почище, чем в наших рейхсратах". И мы сами видим на тех же с'ездах, как у нас вырастает новый кадр рабочих, который подходит к вопросам очень глубоко. Есть целый ряд товарищей, которые в области, которую я больше всего знаю, в теоретической экономии, мне накладывают,—а вышли они из рабочих. Тот же рост происходит повсюду, во всех сферах теории и практики.

Мы видим, как наша масса уже теперь, несмотря на нищету, идет вперед, всем интересуется, начинает учиться, получив от государственной власти возможность доступа в высшую школу. Если этот кадр будет понимать свою ответственность,—а я надеюсь, что он будет понимать,—мы скажем: „С этой новой молодежью, которая выходит из революции, которая идет на смену старому, мы победим, мы преодолеем все препятствия и всем хныкалам тогда заявим: „Какие вы были жалкие людишки, когда вы надоедали, когда вы нам мешали работать. А мы взяли в свои руки знамя и довели до конца наше дело".

Из доклада в Ленинграде
5 февраля 1923 г.

* * *

ШКОЛА—ПОСТАВЩИК ОБУЧЕННОГО ТРУДА

Мы знаем, как цеплялись господствующие классы за монополию знаний. В старину жрецы, которые были монополистами знания, запирали вход в „храмы науки“ и пускали туда только небольшое число избранных, при чем самое знание окутывалось покрывалом божественной и страшной тайны, доступной лишь немногим мудрецам и праведникам. Как ценится эта монополия господствующими классами, видно, например, из такого рассуждения известного немецкого идеалистического философа Ф. Паульсена: „Для того, кто в силу социальных отношений прикреплен к профессии и жизненному положению физического работника, не было бы никакой выгоды, если бы он получил образование ученого: это образование не только не облегчило, а, наоборот, затруднило бы ему жизнь“ [1].

Таким образом почтенный философ-идеалист рассматривает человека уже в утробе матери привязанным к каторжной капиталистической тачке и лишает его образования задолго до того, как он вступил в жизнь.

Монопольный характер образования был главной причиной, почему российская интеллигенция стала на дыбы при революции пролетариата. Наоборот, одним из главных завоеваний пролетарской революции было уничтожение этой монополии.

...Что такое школа вообще, т. е. и высшая, и средняя, и низшая? Это—такая отрасль совокупного общественного труда, где „обучают“, т. е. дают рабочей силе определен-

---

[1] Friedrich Paulsen. „Das moderne Bildungwesen in Kultur der Gegenwart“. B.I.S. 75. (Кстати. Это огромное издание „Современной Культуры“, в котором принимал участие цвет немецкой профессуры, было посвящено... Вильгельму II).

ную квалификацию, специальную „обученность“, из простой рабочей силы делают особую рабочую силу. У нас на простонародном языке говорят: учиться „на доктора“, „на адвоката“, „на офицера“, „на инженера“, „на техника“ и т. д. Но то же самое происходит по всему фронту обучения, т. е. того специального процесса, где людям придаются особые свойства, делающие их годными для выполнения особых, более или менее специальных трудовых функций; в этом отношении нет разницы между профессиональной школой, из которой выходят слесаря, и духовной академией, откуда выпускаются „ученые батюшки“, или царскими кадетскими корпусами, откуда выходили рубаки-офицеры. Отсюда следует, что строение школы, распадение ее на различные виды (торговая школа, ремесленная школа, кадетский корпус, высшее техническое училище, университет и т. д.) выражают собою потребность данного общества в различных видах обученного материального и умственного труда.

Вот несколько примеров, поясняющих эту мысль.

В средние века, например, школа была вся под знаком попов. Феодальное общество не могло жить без страшного развития религии. Вот почему „монастырские, соборные школы, преобладающее число университетов, жизнь в бурсах и преподавание на факультетах искусств,—все это носило монашескую, монастырскую окраску, все это было придумано и устроено в церковно-теологическом духе“ [1].

„Кроме немногочисленных специальных медицинских и юридических школ, большинство университетов, как и низшие школы, служили главным образом для подготовки клириков“ (т. е. духовенства. Н. Б.) На ряду с этим существовала школа для подготовки вояк-рыцарей. У этих „образование“ состояло в выработке уже не поповской „рабочей силы“, а рубацко-рыцарской. Мальчиков обучали главным образом семи „благочестиям“ (probitates). „Впрочем, к семи рыцарским благочестиям причисляли, кроме шести физических искусств (equitare, natare, sagittare, cestibus certare, aucupari, scacis ludere—верховая езда, плаванье, стрельба из лука, фехтование, охота, игра в шашки), также и искусство (versificare), сочинение стихов и музыку (Singen u. Sagen)“. Совершенно ясно, что и здесь вырабатывался другой нужный для феодального общества тип людей.

Но вот растут город, торговая буржуазия и т. д. Что же происходит? На это дает ответ (и притом очень хороший

---

[1] Проф. Т. Циглер.—Руководство по истории педагогики. Книгоизд. „Сотрудник“. Петроград-Киев, стр. 39.

ответ) тот же проф. Циглер: „Однако,—пишет он (стр. 4),—новые потребности в учебном деле возникли в другой области. Купцы и ремесленники (наш курсив. Н. Б.), жившие в цветущих городах, нуждались в более практическом образовании, чем то, которое получали ученые и рыцари. Городские общины стали сами устраивать школы, где городские жители получали надлежащее необходимое образование" (Циглер. 1. с., стр. 40 и след.)

С развитием промышленного капитализма и с ростом спроса на квалифицированного рабочего даже в области материального труда появляется так называемая профессиональная школа: „Чтобы поддержать национальную промышленность, правительство и частные лица стали устраивать промышленные и ремесленные школы, имевшие цель дать ученикам то профессиональное образование, которое раньше они получали в мастерской ремесленника"[1].

„А потом эта школа опять изменяется в связи с ростом крупной промышленности и с ростом требований на „мастеров, надсмотрщиков, помощников инженеров и пр." (там же, 96). На ряду с этим колоссальный рост средних и высших специальных учебных заведений, где естественные науки и математика играют громадную роль, высшие коммерческие институты, сельско-хозяйственные академии и т. д.

С откровенной наглостью вскрывает смысл капиталистического образования вышеупомянутый немецкий философ-идеалист Ф. Паульсен. Эти места в его работе настолько поучительны и дают такую яркую картину, что мы приводим их целиком (откровенность Паульсена об'ясняется тем, что все это он пишет в таком „толстом" томе, которые не попадают к рабочим, пишет, следовательно, только для капиталистических бандитов и поэтому выбалтывает правду):

> „Действительное состояние образования в основном повсюду и везде определяется формой общества и его расчленением... В состоянии дела общественного образования отражается... состояние общества, которое его вызвало. Общество всюду имеет двойное расчленение: расчленение по формам общественного труда и по отношениям владения (вернее, собственности. Н. Б.) Первое расчленение есть разделение по профессиям; из различия владения возникает деление на общественные классы. Оба деления имеют влияние на постановку образования... Формами общественного труда и профессионального положения (beruflicher Lebensstellung)

---

[1] Н. Крупская.—Народное образование и демократия. Изд. 3-е. Госуд. Изд. 1921 г., стр. 94).

определяются в общем виды предметов преподавания; классовым положением или состоянием семейного имущества (den Besitzstand der Familien) в значительной степени определяется степень доступа молодежи к различным школьным курсам... Общество нуждается и обладает двигательными распорядительскими и духовно творческими и руководящими функциями и органами. Первую группу обнимают все те, чей труд требует главным образом физической силы и ловкости; сюда нужно сопричислить промышленных рабочих и ремесленников всякого рода, сельско-хозяйственных рабочих и мелких крестьян, наконец тех, кто в торговле и транспорте занят в качестве последних исполнительных органов. Вторая группа охватывает тех, чья профессиональная работа состоит в руководстве общественным трудовым процессом и в инструктировании и руководстве работниками физического труда; сюда подходят фабриканты и техники, руководители крупных сельско-хозяйственных предприятий, купцы и банкиры, высшие служащие в торговле и транспорте, точно так же низшие чиновники государства и муниципалитетов. Наконец третья группа охватывает профессии, которые обычно называют „учеными" профессиями, функционирование которых требует самостоятельного изучения и развития научного познания; сюда принадлежат исследователи и изобретатели, затем люди, занимающие более высокие посты на гражданской и военной службе, в церкви и школе, далее врачи, техники на руководящих постах и др". (Paulsen. „Kultur der Gegenwart". S. 64—65).

Этим трем группам соответствует деление и школы. На этом рассказе Паульсена прекрасно видна механика школы: здесь, с одной стороны, вырабатывается в нужных количествах нужное число рабочих сил для всякого материального и духовного труда; во-вторых, высшие идеологические функции всегда закрепляются за определенными классами, чем и держится монополия образования, а вместе с нею и капиталистический строй. Паульсен только напрасно помещает слишком высоко себя и своих коллег над фабрикантами и банкирами, сапоги которых ученое сословие лижет и по нужде и без нужды.

Школа таким образом, во-первых, раскрывает нам практический смысл, практический корень всех идеологий. Если какой-либо математик будет возмущаться тем, что, по нашему мнению, его „чистая наука" имеет совсем, совсем земной смысл, его нужно спросить: а для чего обучают этой математике купеческих сынков в торговых школах, будущих

землемеров—в агрономических учебных заведениях, будущих техников—в технических и т. д.? А когда он укажет, что это делают лишь мелкие сошки в науке, мы его спросим: а почему „чистые математики“, которые действительно в практике не смыслят и могут надеть брюки на голову, почему они читают лекции людям, которые учатся „на инженера“ или „на землемера“? А когда он отступит еще на одну позицию и скажет, что есть такие ученые, которые никого не просвещают и никаких лекций не читают, мы опять пристанем: да, но не пишет ли такой человек книжек, и, не правда ли, что эти книжки читают, скажем, профессора, которые преподают будущим инженерам, а эти последние при помощи своих знаний производят расчеты и выкладки при постройке мостов или паровых котлов, или электрических станций и т. д.?

Во-вторых, школа раскрывает нам сравнительную потребность данного общества в различных видах обученного труда, вплоть до самого „наивысшего“.

По существу дела все науки связаны таким образом друг с другом такой же трудовой связью, как и различные отрасли материального труда. Точно так же с ними связаны и другие отрасли идеологического труда. Материальный же труд является их постоянной и всеобщей основой.

Из книги „Исторический материализм“.

* * *

„КУХАРКИНЫ ДЕТИ“ И КУЛЬТУРА

(Ответ проф. Павлову)

В своей брошюре [1] я говорил о том, что рабочий класс не только спасет мир, не только построит фундамент новых хозяйственных отношений, но создаст и новые формы культурной работы, осуществит, претворит в жизнь новые культурные принципы. Речь шла о понимании связи любой научной дисциплины и любой идеологической отрасли с жизнью, с одной стороны, о преодолении анархии культурно-интеллектуального производства — с другой.

Профессор Павлов заявляет, что эта проблема его „очень занимает“. Проф. Павлов делает мне честь, признавая, что у меня здесь есть „много здравых вещей“. Особенно нравится профессору Павлову положение, что рабочий класс — „неуч по сравнению с буржуазией“. Приведя эти слова, проф. Павлов сейчас же открывает пальбу и заявляет, что он снова в тупике.

> „Вот его (т. е. Бухарина. Н. Б.) слова. А рядом с этим мне совершенно непонятное: этот рабочий класс, который совершенно ничего не знает, каким-то образом навалит на свои плечи уничтожение анархии культурно-индивидуального производства. Но это—безвыходное противоречие. Эту анархию можно устранить только тому, кто что-нибудь понимает в этой работе, а если человек ничего не знает, то как он будет эту анархию устранять? Я опять в тупике, я опять ничего не понимаю“.

[1] Н. Бухарин.—„Пролетарская революция и культура“. Отрывок из этой брошюры помещен выше под заголовком „Борьба за новых людей“.

Последнее положение, к сожалению, совершенно верно, соответствует действительности и — позвольте ответить комплиментом на комплимент—является, как признание, вполне „здравой вещью". Постараемся об'яснить и преодолеть эту не вполне выгодную для проф. Павлова действительность.

Популярно об'яснить значит прежде всего об'яснять примерами. Так вот мы и начнем с примеров.

Знал ли рабочий класс дело управления государством? Не знал. „Кухаркиных детей" держали подальше даже от школы.

Был рабочий класс неучем по сравнению с буржуазией? Был. „Навалил" ли он на свои плечи управление государством? „Навалил". Все это признает и сам проф. Павлов.

Позвольте. А где же ваше „безвыходное противоречие"? Как же случилось этакое чудо, что неучи расколотили противника и крепко, точно молодые дубы, стоят на завоеванной земле? Разгадка простая, проф. Павлов: не знали—узнали; не учились—обучились и научились; не умели, а потом сумели. Только и всего. Вот некоторые очень почтенные и уважаемые буржуазные умы утверждают даже, что у нас самое умное правительство (см., напр., рассуждения по этому поводу графа Keyserling'a.

Но оставим этот вопрос в стороне. Все же никто не станет оспаривать, что один факт нашей победы и нашего укрепления кое-что говорит и о руководстве нашего класса, не так ли?

Другой пример. Знал ли рабочий класс, как строить армию? Не знал. Офицерский корпус вербовался не из рабочих, как это и Павлову известно („тогдашние" газеты он ведь читал), а главным образом из благородного дворянского сословия. Генералов из рабочих тоже как-будто было маловато, не так ли? Что касается неучей-революционеров, то им не приходилось командовать армиями. А вот, поди ж ты, „навалил" на себя рабочий класс этакую обузу? „Навалил". И представьте себе: армию построил, ею командовал, победоносно вел ее в бой, получил признание от противника, полное, безоговорочное (рекомендуем проф. Павлову прочитать отзывы белых генералов о Красной армии — чтение весьма поучительное). Опять-таки, что за чудо? Ведь это „безвыходное противоречие"? Конечно, противоречие, только с точки зрения заскорузлой, статической, чисто формальной, с позволения сказать, логики, которая, выражаясь гегельянски, не знает категории „становления". А загадка опять просто решается: научились, проф. Павлов, и так научились, что к новым условиям войны оказались более приспособленными, чем Колчаки, Врангели, Юденичи и прочие неучи, которые, можно сказать, „собаку с'ели" на военном деле.

Третий пример. Управлял ли рабочий класс промышленными и торговыми единицами, банками, кооперативами и т. д.?

Нет. Был неучем. Много глупостей делал, когда за это дело взялся. А теперь уже подучился, стал на ноги. Продолжает учиться, но уже уверенно стоит на совершенно новой для него почве.

А теперь спросим себя: во всех этих областях внес рабочий класс что-либо свое, новое? Ясно, что внес: Красная армия — далеко не то, что белая; советская система совсем не похожа на так называемое парламентское государство; наше хозяйство весьма далеко от частного хозяйства буржуазии. И т. д., и т. п.

Теперь интересно узнать, почему же культура снабжена таким „табу“, что здесь „неучи“ ничего не смогут сделать, ничему не смогут научиться? Где попытка (хотя бы попытка) доказать это? Увы, ни тени доказательства нет, если не считать за доказательство сердитые фразы и сердитые слова.

Сердится проф. Павлов ужасно свирепо.

> „Люди вообразили, — пишет он про нас, — что они, несмотря на заявление о своем невежестве, могут переделать все образование нынешнее“.

Страсти-мордасти! Вот ужас-то, в самом деле! И переделаем-таки, как нам нужно, обязательно переделаем. Так же переделаем, как переделали самих себя, как переделали армию, как переделываем хозяйство, как переделали „российскую“ „Федорушку-Варварушку“ в активную, волевую, быстро растущую, жадную до жизни народную массу, которая только теперь завоевала себе возможность настоящего развития.

По существу: возражает ли проф. Павлов против того, что я называл в своем докладе принципами пролетарской культуры? Нет, не возражает. Признал ли он сам необходимость увязки между различными идеологическими областями („уничтожение анархии интеллектуального производства“) и отчетливого сознания практической ценности научных конструкций и т. д.?

Как-будто признал. Может ли буржуазия решить эти задачи? По-нашему, не может. Если бы нужны были здесь доказательства, мы могли бы привести их немало. Современная буржуазная наука, начиная от самой абстрактной и кончая самой „практической“, в роде техники, тщетно бьется в поисках синтезов и не находит таковых. То же и в области искусства. Со всех сторон жалобы, со всех сторон разговоры и причитания о кризисе „духовной культуры“, о „тупике“ и проч. Разве это случайно? Выдающийся германский социолог Георг Зиммель пишет в одной из своих последних работ об общем духовном кризисе, который,

по Зиммелю, есть результат столкновения между „жизнью“ и существующими формами жизни. Переводя эту философскую абстракцию на язык конкретного, получаем: буржуазный строй с его производственной анархией и дробностью, которая еще более усилилась процессом распада его форм, не может уже решать синтетические задачи. Вот почему его культура идет книзу. Вот почему рост культуры должен иметь своей исторической предпосылкой господство рабочего класса.

Но проф. Павлову некогда заниматься такими высокими материями. Он берет исходной точкой для своей атаки нашу практику, обращаясь к нам—в нашем вольном переводе—примерно так: „Хорошо поешь, где-то сядешь?“ И оказывается, что „садимся“-то мы очень плохо, хотя и хорошо, быть может, „поем“.

> „Сейчас на что-нибудь даются огромные деньги, напр., на Японию, в расчете на мировую революцию, а рядом с этим наша академическая лаборатория получает три рубля золотом в месяц... Надо разумно давать, понимать для того, чтобы делать, значение биологии, значение другого вопроса и т. д. Этого ничего нет“.

И далее еще более сердито:

> „И что же, если эту самую науку будут третировать люди, которые сами признают, что они ничего в этой науке не знают, что из этого выйдет? Разве это не чрезвычайная опасность для науки?“

Тут нужно об‘ясниться начистоту.

Прежде всего, откуда проф. Павлов узнал об „огромных деньгах“ на „Японию“? Газет ведь он не читает. Что же, „знакомый рассказал?“ Достойны ли такие приемы ученого об‘ективиста? Хорошо ли это?

Далее. Мы действительно оказывали неоднократно помощь трудящимся разных стран. А они нам не оказывали такой помощи? Они нам не помогали бороться с интервенцией и блокадой? Не собирали крох во время ужасного голодного года? Не помогли, не заставили ряд государств признать нас, как великую державу? Нельзя же так близоруко подходить к вопросу. Нельзя не видеть больших вопросов, которые иногда решают все.

Проф. Павлов, как и многие, впрочем, профессора, не видят этой большой, исторически необходимой стратегии рабочего класса: это не их забота.

Когда идет борьба, то приходится часто жертвовать всем для целей этой непосредственной борьбы, хотя экономически это нерационально с точки зрения дня. Но если положительный исход борьбы есть необходимая предпосылка для всего остального, то выбора нет: надо жертвовать всем.

С точки зрения статистической и с точки зрения рассуждений „вообще" бессмысленно, что мы на оборону тратили больше, чем на просвещение. Но это не бессмысленно с точки зрения всего нашего дела, которое опрокидывает старый statu quo; это не бессмысленно с точки зрения истории. Для того, чтобы это понять, нужно иметь горизонты побольше, чем горизонты „квартиры и лаборатории", нужно выйти за пределы узкой специальности, нужно не замыкаться в четырех стенах, нужно постараться понять события в их взаимной обусловленности, в их движении и в их—как это ни трудно—всемирном масштабе...

Само собой разумеется, что все сказанное не есть оправдание частных ошибок, излишнего „битья посуды", конкретных и общих случаев неумелости и неопытности. Это есть „издержки обучения", очень тяжелые, но временные. Не они решают дело. Проф. Павлов ведет атаку против всей системы и против руководства коммунистов, которые „ничего не знают в этой науке".

Что касается наших руководящих кругов, то—смеем уверить профессора Павлова — они в биологии и физиологии понимают много больше, чем профессор Павлов в области общественных наук, и проф. Павлов совершенно напрасно выступает со столь категорическими утверждениями. Но что весь наш класс еще мало культурен, это мы признаем. Тем не менее и по отношению ко всему нашему классу нельзя выдвигать обвинения, будто он „третирует" науку. Для этого нужно было бы лишь почитать некоторые документы, в роде нашей партийной программы, ряда постановлений профсоюзов, органов советской власти, разных конференций и совещаний рабочих и проч. Мы совершили и совершаем много ошибок, но линия нашей политики совершенно правильна. Никакой опасности для науки нет, есть лишь опасность для тех якобы ученых предрассудков, которые поворачивают „людей ума и знания" против „материальной массы".

Вот для этих вещей существует громадная опасность, и будет в высшей степени хорошо, если эта опасность для них превратится в их гибель.

А потом невредно проверять свои положения фактами, в этом мы совершенно согласны с профессором Павловым. Притом не отдельными фактами, выдранными из общего контекста, а итогами, по всем правилам „закона больших чисел". Что же, может профессор Павлов утверждать,

что культурная и научная кривая у нас за два последних года пошла вниз? Стоит только посмотреть цифры издающихся книг, журналов, специальных публикаций и т. д., чтобы увидеть, как быстро мы *растем*.

Разве можно это отрицать? Где же опасность? Не есть ли это доказательство того, что и здесь мы *уже кое-чему научились*, что и здесь мы *уже выходим* из того „*безвыходного* противоречия“, которым так пугал себя и нас профессор Павлов? А ведь он прямо заявлял, что наша политика „*ведет к уничтожению русской культуры*“,—ни больше, ни меньше. Профессор Павлов думает, что коммунисты действуют исключительно по принципу: „Раззудись, плечо, размахнись, рука“. Не пора ли хоть теперь бросить это, мягко выражаясь, „неверное“ представление?

Профессора Павлова в высшей степени удручает факт классового приема в высшие учебные заведения. „Уровень образования чрезвычайно понизится, благодаря... непоследовательности в приобретении знаний“. С другой стороны, „масса людей подготовленных... отстраняются от школы, им ставятся всякие затруднения“.

Если оставить в стороне всякие „эксцессы“ и обсуждать основы нашей политики (классовый прием и т. д.), то нельзя *вырывать* эту проблему из всего контекста наших задач. Как развитие производительных сил нашей страны, так и развитие в ней интеллектуальной культуры, теоретически говоря, возможно в *двух* формах: буржуазной и пролетарской. *Если бы* рост кадрового состава (управляющего, администрирующего, идейно „командующего“ и т. д.) наворачивался по линии *анти*-пролетарской (что далеко не всегда предполагает *сознательно* анти-пролетарскую идеологию), то мы неизбежно сползли бы на „сменовеховских тормозах к „идеальной“ цели либеральной буржуазии: „здоровому“ капитализму в экономике, так называемому „правовому государству“— в области политической надстройки. Но ведь у нас есть совершенно достаточные основания для того, чтобы *бороться* с этими тенденциями *вырождения*. Само собой разумеется, что без ответа на этот *кардинальный* вопрос (социализм или капитализм) немыслимо понять и вопросы производного характера. Нет роста производительных сил „вообще“, а есть рост производительных сил в совершенно определенных формах, в совершенно конкретной исторической скорлупе. То же и с интеллектуальной культурой. Мы уже писали, что отнюдь не хотели бы выступать в роли навоза для нового цикла капиталистического развития, который привел бы с неизбежностью к новой и новой катастрофе. Песня „про белого бычка“ в „мировом масштабе“ это—слишком трагическая песня. Мы твердо ведем политику на уничтожение

и преодоление капиталистического строя. И именно поэтому вся логика, и формальная и диалектическая, на нашей стороне.

Ошибка академика Павлова состоит в том, что он обходит основной вопрос, вопрос о социальной сущности того или другого общественного порядка. А обходить этот вопрос нельзя, недопустимо.

Понятно, с точки зрения „нейтральной“ (на деле, буржуазной) классовый прием из среды, вообще говоря, менее культурной и менее подготовленной, представляется нелепостью, и если оставаться в рамках такого аспекта, то коммунистов можно и в самом деле счесть за буйных помешанных.

Но в том-то и дело, что наша политика основана на совершенно определенной предпосылке. Нам нужны такие кадры и постоянное воспроизводство таких кадровых элементов, которые вели бы пролетарскую политику на всех пунктах трудовой шахматной доски, на которой им придется впоследствии разместиться. Гарантией такой политики является определенная социально-классовая прививка, т. е. социальное происхождение. Отсюда—„классовый прием“. Мы, конечно, „проигрываем“ временно с точки зрения квалификации, „независимой“ от социальной оценки, но зато мы имеем прочную гарантию того, что поезд пойдет по надежным рельсам и не с‘едет где-нибудь под откос. Что же здесь удивительного и непонятного? Что необ‘яснимого в том, что мы, начав социалистическую революцию, производим ее во всех областях, играющих существенную роль в процессе производства всей общественной жизни, в его целом?

И опять-таки: разумеется, чтобы это понять, нужно понять внутреннюю логику этого процесса в целом. И, наоборот, без предварительного понимания всего процесса, т. е. той основной орбиты, по которой движется наша политика в целом, совершенно невозможно понять и такое частное мероприятие (связанное с совершенно своеобразными и специфическими „расходами“), как классовый прием в наши вузы.

К числу таких „расходов“ нужно отнести и упоминаемое акад. Павловым понижение уровня квалифицированных работников, выпускаемых вузами. Вообще говоря, революция в первой своей фазе безусловно сопровождалась разрушениями и в этой сфере, сфере производства квалифицированных интеллектуальных сил. Теперь и здесь мы видим быстрый прогресс. Но нам важно отметить, что революция создала все же некоторые, совершенно неслыханные предпосылки для быстрого расцвета культурной жизни. Интенсивность культуры пала. Но экстенсивность ее колоссально возросла, несмотря на бывшую материальную разруху. Массовая психика стала гораздо более подвижной, гораздо

менее косной; горизонты необычайно раздвинулись; воля закалилась; опыт обогатился в неизмеримой степени. Брошенная в широкие массы политическая, а затем и хозяйственная литература, сеть клубов, кружков и т. д.; методы массовой пропаганды и агитации; Красная армия, пропускавшая через себя сотни тысяч и миллионы людей, и т. д., и т. п.—все это в целом произвело громадный культурный сдвиг, результаты которого сказываются хотя бы на том перевороте, который произошел в языке нашего крестьянства, наиболее массовой и наименее культурной силы нашего общества. Разве трудно сообразить, что эта громадная экстенсификация культуры есть величайшее культурное завоевание, плоды которого не преминут сказаться через некоторое время? Разве не понятно, что это есть фундамент небывалого культурного расцвета в будущем?

Здесь вполне уместно поставить один общий вопрос, который имеет и прямое отношение к разбираемой проблеме.

Вообще говоря, такой строй и такой порядок вещей способствует в наибольшей степени общественному развитию, который, при данном уровне развития производительных сил, дает возможность культурного развития и культурного подбора максимальному числу людей. Чем шире это *селекционное поле*, тем лучше, при прочих равных условиях.

И вот здесь наша революция совершила поистине величайший переворот. Она *еще* не догнала довоенного уровня в нашем хозяйственном развитии, она *еще* не обеспечила довоенного standart of life. Но она *уже* в гигантской степени расширила селекционное поле, она впервые вовлекла широчайшие пролетарские и крестьянские массы в культурный оборот, давая возможность подбора не из „верхних десяти тысяч", а из „нижних" *миллионов*. Такие организации, как партия, профессиональные союзы, завкомы, клубы и пр., через которые направляется поток людей в наши высшие учебные заведения, есть не что иное, как громадная и неизвестная прежним временам школа, подбирающая людей из самой гущи жизни.

Это завоевание уже есть у нас, оно прочно, оно неоспоримо. И если на *первых порах мы* не будем иметь достаточно „полноценных" студентов, то эти недостаточно „полноценные" будут иметь одно несомненное преимущество над старым студенчеством: они будут всеми своими корнями связаны с жизнью, с практикой, с активным участием в общественном строительстве. Этой чертой могут быть недовольны ученые—„олимпийцы", до которых не доносится гул жизни (да к тому же олимпийцы всегда бывают туги на левое ухо). Но это недовольство как-раз и есть свидетельство их отсталости. Будущее принадлежит—это уже начинают понимать и в буржуазных кругах—не героям спекулятивной философии, спе-

куляция которых немногим лучше вульгарной и прозаической спекуляции рынка, а людям, которые связаны с практикой, у которых наука есть орудие этой практики, а не талмудическая похлебка или „летом сладкий лимонад“. У рабочего же класса практика в крови. И тот синтез теории и практики, который дан был рабочим классом в общественных науках (т. е. в теории обществоведения и в научной политике рабочего класса), он будет несомненно, шаг за шагом, завоевывать одну область за другой. Этот процесс уже начался. Разве не повернут нашей государственной властью руль в сторону гегемонии материализма и решительной борьбы против фантастических привидений религии, идеалистической метафизики и тому подобных бердяевских „выделений“?

Что же, это—положительный или отрицательный факт,— эта гегомония опытной науки, материалистического мировоззрения, материалистического воспитания и обучения?

Такой поворот стоит очень много. Конечно, праздношатающиеся болтуны „демократической“, с позволения сказать, „мысли“ и по сему случаю не упускают толковать о диктаторской тирании и изнасиловании всяческих свобод. Но это есть не что иное, как та же самая, до крайности пошлая, фетишистская, и—позвольте сказать совершенно откровенно— с исторической точки зрения варварская мысль, как и мысль г-на Бердяева об „евхаристическом питании“. Люди думают, что это крайне умно. А на самом деле перед нами, несмотря на всю рафинированность авторов, идеология, достойная каменного века, к которому сейчас не прочь апеллировать „беспристрастные“ ученые буржуазии. Но как с этим совместить научные взгляды самого профессора Павлова?

Из статьи „О мировой революции, нашей стране, культуре и прочем“. „Красная Новь“ № 1—2 за 1924 г.

* * *

О РАБОЧИХ ФАКУЛЬТЕТАХ

Сегодня исполняется трехлетие с момента открытия первого рабочего факультета в советской республике. Три года—небольшой срок для осуществления таких начинаний, которые делают целую эпоху. А такую новую эпоху в отношениях между наукой и пролетариатом, между высшей школой и рабочим классом начала советская власть, открыв двери высшей школы для тех, которых буржуазный режим не пускал дальше мастеров и монтеров. Политически рабочий класс победил в Октябрьскую революцию; он победил своих врагов в ожесточенной гражданской войне; он создал свою Красную армию, он построил государственный аппарат, он взял в свои руки промышленность и транспорт.

Но он еще не обладает тем, что необходимо классу, который держит в своих руках и государственную власть, и промышленность, и транспорт; он еще не овладел культурой низвергнутого класса в той ее части, которая является об‘ективным достоянием человечества; он не создал еще, он делает только первые шаги в деле создания своей собственной культуры. А без такой культуры невозможно ни прочно удержать в своих руках завоевания Октябрьской революции, ни строить социализма. Рабочий класс еще вынужден почти во всех областях пользоваться услугами специалистов, подготовленных старым режимом, специалистов, которые не могут считать строительство социализма своим родным делом, если не считать наиболее чуткой, добросовестной, прогрессивной их части, уловившей смысл нашей великой эпохи. На каждом шагу рабочий класс убеждается в своей беспомощности по отношению к буржуазной культуре. И чем основательней он входит во всю работу строительства, тем более убеждается в той огромной работе, которую ему предстоит проделать в деле завоевания науки.

Советская власть не могла ждать, когда ей удастся создать нормальную низшую и среднюю школу, нормально

подготовляющую рабочую молодежь, в лице ее наиболее способных элементов, для высшего образования. Необходимо было революционным путем приблизить высшую школу к пролетариату, открыть двери высшей школы для рабочих и крестьян, отнять у буржуазии и буржуазной интеллигенции привилегии на высшее образование. Рабочий факультет это есть то учреждение, которое в этот переходный период, хотя и в весьма несовершенной форме, осуществляет задачу сращивания науки с производством, высшей школы с рабочим классом. Рабочие факультеты готовят сырую, неподготовленную к занятиям в высшей школе рабочую молодежь к роли студентов высшей школы. Рабочие факультеты это не есть гимназия для рабочих, как неправильно думают иные. В эпоху пролетарской диктатуры это есть основная органическая часть высшей школы, которая столь же необходима для этой школы, сколь сама высшая школа необходима для пролетарского государства. Студенты рабочего факультета есть равноправные студенты в стенах высшей школы.

За эти три года проделана громадная работа: десятки тысяч рабочей молодежи привлечены на рабочие факультеты, наука проникает в самую гущу пролетарских масс. Но с точки зрения того, что надо сделать, достигнуто еще очень немногое. Рабочие факультеты не только не имели абсолютно необходимого за это время, но и по количеству своих слушателей они еще не в состоянии выполнить свою основную задачу: превратить студенчество советской республики в студенчество рабочего класса.

Пожелаем же, чтобы в этом году рабочие факультеты сделали новый шаг вперед как в смысле качества своей работы, так и в смысле количества молодых пролетариев, привлекаемых через них в высшую школу. Пожелаем больше внимания к рабочим факультетам со стороны нашей партии, профессиональных союзов и всех советских органов. Что в деле строительства рабочих факультетов пролетариат стоит на верном пути, доказательством этого являются злобное бешенство наших врагов и та ненависть, которую проявляют наши враги к самой идее рабочих факультетов.

Да здравствует студент-пролетарий, да здравствуют наши будущие красные специалисты!

«Правда»,
17 сентября 1922 г.

* * *

ОПАСНОСТЬ ПЕРЕРОЖДЕНИЯ

(В связи с „теорией“ Енчмена)

ТРИ ГЛАВНЫЕ ЧЕРТЫ „ТЕОРИИ“ ЕНЧМЕНА

Характернейшей чертой енчменовских „теорий“ является их глубочайший индивидуализм.

Этот индивидуализм мы обнаруживаем у Енчмена буквально на каждом шагу: и когда речь идет об основных его философских посылках, и когда он ставит вопрос об исходном пункте социологического (биологического) анализа, и когда ставится проблема вождей и массы, и тогда, когда нужно определить тактическую линию. Даже форма его произведений, стиль языка, обороты речи—все так и пышет прямо нестерпимым индивидуализмом.

В самом деле. Философски — перед нами стыдливый солипсист. Исходный пункт философского анализа у Енчмена это—его, Енчмена, „я“, совершенно особое, исключительное, божественное; „я“, так сказать, первого сорта. С точки зрения этого замечательного „я“ другие „я“ устроены по-другому, они стоят по отношению к этому „пупу земли“ на такой же доске, как бревно, телеграфный столб, блохи или минералы; они—материал для творческих упражнений „Единственного“.

Эта черта енчменовской теории, представляющая перепевы старых-престарых мотивов буржуазной идеалистической философии, есть выражение психологии глубокого индивидуализма.

Та же психология выражается и в совершенно эс-эровской трактовке вопроса об исходном пункте анализа в общественных науках. И здесь перед нами фигурирует не общество, а „индивидуум“, „организм“, другими словами, тот самый Робинзон, который был в свое время на-смерть поражен стрелами ядовитой марксистской критики. Также инди-

видуалистически трактуется вопрос о „вождях“ и „массе“— совершенно в духе „героев и толпы“ блаженной памяти Н. К. Михайловского.

Если мы присоединим сюда ярко выраженный мессианизм, игру в Христа и мадонн и прочее, претензию на единоличное руководство всем миром через „Ревнаучсовет Мировой Коммуны“, теорию постоянных „прорывов“ и озарений вместо коллективного опыта,—мы получим совершенно ясную картину рецидива мещанского индивидуализма.

Теория Енчмена уже по одному тому не может быть пролетарской или даже близкой пролетариату, что она индивидуалистична. Это свойство органически противоречит пролетарской психологии и идеологии. Индивидуализм есть вернейший признак антипролетарского характера разбираемого „учения“. Базарная самореклама и поистине распутинский язык, которым уснащены „труды“ нашего совершенно исключительного хвастуна, целиком идут по той же самой линии торгашеского индивидуализма.

Смерть вульгарного „материализма“ с идеалистической сущностью является второй коренной чертой енчменовского учения. Ядро его насквозь идеалистично. Он даже кокетничает с религией, и при том с религией, господствующей в „великих державах“. Но в то же время, как мы определили выше, „материалистически озорничает“. По существу, его „философия“ идеалистична, поскольку она исходит из единственной психической монады, самого Енчмена; с этим психологически и логически связан и метод „прорывов“, т. е., по сути дела, интуитивных мистических озарений, и мессиански-хилиастический бред, т. е. попытка перевести научный коммунизм в лучшем случае на язык братьев Маккавеев, масонских лож или российских хлыстов.

Наконец третьей чертой учения Енчмена является упростительский практицизм. Вся теория сводится к 15 анализаторам, упраздняющим все специальные науки и решающим все проблемы об‘единенных теории и практики. Упростительство, якобы практичное, на самом деле ведет к „болтологическому“ характеру всего построения, к талмудической схоластике, не имеющей никакой практической ценности. Простота здесь поистине „хуже воровства“. „Практицизм“ теории Енчмена именно в силу своего упростительского характера перестает быть практичным, т. е. превращается в свою собственную противоположность. Недооценка культуры, науки, соответствующих квалифицированных людских кадров, об‘явление всего культурного наследства простым вздором, „смелость“ и „дерзновение“, сильно напоминающие озорство взбесившегося мещанина, идут по этой же линии.

СОЦИАЛЬНЫЕ КОРНИ ЕНЧМЕНИАДЫ

Каким же социально-классовым элементам соответствуют эти социально-психологические особенности, застывшие в соответствующих логических „линиях“ енчменовского построения?

Прежде всего здесь налицо элементы *нового торгаша*. Он, этот торгаш, индивидуалист до мозга костей. Он прошел огонь, воду и медные трубы. Он был бит бичами и скорпионами чека, надевал иногда красную мантию, становился и на „советскую площадку“, получал рекомендации, сидел во узилище, теперь всплыл на снежную вершину своей лавки. Собственными локтями протолкался он и вышел „в люди“. Своим умом, энергией, пронырливостью, ловкостью, меняя костюмы, приспособляясь к обстоятельствам, энергично шел по своему пути он, „Единственный“, „homo novus“. Не на гербах предков, не на наследствах, не на старых традициях рос он: он всходил, как на дрожжах, на революционной пене, и не раз его поднимала кверху сама революционная волна. Конечно, он „приемлет революцию“. Ведь он в некотором роде ее сын, хотя и побочный. Но от этого у него нисколько не меньше самоуверенности, нахальства, саморекламы. *Он*, Единственный, питает даже надежду оттереть законных *детей* от революционного наследства и, пролезая через щель советского купца, думает еще раз переодеться, прочно осев в качестве самого настоящего, самого обыкновенного, уже обросшего жирком представителя торгового капитала. Эти надежды окрыляют его. Пройдя все испытания, он мало похож на рассудительные типы Замоскворечья: он шумит, он хвастается, он форсит, он пророчествует о самом себе: „Да приидет царствие Мое“. Этого царствия ждет сейчас наш *крайний индивидуалист*, побочный сын революции, *новый торгаш*.

Этот новый торгаш, с одной стороны, вульгарный материалист; в обычных житейских делишках для него нет ничего „святого“ и „возвышенного“. Он привык смотреть на вещи „трезво“; он не связан никакими традициями в прошлом, не отягощен фолиантами премудрости и грудами старых реликвий: их выбросила за борт революция. Сам он вышел не из „духовной аристократии“, нет, он пришел сам из низов; он—чумазый, быстро пролезший наверх, он—российско-американский новый буржуй, без интеллигентских предрассудков. Он все хочет понюхать, пощупать, лизнуть. Он доверяет только своим собственным глазам; он, в известном смысле, весьма „физичен“. Отсюда его *вульгарно-материалистическая поверхность*. Но в то же время он, как всякий буржуа, ходит по рыночной „тропинке бедствий“: спекулирует ли он мылом или валютой, неумолимые

законы рынка часто хватают его за шиворот и заставляют вспоминать о боге и сатане. Бог ему нужен хороший, такой же хороший, как оптимум рыночных цен, бог прочный, западно-европейский, но не расслабленный бог времен упадка, а именно „оптимальный“ бог, у которого еще жизнь не выщипала всех перьев. Этот бог должен выражать „радостность“ его, Единственного, на котором почиет дух святый. Такой оптимальный, цивилизованный бог—не какой-нибудь дикарский—весьма по вкусу *нашему торгашу*. Его рыночное нутро идеалистично и божественно.

Наконец новый торгаш *грубо* „*практичен*“ и *вульгарен*, он—великий упроститель. Он ведь еще не находится в такой стадии своего собственного общественного линяния, когда ему нужны „всякие науки“. Его задачи более элементарны. Ему нужны сейчас весьма простые „правила поведения“; он на практике своей должен быть грубым эмпириком. „Широкие задачи“ (весьма непрактичные) имеют для него стратегическое значение: подорвать марксизм, *помешать образованию действительно знающих и умеющих дело делать кадров из рабочих и крестьян*. *Отсюда* его борьба с марксизмом под прикрытием этого последнего.

Во избежание всяких недоразумений мы заявляем здесь, что отнюдь не подозреваем ни самого тов. Енчмена, ни его сторонников в сознательном и корыстном характере их „мероприятий“, „словесных реакций“, всего, как выражаются американские социологи физиологической марки (кстати сказать, зело упредившие т. Енчмена), их „внешнего поведения“. Дело идет об *об‘ективной роли* „нового“ учения, каковая роль отнюдь не всегда ясна самим носителям слепых общественных тенденций.

МОЛОДЕЖЬ НА ПЕРЕВАЛЕ

Каким же образом, если правильна эта характеристика, енчмениада втягивает в свою орбиту часть нашей учащейся молодежи и даже молодежи из рабочих (есть и такие товарищи)?

Это есть *основной* вопрос, освещение которого поможет уяснить все.

Наша молодежь, из которой выйдут кадры новых, красных спецов, т. е. квалифицированных работников во всех областях теории и практики, эта молодежь стоит на перевале, на *рубеже*.

Она—новые люди с новыми психологическими и физиологическими чертами, *нужными для эпохи*. Но функциональная роль этой молодежи, или, вернее, ее известной части, будет зависеть от *всей судьбы нашей революции*.

Из нее могут выйти американско-капиталистические дельцы, полководцы, предприниматели, деляги буржуазной интеллигенции, если наше развитие пойдет по линии нашего вырождения и нашего превращения в буржуазно-капиталистическую страну.

Из нее могут выйти (и, надеемся, так именно и будет) крепко сколоченные, смелые, знающие, преданные рабочему классу строители нового общества, если мы будем развиваться на все более и более социалистических рельсах.

Как может переходить одна перспектива в другую, если рассматривать этот процесс с точки зрения общественно-психологической?

Очень просто. Жажда творческой самодеятельности может превратиться в индивидуализм.

Желание развивать дальше (вполне законное) марксистскую теорию—в отказ от марксизма.

Жажда нового, энтузиазм, может надеть на себя религиозную оболочку (здесь есть тысячи ступенек).

Желание „все понять и все постигнуть"—в вульгарное упростительство и т. д., и т. д.

В механике идеологической борьбы на самых высших этажах надстроек есть много общего с тем, что имеется и в области политической борьбы. Более того, одно обычно является специфическим выражением другого.

Разве не используется законное желание со стороны рабочих (заместить ненадежную интеллигенцию) врагами советской власти, „углубляющими" вопрос и травящими всякого красного директора, всякого интеллигента, всякого руководителя партийной организации? При этом происходит „смычка" между „уклонистами влево" и самыми доподлинными противниками рабочей диктатуры.

„Истина конкретна". Стоит только перейти иногда очень небольшую грань, и эффект будет совершенно другой.

Так же точно и в идеологической борьбе, в исканиях, в мучительных поисках ответов на наболевшие „проклятые вопросы".

Безусловная правда, что мы обязательно должны в партии „двигать вперед новых людей". Но эта правда грозит перейти в неправду, когда она (как в одном енчменистском политическом произведении: „Так ли мы поняли"?) преподносится в форме борьбы против „старой партийной гвардии".

Безусловная правда, что мы должны развивать марксизм, т. е. вносить новое в наше учение.

Но эта правда превращается в свою собственную противоположность, когда новые (по отношению к марксизму) элементы изменяют самый метод нашего учения.

Безусловная правда, что мы должны итти ко все возрастающему об'единению различных специальных дисциплин.

Но эта правда превращается в неправду, если из нее делается вывод об уничтожении всех этих частных дисциплин и о замене их парой тощих общих положений.

И так далее. И так далее.

Другими словами: как в области идеологической вообще, так и в области политической борьбы в частности враги марксизма имеют зацепки у его друзей, вытягивая их за их, часто небольшие, уклончики. Вся енчмениада, рассматриваемая с этой стороны, есть не что иное, как попытка со стороны идеологов полународнического типа использовать уклоны в сторону махаевщины, „рабочей оппозиции" и проч., и проч. Таких попыток будет еще много. Их нужно стараться изжить в процессе товарищеского обсуждения.

Из статьи „Енчмениада",
„Красная Новь" за 1923 г.

* * *

ЭЛЕМЕНТАРНАЯ ЗАДАЧА В ОБЛАСТИ ПРОИЗВОДСТВА КОММУНИСТОВ

При всех решительно вопросах нашей политики и нашей организационной работы мы натыкаемся на одно и то же затруднение: нехватает знающих коммунистов; „нет людей“, которым можно было бы поверить дело, на которых можно было бы положиться. Лучшие силы мы вычерпали. И нужно в этом сознаться, очень многие из членов партии чрезвычайно мало отличаются от беспартийных по тем знаниям, которые они имеют.

Поэтому перед партией лежит основная задача: массовое производство коммунистов.

Как это сделать? Ясно, что необходимо это сделать через партийные школы, курсы и т. д. Но здесь мы натыкаемся на то же самое „всеобщее затруднение“: нет достаточного кадра лекторов, коммунистических учителей. Получается как-будто бы порочный круг; как-будто бы нет никакого выхода из этого заколдованного круга.

А между тем такой выход есть. Нужно устроить так, чтобы обойтись почти без квалифицированных лекторов. Нужно их заменить коммунистическим учебником. Нужно лекции заменить чтением, лекторов—чтецом или пропагандистом, который с помощью учебника может этого лектора заменить. Мы совершенно справедливо нападаем на Наркомпрос за то, что последний не решил элементарной задачи, задачи создания новых букварей, книг для чтения и т. д.

Ну, а партия? Партия этого тоже до сих пор не сделала. У нас почти нет такой литературы, какая нужна. У нас нет основного средства производства новых настоящих коммунистов. Между тем уже первоначальный опыт показал, что это самый правильный путь. По понятным причинам мне не совсем удобно распространяться на эту тему, но в интересах дела я все же

позволю себе сказать пару слов. Наша „Азбука Коммунизма“, которую мы с товарищем Преображенским вынуждены были писать наспех, тем не менее вводится повсеместно и с успехом заменяет квалифицированного лектора. Теперь тов. Покровский выпустил превосходнейший учебник по русской истории („Русская История“ в самом сжатом очерке). Эта книжка того же типа, что и „Азбука“. И нет никакого сомнения, что она тоже заменит лектора, которого нет, и даст возможность чтецу или среднему пропагандисту производить хороших коммунистов.

Отсюда вытекает то, что необходимо ускоренным маршем пойти по намеченному пути. Я полагаю, что в первую очередь нам нужны, примерно, следующие учебники:

1. Крестьянство и коммунизм.
2. История РКП.
3. Тактическая азбука (основные вопросы пролетарской тактики).
4. История рабочего движения и Интернационала.
5. Экономическая география.
6. Исторический материализм.
7. Коммунистический быт

и т. п., и т. д.

Некоторые заглавия, быть может, покажутся товарищам нелепыми, например, „коммунистический быт“. Под этим я разумею вот что. Наше или старшее поколение прошло солидную теоретическую школу. Для нас такая ерундистика, как вопросы религии, „этики“ и проч. не играют никакой роли. У нас есть прочное, сложившееся „мировоззрение“. У новых коммунистов, иногда только вступающих в жизнь, его нет. И заметьте: в наше время все старые, традиционные нормы поведения разлетелись вдребезги. Новые создаются медленно и стихийно. Отдельный человек дезориентирован. Отсюда явление, которое знают каждый пропагандист, агитатор и лектор: „не относящиеся к теме“ вопросы и записки о боге, о смысле жизни, о семейных отношениях и т. д., и т. п. Все это кажется до крайности наивным. Но на это нужно дать систематизированные ответы. Я думаю, что и здесь должен быть тоже соответствующий коммунистический учебник.

Я отлично знаю, что многие товарищи скажут, что я зову „назад к книге“, к „учебе“. Но возражающие так не понимают, что это „такой же“ возврат, как „возврат“ к армии, к дисциплине труда, к работе. На самом деле, после разрушения старого мы должны накручивать изо всех сил свою организацию, в том числе и организацию своих собственных взглядов.

Эти учебники можно написать в $1^1/_2$—2 месяца, если мобилизовать несколько товарищей *исключительно* на такую работу. „Связь с массами“ дается не тем, что человеку не дают доделать ни одного дела, а тем, что после *выполнения задания* его пускают в гущу массы. Нужно засадить на срок нескольких литераторов, избавив их от всего, вплоть до субботников и митингов, и заставить их в *кратчайший срок* выполнить это дело. А потом—хоть на 3 месяца беспрерывной агитационной работы по фабрикам. Иначе мы никогда не добьемся решения *элементарной* задачи. А без решения элементарной задачи нельзя решить никако сложной. Все это—простые истины. Но, к сожалению, сколько раз их ни говорили, они не претворяются в жизнь.

Все же, пожалуй, лучше поздно, чем *никогда*.

«Правда», 1920 г.

* * *

СОВПАРТШКОЛЫ

Поколение, которое воспитывается в наших совпартшколах, ценно с точки зрения двух основных задач: во-первых, потому, что без него вообще мы не можем построить какое-либо хозяйство; во-вторых, потому, что оно является самым ценным элементом для нашего возрождения не по той линии, по которой желают наши враги, а именно по той, по какой мы хотим расти. Самая реальная опасность, которая стоит теперь перед нами,—не в том, что мы будем спускаться, деградировать в средние века. Сейчас уже ясно, что опасность для нас заключается не в дальнейшем упадке, а в том, что наше неизбежное хозяйственное возрождение, а с ним и всякое другое возрождение, пойдет не по пути коммунистического развития, а по линии постепенного развития капиталистических отношений, которые в процессе органической и медленной эволюции в конце концов могут нас опрокинуть безболезненным путем и таким образом обеспечить новое утверждение буржуазного государства, по-своему „великого", но ничего общего с коммунистическими идеалами не имеющего. Исход этой борьбы решается и будет решаться в зависимости от того, какой класс и какая специальная группировка окажется в состоянии обеспечить всю страну и весь аппарат управления достаточным кадром людей, работающих в определенном направлении. Это—решающий вопрос. Само собой разумеется, что фабрикация кадров, которые будут направлять всю политику и хозяйство, является едва ли не главной задачей нашей партии.

Если мы с этой точки зрения со всей серьезностью подойдем к вопросу, то нам нужно прежде всего остановиться на опасностях, которые мы видим перед собой в деле постановки школьной работы в советско-партийных школах.

Мне кажется, что я выскажу почти общее мнение, если скажу, что одним из крупнейших недостатков, одной из больших опасностей, которая наблюдается в нашей препо-

давательской деятельности, даже если мы возьмем область „чистого“ марксизма, является нередко следующая: наша молодежь превращается в коммунистических или марксистских начетчиков, ничего не понимающих в практической жизни, в талмудистов марксизма.

Мне приходилось очень часто наблюдать молодых людей, которые метко и великолепно расскажут о том, что такое закон падения нормы прибыли, от чего зависит высота процента, о том, что нужно возразить какому-нибудь буржуазному немецкому профессору,—все это они расскажут с самым точным знанием дела и могут дать десять очков вперед нам, старикам. Но эти же люди могут спокойно сказать, что Швеция находится на западном берегу Скандинавского полуострова, что хлопок ввозится в Англию из Южной Африки, что Екатерина II жила в XVI столетии и т. п.; а если их спросить, какая сейчас монетная система существует в Японии, они не сумеют вам ответить; они не скажут вам ничего о механике банковского дела; они в четвертый раз и в пятый раз будут молчать, если задать им вопрос об организации производства, об устройстве фабричного предприятия, об анализе состава рабочих; они не считают необходимым для организатора фабричного предприятия психологический подход и т. д., и т. д. Здесь они будут давать осечку почти по каждому вопросу.

В итоге получается то, что постановка преподавания нашей марксистской теории даже в самой ее основе—в области политической экономии—страдает крупнейшими дефектами: люди становятся начетчиками, и там, где они должны использовать теорию для непосредственной практики, которая ставит новые вопросы, непредвиденные проблемы и требует решения в условиях, которых не бывало никогда,—там такие товарищи могут много напортить, напутать и оказаться практически неприспособленными.

Вина лежит отчасти на старшем поколении, которое передает свои собственные знания, не отдавая себе отчета в том, что требуется сейчас: оно точно фабрикует по образу и подобию своему наше молодое поколение. Но мало установить виновных; это не лишает нас необходимости пристально всматриваться в эту опасность, чтобы принять ряд соответствующих мер, которые парализовали бы ее. Нам нужно преподавание марксистское, коммунистическое, нам нужен совершенно правильный подбор преподавателей. Мы можем с удовлетворением слушать, как проф. Челпанов говорит, что сейчас—время абсолютной гегемонии марксизма. Но чувства нравственного удовлетворения мало нужно, чтобы этот наш марксизм не был на холостом ходу. А для этого обязательно необходимо, чтобы преподавание было применено к тем жизненным условиям,

которые налицо в нашей стране, и чтобы *преподавание велось таким образом, чтобы на ряду с общей теоретической подготовкой и вколачиванием в мозги пролетарской и крестьянской молодежи основных марксистских методов, в то же время давать максимум конкретных знаний, которые в первую очередь имели бы непосредственное отношение к практике работы*. Без этого мы будем иметь начетчиков и талмудистов, которым вместо ордена можно дать четыре пары очков на один нос и которые абсолютно никакой пользы советским республикам принести не смогут. Вот первая опасность, которая существует в наших совпартшколах и против которой нужно найти соответствующее противоядие.

Вторая опасность, которую приходится наблюдать в работе, заключается в том, что аудитория перерастает преподавательский состав. У нас в целом ряде учебных заведений, в особенности в высших учебных заведениях, люди, которые присланы с мест и которые все свое время посвящают чтению, довольно скоро оперяются и, так как у них мозги молодые, свежие, они скоро начинают задавать преподавателям такие вопросы, что те начинают чувствовать себя не совсем ловко и на целый ряд вопросов ответа давать не могут. В Москве, например, в целом ряде больших кружков было такое явление, что систематически, один за другим, преподаватели, очень почтенные, вышибались своими слушателями, потому что эти слушатели по своему умственному уровню, по конкретным знаниям, начитанности и т. д. переросли тех руководителей, которые посылались партией или соответствующими учреждениями.

Вполне понятно, что руководителями семинариев и кружков могут быть только те люди, которые имеют известный интеллектуальный авторитет у своих слушателей, своих пасомых; но если эти пасомые очень часто и по справедливости считают себя не ниже пастырей, тогда получается неправильное соотношение, которое грозит чрезвычайно скверными последствиями.

Я должен сказать, что и здесь часть вины мы можем снять с преподавателей, потому что они часто, к сожалению, являются гастролерами и налетными гостями, отчего страдает преподавание; они не имеют достаточного количества времени, чтобы пополнить свой умственный багаж и служить такой квалифицированной силой, которая могла бы удовлетворять молодого товарища, знание которого и квалификация которого все растут и растут. Вот вторая опасность, опасность до известной степени хорошего типа, потому что есть здесь глубокое, здоровое начало. Но здесь *необходимо принять целый ряд мер, чтобы повысить*

квалификацию умственного уровня нашего преподавательского состава. Это вторая задача, которая стоит на очереди дня перед нашими советско-партийными школами.

Теперь позвольте мне остановиться еще на одном вопросе: насчет общего уклона преподавания.

Совершенно правильно, что сейчас нам ни в коем случае, в особенности в совпартшколах, как заметил т. Луначарский, нельзя удариться в узкую специализацию прежде всего потому, что нам нужны не только хозяйственники, а нужны коммунисты-хозяйственники. Но из этого отнюдь не следует, что мы не должны изгонять прежнее и не должны совершенно перестраивать преподавательский план и даже старые буржуазные науки приближать к практике.

Для нас ясен вопрос о том, что „Слово о полку Игореве" входит в сокровищницу мировой литературы. Но нужно ли его преподавать в совпартшколах? Не нужно. Является ли интересным открытие немцем Фробениусом древней культуры? Является. Но необходимо ли о нем рассказывать в совпартшколах? Абсолютно нет, потому что в конце концов в каждую данную эпоху, в каждое данное время ставятся совершенно конкретные задачи, и мы их должны предпочесть всякому „Слову о полку Игореве" и даже более почтенным вещам, например, Державину и, может быть, кому-нибудь еще поближе; мы должны предпочесть этому хламу, с точки зрения текущего момента, такие прозаические вещи, как товароведение, организацию производства или экономическую географию.

Нельзя ставить вопрос таким образом, что существуют какие-то вечные культурные ценности, через которые нельзя перепрыгнуть. Мы должны действовать рационально, и если наше государство отпускает определенное количество бюджета на поддержку одной школы, одного производства и урезывает другие школы и производства, то и мы должны вести наш общий школьный бюджет, т. е. силы и средства в нашем преподавательском плане распределять так, чтобы в первую очередь удовлетворялись самые важные потребности.

Мы не отрицаем огулом старой буржуазной культуры. Но мы должны так просмотреть наш учебный план, чтобы из старого брать в первую очередь то, что имеет непосредственное отношение к практической жизни, и во вторую и третью очередь то, что отношения к практической жизни не имеет. Когда мы основные задачи решим, тогда мы будем насыщать себя всеми остальными знаниями, а сейчас мы должны в первую очередь перераспределить свои силы и средства под этим углом зрения.

Отсюда вытекает, что нам необходимо озаботиться созданием новой литературы и новых учебников.

В этом деле мы сейчас идем по линии наименьшего сопротивления. Если мы сейчас посмотрим на сборники, которые издаются Главполитпросветом, Госиздатом и т. д., то увидим, что все они без исключения не соответствуют моменту, и в этом, конечно, не личная вина отдельных товарищей, а наша общая вина или беда.

Какие сборники издаются? „Революция 1848 г.“, „Памяти Карла Маркса“, „Революция 1905 г.“. Это все—очень почтенные вещи. Знание революции 1848 г. я приветствую, как знание, но на этом без знания организации производства мы администраторов не воспитаем. Нужно издавать книжки по истории революции, это сделать сравнительно легко, это и делается, и на это скромное дело нужно налечь. Но еще более нужно, чтобы были написаны хорошие учебники товароведения, хорошие учебники экономической географии, книги по организации производства, чтобы у нас также был систематизирован опыт нашего хозяйственно-административного строительства и т. д., и т. д. Если мы спросим: есть ли у нас такого типа книжка?—нам ответят: нет.

Какое отличие между буржуазной наукой и теми потребностями, которые есть у нас? Надежда Константиновна Крупская сама занимается этими проблемами и может подтвердить, что в Западной Европе, в первую очередь в Америке, тэйлоризмом (если подразумевать гораздо больше, чем обычно понимают под этим термином) очень хорошо разработан вопрос о том, какие свойства обязательны для организатора производства, каковы свойства исполнителя, свойства той или иной квалифицированной рабочей силы. Там это систематизировано и проводится полностью. Нам необходимо эту сторону буржуазной науки использовать. Все старое наследие нам нужно использовать в практической жизни, но в первую очередь нажимать на ту сторону дела, где больше больных мест, где мы больше нуждаемся в духовной пище.

Имейте в виду, что западно-европейский пролетариат в этом отношении будет в гораздо лучших условиях, потому что у него эти дисциплины были непосредственно разработаны, он их имеет на своем собственном языке. У нас в России даже при буржуазном строе эти дисциплины не были разработаны, у нас не было кафедр по организации отдельных предприятий ни в политехническом ни в высшем техническом училищах, в то время как они имелись в Европе, в первую очередь в Германии, а затем—в Америке. На эту сторону дела нам необходимо обратить сугубое внимание.

Нужна новая литература,—пусть переводная (с оговоркой, что мы вводим таковую в силу условий). Конечно, многие будут говорить, что это переход с точки зрения культуры на точку зрения цивилизации. Но мне кажется, что для того, чтобы обеспечить коммунизм, мы можем пере-

ходить с точки зрения культуры на точку зрения цивилизации и затем лишь обрасти самой высокой идеологией, ибо известно, что самая высокая идеология молчит, когда нечего кушать, и нам в первую очередь нужно решить те вопросы, которые являются практическими.

Отсюда вытекает и другая задача. Нужно нам—всему преподавательскому персоналу, в том числе самому квалифицированному преподавательскому составу — переучиться (я говорю обо всех без исключения и имею в виду и свою собственную персону, и тов. Дволайцкого, и других). Нужно сделать очень резкий поворот. Мы сами часто не сознаем, что, продолжая, как старые командиры, трудиться, мы плывем по течению и затем вдруг открываем, что перестаем понимать, что происходит в стране, живем без прямого отношения к тому, что происходит в России, а понимают те, кто сидит на практической работе в хозорганах, советском и партийном аппаратах. Преподаватель остается не у дел, оторванный от практики, и теория у него получает безжизненный характер, напоминает высохшую от долгого неупотребления шкуру клопа, которая ни к чему не годна. Мне кажется, что переучивание для наших кадров есть дело чрезвычайной важности.

Мне припоминается по этому поводу совет Владимира Ильича. Он говорил, что в целом ряде отраслей громадное большинство почтенных теоретиков, имеющих большие заслуги в прошлом, легко может очутиться в неприятном положении и выйти в тираж, если не начнет переучиваться.

Необходима одна предпосылка: чтобы соответствующий кадр преподавателей был на своих местах, специализировался в качестве преподавательской силы, был освобожден от других работ и обязанностей, как профессионалист своего дела; чтобы он имел достаточное количество времени и следил за наукой, накопляя новые капиталы. Если мы этого не обеспечим, то наши ученики в скором времени будут лучше нашего понимать, и сами мы будем находиться в глупом положении провалившихся никудышников. Нужно, чтоб преподавательский персонал следил за жизнью, переучивался и перестраивал всю свою идеологию—не в смысле отступления от марксистского пути, конечно, а в том смысле, чтоб учиться решать новые задачи, которые еще не стояли перед Марксом и Энгельсом. Ибо Маркс жил в половине прошлого столетия, а мы приближаемся к половине следующего столетия; ибо была революция 1848 года, а теперь революция 1917 года, и прошло между двумя революциями много времени, и революции не особенно похожи друг на друга; ибо Маркс в конце концов должен был осесть в Лондоне, получая мзду от Энгельса, который ему помогал, а нам нужно управлять пролетарским государством.

Нам нужно добиться от нашей партии,—и данный с'езд должен настаивать на этом через какой-либо орган или представителя,—чтобы партийный с'езд выделил определенную группу товарищей в 10—15 человек, освободив их решительно от всей текущей работы, и вменил им в обязанность под личную ответственность в такой-то срок написать такие-то учебники или выработать новую постановку вопросов. Двадцать тысяч раз мы решали этот вопрос и не исполняли решений, и если у нас не последуют решительные шаги со стороны такого учреждения, как партийный с'езд, то мы никогда этих задач не решим, потому что каждый из нас распыляется на тысяче всяческих работ. Наши курсы появляются, написанные в значительной степени не нами, а либо меньшевиками, либо беспартийными марксистами, либо полумарксистами. У нас в ходу суррогаты марксизма, и мы капитулируем здесь в значительной мере, хотя могли бы и не капитулировать. Нужно настоять перед партийным с'ездом, чтобы была выделена такая группа; это можно сделать, потому что это есть величайшая нерациональность в хозяйничаньи, когда лица, способные на одну работу, употребляются на другие дела.

Общее положение вещей изменилось: совершенно новые задачи стоят перед нашей страной. Надежда Константиновна права, когда она сказала, что мы не доучитываем той колоссальной работы, которую мы провели за время революции. Мы крайне безобразно вели дело в силу общей разрухи, в силу недостатка какого бы то ни было элементарного порядка, который теперь начинает налаживаться. Но за этим частоколом и хаосом не следует упускать одно: революция в силу своего стихийного колоссального размаха, когда она бросала человека с фронта на фронт, раздвигала его умственный кругозор. У нас была рассеяна масса иногда полуграмотных, но более высоких по сравнению с прежними кружками учреждений. Все они проделывали колоссальнейшую работу в смысле захвата буржуазной культуры.

Это даст себя знать в течение ближайших лет. Это незаметно потому, что не зафиксировано ни в каком учреждении или институте, но мы увидим, как через незначительное количество лет этот огромный капитал скажется на деле. Такое расширение кругозора дает возможность совершенно изменить психологию русского народа. Вот основной капитал, который получила революция, который она завоевала прочно. Мы должны на базе растущей мощи нашего строительства создать кадры сознательных людей, кадры людей, которые окажутся окончательными победителями.

У нас нет никаких признаков, которые могли бы подать повод к разочарованию. Мы выработали в старое время очень крепкие железные кадры. Нужна подмога, нужна

молодежь, люди, которые будут на практике держать крепкие вожжи нашей марксистской теории. Настоящий с'езд должен помочь решению этой задачи и доставить материал партийному с'езду, где мы должны продвинуть этот вопрос. Разрешив его, мы во много раз легче пойдем по тому пути, который пройдут все страны для победного осуществления коммунизма.

Речь на II Всероссийском с'езде совпартшкол 11 апреля 1923 г.

* * *

К ПЯТИЛЕТИЮ СВЕРДЛОВИИ

Вчера alma mater (мать-кормилица) нашего коммунистического просвещения — Свердловский университет — праздновала свой пятилетний юбилей. Родившийся из двухнедельных курсов при ВЦИК, организованный покойным тов. Свердловым, он буквально рос и укреплялся вместе с советской властью и вместе с тем и сам бросал на укрепление советской власти все свои силы.

В тот период, когда мы жили на вулканической почве, сотрясавшейся от контр-революционных восстаний, и были окружены со всех сторон белыми армиями, Свердловский университет выбрасывал партию за партией на фронт и на всяческие внутренние ударные кампании, служа постоянным резервом кадровых сил рабочей революции. Часто поступавшие в университет товарищи, пробыв несколько месяцев в стенах университета, заканчивали свой курс на фронте, бросив учебники и взяв винтовки в руки. А вместо них новые волны революционной молодежи переходили от винтовки к учебникам. Свердловский университет родился и рос среди революционных бурь и потрясений. Когда же республика вступила в относительно мирный период своего существования и когда мы стали удлинять все сроки наших расчетов и планов, она смогла удлинить и срок учебы для своей гвардии коммунистического просвещения. Но что осталось неизменным из исторических и славных годов бури и натиска, это—революционные и партийные традиции Свердловского университета. Студенты учатся, их не отрывают теперь от занятий, но учатся они с такими настроениями, что от книжных полок до винтовки у них всегда расстояние небольшое.

С переходом на мирное положение изменились или, вернее, усложнились те цели, которые ставит перед собой наш первый действительно коммунистический университет. Одна из самых серьезных, если не самая серьезная, опасность,

которая угрожает диктатуре пролетариата в обстановке нэпа, это — победа культурно более сильных и многочисленных пока кадров побежденного буржуазного класса над еще слабыми культурными силами победителя,—опасность, которую так выразительно подчеркнул на XI партийном с‘езде товарищ Ленин. В кратчайший срок остов нашего советского аппарата во всех его разветвлениях должен обрасти новыми, свежими, достаточно подготовленными кадрами, которые поведут по-новому всю работу госаппарата и которые дадут нам того нового человека для нового общества, того работника государственной промышленности, без создания которого мы вечно будем в плену людей другого мира, другой общественной формации, другой психологии, иных стимулов к труду. Свердловский университет, создавая и подготовляя новые кадры для нашей партии, готовит в то же время из них и воспитателей этого нового поколения борцов, на которых должна пасть главная тяжесть основной социалистической стройки.

Свердловский университет в военный период дал много кадров работников и на фронт, и на мирную работу на местах, кадров, которым пришлось очень мало поучиться. И только в самое последнее время он подарил нашей провинции свой первый обстоятельно подготовленный выпуск в 87 человек. Это наша первая жатва созревших плодов; за ней пойдут другие, которые каждый год будут увеличивать капитал нашего основного партийного кадра.

Вместе с горячим молодым энтузиазмом передовиков пролетарского класса они понесут туда, куда пошлет их партия, то, что является для нас самым важным и ценным в нашей борьбе: теорию, которой они учились у Маркса, и уменье владеть этой теорией, чему учил и учит нас всегда товарищ Ленин.

«Правда»
19 июля 1923 г.

* * *

ЗАДАЧИ ВЫПУСКНИКА-СВЕРДЛОВЦА

Товарищи! Позвольте мне в моем приветственном слове от имени ЦК нашей партии прежде всего вас поздравить с выпуском. Он имеет и для нашей партии, и для всей советской страны, и для всего рабочего класса значение, которого нельзя недооценить и невозможно переоценить. Одной из крупнейших задач, которая стоит перед нами, является задача борьбы за свой, коммунистический кадровый состав во всех областях работы — административной, хозяйственной и общеполитической. Отсюда то огромное значение, которое имеет ваш выпуск. В вашем лице мы впервые получаем марксистски-отшлифованных, преданных партии, знающих и деловых работников, которые, раз'ехавшись по всему лицу советской страны, будут вести работу по строительству социализма. Общее направление этой работы определяется резолюциями наших партийных с'ездов, и я поэтому не буду останавливаться на нем. Мне хотелось бы остановиться на некоторых сравнительно второстепенных вопросах, которые в то же самое время играют очень крупную роль и с которыми вы вынуждены будете встретиться в вашей работе.

ИЗУЧАТЬ ДЕРЕВНЮ

Я прежде всего обращаю ваше внимание, как товарищей, имеющих известную квалификацию, прошедших серьезную теоретическую и практическую школу, на задачу изучения деревни. Нам надо изучать деревню для того, чтобы брать правильную линию в политике. Как это ни странно, но задача эта, находящаяся на первом плане, до сих пор разрешается нами очень слабо.

Если мы посмотрим на изучение деревни нашей партией в прошлом, когда мы еще не стояли у власти, то мы сразу же скажем, что аграрный и крестьянский вопросы у нас изучались чрезвычайно полно. Лучшие теоретики нашей партии, во главе с тов. Лениным, были в первую очередь аграрными теоретиками. Само собой разумеется, это было вовсе не случайно; это определялось теми практическими потребностями, той необходимой ориентировкой, которые навязывались тогдашнему зародышу Коммунистической партии в крестьянской стране.

Вы посмотрите, с какой тщательностью следила тогда теоретическая мысль нашей партии за всеми процессами, которые происходили в деревне, начиная с самых специальных вопросов аграрной экономики, например, закона убывающего плодородия почвы или теории поземельной ренты, и кончая самым внимательным и тщательным изучением земской статистики и всевозможного цифрового материала. Все это подвергалось проверке и обработке со стороны руководящих кругов нашей партии. Нужно ли упоминать основные работы, которые мы имеем в этой области, начиная с „Развития капитализма в России“ „Ильина“ — Ленина? Они всем вам известны, они все у вас на устах.

И вот, если сравнить тогдашнее положение вещей с теперешним, то результаты этого сравнения будут печальны. Несмотря на то, что Коммунистическая партия является господствующей, несмотря на то, что удельный вес аграрных отношений, удельный вес крестьянства или, рассматривая тот же самый вопрос с точки зрения политики, удельный вес и значение для нас задачи смычки рабочих и крестьян весьма велики, несмотря на то, что эта проблема является больше чем когда-либо центральной проблемой,—по сравнению с тем, что было, дело не только не подвинулось вперед, но, пожалуй, сильно шагнуло назад.

В самом деле: что мы имеем в лучшем случае сейчас для того, чтобы теоретически изучать процессы, происходящие в деревне? Ряд экспедиций и обследований чисто локального (местного) характера, где предполагается, что данная группа сел и деревень представляет из себя нечто типичное. Но разве у нас есть что-либо подобное прежней, очень хорошо поставленной земской статистике? Разве есть какая-нибудь работа, которая по отношению к новым слагающимся аграрным отношениям была бы в маленькой степени эквивалентна работе „Развитие капитализма в России“?.. Мы подходим к деревне ощупью, случайно нащупываем процессы, происходящие в деревне, совершенно непланомерно подходим к делу изучения деревни. Чем мы заменяем прежнюю, сравнительно хорошую статистику? Наша официальная ста-

тистика хромает на обе ноги, потому что нет хороших кадров, которые бы составляли статистику. Кадры, которые есть и которые работают, коммунистически недостаточно отшлифованы. Чтобы нащупывать те процессы, на которых сосредоточивается наш интерес, для этого в известной степени нужно быть пропитанным коммунистическим духом, представлять себе ясно все опасности, которые грозят нам, с одной стороны; а с другой — уметь обращать внимание на новые явления, которые представляют основу нашего роста, хотя бы и не в прямой, а в очень косвенной форме.

Мне кажется, что в вашем лице, насколько вам всем придется так или иначе соприкасаться с деревней, одним прямо, другим косвенно, мы имеем тех работников, которым придется взять эту задачу на себя. Я вовсе не хочу этим сказать, что из вас нужно сделать советских статистиков, — вам не до этого, и на месте у вас будет много иной работы,— но в вашем лице мы имеем такой тип людей, который понимает теоретически, что нужно, и который имеет определенную практическую сноровку. Благодаря соединению этих качеств, которое мы получили впервые из наших комвузов, мне думается, вы поможете партии разрешить эту задачу.

Конечно, эту задачу нельзя решать в настоящее время вполне, да и вы не можете решать ее, как настоящие статистики (на данной стадии вы и не сумеете этого сделать, потому что у вас будет другая работа), но известную замену произвести вы можете — путем прессы, путем записи собственных наблюдений, путем обобщений, которые будут у вас получаться, путем поддержки связи с соответствующими журналами, путем направления работы статистических аппаратов и т. д., и т. д. Словом, нужно применять самые разнообразные методы, которые должны служить одной цели, о которой я говорю, — задаче обследования деревни.

Разумеется, в этой задаче нужно избегать шаблона (об этом я буду говорить позже в более общей форме). Нужно уметь присматриваться к новому, к тому оригинальному, что растет в деревенской среде. Ни в коем случае не нужно прикрашивать действительность, как не нужно недооценивать и ростков нового, которые в деревне имеются. Нужно давать об‘ективную картину. У нас настолько плохо поставлено обследование деревни, что по общим кардинальным вопросам нет единого ответа (например, на вопрос о нивеллировке крестьянства, о степени расслоения крестьянства). Если мы по такому основному вопросу бродим впотьмах, то мы еще больше впотьмах, если взять второстепенные пункты.

СТРОИТЬ СОВЕТСКУЮ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ

Теперь я хотел бы отметить второй пункт, на который необходимо обратить внимание. Это — вопрос о создании своеобразной, если хотите, советской общественности на местах. Мы поставили перед собою целый ряд очень больших решающих вопросов и наметили целый ряд необыкновенно важных задач. Всем известно то значение, которое приобрел в последнее время вопрос о рабоче-крестьянской инспекции, в особенности в той форме, которую придал этому вопросу в своих последних статьях тов. Ленин. Всем известна та огромная важность, которая сейчас должна быть придана вопросу самому больному, вопросу о борьбе с советским бюрократизмом.

Но сколько раз мы ни ставили перед собой с полной сознательностью задачу этой борьбы, она велась в значительной степени только на бумаге. Где причины этого? На них указал еще тов. Ленин. Основная причина заключалась в недостаточном количестве культурных сил, которые соответствующие функции могли бы взять на себя. Эта разница между верхушечным аппаратом и массами, отставшими, оказавшимися не в состоянии до сих пор выделить достаточное количество культурных сил, которые осуществляли бы (через целый ряд промежуточных организаций, подтянутых к соответствующим органам нашего государственного аппарата и партии) намеченные задачи, — эта разница в значительной степени была причиной того, что задачи борьбы с бюрократизмои мы не в состоянии были выполнить. Эти задачи могут быть выполнены только тогда, когда между нашим государственным, нашим партийным аппаратом, нашими центральными органами, с одной стороны, и массами, с другой стороны, повиснет целый ряд добровольных организаций, кружков, об'единений, построенных по разным принципам, ставящих себе различные задачи, но которые в общем и целом будут выражать рост того, что я здесь условно называю „советской общественностью".

Эта задача не могла быть поставлена несколько лет тому назад, потому что все наши кадры мы бросали на разрешение элементарных, грубых задач, которые поглощали все наши недостаточные силы. Сейчас намечается некоторый общий культурный под'ем, и все искусство управления состоит, мне представляется, в том, чтобы наши выросшие и качественно и количественно кадры сумели использовать всю растущую культурную энергию, пробуждая массовую инициативу у низов и в то же время обеспечивая наше влияние на подрастающие из масс культурные силы.

Это явление культурного роста замечается везде. В первую очередь оно наблюдается в деревне. Ясно, что этот

процесс нам не только не нужно тормозить, но нужно очень быстро двигать вперед. В то же время (и в этом повелительная необходимость) нам необходимо обеспечить нашу культурную гегемонию точно так же, как мы обеспечили политическую гегемонию в стране. Мы должны сказать, что до известной степени правильно такое положение: обеспечение нашей культурной гегемонии в деревне в настоящий период является лучшей гарантией обеспечения нашей политической гегемонии в стране в силу того социального состава, который мы имеем в нашем Советском Союзе.

Эта задача, которая перед нами стоит, очень сложна. Нужно вовлекать агрономов, сельских учителей, деревенскую интеллигенцию в общее строительство коммунистических отношений; это, повторяю, задача необыкновенной трудности. Культурные потребности прут сейчас со всех сторон. Перед нами стоят не только такие большие вопросы, как вопрос о кооперации, но и целый ряд других вопросов, которым мы должны во что бы то ни стало дать ход; тут и вопрос о культурных развлечениях, и вопрос о работе деревенской молодежи, и вопрос о сельско-хозяйственной пропаганде, и вопрос о физическом воспитании, и вопрос о пионерском движении в деревне. Нужно на этой почве об'единять деревню, но об'единять так, чтобы политическое руководство было в наших руках. Мы, ведя всю трудящуюся массу по тому пути, который мы считаем правильным и который является правильным, должны найти для этого самые различные формы, но брать их в таком организационном сочетании, чтобы обеспечить культурную гегемонию над нашей огромной страной и тем самым укрепить общеполитическую гегемонию рабочего класса в стране.

Тут нужно не бояться размаха работы. У некоторых товарищей есть своего рода боязнь: справимся ли мы здесь с громадными задачами, которые стоят перед нами. Точно так же перед ленинским призывом многие товарищи говорили: не слишком ли много мы забираем, справимся ли мы, овладеем ли мы всем потоком, который прет навстречу?

Мне кажется, что всякие рассуждения такого рода совершенно бесплодны. Налицо совершенно неизбежный исторический процесс, который выражает огромный культурный рост и является огромным приобретением нашей революции. Бояться, что мы не справимся с этими задачами, было бы непониманием того, что происходит. Поэтому все рассуждения, которые идут от боязни, должны быть совершенно отметены, но тем энергичнее, настойчивее, сильнее должны мы стремиться этот процесс охватить своим организационным и идейным влиянием. Этот процесс при надлежащем

руководстве и при надлежащих организационных формах (а надлежащими организационными формами являются такие организационные формы, когда мы с малым количеством людей сможем овладеть культурным ростом огромной массы) сможет в конце концов подвести нас к той основной задаче, которую поставил тов. Ленин.

Если у нас будет такая сцепка целого ряда организаций и маленьких низовых ячеек, которые в общем и целом будут выражать советское общественное мнение, когда из всех этих ячеек вырастет огромный передаточный механизм между массами и нашей партией и государственной властью, тогда мы сможем решить и решим наверняка задачу всенародного контроля, о которой мечтал тов. Ленин. Но это не будет рост „культуры вообще“, а это будет рост культуры, руководимой и направляемой Коммунистической партией.

Мне кажется, что вы должны быть пионерами этого движения советской коммунистической культуры, бродилом, но таким, которое не только бродит или колобродит, но вкладывает этот культурный рост в определенные организационные формы и в конце концов подгоняет их к нашим общим большим рабочим организациям, в том числе к государственной власти.

ПРИБЛИЖАТЬ СОВАППАРАТ К МАССАМ

Я должен остановиться на третьем пункте, который, несмотря на всю свою прозаичность, играет очень большую роль. Этот вопрос я назвал бы (извините за неблагозвучность) вопросом о культурности нашего советского чиновничества. Наша беда в том, что наши советские чиновники являются чиновниками в самом плохом смысле этого слова: они не имеют тех качеств, какими должен обладать хороший чиновник, хороший государственный служащий.

Само собой разумеется, что это часто не вина, а беда этого слоя наших администраторов; само собой разумеется, что очень скверную роль в этом смысле играют некоммунистические элементы в нашем аппарате. Но мы знаем, что и наши коммунистические элементы, в силу целого ряда суб‘ективных и об‘ективных причин, также не отличаются особенными добродетелями, которыми они должны были бы отличаться. Это не то, что секрет полишинеля, но это всем намозолило глаза: теперь на эту тему даже ставятся, говорят, комедии.

Но мы должны взглянуть на этот вопрос не только с точки зрения смеха и забавы. Это—крупнейшая государственная проблема. Нам нужна известная культура советского администратора, которой у нас нет. Тут много совер-

шенно элементарных вещей, которые нужно внедрить в сознание всех работающих в нашем аппарате.

Вежливое обращение! Эта добродетель имеется у любого буржуазного чиновника, но ее нет у девяноста процентов наших администраторов. Верхушечные коммунисты лают на людей, потому что они заняты, их приводит в остервенение каждый добавочный проситель; средний слой лает потому, что вообще у нас нет такого разделения труда, где была бы ответственность; третьи лают потому, что знают, что тот, кто пойдет жаловаться, трижды сломает себе шею, пока найдет того, кому нужно жаловаться.

Нам нечего гордиться, что мы здесь шагнули чрезвычайно вперед. Конечно, намерения у нас благие, но благими намерениями вымощен, как известно, ад. У нас до сих пор нет того, что называется „корпоративнсй честью", а если и есть соответствующие правила, то у сравнительно небольшой прослойки. Мы все—революционные коммунисты. Мы все отлично знаем, что „базис"—очень хорошая вещь, что „надстройка"—дело второстепенное. Но было бы совершенно неправильно, если бы мы не понимали, что нам нужно действовать сразу со всех сторон. Мы были бы величайшими идиотами, выражаясь мягко, если бы сосредоточили свои силы исключительно на подведении базиса. Общество есть целое, где все части находятся во взаимодействии, и только тогда получится правильная пропорция, если мы на все части будем направлять удары одновременно.

Если мы с этой точки зрения подойдем к проблеме нашего администрирования, к вопросу о борьбе с бюрократизмом, к вопросу о приближении аппарата к массам, то каждый из нас должен ставить себе задачу: следить за порядком, за правильным обращением с приходящими, чтобы каждый считал своим долгом культивировать соответствующие правила и создавать общественное мнение среди данного слоя, которое хотя бы отчасти выполняло ту функцию, которая в буржуазном обществе выполняется так называемой „корпоративной честью".

Значит, создание определенного общественного мнения, создание своеобразной культуры советских работников, которая распространяется и на их отношения между собой и на их отношения к тем, кто к ним приходит, есть непременное условие нашего дальнейшего роста.

Конечно, очень часто над этим вопросом у нас (еще Владимир Ильич отмечал это) не думают только потому, что у нас много было других колоссальных задач, но в конце концов из-за этого мы дошли до того, что учебные заведения у нас больше всего напоминают хлев, несмотря на то, что мы являемся сторонниками самых лучших методов преподавания нук. Когда мы не обращали внимания на

чистоту улиц, у нас была великая грязь, и мы ежедневно в Москве рисковали всплыть со всей Москвой, со всеми ее коммунистическими кадрами, если лопнут канализационные трубы. Нужно вспомнить, что темп развития у нас другой. Раньше на эти вопросы внимания не обращали, но теперь нам необходимо обратить внимание на опасность возможного перерождения общественных тканей.

ПОМОГАТЬ КОМСОМОЛУ И ПИОНЕРАМ

Я хотел еще сказать несколько слов (прошу не считать, что это стало моей специальностью или профессией) о молодежи.

Тот хозяин, который обращал бы внимание только на оборотный капитал, который не заботился бы об основном капитале, вылетел бы в трубу, может быть, через несколько лет, но вылетел бы по всем правилам марксистского искусства.

Перед нами в настоящий момент стоят два вопроса.

С одной стороны, мы ведем текущую работу, которую я условно называю оборотным капиталом; с другой стороны, мы подводим такой фундамент под всю общественную постройку, который можно назвать основным капиталом. Если мы чиним какие-нибудь дыры в тресте, то это, конечно, крайне необходимая работа; но если бы мы не строили электрических станций, то это было бы ребячеством, ибо если мы не начнем сейчас этих крупных работ, хотя бы и постепенно, то мы и через несколько лет ничего не получим. Если же мы, хотя бы и очень медленным темпом, будем вести работу в этом направлении, то через некоторое время мы получим такой прирост могущества, крепости и устойчивости, который обеспечит нам победу.

Я считаю, что в области людского материала (а вопрос о людях есть, как известно, далеко не последний вопрос, ибо люди делают историю) такое же положение. На XI с'езде партии тов. Ленин сказал, что мы подошли к вопросу о подборе людей. И это правильно. Вы воплощаете в себе часть этой людской проблемы. Но вы сейчас же „пускаетесь в оборот", а перед нами стоят еще задачи не столь пожарные, но чрезвычайно важные.

Здесь я должен обратить ваше внимание на следующее обстоятельство. Очень часто у нас представляют (это одно из вульгарных представлений и это вызвало возмущение Владимира Ильича), что мы закрепим „вечное царство пролетариата". Это неверно. Задача рабочего класса—полное уничтожение классов вообще. Ясное дело, что это уничтожение классов не может выскочить с быстротой пистолетного выстрела. Мы укрепляем классовую диктатуру. Рабочий

класс ведет за собой остальные классы. Но в то же время с известного момента начинается перерождение остальных классов, их деформация, и с некоторого времени и рабочий класс начинает менять свои черты, как особого класса, и в этом ничего ужасного нет. Наоборот, это будет высшим нашим достижением, когда у нас начнет нащупываться бесклассовое общество. Конечно, это очень отдаленный момент будущего, гораздо более отдаленный, чем осуществленная электрификация, но мы были бы не революционными марксистами, а чорт знает чем, если бы мы не понимали, что уже приближение к бесклассовому обществу в той мере, в какой это возможно, мы должны по мере наших сил осуществлять.

И это в первую голову находит свое выражение в идеологической переработке все более широких кругов населения. Понятно, что этой переработке легче всего поддаются наиболее низкие возрастные группы—молодежь и еще более дети.

Задача воспитания на новых рельсах самого молодого поколения является одной из важнейших задач. Очень часто товарищи не понимают, что, проделывая эту работу,—не боясь, что здесь мы берем в переработку не только пролетариев, но и другие слои,—рикошетом, так сказать, мы перерабатываем и более взрослый человеческий элемент.

Если проблемой всех проблем, куда упираются все вопросы политики, является проблема отношений между рабочим классом и крестьянством, то само собою разумеется, что, когда мы будем говорить о работе в деревне, мы должны будем обратить сугубое внимание на обработку подрастающего поколения в деревне.

В этом отношении дело обстоит чрезвычайно плачевно. По существу дела должно было быть так, что чем ниже возрастная группа, тем шире социальный охват (как я докладывал на партийном с'езде). Но у нас к самому молодому поколению—к детям—обратное отношение. У нас есть пионерское движение—новая организационная форма, которая ломает старый быт и дает новую культуру. Но по отношению к деревне эта организационная форма является чрезвычайно малой величиной.

Вот эта „культуртрегерская“ задача, задача по отношению к низким возрастным группам и в том числе к детям, мне представляется очень важной. Это—подготовка людского основного капитала. Решение этой задачи не скажется в течение ближайшего года или ближайших годов, но эту основную задачу мы должны начать решать для того, чтобы через несколько лет мы получили хорошие результаты.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ШАБЛОНА

Теперь перехожу к еще одному вопросу, по которому должен сделать особое замечание. Этот вопрос—вопрос методологический, если хотите.

Нужно остерегаться всякого штампа. А это у нас, к сожалению, не всегда выполняется в нашей партийной организации, даже тогда (что особенно вредно), когда идет работа среди молодых возрастов.

Если мы возьмем комсомольцев, то они в значительной степени штамповщики, они бо́льшие параграфщики, чем люди, ведающие учраспредами. Вот в этом большая опасность. Большой вопрос, который скрывается за этим маленьким вопросом о штамповщиках, это вопрос о том, что необходимо приспосабливаться к каждой оригинальной ситуации, к оригинальным процессам, надо уметь их прощупать и находить оригинальные решения. В чем заключалась сила Владимира Ильича, в чем заключалось его качество, которое давало ему в руки ключи от всех шкафов? Именно в том, что у него было все, что угодно, но не было шаблона. Это делало его гениальным стратегом. Любой поворотный момент, какая-нибудь мелкая деталь, которая имела большое симптоматическое значение, любое оригинальное явление вызывали и соответствующую реакцию, оригинальный метод решения задачи. В этом и заключается искусство настоящего полноценного работника.

Средний работник есть ремесленник своего дела, он действует по штампу, в нем нет никакой изюминки, никакой Америки он не откроет. Наша беда, или наше счастье (я думаю скорее, что наше с ч а с т ь е) заключается в том, что, если для устойчивого режима, для устойчивых отношений, скажем, для буржуазии 10 лет назад, достаточно было штамповщиков, параграфщиков и т. д., то для нас это не подходит. В этом особенность нашей эпохи. Нам штамповщика совершенно недостаточно, потому что у нас такой бешеный темп работы, такие сдвиги, столько оригинального и такое отсутствие аналогий с тем, что делается в других странах, что все это требует чего-то большего, чем простых ремесленников.

Мы говорим, что нужно соединить теорию и практику. Мы нащупываем такой новый тип работника, который бы, с одной стороны, имел определенный горизонт, а с другой стороны, знал бы практику. Такой человек мог бы применяться к оригинальным задачам и в каждом случае правильно разрешать их. Очень часто наши мероприятия терпели крушение именно потому, что мы не понимали своеобразия ситуации и действовали по готовым шаблонам. Так у нас происходило в торговле, в хозяйственном строительстве,

вообще в административном аппарате и т. д., и т. д. Вы, свердловцы, получили определенный заряд и, мне кажется, вы-то и должны быть теми щупальцами, которые чуют оригинальное, которые умеют сделать соответствующие практические выводы.

Здесь нужно иметь известный размах, но в то же время нужно быть в величайшей степени осторожным. Этому также учил Владимир Ильич: „лучше меньше, да лучше“,— писал он, и это уже стало почти народной поговоркой, В то же самое время нужно иметь известную смелость, известный размах, чтобы выводить то особенное, что дает возможность решить правильно задачу, применяясь к каждому случаю. Надо беспощадно бороться с стремлением к шаблону вместо живого анализа и живой работы.

В заключение мне хотелось бы сказать несколько слов относительно нашего будущего и тех настроений, которые очень часто бродят даже в нашей собственной среде. Мне уже случалось выступать по этому поводу публично. У нас до сих пор имеется часть, правда, незначительная, товарищей, которые настроены в общем и целом довольно пессимистически. В значительной степени это связано еще с тем, что люди еще до сих пор не переварили, как это ни странно, новой экономической политики, которая давным давно из внучки превратилась в бабушку. Если вспомнить выступление Ильича на предкронштадтском с‘езде партии, когда мы вводили новую экономическую политику, то нужно сказать, что тогда некоторым из нас приходилось выступать перед иностранцами с чувством некоторого смущения; нам казалось, что нам нужно несколько извиниться за новую экономическую политику, вообще за уступки: „конечно, мол, это грязноватое дело, мы должны были это сделать, но лучше, чтобы этого не было и т. д., и т. д.“ Мне кажется, что мы теперь это должны совершенно выкинуть из наших душ (да простят мне имеющиеся здесь енчменисты), это совершенно не нужно сейчас для нас. Правда, у нас есть опасности большие, но вовсе не верно, что наша новая экономическая политика является сплошной уступкой; мне кажется, с полной очевидностью выясняется, что это не так, что новая экономическая политика—единственно возможное начало хозяйственной политики рабочего класса вообще.

В чем состоит хозяйственная политика в настоящем смысле слова? В том, что дается возможность развития производительных сил. Если мы ведем такую политику, которая не дает возможности развития производительных сил, то она есть все, что угодно, но не хозяйственная политика. В лучшем случае, как это было у нас, это— рациональное потребление уже готовых запасов. Смысл военного коммунизма в этом и заключался в первую очередь.

Но мы совершенно ясно видели, что двигать производство мы были не в состоянии в эпоху военного коммунизма, несмотря на то, что мы стремились к этому. Почему? Потому, что была полная хозяйственная размычка между городом и деревней. А почему была эта размычка? Потому, что военно-коммунистическая система подрезала всякий стимул к какой бы то ни было хозяйственной деятельности у частного производителя и у крестьянина в первую очередь: если мы все отбираем, ему не за чем расширять посев. На этой почве вести хозяйственную политику нельзя было, а поскольку мы начали вести хозяйственную политику, это совпало с первыми шагами новой экономической политики. Новая экономическая политика, с этой точки зрения рассматриваемая, есть не что иное, как начало хозяйственной политики рабочего класса, т. е. той политики, при которой об'ективно возможно развитие производительных сил.

Конечно, здесь огромнейшие опасности; на тему об этих опасностях было сказано очень много. Но в наших руках есть крупное производство, в наших руках есть средства сообщения, а нам противостоят распыленное мелко-буржуазное производство и очень незначительные крупицы частного (крупного или среднего) капитала. Эти частицы растут, и в этом центральная опасность. Но по мере того как подводится базис под наше крупное производство, как мало-мальски укрепляется хозяйственный базис, как начинает развиваться наша крупная промышленность,—вступает в силу закон превосходства крупной промышленности: его же не прейдеши.

Этот прогресс с определенного пункта пойдет быстрее, чем раньше. Почему? По очень простой причине: когда происходит регресс производительных сил, тогда преимущества крупного производства уничтожаются, огромное оборудование становится невыгодным; огромный завод не окупает себя. Ясно, что есть об'ективная закономерность в том, что вместо крупных магазинов появляются мелкие торгаши—торговать мелким лавочкам стало выгоднее, чем крупным магазинам. Это—общий процесс попятного движения.

Наоборот, когда подводится мало-мальски твердый базис под крупную промышленность, когда производительные силы начинают развиваться, преимущества крупного производства дают себя знать во все возрастающей степени. Мне кажется, что если мы совершенно ясно представим себе картину, как мы и к плановому хозяйству и к коммунизму придем методами конкурентной борьбы, то абсолютно нечего хныкать, что процесс будет долог или что грозят еще такие опасности, которых мы не в состоянии преодолеть. Было бы легкомыслием отрицать опасности, стоящие перед нами, но основное настроение нашего духа должно быть в высшей степени оптимистическим. Это нужно во что бы то ни стало

одчеркнуть, потому что остатки пессимизма и та червоточина, которая имеется в сердцах части, хотя и очень небольшой, наших товарищей, происходит, мне кажется, из непонимания теперешнего положения вещей, из того, что в глубине души нэп с трактирной вывеской представляется им таким чудовищем, против которого нельзя выходить в бой и победить которое невозможно. Это представление нужно изжить, теоретически оно неправильно и практически ни к чему не ведет.

В общем и целом мы сейчас видим, как мы придем к социализму. Мы придем к социализму не так, как думали раньше, а гораздо более прочным и основательным путем. Вот почему все работники нашей партии должны быть настроены на один камертон, на оптимистический камертон—но не легкомысленного оптимизма, который не видит опасности. Достаточно крепкое самочувствие является также немаловажной предпосылкой для соответствующей работы. Издерганный человек, сомневающийся человек (не в том смысле, что он взвешивает различные шансы холодным путем, рассчитывает шансы на победу и поражение, а человек, который при всех условиях и всех обстоятельствах сомневается именно потому, что он психически развинчен и взвешивает и рассчитывает неправильно), такой человек не может работать. Это настроение нужно преодолеть. Это не есть пожелание, а есть условие нашей работы. Только тот делает свою работу хорошо, кто, несмотря на то, что видит трудности, уверен в победе. Это не значит, что он высчитал или может высчитать победу до малейшей запятой, но это то чувство, которое свойственно классу, который победил и который победит окончательно в будущем. У нас нет никаких логических оснований быть пессимистами.

Вот почему мое последнее пожелание вам, раз'езжающимся всюду и везде: будьте здоровой, крепкой, оптимистической свердловской расой, которая переделает в конце концов нашу великую страну.

Речь на торжественном заседании в честь первого выпуска свердловцев.

* * *

БЕРЕЧЬ МОЛОДЫЕ СИЛЫ!

Мы сейчас на все лады повторяем, что культурные наши задачи стоят на первом плане. Все отлично понимают, что эти задачи будут решаться хорошо или плохо в зависимости от того, какие кадры культурных работников сможем мы подготовить в ближайшем же будущем.

Эти кадры мы готовим в наших высших учебных заведениях (вузах). Чем большее число квалифицированных работников мы получим, тем быстрее мы будем двигаться по линии хозяйственного, а за ним и всякого другого под'ема, и притом в направлении к социализму.

Мы видим все опасности, которые есть на нашем пути... Мы подчеркиваем опасность возможного отрыва этого кадрового слоя от рабочих масс и его перерождения. Мы боремся по мере сил с этой опасностью, и нельзя сказать, чтобы без успеха.

Но нужно наконец со всей настойчивостью подчеркнуть другую опасность, тоже грозную, с которой борьба ведется далеко не так дружно.

Это есть опасность преждевременного физиологического истощения, подрыва и гибели нашего молодняка.

Теперешнему студенчеству, в особенности пролетарской его части, приходится работать гораздо интенсивнее и с суб'ективной точки зрения гораздо труднее, чем студенчеству дореволюционному. Между тем его положение несравнимо даже с положением „голодающих" студентов прежних времен. „Ужас" тогда состоял в питании белым хлебом, гречневой кашей, колбасой, чаем и т. д. Теперь наши студенты сидят на селедке, а чай с сахаром является чуть ли не роскошью. Мы говорим о материальной привилегированности и отрыве от масс. А наш пролетарский „студент" получает меньше среднего рабочего, не имеет элементарнейшего жилья, обуви, одежды, не может ходить в баню,

да вдобавок не имеет возможности пользоваться **книгами** иначе, чем с величайшим трудом!

Переутомление, физическое истощение, болезни (в том числе и нервные)—вот результаты. Добросовестнейшие работники из молодежи, ищущие знаний, преданные революции и рабочему классу, часто выбиваются из сил, буквально гибнут.

На это нужно наконец обратить самое серьезное внимание. Мы не получим нужных работников, если они будут преждевременно выходить из строя. Мы не получим того, в чем нуждаемся, если первый урожай, снятый с вузовских полей, будет физически гнилым, больным, слабым, хилым. А опасность эта чрезвычайно велика. Правда, она парализуется отчасти здоровьем новых низовых социальных слоев; но и самых здоровых такая обстановка может надломить и искалечить. Хищническая растрата молодых сил сейчас не рациональна ни с какой точки зрения, и такому „хозяйству“ должен быть положен предел авторитетной твердой рукой нашей партии и советского правительства.

«Правда»
1 июля 1923 г.

* * *

ОБ УПОРЯДОЧЕНИИ БЫТА МОЛОДЕЖИ

В своей замечательной статье „О кооперации“ тов. Ленин говорит, что теперь изменился „коренным образом наш взгляд на социализм“. От работы боевой и разрушительной мы перешли к „мирно-организаторской“ работе. Эту мирно-организаторскую работу тов. Ленин предлагает углубить и расширить настолько, чтобы произошла у нас целая „культурная революция“.

Что значит культурная революция? Это значит такой переворот в свойствах людей, в их жизненных привычках, в их чувствах и желаниях, в способе их жизни, в их быту, такой переворот, который делает из них новых людей.

Очень часто мы однако не замечаем, что для строительства новой жизни действительно нужно коренным образом изменить наши представления о целом ряде вещей.

Возьмем, например, область производства. Раньше, при капиталистическом обществе, хороший рабочий, хороший член партии был вовсе не „старательный рабочий“. Добро ведь все было „ихнее“, „хозяйское“. Революционный пролетарий вовсе не хвастался тем, что он столько-то и столько-то вырабатывает. Он, наоборот, гордился тем, что провел стачку, здесь или там „утер нос“ хозяину или мастеру и т. д. Рабочие, много и хорошо работавшие, слыли „подлизами“ или „шкурниками“, за грош продававшими хозяину душу и тело.

После захвата власти такая психология, такие взгляды из революционных становятся реакционными, из условно-полезных — безусловно-вредными. Теперь мы с полным правом можем назвать шкурником всякого лодыря, нерадивого, неряшливого работника. „Какой же он работник!“—это должно звучать укором и презрением.

Все это весьма понятно. Ведь оценка человеческих свойств тоже меняется в зависимости от эпохи, от ее задач, от ее основных черт.

А между тем часто бывает, что старая точка зрения держит за фалды, мешает, путает карты, производит в головах сумбур. Часто бывает, что люди продолжают хвастаться и гордиться, кичиться и чваниться старьем, не замечая, как они смешны и глупы в своем хвастовстве.

Такая история, к сожалению, очень и очень часто происходит с нашей молодежью. И „Комсомольская Правда" должна повести с этим прямую, систематическую, изо дня в день идущую борьбу.

Мы хотим здесь показать, как наша молодежь иногда, сама того не замечая, находится в вавилонском пленении у устаревших взглядов, у устаревших представлений и как это пленение вредно отражается на нашей работе, мешает „культурной революции", задерживает и тормозит наше строительство.

Если мы возьмем „передовую" литературу старого времени, то она, естественно, была преисполнена протеста против всего строя жизни, против всего ее „порядка", против всех установленных „законов и обычаев". Кто считался самым ненавистным, пошлым типом? Тот, кто жил строго размеренной жизнью, кто упорядочивал свою жизнь, кто помаленьку и потихоньку клал кирпичики и кирпичики в здание тогдашнего строя, строя экономического, политического, морального, идеологического вообще. Кто считался героем тогдашней передовой литературы? Тот, кто выходил из рамок и „пазов" тогдашней жизни. Пусть он был безалаберным: это протест. Пусть он самым странным образом выражал этот протест— все равно: об'ективно это означало итти в разрез с проклятым, не нашим, „ихним" строем.

Правда, рабочие не нуждались и тогда в подобных вывихах. Они были заняты планомерной и систематической подготовкой революции. Они требовали жестокой дисциплины в своих рядах. Но и они сочувствовали всякому нарушению „обычного". На такой литературе, на таких чувствах воспитывалась и вся молодежь. „Протест" выражался в самых разнообразных формах: запрещено было курить—поэтому курили; заставляли носить форму—поэтому ее не носили; проповедывали (власть имущие и их идеологи) порядок, „нормы" и т. д.—поэтому ценили, хвалили, воспевали, культивировали (растили и холили) такие привычки и нравы, которые шли в разрез с установившимися привычками и нравами.

В общей сложности все это было средством разложения старого порядка. Но вот старый порядок сметен. Новое наступило. Наша страна сейчас не хозяйская. А есть

люди, есть молодежь (и очень, очень много таких), которые продолжают тянуть старую песню, думая, что это-то и есть самое революционное, достойное похвалы. А на деле выходит: такие ребята—круглые дураки.

Вот слышали вузовцы, что старые революционные студенты считали замечательно храбрым войти в аудиторию в шапках и там закурить. И продолжают посейчас: лихо заломленные фуражки, облака дыма, грязь и копоть. Портят воздух, портят самих себя, мешают жить друг другу, гадят свое собственное добро. А ведь воображают, что это— „стиль новой жизни". Стиль новой жизни однако это—выметать грязь, а не растить ее, да притом в своих собственных карманах.

Слышали, например, некоторые наши юноши и девушки, что весьма революционным считалось плевать на всяческие и все стеснения в области половых отношений. Тогда это был резкий протест против слепых предрассудков общества, против гнусных законов так называемого „семейного права", против принижения женщины. Теперь эти законы давно сметены. Но люди не понимают этого и попрежнему считают, что максимум неурегулированности—самый святый закон. Не важно, что у нас нет для многого материальных условий. Не важно, что будут страдать молодые матери, а девушки должны себя систематически калечить. Не важно, что из детей получаются уроды. Да здравствует полная неурегулированность, полная стихийная „беззаботность".

А на деле выходит: портят жизнь себе, другим, новому поколению. Старое слово повторяют при новых условиях. Не понимают, что не в абстрактной постной морали здесь дело, а в том, что даже так называемые „ясли" у нас еще больше на бумаге и что с этими вещами нужно считаться. Не строят новое, а разрушают его зародыши. А гордости (гордости неведения и „святой" глупости)—хоть отбавляй.

Слышали люди „звон", что очень героично вообще вести беспорядочную, необычную, „оригинальную" жизнь. И во всем стараются поддержать честь и славу этого знамени. А не замечают, что воспевают старый хлам, что являются старьевщиками и мусорщиками „при старом дворе", а не строителями нового, поскольку так рассуждают и так себя ведут.

Передовая молодежь города и деревни должна начать борьбу с этими остатками старого. Она должна начать решительную борьбу за упорядочение быта, за „культурную революцию", за новые привычки, за новые черты и свойства молодого поколения, за новый тип здорового, веселого, жизнерадостного, но и в то же время в высшей степени делового, активного, умеющего работать, умеющего распределять свое время человека.

Нужно об'явить беспощадную войну пропагандистам „богемских“ нравов и хвастунишкам, которые „все“ знают и ничего не знают, всем готовы командовать и ничего не умеют сделать сами, этим „аристократам духа“, метящим в герои, но не имеющим за душой ломаного гроша (а такие разводятся среди нашей молодежи). Не такие люди нужны нашей эпохе. Будем лучше брать пример с Ленина, великого вождя и не менее великого человека: он ведь мог сделать так много потому, что умел работать и имел громадное чувство ответственности перед классом, за дело которого он отдал свою жизнь.

Строительство нового общества требует пролетарской дисциплины, а не интеллигентской или мелко-буржуазной расхлябанности и беспорядочности. Эта дисциплина—не палочная дисциплина, а высшее выражение самовоспитания—должна проникать собою все поры нашей жизни. На основе этой дисциплины, об'ективно нужной именно для нашего времени, складываются наши успехи. „Нам нужны не истерические порывы, а мерная поступь железных батальонов пролетариата“.

„Комсомольская Правда“
24 мая 1925 г.

* * *

ПАРТИЯ И МОЛОДОЕ ПОКОЛЕНИЕ

„СТАРИКИ“ И МОЛОДЕЖЬ В НАШЕЙ ПАРТИИ

Во время нашей дискуссии всплыл в числе прочих вопросов также и вопрос о соотношении между старым ядром нашей партии и подрастающей молодежью.

Этот вопрос сам по себе заслуживает пристальнейшего внимания. Если единогласно принятая резолюция политбюро ЦК совершенно справедливо указывала, как на одну из опасностей, на опасность извращенной специализации, которая сужает горизонт и разрывает партию на части с различными сферами опыта; если резолюция политбюро, указывая на эту опасность, призывает к борьбе с этой разобщенностью, то можно сказать, что тот же по существу вопрос стоит перед нами и в своеобразной форме вопроса о „старых“ и „молодых“.

У нас дело не в простых возрастных делениях, связанных с количественной разницей опыта и с определенными чертами, вытекающими лишь из возрастной характеристики.

У нас дело много сложнее. Во-первых, среди нашей молодежи есть товарищи, которые почти не видели капиталистического режима в его полном об'еме и для которых „городовой“ является голой абстракцией. Во-вторых, есть даже такие группы и слои, которые начали сознательно жить уже на повороте к миру, т. е. не имели даже опыта гражданской войны. И наконец, в третьих, мы имеем очень большую группу молодежи, учащихся в наших вузах, т. е. уже специализирующейся на определенной образовательной подготовке. Это—наша будущая (а до известной степени и настоящая) новая интеллигенция.

У этой прослойки в нашей партии имеется свой, особый, тоже до известной степени отдельный опыт. Недаром она—

будущие наши спецы. Эта молодежь—наша надежда! Эта молодежь пойдет на смену нашей старой гвардии. Но в то же самое время именно эта молодежь, которая об'ективно стоит на перепутьи вместе со всей страной, гораздо скорее, чем какая-либо другая прослойка (отчасти и в силу своей большей чуткости, но главное, в силу специализации), может подвергаться чуждым марксизму идеологическим влияниям. Не даром именно здесь развивался енчменизм, богдановщина, „Рабочая Правда“. Вот почему, ставя на нашу молодежь очень крупную ставку, партия тем не менее не должна ни льстить молодежи, ни тем более противопоставлять ее „старой гвардии“. Наоборот, задачей партии и здесь являются наиболее интимные, прочные, крепкие связь и смычка. Только поскольку будет совершаться постоянный приток молодых сил в наши ряды, поскольку здесь не будет никакого барьера, постольку мы будем правильно решать и решим проблему „стариков“ и молодых.

Мы имели уже примеры, как оторвавшиеся от марксистской пуповины идейные течения внутри молодежи об'являли старую гвардию не только старой, но и устарелой и отказывали ей в выдаче енчменовских „физиологических паспортов“. Для нового дела „старые“, мол, не нужны. Иногда же слышатся голоса, которые так же презрительно отзываются о „подпольщиках“, как презрительно некоторые товарищи говорят и об „аппаратчиках“. Не только наша организация, наша подпольная традиция, но и наша марксистская теория некоторыми начинает считаться устаревшей.

Конечно, все это только симптомы. Но все же те, кто при наличии этих симптомов и нездоровых течений начинает намекать на „перерождение“ руководящих партийных штабов при одновременном похлопывании по плечу и восхвалении молодежи, те оказывают партии поистине медвежью услугу. Нужно брать в данном случае пример с тов. Ленина, который не льстил молодежи, а, отдавая ей должное, просто и без фразы указывал на те опасности, которые вытекают из ее положения.

Задача старшего поколения—в том, чтобы дать ход новым товарищам из молодежи, всячески выдвигая их, поощряя их, поддерживая и помогая. Задача младшего поколения—в том, чтобы не оторваться от хороших традиций партии и, критически усваивая нашу марксистскую идеологию, в то же время не сбиваться на базарные идеологические продукты с подозрительным фабричным клеймом.

Задача старой гвардии—в том, чтобы постоянно освежать партийный аппарат молодыми силами. Задача молодежи—в том, чтобы, обеспечивая преемственность в жизни и в организации партии, не уклоняться в сторону от тех задач, которые выдвигает наша великая эпоха.

Вся партия должна понимать, что основной ее группой было, есть и будет ее **рабочее ядро**, с которым в теснейшей связи должна находиться и новая партийная интеллигенция.

Не разделять партию на различные части с различными сферами опыта, а об‘единять этот опыт и об‘единять все части партии—такова деректива единогласно принятой резолюции. Именно эту резолюцию нужно проводить в жизнь, а не наигрывать на струнках интеллигентского сепаратизма.

„Правда"
14 декабря 1923 г.

* * *

К ВОПРОСУ О ПОКОЛЕНИЯХ В ПАРТИИ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДСКАЗАНИЯ ИЛИ ФРАКЦИОННЫЙ ХОД?

Громадная „раз'яснительная“ статья тов. Троцкого относительно „партийных поколений“ и „общественного состава партии“ является в некотором роде сенатским раз'яснением. То, что тов. Троцкий поставил в своем письме к районным собраниям очень остро, настолько остро, что сразу же возбудил против своей „линии“ громадное недовольство старых партийцев, теперь буквально топится в теоретизирующих рассуждениях общего характера. А так как многие из этих рассуждений, взятые сами по себе, верны, то, естественно, в ватных одеялах этих рассуждений гораздо легче спрятать „иголку“, которая была направлена по адресу старых большевистских кадров и ЦК партии в первую голову.

Поэтому приходится раньше всего напомнить ту постановку вопроса, которая была у тов. Троцкого в первом варианте его анализа проблемы („стариков“ и „молодых“).

„Намекая“ на возможность перерождения „ближайших учеников Ленина“, тов. Троцкий писал:

> „Перерождение „старой гвардии“ наблюдалось в истории не раз. Возьмем наиболее свежий и яркий исторический пример: вожди и партии II Интернационала. Мы ведь знаем, что Вильгельм Либкнехт, Бебель, Зингер, Виктор Адлер, Каутский, Бернштейн, Лафарг, Гэд и другие были прямыми и непосредственными учениками Маркса и Энгельса. Мы знаем однако, что все эти вожди—одни отчасти,

другие целиком—переродились в сторону оппортунизма в обстановке парламентских реформ и самодовлеющего роста партийного и профессионального аппарата. Мы видим особенно ярко накануне империалистской войны, как могущественный социал-демократический аппарат, прикрытый авторитетами старшего поколения, стал величайшим тормозом революционного развития. И мы должны сказать,—именно мы, „старики",—что наше поколение, естественно играющее руководящую роль в партии, не заключает в себе однако никакой *самодовлеющей* гарантии против постепенного и незаметного ослабления пролетарского и революционного духа, *если допустить, что партия потерпела бы дальнейший рост и упрочение аппаратно-бюрократических методов политики*, превращающих молодое поколение в пассивный материал для воспитания и поселяющих неизбежно отчужденность между аппаратом и массой, между стариками и молодыми".

И одновременно с этим тов. Троцкий, выдвигая на авансцену „молодежь", предлагал ей „брать революционные формулы с боем", вырабатывать себе „*собственное лицо*" (курсив наш), очевидно, отличное от *общепартийного* „лица". При этом т. Троцкий совершенно не оговаривал тех опасностей, которые стоят на пути молодежи, не сказал ни слова о возможности ее, молодежи, перерождения, не написал ни строчки о том, что „собственное лицо" может оказаться „лицом", *чужим* для коммунизма. Словом, старым кадрам и ЦК партии (именно ему в первую голову) был сделан „намек" путем исторической аналогии на возможное превращение в социал-предательскую шайку; по отношению к возможному перерождению молодежи имелась фигура умолчания. „Смысл философии сей" был ясен всякому, даже не особенно искушенному в политике: тов. Троцкий начал атаку на ЦК и на старые партийные кадры, стремясь в этой атаке опереться на молодежь, с использованием всех—и сильных и *слабых*—сторон этой молодежи (недостаточный большевистский закал и т. д.)

Теперь тов. Троцкий делает удивленные глаза по поводу „мнительности" (!) и „аппаратного высокомерия" (!!) тех многочисленных товарищей, которые, очевидно, имеют плохой вкус и не особенно любят, когда их—да еще без приведения каких бы то ни было серьезных доказательств—зачисляют по социал-предательскому ведомству. И тов. Троцкий изображает дело таким образом, что речь шла об обсуждении теоретической возможности, о процессах, которые „развиваются... почти незаметно", о теоретическом „марксистском предвидении" и т. д. и т. п.

Здесь мы должны решительно протестовать. Можно обсуждать какие угодно теоретические вопросы, в том числе и вопрос о перерождении партии, соввласти, ЦК,—кого и чего угодно. Некоторые товарищи ставили эти вопросы давным давно, задолго до теперешних дискуссий. Но ведь тов. Троцкий выступал не с докладом в соцакадемии, а обратился во время ожесточенной партийной дискуссии через голову ЦК непосредственно к партийным собраниям, дискутирующим актуальнейшие вопросы! В этом весь гвоздь.

Тов. Ленин на X с'езде говорил по поводу некоторых оппозиционных выступлений:

„Разве вы не видите разницы между пропагандой идей внутри борющихся политических партий и обменом мнений в специальных изданиях и сборниках?..

Кто интересуется изучением цитат из Энгельса до тонкостей,—пожалуйста! Есть теоретики, которые всегда дадут партии полезный совет. Это необходимо. Но разве это похоже на борьбу платформ, разве это можно смешивать? Этого никто из желающих вникнуть в наше политическое положение не смешает". (Протоколы, стр. 284).

А тов. Троцкий,—может быть, потому, что не желает „вникнуть в наше политическое положение", — все время тщетно тщится смешать эти вещи. Никто ни слова упрека не сказал бы тов. Троцкому за обсуждение „теоретических возможностей".

Но суть дела как-раз в том и заключается, что мы имеем резко выраженное, платформенное, политическое выступление. Это выступление есть не что иное, как атака на ЦК при помощи тяжелейших (самых тяжелых для ЦК революционной партии) обвинений при желании опереться на неискушенный молодняк. Так и только так можно расценивать „стратегический план" тов. Троцкого.

ОБОЛЬШЕВИЧИТЬ МОЛОДЕЖЬ!

...Необходимость нового курса признается всеми. Доказывать еще и еще раз эту необходимость—это значило бы ломиться в открытую дверь. Партия должна использовать передышку для того, чтобы подтянуть партийные резервы, повысить их политическую активность, самодеятельность, инициативу, политическую культурность; чтобы на этой основе поднять на высшую ступень большевистское самосознание партии; поднять на высшую ступень ее дисциплину, ее сплоченность, ее единство и т. д. Если мы эту скромную „передышечную" задачу выполним,—а мы ее

выполним наверняка,—то в новый бой партия вступит не просто со „старым“ курсом, а со „старым“ курсом, обогащенным всей той работой, которая будет проделана нами теперь, за время „нового“ курса. Основной же задачей здесь является не разбольшевичение большевистской партии, как того хочет тов. Троцкий, а (через дискуссии, раз‘яснения, проверку на политическом опыте и т. д.) „обольшевичивание“ тех молодых партийных резервов, которые пробуждаются к активной партийно-политической жизни.

Нет худа без добра: на раз‘яснении ошибок тов. Троцкого новые члены партии будут учиться тому, что такое большевизм.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ В РАЗВИТИИ НАШЕЙ ПАРТИИ

Обосновывая по-своему историческое место нового курса, тов. Троцкий обращается к истории нашей партии.

„Схематически,—пишет тов. Троцкий,—эту историю можно разбить на 4 периода: а) четвертьвековая дооктябрьская подготовка, единственная в истории; б) Октябрь; в) послеоктябрьский период и г) „новый курс“, т. е. открывающийся период.

Уже из этого „схематического изображения“ тов. Троцкого видно то самое преувеличение, которое тов. Троцкий делает при оценке „нового курса“. Если правильны позабытые теперь тов. Троцким его же собственные рассуждения о „передышке“, во время которой нужно „почистить винтовку и смазать сапоги“, то совершенно недопустимой является такая схема, где весь „четвертьвековой“ период до-октябрьской подготовки ставится на одну доску с „периодом“ нынешнего нового курса. И здесь, в этой схеме, виден все тот же „стратегический план“ тов. Троцкого. В самом деле, что у него получается? Дооктябрьский период—только подготовка; Октябрь—„проверка великого прошлого партии“; послеоктябрский период—фактическая диктатура старых кадров при молчаливом послушании остальных. И только „новый период“, крестным отцом которого (без всякого на это права) считает себя оппозиция, во главе с тов. Троцким, начинает собой настоящую историю „полумиллионной партии“, которая „впервые (!) сознала себя как полумиллионный коллектив“. Таким образом все прошлое партии, до манифестов оппозиции, по существу дела зачисляется в „предисторию“ („Vorgeschichte“) партии, действительная история которой начинается с начала нового курса.

Нечего и говорить: приятно считать себя зачинателем действительной партийной истории, одновременно выступая

суровым обвинителем по адресу старых партийных кадров. Беда однако в том, что сия партийная „историософия“ ни капли не похожа на об‘ективный ход событий. Она есть лишь кривое отображение этого хода событий во фракционном зеркале „нефракционной“ фракции. Если так недооценивать старую историю, то само собой отсюда получается и недооценка старых кадров, старого руководства, старой ленинской традиции. Таков смысл той исторической диспозиции, которую сочинил тов. Троцкий.

Правда, тов. Троцкий мимоходом говорит о „великом прошлом“ партии, о подготовке, „единственной в истории“. Но по существу он проходит линию этой „подготовки“, ибо здесь партия „готовилась“ в борьбе со всеми видами оппортунизма и оппортунистических шатаний и половинчатости.

Сравните с этим, как ставил вопрос тов. Ленин. В своей поистине гениальной стратегической и тактической работе „Детская болезнь „левизны“ в коммунизме“ Ленин пишет:

„Опыт победоносной диктатуры пролетариата в России показал наглядно... что безусловная централизация и дисциплина (слушайте! Ред.) пролетариата является одним из основных условий для победы над буржуазией.

На этом часто останавливаются. Но далеко не достаточно размышляют о том, что это значит. При каких условиях это возможно? Не следует ли возгласы приветствия по адресу советской власти и большевиков почаще (курсив автора. Ред.) сопровождать серьезнейшим анализом (курсив автора) причин того, почему (авт.) большевики могли выработать необходимую для революционного пролетариата дисциплину?“ (Сочинения, т. XVII, стр. 118).

И далее:

„Большевизм существует как течение политической мысли и как политическая партия с 1903 г. Только история большевизма за весь (курсив тов. Ленина) период его существования может удовлетворительно об‘яснить, почему он мог выработать и удержать при самых трудных условиях железную дисциплину, необходимую для победы пролетариата“. (Там же).

Вот именно! Почаще нужно обращаться как-раз к подготовке. Серьезнейшим образом анализировать прошлое. Рассматривать большевизм за весь период его существования. Это совсем, совсем не то, что мы видим у тов. Троцкого.

У Ленина есть и своя „периодизиция“. В той же работе о „левом ребячестве“ мы находим целую главу под названием: „Главные этапы в истории большевизма“. Тов. Ленин

отмечает следующие семь этапов: годы подготовки революции (1902—1905); годы революции (1905—1907); годы реакции (1907—1910); годы под‘ема (1910—1914); первая всемирная империалистская война (1914—1917); вторая революция (с февраля по октябрь); Октябрьская революция и период господства. В задачу тов. Ленина не входило подробно анализировать этапы после Октября. Но посмотрите, что пишет тов. Ленин уже о первом периоде (1902—1905).

„Все вопросы, из-за которых шла вооруженная борьба масс в 1905—1907 и в 1917—1920 годах, можно (и должно) проследить в зародышевой форме по тогдашней печати". (Там же, стр. 120).

В целом, тов. Ленин приходит к выводу, что и вопросы внутрипартийного характера (о „вождях", организационных формах и т. д.) не могут быть поняты без анализа этих прошлых периодов. На вопрос, „в борьбе с какими врагами внутри рабочего движения вырос, окреп и закалился большевизм" (гл. IV), тов. Ленин отвечает:

„Во-первых и главным образом, в борьбе с оппортунизмом"; во-вторых, с „мелко-буржуазной революционностью". Один пример из области этой борьбы большевизма тоже приводится тов. Лениным, пример весьма поучительный и непосредственно для нашего времени:

„Нападки на „диктатуру вождей" в нашей партии были всегда: первый раз я вспоминаю такие нападки в 1895 г. ...На IX с‘езде нашей партии (IV. 1920) была небольшая оппозиция, тоже говорившая против „диктатуры вождей", „олигархии" и т. п." (136). Тов. Ленин, не считая в то время этого явления „страшным", выступал однако против этой мелко-буржуазной тенденции с точки зрения большевизма, который „окреп" в борьбе и с такими мелко-буржуазными шатаниями.

Пусть же не сердится тов. Троцкий, когда мы, следуя примеру Ленина, вскрываем в его теперешней позиции отрыжки его давно прошедшей позиции, тех оттенков „политической мысли", в борьбе с которыми „вырос и окреп большевизм".

Но возвратимся к схеме тов. Троцкого. Оставим в стороне дооктябрьский и октябрьский периоды и посмотрим на характеристику „послеоктябрьского" периода, непосредственно предшествующего „новому курсу". Вот как характеризует этот этап тов. Троцкий:

„После завоевания власти начинается быстрый рост партии и даже нездоровое ее разбухание. К ней, как к могущественному магниту, тяготеют не только малосознательные элементы трудящихся, но и явно чуждые элементы: службисты, карьеристы и политические

приживалы. В этот весьма хаотический период партия сохраняется, как большевистская партия, только силой фактической внутренней диктатуры старой гвардии, проверившей себя через Октябрь. В вопросах сколько-нибудь принципиального значения новые члены партии—не только из среды трудящихся, но и чужеродные элементы — почти безапелляционно приемлют руководство старшего поколения".

Правильна ли эта характеристика? Мы думаем, что далеко не совсем. Из этой характеристики вытекает, что в послеоктябрьский период только „старые кадры" командовали, и почти никто из новых не выдвигался на командные партийно-советские посты. Это явное и весьма крупное преувеличение, преувеличение вредное и об'ективно совершенно неверное.

В самом деле, из вышеприведенных положений тов. Троцкого вытекает, что партия и ее руководящие круги не сумели ни в малейшей степени не только решать задачу вовлечения в активную политическую и строительную работу новых партийных слоев, но даже и не приступали вовсе к решению этой задачи. Так разве это правда? Разве можно, походя, так изображать дело и так описывать историю нашей партии?

Если бы это было так, если бы „старые кадры" были отгорожены такой китайской стеной от новых членов нашей организации, если бы не происходило никакой внутренней переработки этого молодняка, если бы между ним и „стариками" не было никакой связи, то, — извините, тов. Троцкий, — мы давным-давно были бы разбиты нашим противником в пух и прах. Мы вовлекали и вовлекли в активную жизнь очень много новых людей и поставили их на командные посты.

Еще на X с'езде тов. Ленин заявлял:

„Когда говорят, что у нас есть недоверие к рабочему классу, что мы не пускаем рабочих в руководящие органы (слушайте, тов. Троцкий! Ред.), это сплошная неправда. Всякого сколько-нибудь сносного администратора из рабочих мы ищем и рады взять, мы его испытываем. Я указывал, что противоположное утверждение—неправда, что мы изнемогаем от недостатка сил; малейшую помощь сколько-нибудь дельного человека,— а из рабочих втройне, — мы берем обеими руками". (Протоколы, 65).

Так характеризовал положение вещей тов. Ленин.

Что же, попросту „врал старик"?

Или заявления тов. Троцкого являются неправдой?

По нашему мнению, тов. Троцкий и здесь сильно преувеличил. Можно было бы подсчитать, сколько из новых, после-

октябрьских, членов партии занимают у нас руководящие посты в армии, на хозработе, в административно-государственном аппарате, в аппарате партийном. Получилась бы совсем не такая маленькая цифра. Тов. Троцкий смешивает с этим другой вопрос, а именно вот какой: за период гражданской войны, а затем за период громадного поворота и внутрипартийной переброски сил на хозяйственный фронт у нас вообще (и для стариков, и для молодых) сузилось поле специфической партийно-политической жизни, ибо силы были отвлечены на „деловую работу". Но, повторяем, это касалось всех членов партии. Это — другой, очень серьезный вопрос, но другой.

Итак, тов. Троцкий явно преувеличил, явно хватил через край. Но это преувеличение точно так же имеет фракционно-стратегическое значение: оно должно служить подчеркиванием большей „принципиальности" нового курса, оно должно сделать из последнего „эпоху", оно должно вогнать больший клин между старыми кадрами и молодняком, оно должно еще больше подчеркнуть устарелость этих „старых кадров". И здесь мы видим последовательное проведение того же самого фракционного „плана".

„СТАРИКИ" И „НОВЫЙ КУРС"

Наша теперешняя „передышка", которая служит об'ективным условием и гарантией того, что „новый курс" может быть проведен сполна нашей партией, является передышкой двоякого рода. Во-первых, мы сейчас переживаем такую полосу, когда мы можем пользоваться „благами мира". Мы можем, с другой стороны, гораздо больше внимания уделять „оживлению" внутрипартийной жизни, так как вчерне партия уже подобрала достаточный кадр хозяйственников и администраторов. У нее есть теперь время, которого не было раньше. И это время необходимо использовать для самого большого оживления внутренней работы партии, всех ее слоев и прослоек, и стариков, и в особенности „молодых".

Несомненно,—и в этом вопросе нет разногласий,—что за это время теперешнего нового курса нужно возможно выше поднять политическую активность и работу мысли всех членов партии, что возможно сделать только методами внутрипартийной демократии. Но мы утверждаем, что не об этом спор.

Спор идет о том, должно ли это совершаться таким путем, что партийный молодняк будет идейно подтягиваться и ассимилироваться старыми партийными кадрами, или же так, что у нас создастся новая партия, где недостаточно

выдержанный в большевистском смысле молодняк, под руководством товарищей, уклоняющихся от ленинизма, будет пытаться переделать основные большевистские кадры по-своему, то-есть не по-ленински.

Вот как стоит вопрос.

Тов. Троцкий, изображая всю историю партии как приготовительный класс для нового курса, ставит все соотношения по сути дела на голову. Не старая гвардия должна вести за собой новичков, а новички должны вести за собой старую гвардию. А так как тов. Троцкий думает именно о том, что из всех „стариков" он один понимает, где раки зимуют, то выходит, что старая гвардия и должна быть „поправлена" им, тов. Троцким, свободным от „фракционности" и „кружковщины", при помощи чуткого партийного молодняка.

Это—точка зрения явно демагогическая, которая с ленинизмом имеет весьма мало общего.

Начиная партийное летоисчисление с начала „нового курса", тов. Троцкий повторяет одну из своих старых ошибок.

Еще в 1914 г. в своем венском журнале „Борьба" тов. Троцкий писал:

„Дореволюционная социал-демократия была у нас только по своей идее, по своим целям рабочей партией. В действительности она представляла собой организацию марксистской интеллигенции, которая вела за собой пробуждавшийся рабочий класс".

Тов. Ленин (см. „Просвещение", 1914, № 5, ст. В. Ильина против Троцкого: „О нарушении единства, прикрываемом криками о единстве") обрушился тогда на тов. Троцкого со всей силой своей логики.

Теперь тов. Троцкий точно так же полагает, что полумиллионная партия только сейчас и рождается, а раньше был „один аппарат", который командовал и за которым молчаливо шли.

Большевизм всегда отличался от формального демократизма меньшевиков тем, что он видел и видит действительные жизненные соотношения внутри партии. Он не скрывает от партии и от рабочего класса, что партию ведут вожди, что эти вожди ведут в первую голову наиболее передовых членов партии, эти последние—следующие по сознательности и опытности слои партии и т. д. Это—реальная цепочка, где все звенья связаны воедино; здесь ставят своей целью поставить дело так, чтобы более сознательные вели менее сознательных, чтобы менее сознательные и менее активные становились все более сознательными и все более активными. Эта внутренняя механика и есть реальный демократизм. Небольшевистский демократизм об этом не любит говорить, считая

это „недемократичным“ и вводя в заблуждение рабочих, скрывая от них правду, замазывая все фразами о „самоопределении“ партии и крича против вождей, в действительности же не обучая лучшему, а подыгрываясь под худшее.

Вот почему, когда у нас речь идет о том, чтобы при теперешних открывшихся возможностях усилить в несколько раз дело роста всей массы партийных товарищей, мы вовсе не боимся сказать: старая гвардия большевизма есть самый ценный капитал нашей партии, и потому она, эта старая гвардия, должна вести за собой молодежь. Конечно, ей будет грош цена, если она замкнется в себе, если она не поймет задачи привлечения к активной деятельности молодняка, если она будет „фыркать“ на молодежь. Но точно так же грош цена и тем „старикам“, которые стали бы льстить молодежи, не указывая на ее недостатки.

Такова правильная постановка вопроса о „стариках“ и новом курсе.

А у тов. Троцкого?

У тов. Троцкого — „совсем наоборот“.

Для того, чтобы проделать это сальто-мортале, тов. Троцкий и предпринимает свой поход на „стариков“.

Как это делается?

Разными приемами.

Прием № 1. ЦК и старые кадры привели к гибели страну.

Опровергать это теперь уж, повидимому, не приходится. Что это — „утка“, видно и младенцу.

Прием № 2. Старым кадрам грозит участь социал-предателей.

На этом приеме мы уже отчасти останавливались. Но здесь нужно сказать все же несколько слов. Ученики Маркса выродились вовсе не просто потому, что рос аппарат социал-демократических партий — и только, как это изображает тов. Троцкий. Они выродились потому, что соответствующие государства стали вести империалистскую политику, стали подкупать рабочих „своей“ страны подачками за счет колониального грабежа, стали заинтересовывать рабочий класс, в особенности его аристократию, в грабительской политике буржуазного государства. Без этих основных экономических фактов не было бы и роста социал-предательства. Не „рост аппарата“ послужил причиной его вырождения, а его вырождение было следствием вышеуказанных экономических первопричин. Оно было их выражением и в свою очередь лишь усиливало общую тенденцию.

Тов. Троцкий пишет:

> „Бюрократизация в своем длительном развитии грозит отрывом от массы, сосредоточением всего внимания на вопросах управления, отбора, перемещения, сужением поля зрения, ослаблением революционного чутья, т. е. большим или меньшим оппортунистическим перерождением старшего поколения, по крайней мере, значительной его части. Такие процессы развиваются медленно и почти незаметно, а обнаруживаются сразу. Усматривать в этом предостережении, опирающемся на об'ективное марксистское предвидение, какое-то „оскорбление“, „покушение“ и пр. можно только при болезненной бюрократической мнительности и аппаратном высокомерии“.

И здесь не все верно. Что процессы оппортунистического вырождения развиваются медленно — это так. Но что они развиваются почти незаметно, это сказано слишком поспешно. Разве нельзя было проследить, как марксизм извращался Бернштейнами и „молодыми“ (!) ревизионистами? Разве рост ревизионизма шел незаметно и никем не был отмечен? Разве вырождение Каутского не вызвало к жизни „левых радикалов“, будущих коммунистов? Параллельно с вырождением аппарата вырождались и идеология, и политика социал-демократических партий в сторону оппортунизма.

Так вот, если бы тов. Троцкий брал всерьез свои обвинения, он должен был бы показать, где есть в политике нашей партии уклон к оппортунизму. Где? Ведь чудовищно предполагать, что сперва вырождается весь „аппарат“, при чем процесс этого вырождения оставляет в девственной революционной чистоте партийную политику, а потом, после вырождения аппарата до конца, начинается политическая измена. Оба процесса не могут не итти параллельно. Так где же у нас оппортунистические уклоны? Не в решениях ли в связи с германской революцией? Или где? Где партия и ее руководящие центры уклонялись в сторону от марксистской революционной линии?

На этот вопрос у тов. Троцкого нет и не может быть ответа. Ибо таких фактов нет. А если их нет, то ясно, как притягивает тов. Троцкий за волосы всю свою аргументацию.

Теоретически опасность будущего вырождения у нас есть. Она дана возможностью постоянной и медленной победы капиталистической экономики над социалистическими хозяйственными островками и возможным постепенным „сращиванием“ наших хозяйственных и административных кадров с новой буржуазией. Но у нас нет ни одного человека, который не видел бы этой опасности. Партия

в целом и наша старая гвардия, выросшая на борьбе с оппортунизмом, ведут упорную борьбу с этой опасностью. Мы не знаем ни одного руководящего товарища, который имел бы „уклон“ в сторону от этой необходимейшей борьбы. И как-раз решения в „германские дни“ показали, что руководство партии таково, что оно готово поставить судьбу всех российских революционных завоеваний ради международной пролетарской революции, разумеется, в тех формах, которые диктовались целесообразностью. Это лучше всего показывает, насколько тов. Троцкий „горячился“ и здесь в своем упорном стремлении итти походом на старую большевистскую гвардию.

Наконец отметим прием № 3.

Тов. Троцкий изображает дело так, что никто, решительно никто из „стариков“ не понимает необходимости „нового курса“. Вот что пишет тов. Троцкий:

> „Как это нередко бывало в истории, „старый курс“ именно за последние месяцы обнаружил наиболее отрицательные и прямо-таки нестерпимые черты аппаратной замкнутости, бюрократического самодовольства и игнорирования настроений, мыслей и запросов партии. По бюрократической инерции аппарат в целом враждебно столкнулся с первыми попытками поставить в порядок дня вопрос о критическом пересмотре внутрипартийного режима. Это не значит, конечно, что аппарат состоит сплошь из бюрократизированных элементов, а тем более из каких-либо закоренелых и неисправимых бюрократов. Нисколько! Подавляющее большинство аппаратных работников, пройдя через нынешний критический период и уяснив себе его смысл, многому научится и от многого откажется“.

Итак, лишь пройдя искус критического периода, люди кое-чему научатся (в будущем времени, заметьте!) А сейчас? Теперь, в самом начале? Выходит, что все „старики“ сейчас ничего не понимают. Позвольте, но кто же их учит? Явное дело: их учит „молодежь“, во главе с одним единственным „стариком“, но зато не чисто-ленинской пробы, т. е. тов. Троцким.

Это очень хорошо. Но только и это „немножко“ не соответствует действительности. Ибо все-таки тов. Троцкий не может отрицать факты, о которых мы говорили раньше. ЦК партии наметил линию на новый курс. ЦК партии этот курс проводит и проведет его до конца. Старые партийные кадры помогут ему в этом, а кто из них будет этому мешать, тот будет нарушать нашу партийную дисциплину и будет отвечать перед всей партией.

МОЛОДЕЖЬ И НОВЫЙ КУРС

В своем первом письме о „новом курсе“ тов. Троцкий указывал лишь на возможность перерождения „старой гвардии“. В „раз‘яснительном“ толковании тов. Троцкий вносит уже некоторые поправки к своей первоначальной, откровенно-стратегической „схеме“.

Тов. Троцкий пишет здесь:

„Главная опасность старого курса, как он сложился в результате как больших исторических причин, так и наших ошибок, состоит в том, что он обнаруживает тенденцию ко все большему противопоставлению нескольких тысяч товарищей, составляющих руководящие кадры, всей остальной партийной массе, как об‘екту воздействия. Если бы этот режим упорно сохранялся и дальше, то он несомненно грозил бы в конце концов вызвать перерождение партии, притом одновременно на обоих ее полюсах, т. е. в партийном молодняке и в руководящих кадрах. Относительно пролетарской основы партии, заводских ячеек, учащихся и пр. характер опасности совершенно ясен. Не чувствуя себя активными участниками общепартийной работы и не получая надлежащего и своевременного ответа на свои партийные запросы, значительные круги партии стали бы искать для себя суррогата (фальшивой замены) партийной самодеятельности в виде всяких группировок и фракционных образований. В этом именно смысле мы и говорим о симптоматическом значении таких группировок, как „рабочая группа“.

И в другом месте:

„Особенно остро, как мы видели, реагирует на бюрократизм учащаяся молодежь. Не даром тов. Ленин предлагал для борьбы с бюрократизмом широко привлекать учащихся. По своему составу и связям учащаяся молодежь отражает все социальные прослойки, входящие в нашу партию, и впитывает в себя их настроения. По молодости и отзывчивости она склонна этим настроениям немедленно же придавать активную форму. Как учащаяся молодежь, она стремится об‘яснять и обобщать. Этим вовсе не сказано, что молодежь во всех своих проявлениях и настроениях выражает здоровые тенденции. Если бы это было так, это означало бы одно из двух: либо в партии все обстоит благополучно, либо молодежь перестала отражать свою партию“.

Вот и все. Следовательно, весь вопрос у тов. Троцкого сводится, во-первых, к „ущемлению“ молодежи партийным аппаратом; во-вторых, к отраженным нездоровым явлениям внутри партии, каковые, по тов. Троцкому, тоже являются продуктом аппаратного ущемления. „Дышло“ обвинения снова направлено по старому адресу—и только. „От него (от аппарата) все качества“.

Заранее оговоримся. Поскольку аппаратное ущемление было, постольку тов. Троцкий прав. Но это вовсе не ново и не оригинально. Об этом говорит и резолюция ЦК.

Ошибка тов. Троцкого состоит в том, что он не утруждает себя анализом внутренних тенденций в развитии молодежи, не видит—или не хочет видеть—ее специфических черт и тех особых опасностей, которые стоят на ее пути.

„Фыркать“ на молодежь могут только глупцы. Но указывать ей на опасности, заложенные в ее теперешнем бытии, есть обязанность партийных руководителей.

Всего удивительнее то, что тов. Троцкий на время партийной дискуссии позабыл свои собственные прежние речи.

Вот как, например, говорил тов. Троцкий на XI парт‘с‘езде (Протоколы, стр. 119—120):

„Передача опыта, подготовка политического уровня партийной молодежи есть сложнейшая задача, которую можно было бы в значительной мере (господи, страхи-то какие! Ред.) разрешить (слушайте! Ред.) педагогическим путем: не забудем, что того опыта классовой борьбы, который создал и закалил партию в предшествующий период, т. е. при буржуазном режиме, сейчас у молодежи нет. Молодежь пробуждается, живет в обстановке сутолоки, неуклюжей постройки будущего социалистического хозяйства, да еще с осложнениями нэпа и всего прочего... Рабочий не знает, как выразить ему, куда направить свое недовольство. В нашем случае у молодого рабочего не закладывается фундамент классового опыта борьбы. Как же эту нехватку возместить? Сделать это все искусственными рецептами нельзя: можно возместить только повышением его теоретического уровня в духе марксизма, в духе материализма. Это—важнейшая задача партии“.

Тогда тов. Троцкий видел основной недостаток молодняка. Теперь тов. Троцкий о нем ни слова.

Тогда тов. Троцкий переоценивал значение педагогических методов. Теперь тов. Троцкий „фыркает“ на эти методы: „школьничество“, „наставничество“ и т. д. „Старшее поколение“, видите ли, выдвигает

> „по отношению к партийной массе на первый план чисто школьные, педагогические методы приобщения к политической жизни: курсы политграмоты, проверку

партийных знаний, партшколы и пр. Отсюда-то и вырастает бюрократизация партаппарата, его замкнутость, его самодовлеющая внутренняя жизнь, словом, все те черты, которые составляют глубоко-отрицательную сторону старого курса".

Так тов. Троцкий из одной крайности бросается в другую. Но это мимоходом. Вернемся к основной теме.

Итак, первая отрицательная черта современной молодежи, вернее, условий ее бытия, заключается в том, что у нее нет опыта классовой борьбы, который, выражаясь словами тов. Троцкого „эпохи" XI с'езда, „создал и закалил партию".

Верно это или нет? Безусловно верно.

Важно это или нет? Безусловно важно.

Теперь спросим себя: а нет ли особых условий в жизни нашего учащегося молодняка, условий, которые еще более усугубляют опасности на этом „полюсе" партии?

Наша учащаяся молодежь—это молодые кадры новой партийной интеллигенции, будущие „красные спецы". Это—аксиома, т. е. истина, „не нуждающаяся в доказательствах". Хорошо. Но вспомним, что даже для „стариков" спецовская роль, неизбежная, необходимая, исторически вполне оправдываемая, таит опасности. В этом мы согласны все. Спрашивается, не больше ли эти опасности для товарищей, которые отличаются тем, что не имеют опыта классовой борьбы, выдержки, закалки, старого революционного опыта, который накопился и стал, можно сказать, „второй натурой"? Не являются ли для таких товарищей „сутолока", соблазны нэпа, идеологическое „обволакивание" и т. д. особенно опасными? Не меньше ли у них „силы сопротивления" тем отрицательным влияниям, которые окружают—и долго еще будут окружать—нас со всех сторон?

Стоит только так поставить вопрос, как мы получим совершенно ясные ответы. Ведь двух ответов для марксиста не может быть в данном вопросе. Это ясно, как божий день.

Если ставить вопрос теоретически и попробовать заняться „марксистским предвидением", то можно сказать, что как-раз наша учащаяся молодежь стоит на перепутьи и что, следовательно, именно она в наибольшей степени „угрожаема" со стороны перерождения.

Мы позволим себе процитировать одну брошюру, написанную по поручению Политбюро ЦК (включая и голос тов. Троцкого) в связи с некоторыми идейными извращениями в среде учащейся молодежи.

„Наша молодежь,—читаем мы там,—стоит на рубеже. Она—новые люди, с новыми психологическими и физиоло-

гическими чертами, нужными для эпохи. Но функциональная роль этой молодежи, или, вернее, ее известной части, будет зависеть от всей судьбы нашей революции.

Из нее могут выйти американско-капиталистические дельцы, полководцы, предприниматели, деляги буржуазной интеллигенции, если наше развитие пойдет по линии нашего вырождения и нашего превращения в буржуазно-капиталистическую страну.

Из нее могут выйти (и, надеемся, так именно и будет) крепко сколоченные, смелые, знающие, преданные рабочему классу строители нового общества, если мы будем развиваться на все более и более социалистических рельсах.

Как может переходить одна перспектива в другую, если рассматривать этот процесс с точки зрения общественно-психологической?

Очень просто.

Жажда творческой самодеятельности может превратиться в индивидуализм.

Желание развивать дальше (вполне законное) марксистскую теорию—в отказ от марксизма.

Жажда нового, энтузиазм может надеть на себя религиозную оболочку (здесь есть тысячи ступенек).

Желание „все понять и все постигнуть"—в вульгарное упростительство и т. д." (Н. Бухарин. Енчмениада).

По поводу этой, выполненной по поручению ЦК, работы, именно в связи с болезнями молодежи, никто не возражал.

Теперь однако времена изменились, и для „эпохи" дискуссий потребовалась некоторая переоценка ценностей.

Между тем характеристика нашей учащейся молодежи дана была совершенно правильная, т. е. такая, которая соответствует об'ективной действительности.

Ну, хорошо. Это—область теоретических предвидений в значительной мере. А в ближайшем будущем и в настоящем? Здесь нам важно отметить только одно, бесспорное: молодежь менее устойчива, хотя и более „чутка". Одно другому нисколько не противоречит, потому что она „чутка" на обе стороны. Это и нужно иметь прежде всего в виду. Ее, молодежи, „собственное лицо", о котором говорит тов. Троцкий, может оказаться настолько „собственным", что будет совсем непохоже на лицо партии, как она сложилась в боях с оппортунизмом. Вот почему нужно быть сугубо осторожным. Задача партийного руководителя заключается не в том, чтобы сеять недоверие к старой гвардии и умалчивать о недостатках и опасностях, грозящих молодняку, а в том, чтобы приучать молодежь

к товарищескому доверию по отношению к старым партийным кадрам и безбоязненно, честно, открыто говорить молодежи о том, какие опасности подстерегают ее на грядущем славном пути.

Молодежь чутка. Ее нельзя взять опекой; ее нельзя завоевать нажимом. Это верно. Молодежь нельзя воспитывать в духе зубрежки и казенщины. Молодежь нельзя учить одной школой. Никто больше Ленина не говорил о том, что нужно соединение теории с практикой, в том числе и с практикой хозяйственной и с практикой партийно-политической.

Трижды верно. Если бюрократизм может душить взрослых, он особенно губительно отражается именно на молодняке.

Но из этих абсолютно верных положений вовсе не вытекает, что излишне руководство старших или более опытных, руководство, которое немыслимо без товарищеского доверия. А этого товарищеского доверия не укрепляют ядовитыми сентенциями, в роде той, которой тов. Троцкий заканчивает свою статью о стариках и молодых:

> „Нужно, чтобы старшее поколение рассматривало новый курс не как маневр, не как дипломатический прием, не как временную уступку, а как новый этап в политическом развитии партии“.

Тов. Троцкий! „Дипломатический маневр“ существует, к счастью, только в вашем воображении!

Из статьи „Долой фракционность!“

* * *

О РАБОТЕ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ[1]

ВВЕДЕНИЕ

1. В эпоху переходного времени вообще, мирно-организаторского периода его в частности, в конкретных условиях так называемой новой экономической политики в особенности, проблема кадрового состава во всех областях хозяйственной, административно-политической и идеологической жизни является основной и центральной проблемой.

2. Вопрос о том, победит ли социалистическая экономика или культурное превосходство и навыки квалифицированных функционеров капиталистического общества (интеллигенции со старыми взглядами, торговцев, частных капиталистов и т. д.), заставит нас последовательно отступать и внутренне перерождаться—этот вопрос будет решен в значительной мере в зависимости от того, удастся ли пролетарскому государству в достаточной мере расширять круг кадрового коммунистического состава и обеспечить в прогрессивно возрастающей мере коммунистическую переделку подрастающих поколений. Поэтому вопрос о молодежи имеет поистине громадное значение.

3. Означенная задача может быть решена лишь при том условии, когда будет обеспечена преемственность опыта, традиций и заветов основного капитала победоносного рабочего движения, который заключается прежде и раньше всего в нашей партии, а поскольку речь идет о прослойках внутри этой последней—в ее наиболее закаленной и опытной старой гвардии.

4. С другой стороны, эта задача может быть решена лишь в той мере, поскольку основные кадры нашей партии

---

[1] Тезисы к XIII с'езду, одобренные ЦК РКП.

понимают всю важность вопроса о молодежи, поскольку они отдают ей достаточное количество своих сил и внимания, поскольку они обнаруживают достаточно чуткости к новым запросам и потребностям, которые неизбежно нарастают в ходе изменяющихся условий общего развития.

1. ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОЛЕТАРСКОГО РУКОВОДСТВА И СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ОРГАНИЗАЦИЙ МОЛОДЕЖИ

5. Обеспечение руководящей роли пролетариата выражается прежде всего в определенной политике, относящейся к классовому составу организаций молодежи.

6. Классовое руководство обеспечивается наиболее чистым социальным составом главенствующей партии. Следующее поколение, организационно закрепленное в Комсомоле, опираясь прежде всего на рабочий состав, может расширять свой социальный базис; наконец организация юных пионеров должна охватывать и сплачивать—под руководством комсомольцев и коммунистически обработанных педагогов—еще более широкие по своему социальному составу круги.

7. Эта общая тенденция, которая выражает собою растущее влияние пролетариата, ограничивается однако каждый раз наличностью руководящих сил. В противоположном случае результат был бы обратный: не мы взяли бы на буксир мелко-буржуазную стихию, а эта последняя захлестнула бы нас.

8. Особо стоят в этой цепочке вузы. Так как отсюда непосредственно выходят новые командующие кадры, то коммунистичность их должна быть обеспечена, во-первых, политикой их орабочения, во-вторых,—поскольку это в настоящее время еще не всегда возможно,—усилением процента коммунистов.

9. Союз молодежи, эта единственная массовая, политически боевая организация молодежи, сделал за последнее время крупные успехи в смысле улучшения своего классового состава.

Ориентируясь на то, чтобы вовлечь в союз всю рабочую молодежь, РКСМ ни в коем случае не должен отказываться от задачи втягивать в свои ряды крестьянскую бедняцкую молодежь, лучшие элементы середняков и наиболее общественно чуткие элементы интеллигенции. Необходимо бороться с тенденцией так называемой узкой „классовости“, которая на самом деле означает отказ от руководства над молодой деревней и неизбежную уступку этого руководства буржуазным элементам.

10. Новым и многообещающим явлением необходимо считать организацию юных пионеров, которая обнаруживает быстрый рост, но охватывает еще весьма ничтожный процент детей, при чем главным препятствием роста организации служит отсутствие соответствующего количества руководителей.

Общая директива в этой области должна заключаться, во-первых, в том, что сюда должно быть дано гораздо больше сил, чем до сих пор; во-вторых, что в этой области необходимо, вовлекая прежде всего пролетарских детей, в то же время стараться максимально расширять социальный базис организации, обращая особое внимание на деревню. Ни в коем случае нельзя проводить аналогию с пролетарским пионерским движением Запада, где еще рабочий класс не завоевал власти и где перед ним не стоит еще задача переработки всего или почти всего подрастающего человеческого материала.

11. Наиболее трудно вопрос о социальном составе стоит в отношении к вузам. Подготовительная школа к ним—рабфаки—завоевана рабочим классом. Хуже обстоит дело с социальным составом комвузов, хотя этот недостаток компенсируется с лихвой высоким процентом членов партии и Комсомола. Неизмеримо хуже, совсем плохо обстоит дело с вузами и в отношении социального состава и в отношении партийности.

Продолжение орабочения высшей школы и политики повышения процента партийных (отнюдь не за счет уменьшения требовательности к ним)—такова должна быть основная линия в этой области.

2. РКСМ И ТРУДЯЩАЯСЯ МОЛОДЕЖЬ

12. В связи с новой экономической политикой, под‘емом производительных сил страны, вновь начавшейся в деревне (а отчасти и в городе) социальной диференциацией и, следовательно, в связи с некоторой перегруппировкой социальных сил имеют место и особые процессы среди трудящейся молодежи, учет которых должен лежать в основе нашей тактики.

13. Экономические процессы и борьба различных хозяйственных форм, в рамках которой главным образом проходит теперь классовая борьба, как борьба между капитализмом и коммунизмом, сами имеют противоречивый характер; их об‘ективный смысл часто скрыт под формой их проявления (безработица при росте промышленности, капиталистические формы хозрасчета, товарные пути кооперации, денежная система, как орудие укрепления социализированной

промышленности и т. д.) На ряду с этим противоречивым характером развития социалистической экономики имеется и реальный рост капиталистических форм как в городе, так и в деревне. Все это не только затрудняет понимание текущей действительности, но и сопровождается ростом активно враждебных нам социальных сил.

14. В городе вместе с под'емом госпромышленности тем не менее развивается безработица, особенно тяжко бьющая по рабочей молодежи, что при общем росте симпатий к коммунизму не может не вызывать и противоположных уклонов; общее укрепление СССР и улучшение положения интеллигентских группировок сопровождается тягой интеллигентской молодежи к РКСМ, но одновременно усиливает и элементы сменовеховского „приятия“ Октябрьской революции; в деревне, с одной стороны, дифференциация крестьянства вызывает обеднение маломощных крестьян и опасность отхода от нас бедняцкой деревенской молодежи, с другой—повышает активность более зажиточных слоев крестьянства и продвигает их к культурной, а следовательно, и политической гегемонии над деревней.

15. Учитывая эти процессы, РКСМ должен среди пролетарской молодежи, как основного ядра всей организации, усилить работу по трем главным направлениям: по линии экономически-правовой (защиты производственных интересов подростков-рабочих), по повышению культурно-технического уровня подростков (школы фабзавуча) и по линии политпросвещения, ставя здесь во главу угла прежде и раньше всего уяснение особенностей социально-экономической и политической обстановки. Усиленно вербуя рабочую молодежь, РКСМ должен подвергать более тщательной фильтровке интеллигентские элементы, прием которых необходимо обусловливать более строгими формальными требованиями (увеличение количества рекомендаций, продление кандидатского стажа, более строгая политпроверка).

16. Работа Комсомола в деревне приобретает при теперешних условиях исключительно важное политическое значение. Если организационная энергия крестьянства должна быть направлена прежде всего по линии кооперации, то крестьянская молодежь должна быть политически кооперирована именно союзом молодежи, ячейки которого уже и сейчас часто играют в деревне более крупную положительную роль, чем ячейки партии. В деревенских ячейках РКСМ нужно всячески стремиться обеспечить руководство со стороны пролетарских и полупролетарских элементов, вовлекая в организацию лучшие, наиболее активные и наиболее советские элементы середняцкой молодежи. Исходя из этого, следует вести решительную борьбу против закрытия дверей союза перед крестьянской середняцкой молодежью. С другой

стороны, необходимо увеличить состав деревенских ячеек и их количество лишь в меру возможности практически их обслужить, то-есть обеспечить руководство пролетарских элементов. Основными линиями работы Комсомола в деревне должны быть: общественно-политическая работа в связи с хозяйством (сельсовет, комитеты взаимопомощи, кооперация, терчасти), агропропаганда словом и делом, организация с.-х. коллективов, школа, защита экономических интересов батрачества и полупролетарских элементов.

3. ПАРТИЯ И РКСМ

17. Организация пролетарской и крестьянской молодежи, РКСМ, играет первостепенное общественно-политическое значение. Призванный выполнять роль резерва, откуда партия отбирает лучшие элементы для обеспечения постоянного притока новых и более молодых сил, Комсомол является в то же время проводником влияния партии на все возрастающие и все более широкие круги рабочей и крестьянской молодежи, часто заменяя в деревне партию и ведя там руководящую работу.

18. Организуя трудящуюся молодежь, как молодежь, и имея перед собой и особые, специфические, отличающиеся от общепартийных задачи, служа проводником влияния партии и включая в свои ряды широкие слои трудящихся, будучи таким образом массовой юношеской организацией, РКСМ должен быть самоуправляющейся организацией.

19. С другой стороны, он не сможет выполнять свою громадную роль, если не будет целиком обеспечено партийное влияние и партийное руководство, которое может быть укреплено и улучшено путем более тщательного подбора партийных представителей, постоянной взаимной информации и подбора лучших партийных товарищей для работы в союзе.

20. Поэтому, несмотря на в общем возрастающую тягу в сторону партии среди комсомольской молодежи, необходимо бороться со всеми тенденциями обособления и отхода от партии (теория „равноправия“ и т. д.), замечающимися среди некоторой части членов союза. Усиление партийного ядра союза и втягивание в партийную жизнь кадра активных его работников является настоятельной очередной задачей.

21. Выполняя под руководством партии всю свою общественную работу, РКСМ должен систематически вовлекать своих членов в обсуждение всех основных вопросов жизни СССР и РКП путем согласованного с партией постоянного обсуждения этих вопросов и участия в осуществлении принятых партией решений.

22. Необходимо наладить систематическое изучение истории партии, ее программы и тактики, ее организационных принципов, всего идейного наследства, оставленного партии тов. Лениным. В особенности должна освещаться борьба партии с оппортунизмом, на которой выросла и в которой закалилась наша партия. Точка зрения „нейтральности" в борьбе с уклонами внутри РКП является таким образом несостоятельной.

23. Члены партии должны усвоить, что работа союза имеет громадное значение. Всякое третирование этой работы со стороны членов партии является совершенно недопустимым и глубоко вредным для пролетарского движения.

24. Партия должна провести в жизнь неоднократные решения о том, чтобы дать большее количество и более квалифицированных партработников для дела обслуживания нужд союза. Необходимо помнить, что рост и усложнение задач, стоящих теперь перед союзом, требуют специальных знаний, способностей и навыков. Внимание к подрастающей молодежи, внимание к РКСМ — таков должен быть один из важнейших лозунгов нашей партии.

4. РАБОТА РКСМ

25. Основной задачей РКСМ является поднятие общественно-политической активности всего союза и каждого его члена в отдельности. Комсомольцы должны быть первыми помощниками партии в политической, административно-советской, хозяйственной и просветительной областях как в городе, так и деревне. Работа союзов должна быть далека как от нейтрального по отношению к политике „чистого культурничества", так и от „чистой политики", не связанной с культурной, хозяйственной или административно - деловой работой. Сочетание культурной и политической работы должно быть основанием всей деятельности РКСМ.

26. Точно так же необходимо сочетание теоретического обучения с практической деятельностью. Только принимая живейшее участие в практической строительной работе, РКСМ сможет воспитывать кадры действительных бойцов за коммунизм.

27. Члены РКСМ должны таким образом систематически вовлекаться, под руководством партии, в работу профсоюзов, завкомов, кооперативов; в работу по шефству над деревней по организации нового быта (дома-коммуны и т. д.), по ликвидации безграмотности, борьбе с беспризорностью; в работу по поднятию производства (производств. конференции, „НОТ" и т д.); по строительству армии и флота, школы, по политпросвещению, по агропропаганде и строительству советского аппарата в деревне и т. д. и т. п.

28. В работе среди городской пролетарской молодежи необходима прежде всего усиленная деятельность союза по экономически-правовой линии. Здесь следует, в связи с ростом безработицы и относительным понижением заработной платы подростков, вести борьбу за сохранение рабочей молодежи, как будущих полноценных квалифицированных работников, проведение в жизнь законодательства об охране труда молодежи, сохранение процента подростков по отношению к взрослым, удержание системы оплаты труда подростков, их социального страхования и т. д.; работа по охране труда, тарифная работа и пр. Особо необходимо обратить внимание на увязку между перспективами промышленности и работой по фиксированию кадров рабочих подростков. РКСМ должен также систематически работать в сфере защиты интересов подростков в частных, арендованных и концессионных предприятиях, тщательно следя за соблюдением советских законов и организуя в случае их нарушения, совместно с профсоюзами и партией, соответствующее сопротивление.

29. В области борьбы за повышение технически-культурного уровня рабочих подростков особо важную роль играют школы фабрично-заводского ученичества. Расширение школ фабзавуча, улучшение постановки преподавания в связи с улучшением материальной их обеспеченности являются очередной задачей партии и соввласти, задачей, в разрешении которой необходимо опираться раньше всего на союз молодежи.

30. В школьной работе в городах необходимо возможно большее приспособление школы к потребностям рабочего класса и задачам социалистического строительства; необходимо соединение школьной работы с возможно большим развитием самодеятельности учащихся, с созданием их широкой общественности. Все это—поле деятельности РКСМ, в контакте с которым должны находиться соответствующие советские органы.

31. В чрезвычайно важной области политпросвещения центральной задачей является выяснение перспектив социалистического развития в об'ективно необходимых условиях новой экономической политики, капиталистического окружения и нарастающих сил международной революции. Поднятое до принципиальной высоты мировых перспектив политпросвещение ни в коей мере не должно носить характер пустой и высокой фразеологии. На ряду с широкой агитацией особенно необходима углубленная пропагандистская работа, которую в настоящий момент удобнее всего связывать с изучением ленинизма, рассматриваемого, как наиболее совершенно развитое учение Маркса. Зато изучение должно опираться на сообщение конкретных знаний из всех практически важных областей общественной жизни.

32. Гораздо большее внимание нужно обратить на постановку прессы: журналов, газет, специальных брошюр и агитационных листовок, в особенности для деревни: „Молодая Гвардия“ должна быть в большей степени приспособлена для обслуживания специфических потребностей передовых слоев юношества. Газеты должны, с одной стороны, давать обобщающие, но в то же время доступные и деловые пропагандистские статьи, с другой—еще более тесно связаться с местами, укрепив и расширив институт юнкоров, отнюдь не давая однако ему возможности превратиться в новый „аппарат“.

33. В вузах и школах II ступени РКСМ должен об‘единять советские элементы, брать их под свое руководство, способствовать перестройке школы в духе общей линии, принятой партией, всемерно способствуя действительному завоеванию школы.

34. В деревне, как уже отмечалось выше, роль РКСМ чрезвычайно велика и ответственна. Деревенские ячейки КСМ должны развить широкую общественную работу по защите нужд маломощного крестьянства, опираясь на деревенскую бедноту, главным образом вокруг комитетов крестьянской взаимопомощи, всеработземлеса, кооперации, избчитален, не ограничиваясь начинаниями культурного характера. Работа деревенской ячейки должна носить массовый характер, протекать на виду у всей крестьянской молодежи: ячейка должна работать везде, где собирается крестьянский молодняк (например, в терчастях).

Под знамена Комсомола должна об‘единиться передовая крестьянская молодежь, которая глядит уже дальше околицы своей деревни, тяготится застойностью деревенской жизни и ищет из нее выхода. Союз должен помочь такой молодежи жить и работать по-новому. Он должен превратиться в рассадник всех общественно-политических и культурных начинаний советской власти: борьба за новые формы землеобрабатывания, поголовную грамотность, за технические улучшения. При участии союза надо хозяйственно помочь той части крестьянской молодежи, которая стремится отделиться от отцовского хозяйства, способствовать об‘единению ее в сельско-хозяйственные коллективы, помогать деревенскому молодняку кооперироваться и превращать такие хозяйства в культурный рассадник для всей округи.

35. Особенно важное место в работе деревенской ячейки должна занять школа крестьянской молодежи. Строительство школ крестьянской молодежи, подготовляющей новый тип революционного и культурного хлебороба, стремящегося к кооперированию и к коллективной обработке земли, должно явиться конкретной, основной задачей деревенских комсомольцев, осуществляемой при внимательной поддержке

местных советских и партийных органов. Городские организации Комсомола должны помочь деревенским таким образом, чтобы в обслуживание культурных нужд деревни были втянуты все фабричные и городские ячейки Комсомола, и в первую голову та молодежь, которая связана с деревней. При этом необходимо стремиться, чтобы и здесь культурная работа соединялась и была во всех своих порах пропитана работой политической, переделывающей лучшие слои крестьянства. Основной идеей здесь должна быть умело пропагандируемая идея союза рабочих и крестьян под руководством первых.

36. Необходимо обратить серьезное внимание на привлечение к работе РКСМ—в особенности в деревне—лучших сил интеллигенции: учителей и агрономов. Деревенские учителя и агрономы сыграют крупнейшую положительную роль, если, в связи с необходимым улучшением их материального положения и наметившимся в этой среде поворотом в сторону соввласти, удастся достигнуть контакта между ними и комсомольскими ячейками.

37. Громадное значение имеет работа РКСМ в армии и флоте, каковая должна вестись в духе интернационального боевого воспитания. В эту работу должен быть втянут весь союз. Усиление военной пропаганды, политико-просветительная работа среди допризывников, забота о быте красноармейцев и матросов, пропаганда воздушного флота и поднятие боевой мощи СССР вообще, пропаганда военных знаний, в частности сведений из области военной химии и т. д.— таковы должны быть здесь основные задачи РКСМ.

38. Ведя всю свою воспитательную работу под знаком интернационализма, РКСМ должен приложить максимум усилий в области работы среди национальностей, живущих в автономных и независимых республиках Союза, в особенности в бывших колониях царской империи, где наиболее остро чувствуется недостаток в культурном местном кадре и где подготовка этого кадра возможна почти исключительно из слоев туземной молодежи. Эта работа имеет крайне важное значение и с точки зрения смычки с угнетенными империализмом народами Востока.

39. Ряд задач, в особенности связаных с областью быта, следует пытаться решать, организуя всевозможного вида добровольные об'единения, куда на ряду с комсомольским ядром входили бы и беспартийные товарищи (сюда относятся сельско-хозяйственные кружки в деревне, лиги борьбы с алкоголизмом и табаком, естественно-научные общества и тому подобное). Формы организации и методы работы в них должны тщательно учитываться РКСМ, который может через подобные организации охватить еще более широкий круг трудящейся молодежи.

5. ВЫСШАЯ ШКОЛА И МОЛОДЕЖЬ

40. Принимая все необходимые меры к оживлению и укреплению РКСМ, как массовой школы коммунизма, партия должна поставить перед собой первоочередную задачу организации рационального коммунистического воспитания молодежи в вузах.

41. Чрезвычайно крупную роль в деле завоевания высшей школы попрежнему играет овладение подступами к ней (низшая и средняя профшкола, совпартшкола, рабфак).

42. Необходимость особого внимания именно к этим подготовительных массовым учебным заведениям диктуется как сравнительно низким образовательным уровнем рабочих, которые должны подготовиться к вузу, так и наличностью необходимых для этого преподавательских сил. Следует всемерно содействовать не только сохранению, но и расширению сети этих подготовляющих к высшей школе учебных заведений, привлекая к материальному и культурному обслуживанию их не только центральные учреждения СССР, но и местные советские и общественные организации.

43. При всем желании партии расширить сеть вузов приходится, учитывая экономическую обстановку и ставя вопрос практически, высказаться за сокращение и сети вузов, и количества учащихся с одновременным улучшением и материальной и учебной стороны дела.

Несомненно, важнейшим соображением в пользу такого решения является необходимость улучшить тяжелое материальное положение учащихся, создающее благоприятную почву для нездоровых течений среди учащейся молодежи.

44. В установившейся системе разделения труда между высшими школами разных специальностей следует отметить сравнительно малый удельный вес сельско-хозяйственных вузов и совсем ничтожный—педвузов. И в том и в другом явлении заложены большие политические опасности. Без советского агронома и советского учителя нельзя завоевать деревню для коммунизма.

Не предпринимая опасной ломки, нужно однако, учитывая эти опасности, соответствующей политикой обеспечить благоприятные условия для роста школ этого типа.

45. Попрежнему весьма острым является вопрос обеспечения вузов марксистскими научно-преподавательскими силами. В большинстве спецвузов даже кафедры по общественным наукам заняты старой буржуазной профессурой. Необходимо в этом году дать первый выпуск института красной профессуры, обеспечив дальнейшее развертывание этого учреждения.

46. Поскольку в течение ряда ближайших лет высшая специальная школа не дает нам еще спецов-коммунистов, партия должна озаботиться подготовкой квалифицированных

партийцев для политического руководства советским строительством. Эту задачу выполняет комвуз, построение которого должно итти по линии подготовки всесторонне развитого политического руководителя, а не по линии дробной специализации.

47. Последняя задача обязывает к борьбе со схоластицизмом, имеющим место в комвузах. Программа комвуза должна быть пополнена дисциплинами, имеющими ближайшее отношение в практике, в роде экономической политики, тактики партии и т. д.; преподавание общественных наук должно быть оживлено и повозможности связано с практическими задачами современности; с другой стороны, необходима борьба с упрощенством и походом на теорию. Оживляя и реформируя методы преподавания, заостряя теоретическое внимание на проблемах современности, мы однако не можем отказаться от передачи новому поколению марксистов основного теоретического багажа, опираясь на который боролась и борется наша партия.

48. По отношению к вузам всех типов необходимо рекомендовать установление живейшей связи студенчества с производством. В специальных вузах эта связь реализуется практической работой в соответствующих предприятиях, при чем и партия и Комсомол должны следить за тем, чтобы эта практика не была только узко-технической, а вводила бы практиканта в жизнь предприятия в его целом. Таким образом практика должна давать и политическое воспитание. Для комвузов эта практика должна выразиться в систематической работе партийного характера в производственных ячейках, при чем эта работа обязательно должна учитываться и осмысливаться в вузе.

49. Переваривая молодняк в идеологическом отношении, партия должна обратить серьезнейшее внимание на физическое воспитание молодежи. Борьба с намечающейся физической деградацией нового поколения (рост заболеваний туберкулезом, неврастенией и пр.) приобретает крупное политическое значение.

Партия и Комсомол, особенно последний, должны поэтому всячески содействовать воспитательной работе в области физкультуры, организуя добровольно спортивные об'единения различного рода, ведя спорт-пропаганду, развивая в этой области соревнование и т. п. С другой стороны, улучшая материальное положение учащихся, необходимо бороться против их учебной перегрузки, которая стала у нас бытовым, а потому и особенно опасным явлением.

50. Партия должна понять, что отрицательные явления среди молодежи (явления дилетантства, скептицизма, идеологических уклонов в сторону идеализма или вульгаризаторства) с неизбежностью вытекают, с одной стороны, из крайне

тяжелого положения учащейся молодежи, с другой—из катастрофического недостатка квалифицированных коммунистических сил на идеологических командных постах. Идейные потребности молодежи перерастают таким образом данную наличность руководящих сил; усложняющиеся вопросы, требующие специальной разработки, не находят зачастую ответа, и молодежь легко может сворачивать на неправильный путь. Поэтому выделение квалифицированных сил исключительно для такой работы является абсолютно необходимым условием для улучшения идейного воспитания молодежи.

* * *

РЕЧИ НА XIII С'ЕЗДЕ РКП

1. ЮНЫМ ПИОНЕРАМ

Дети пролетариев, дети трудящихся! Я приветствую вас от имени ЦК нашей партии. Мы принимаем сегодня ваш парад у Кремлевской стены, на славной Красной площади, где вздымается могила нашего великого учителя, тов. Ленина, где находится великая коммуна мертвых, которые сложили свои кости в борьбе за то, чтобы заложить фундамент, заложить основу такой жизни, когда не будет ни бедных, ни богатых, когда человек с самого своего юного возраста будет жить полной жизнью и дышать полной грудью.

Наше поколение закладывало этот фундамент. Один за другим уходят от нас наши лучшие друзья, наши самые верные, самые смелые, самые твердые, замые боевые товарищи. Но и те, кто ушли, имели глубокую веру, что им на смену идет новая бесчисленная рать. Вместо каждого десятка уходящих идут сотни новых, свежих, молодых сил. И в этом смысле, товарищи, самое радостное—то, что в нас вкладывает надежду на будущее—это вы, это новое поколение, которое протягивает нам миллионы своих рук и которое выполнит лежащую на его плечах задачу.

Вам придется продолжать наше дело. Вам придется командовать великой армией в борьбе за освобождение труда, и кирпич за кирпичом складывать ту постройку, которую начало более старшее поколение. Вам придется участвовать в борьбе, которая будет, по всей вероятности, еще более грандиозной, чем те битвы, через горнило которых прошло старшее поколение. Вам, быть может, суждено будет увидеть то время, когда наше красное знамя действительно будет гордо развеваться всюду и везде: в глухих деревушках теперешних колоний и в основных крепостях капитала.

Товарищи! Великая задача вам предстоит. Но все мы твердо уверены, что вы пойдете под знаменем, под которым шла наша партия, и выполните те задачи, которые наша партия вам поручит. К этим великим задачам, к этим великим битвам, к этой великой строительной работе вы, наша смена, наша гордость, наша надежда, вы, сегодня назвавшиеся ленинцами, будьте готовы!

2. ПАРТИЯ И ВОСПИТАНИЕ СМЕНЫ

Товарищи, до сих пор партия хотя и уделяла вопросу о молодежи известное внимание, но не в том об'еме, как он необходим. Между тем даже тот факт, что мы имели во время нынешнего с'езда вместо обычных военнорабочих парадов большой парад и боевое крещение юных пионеров—сам по себе мелкий, но в высшей степени показательный факт,—напоминает лишний раз, что эта проблема стоит перед нашей партией во всем ее об'еме.

Мне кажется, что каждый из членов нашей партии должен понять, что вопрос о нашем влиянии на молодежь и вопрос о работе всех организаций, которые действуют и работают в среде молодежи, имеют первостепенное значение с точки зрения основных перспектив нашего развития. Если нашу партию за последнее время в высшей степени беспокоили такие вопросы, как, например, вопрос о соотношении между социалистическим накоплением, с одной стороны, и накоплением частного капитала, с другой; если этот вопрос нас беспокоил потому, что от решения его зависят судьбы нашей революции (победит ли социалистическая экономика или победит капитал, начиная нас бить в форме торгового капитала), то, с другой стороны, можно сказать с большим правом, что решение вопроса „кто—кого?“ зависит и от того, какие люди будут вырастать, каким будет на ближайшие годы наш командный состав во всех областях нашей общественной жизни. Совершенно не случайно тов. Ленин, если не ошибаюсь, на XI с'езде утверждал, что мы уперлись вплотную в проблему подбора людей. Это положение тов. Ленина безусловно правильно, и мы совершенно ясно можем сказать: вопрос о том, кто будет стоять на всех наших командных постах, вопрос, следовательно, о том, как будет отшлифовано, как будет выработано, образовано, тренировано следующее за нами поколение и следующее за ним поколение,—этот вопрос стоит в центре всей суммы вопросов, решение которых определяет исход борьбы капитализма и социализма.

Я должен прежде всего обратить внимание с'ехавшихся на с'езд товарищей на то, что задача, которая перед нами

стоит в ее широком масштабе, является задачей **педагогической**, но в то же время и в высшей степени важной **политической** задачей. Эта задача к тому же сейчас представляет собою задачу громаднейшей **сложности**.

В самом деле, ведь нам приходится сейчас заботиться о том, чтобы у нас выработались квалифицированные профессора—**наши** профессора. Нам нужно заботиться и о том, чтобы из наших громадных образовательных лабораторий вышли наши красные спецы; нам нужно заботиться и о том, чтобы надлежащим образом была поставлена обработка человеческого материала для того, чтобы подготовить наших средних функционеров, строящих социалистическое общество. Нам нужно, далее, чтобы мы правильно вели дело образования (в узком смысле этого слова) подрастающего юношества. И наконец нам надо заботиться о том, чтобы была поставлена на правильные рельсы обработка совсем молодого поколения—детей.

Эта сложность вопроса вытекает из положения нашей партии, как партии господствующей. Я обращаю внимание партийного с'езда на то, что наша партия в настоящее время находится в таком положении, что она по целому ряду отраслей этой работы может упустить руль, что она может не справиться с тем громадным материалом, который ей необходимо обработать в качестве руководящей силы. Я приведу вам только несколько примеров из самых различных областей.

У нас есть сейчас такое квалифицированное учреждение, как Институт Красной Профессуры. Институт ставит перед собой задачу настоящей научной работы. Вы думаете, что наша партия сейчас в состоянии следить за этой работой? Я должен сказать, что ни один из членов ЦК, ни один из членов Политбюро, ни одна партийная организация за этим делом не следят и не могут следить.

У нас создаются целые научные направления; созывается, скажем, какой-нибудь с'езд специалистов по психологии; там выступают и действуют целые группы, которые говорят от имени марксистов. Но спросите нашу руководящую группу и наш ЦК и всю партию: следит ли кто-нибудь за этой отраслью работы? Я на это отвечу: нет, ни один человек за этой отраслью работы не следит. А между тем это передается дальше, на этом воспитываются и создаются целые школы и направления.

У нас есть огромной важности вопрос о школе, где обучается наше юношество, о школе вообще и о наших партийных школах. Вы думаете, что за этим мы по всем направлениям можем уследить и следим? Вы жестоко будете разочарованы.

Иногда на этой почве получаются удивительные курьезы. Я об одном из них расскажу. В моих руках материалы по

пропаганде Московского Комитета РКП. Там есть статья о новом пегагогическом методе, который называется „талгенизмом“. В чем он состоит? Авторша говорит следующее:

> „Мы намерены в настоящей статье охарактеризовать новый педагогический метод (автором которого является А. Г. Ривин), основанный на всемерном использовании общения, как фактора образовательного процесса, и осуществляемый путем организации личного в форме парных сочетаний общения“.

Вот этот „личный в форме парных сочетаний метод общения“ заключается в следующем (товарищи, которые вступают к нам по ленинскому набору, получили бы такую педагогическую обработку): согласно методу талгенизма, т. е. подбора талантов и гениев, одну пару заставляют заниматься геометрией, а другую—изучать производство вареной колбасы, а потом производят перекрещивание: колбасник при общении переходит в геометра, а геометр—в колбасника, и при этом переходе—от геометрии к колбасе и обратно—обнаруживается изобретательность. Представьте себе: придут бородатые рабочие, которые хотят узнать от коммунистов то, что им нужно узнать, а их заставят в этих „парных сочетаниях по методу личного общения“ вертеть кадриль или плясать менуэт. Что может выйти из этого? А это—официально изданный материал!

Я приведу еще пример. У нас сейчас стоит вопрос о художественной литературе, на которой воспитывается наша молодежь. Разве наши центральные учреждения в состоянии за этим следить? Нет. Партийные учреждения не в состоянии, партийная линия в этой отрасли у нас не намечена.

Таким образом, касаясь совершенно разных вопросов, мы получаем такое положение вещей, которое может стать угрожающим. Партия может потерять руль, мимо партии может пройти целый ряд образований и течений, за которыми партия не сможет уследить, которые будут итти под партийным флагом вместе с этим пресловутым „талгенизмом“.

У нас бывали факты, когда товарищ, которого партия посылала для того, чтобы следить за этим, в силу того, что работа страшно возросла, пасовал перед новыми требованиями и запросами. Неоднократно в высших учебных заведениях таких наших товарищей, выражаясь не особенно парламентарно, выставляли из кружков, потому что обучаемые знали гораздо больше, чем те, которых мы посылали. Это, конечно, признак величайшего роста нашего дела.

Мы перешли не только во 2-й, а, быть может, в 9-й или 10-й класс. Но, с другой стороны, с этим партия должна считаться, ибо, если по целому ряду областей развитие будет итти помимо партии, без контроля партии, то мы можем совершенно неожиданно, через известный промежуток времени очутиться в таком положении, когда будем поставлены перед фактом целого ряда искривлений, исправить которые будет чрезвычайно трудно. А так как весь опыт нам показывает, что любое такое искривление стремится, в особенности в критический исторический период, сомкнуться с определенной политической тенденцией, то вы можете получить здесь определенное политическое образование, которое будет итти прямо против нашей партии. В общем и целом можно сказать, что потребности настолько развились, запросы молодежи настолько усложнились, работа настолько диференцировалась, что партия должна понять всю сложность этой задачи и обратить серьезное внимание на эту сторону дела.

Нам сейчас приходится заботиться, как я уже сказал в самом начале своей речи, об организации не только юношества, но даже детей. И здесь, мне кажется, мы, как партия победоносного рабочего класса, должны понять, что чем ниже мы спускаемся по возрастному составу, тем энергичнее мы должны захватывать под свое влияние более широкие социальные круги. Мы ни в коем случае не можем стоять здесь на такой точке зрения, которая совершенно естественна, правильна, правомерна и целесообразна в тех странах, где рабочий класс еще не взял власти и где перед ним основная задача заключается еще в том, чтобы организовать и бросить в борьбу силы, которые пригодны непосредственно для этой борьбы. Наша задача—неизмеримо более сложная, потому что перед нами стоит не только проблема создания кадров, которые могут быть брошены вот теперь же в самый маленький срок на тот или иной административный, хозяйственный или идеологический командный пост, но перед нами задача подведения величайшего социального фундамента для создания будущего основного людского капитала. И с этой точки зрения мы не можем в отношении самых молодых поколений ограничиться тем, чтобы организовывать только рабочих. Мы должны захватывать под свое влияние возможно большее количество населения, поскольку речь идет о самых низких возрастных составах. Вот на это дело нужно обратить партийное внимание.

Между тем, у нас здесь дело обстоит вовсе не так благополучно. Если правильное соотношение заключается в том, что, скажем, у детей мы должны организовать не только пролетариев и что поэтому процент пролетариев там может быть ниже, тогда как, скажем, в нашей партийной организации, обеспечивающей руководство, процент пролетариев

должен быть максимальным, то у нас фактическое положение вещей прямо обратное.

У нас самая низшая организация, организация юных пионеров, обнаруживает наиболее высокий состав пролетарских детей; среди наших юных пионеров есть течение, которое считает, что сперва нужно организовать всех пролетарских детей и только после этого можно приступить к организации детей крестьян и детей других слоев, детей трудовых слоев города. Это—абсолютно неправильная точка зрения. Если мы не будем ставить перед собой на ряду с ударной задачей создания своего кадрового состава еще более крупную задачу, напоминающую в области воспитания людского материала, скажем, такую задачу, как в области хозяйственной задача электрификации, если мы не будем этого делать,—то мы через несколько поколений можем очутиться перед очень неприятными вещами.

Аналогичное замечание с некоторыми поправками касается и Коммунистического Союза Молодежи. Товарищи из Комсомола отлично сознают, что им нужно привлекать в свои ряды крестьянскую молодежь, но фактические их силы сейчас настолько ограничены, что положение в этом отношении тоже не представляется особенно утешительным, хотя роль Комсомола, как вы увидите из последующего изложения, зачастую в деревне гораздо важнее (к сожалению!), чем роль наших партийных ячеек.

Перед нами стоят очень сложные задачи. Нам необходимо в высшей степени диференцировать подход к делу. Нам нужны люди, способные справиться с этими отраслями работы, но при этом нам необходимо единое руководство, единая руководящая нить от руководящей инстанции нашей партии. Только тогда мы сможем удержать и вести по правильному пути всю возрастную цепочку, если у нас будет обеспечено правильное соотношение между нашей партией, Комсомолом, организацией юных пионеров и целым рядом других организаций государственного и негосударственного типа, которые занимаются сходной и аналогичной работой.

Повторяю, товарищи: эта работа чрезвычайно трудна. Если у нас в нашей собственной партии, как показала прошедшая дискуссия, прения в значительной мере совпали с известным возрастным делением на стариков и молодых, то не думайте, что такого же явления нет и в других организациях.

Это же явление наблюдается, конечно, в своеобразных формах и в Комсомоле, и даже в организации юных пионеров, как это ни странно. Таким образом, здесь необходим специальный и в высшей степени сложный подход, который является одновременно и политическим, и психологическим.

После этих общих замечаний я перехожу к первому разделу тезисов — к вопросу о пионерах. Этот вопрос ставится в таких партийных организациях, как наш партийный с'езд впервые.

Я должен сделать одно маленькое замечание, так сказать, личного характера. Должен сказать, что если для нас, коммунистов, требуется какой-нибудь особый психологический заряд для того, чтобы выполнить ту работу, которую взвалила на наши плечи история, то само собою понятно, что этот психологический заряд действует в первую очередь тогда, когда мы видим и ощущаем реальные результаты этой работы, как кусок некоего нового. И вот я должен сказать лично про себя, что из всего того, что мне приходилось видеть за последние годы, пожалуй, самым многообещающим, наиболее показательным, наиболее радующим коммунистический глаз является организация юных пионеров. Вовсе не потому, что приятно смотреть на парад, и вовсе не потому, что это—просто красивое эстетическое зрелище, а именно потому, что вы видите здесь кусок нашего будущего, вы видите, как здесь строятся такого типа отношения и вырастает такая психология, которые представляют собой самое прочное из приобретений за время революции.

Если раньше, до революции, мы очень часто представляли себе дело так, что почти сейчас же после революции кривая нашего благосостояния начнет подниматься, то в этом мы ошибались. Мы видим, что дело обстоит совсем не так.

В самом деле, вот мы уже 6—7 лет стоим у власти. Скоро, пожалуй, и забудем, какой год мы стоим у власти. Мы, тем не менее, еще далеко-далеко не возвратились к тем цифрам в производстве, к тому уровню развития производительных сил, которые были характерны для довоенного периода, и с этой точки зрения—при сравнении—у нас пока что нет никаких приобретений, кроме отрицательных.

Но у нас есть одно такое приобретение, которое стоит всех остальных, потому что оно в конечном счете обеспечивает и все остальные; оно нам драгоценно тем, что в конечном счете не только доходит, но и переходит всякие довоенные цифры. Это—создание нового типа людей. Это создание нового типа людей—с новыми отношениями, новыми навыками, новыми устремлениями, новой психологией и с новым идеологическим строем. Это основное приобретение, которое обеспечивает нам развитие на целые годы нашего будущего.

Я не буду вас здесь затруднять большим количеством цифр. К V с'езду РКСМ, т. е. к октябрю 1922 г., организация пионеров насчитывала всего-на-всего 4 тыс. чел.; к 1 мая 1924 г. она насчитывает 200 тыс. чел.

Конечно, сама по себе эта цифра еще очень мала. Но с точки зрения динамики отношений, с точки зрения роста это—все-таки кое-что.

Я позволю себе сказать несколько слов о характере работ этих юных пионеров. Мне, к сожалению, нельзя будет использовать на нашем партийном с‘езде весь тот материал, который мы собрали. Я созывал совещания и с пионерами, и с деревенскими комсомольцами, и с комсомольцами с фабрик и заводов и стремился получить сведения не только официального характера, но такого типа, который бы показывал внутреннюю жизнь наших низовых ячеек. Позвольте вам сказать несколько слов об одной из ячеек, чтобы дать вам картину работы пионерских организаций.

На бывшей Прохоровской мануфактуре в домах рабочих при начале работ жило около $3^1/_2$ тысяч детей. Сначала было организовано 180 человек, но затем из-за отсутствия руководителей и средств сразу пришлось сократить эту цифру до 80 человек. Помещение, которое они занимают в полуподвале, очень маленькое, примерно, две кв. сажени. Ячейка РКСМ относится хорошо, ячейка РКП „относится совсем несерьезно“, как говорил товарищ. Беспартийные рабочие сперва частью относились положительно, но большинство рабочих, и женщины в особенности, выжидательно; посмотрим, что выйдет из всей этой истории? Потом, после организационной работы этих пионеров, возник вопрос об их отборе. Они ввели строгие правила при приеме, пожалуй, не менее строгие, чем при нашей последней партийной чистке, даже более строгие. Спрашивали при приеме: „не куришь ли, не хулиганишь ли?“ Кстати, был такой случай, что одного из детей нашего ответственного работника в одной пионерской организации почти затравили за то, что он послал прислугу спросить: когда будет такое-то и такое-то районное собрание? „Какой, дескать, ты трудящийся!“ Таким образом произвели отбор публики.

Внутри пионерской организации весьма серьезно была поставлена задача дисциплинирования; при этом нужно сказать, что пионеры очень часто по своей дисциплине и по своей организованности превосходили комсомольские организации. Затем они стали развивать свою деятельность дальше, организовали кружок второй ступени, захватили под свое влияние детский дом.

Сейчас они заняты работой по организации пионерского дома. После того как они несколько окрепли, они стали запускать свои щупальцы по линии влияния на родителей, что чрезвычайно важно. Мы имеем еще детскую организацию, которая своими слабыми ручонками разрушает старые отношения в семейной организации, т. е. ведет медленный подкоп под самую консервативную твердыню всех гнусностей старого режима.

Пионеры стали созывать вместе со своими руководителями собрания родителей-рабочих. Родители сперва были

выжидательно настроены, потом они стали эти собрания все более и более охотно посещать. Что развилось на этой почве? Процветало иногда битье этих маленьких детей за то, что они принадлежат к пионерам. Пионеры повели упорную, ожесточенную борьбу против этого. В результате была организована пятерка из представителей пионеров, комсомольцев и фабзавкома, которые обходили рабочих, бьющих своих детей, делали внушения, иногда привлекали к суду; таким образом создается новый тип отношений.

Наступила пасха в этом году. Родители стали гнать своих детей, чтобы они ходили в церковь. И вот в полуподвальном помещении за несколько дней до пасхи скопился не один десяток детей, которые ушли из дому и не показывались туда, выдерживая борьбу против своих родителей и ставя их перед совершившимся фактом.

Далее, мы имели такое громадное событие в нашей партийной жизни, как ленинский призыв. Пионеры, эти молодцы, во многих случаях оказывали такое влияние на своих родителей, что они *тащили их в партию, заставляли записываться и делали все, чтобы склонить их к вступлению в партию.*

Таким образом вы видите, что эта работа, которая совсем не видна, выражается вовсе не во внешних декорациях и признаках, но содействует перерождению наиболее консервативной бытовой клетки, которая является оплотом отношений старого типа.

Началась работа, и вы увидите, какая изобретательность требуется от этих маленьких ребят. Партия и советская власть в связи со смертью Ильича бросили лозунг организации помощи беспризорным. Фабзавкомы склонны всегда тратить деньги экономно, помогать только своим заводским; для „чужих" материальных средств не оказывается. Эти славные мальчишки и девочки украдкой от фабзавкома организуют помощь беспризорным. Если бы вы прочитали когда-нибудь, в каком положении у нас находятся „педагогические учреждения", где находятся беспризорные, у вас волосы встали бы дыбом, потому что у нас нет еще такого кадра педагогов, которые могли бы надлежащим образом подойти к беспризорным, испорченным в несколько лет улицей, торговлей, спекуляцией, проституцией и т. д. А пионеры, эти маленькие люди, хорошо знают детскую психологию. Они, как показал опыт, часто лучше патентованных педагогов подходят к беспризорным.

Само собою разумеется, что вовсе не всюду дело обстоит так благополучно, как я говорю, но того, что пионердвижение развивается по такой линии, достаточно, чтобы не отмахнуться презрительным жестом. Это—большой базис для нашей будущей работы.

Пионеры проникают и в деревню. Они из Москвы едут по железным дорогам в деревню и, когда они появляются в деревне, они сперва вызывают изумление, а потом привлекают деревенских детей и настолько образцово себя ведут, что и тут производят революционную, хотя и незаметную на первый взгляд работу.

Я привел вам картину, основанную на опыте одной из ячеек организации юных пионеров. Я не имею здесь возможности говорить о целом ряде других примеров, но уже из это картинки вы видите, насколько важно обратить внимание на это движение. Если вы не будете наблюдать за этой молодежью, обещающей быть могучим и в высшей степени революционным поколением, если она вырвется у вас из рук, то мы лишимся возможностей, потеря которых граничит с преступлением.

Я должен очень кратко сказать о нескольких проблемах, которые стоят здесь перед нашими товарищами из организации юных пионеров.

Первая проблема—п р о б л е м а р у к о в о д с т в а. У них нет достаточного количества сил. Это—во-первых, и, во-вторых, у них не решен вопрос, к т о должен ими руководить. Есть тенденции, которые мы наблюдаем на Украине, когда организация юных пионеров непосредственно примыкает к нашей партийной организации; в подавляющем же большинстве пионерами руководит организация комсомольская: около 75 проц. руководящего состава юных пионеров находится в руках комсомольцев, которые работают очень хорошо. Но партия, как целое, в своих законодательных инстанциях не имела никакого отношения к этому движению.

Вторая проблема—м а т е р и а л ь н ы е средства. Об этом я скажу очень кратко, ибо что же говорить, когда этих средств нет. Должен заметить, что очень часто и здесь эти молодые наши будущие товарищи обнаруживают чудеса изобретательности. Они обхаживают наших хозяйственников, навязывая эти красные галстучки, которые так расхватываются, сколачивают на то, чтобы купить самое необходимое.

Пионерская проблема, взятая даже с педагогической стороны, очень сложна. Здесь многие будут улыбаться, но даже такая сложная проблема, как половая, играет у них исключительную роль, как это обнаруживается из всех решительно рассказов товарищей, работающих в организации юных пионеров, так что здесь необходим тонкий, деликатный и в высшей степени педагогический подход.

Затем — проблема очень крупного организационного порядка, которая состоит в том, как у в я з а т ь о р г а н и з а ц и ю ю н ы х п и о н е р о в с о р г а н и з а ц и я м и с о ц и а л ь н о г о в о с п и т а н и я.

Что касается руководства, то в общем решение должно итти по той линии, что п а р т и я д о л ж н а р у к о в о д и т ь

через Комсомол этими организациями. Относительно увязки с организацией социального воспитания мне кажется, что здесь не должно быть конкуренции, как это часто наблюдается.

Есть еще несколько общих идейных „уклончиков“ у руководителей организации юных пионеров.

Первый „уклончик“ можно было бы назвать организационным сепаратизмом, когда они стремятся организоваться совершенно независимо от Комсомола, точно так же, как наблюдается небольшая тенденция у некоторой части отсталых комсомольских слоев до известной степени действовать сепаратно от партийной организации. Такая сепаратистская линия наблюдается на Кавказе.

Есть другого типа общий недостаток работы, который можно было бы назвать механическим перенесением приемов и методов работы, целесообразных для взрослых, в детские организации. Я хочу сказать о писании протоколов, о портфелях и пр., и пр.

Есть в отдельных организациях некоторая переоценка специфически военных методов; так, например, обстоит дело в ленинградской организации.

Я описал совершенно бегло ту сторону работы, которая касается самого молодого нашего поколения. Позвольте теперь перейти к другому отделу, к вопросу о Комсомоле.

Я и здесь, к сожалению, совершенно не в состоянии использовать все те материалы, которые у меня имеются, так что и здесь я должен сравнительно бегло остановиться как на фактическом состоянии этого движения, так и на проблемах. Я думаю, что тезисы [1] послужат вам некоторой заменой того, чего я должен сравнительно бегло здесь коснуться, говоря об этой важнейшей и крупнейшей организации.

Каков фактический рост членов Комсомола? К V с‘езду РКСМ, в октябре 1922 года, было 247 тыс. членов; к 1 мая 1924 года их насчитывается (по не совсем точным данным, потому что сюда входит и ленинский призыв) около 595 тыс. Ленинский прирост в общем и целом дал (по сведениям, сообщенным нам из Центрального Комитета союза) общий итог около 67 тыс., а в процентах—около 11 процентов.

Социальный состав Комсомола характеризуется такими чертами. Процентный состав рабочих все время повышается. В октябре 1922 года процент рабочих был 26; к XII с‘езду—34 проц.; на 1-е января 1924 года—40 проц.; на 1-е марта 1924 года—41 проц. Товарищи из Комсомола считают, что у них теперь около 50 проц. рабочего состава. Процент этот

[1] См. выше, стр. 113.

сейчас не повышается, а даже несколько уменьшается и за последнее время стоит на том же уровне.

Я должен сказать, что в связи с этим стоит проблема о составе Комсомола. Среди комсомольцев было небольшое течение (я не говорю, конечно, о руководящих слоях Комсомола), которое страдало тем, что на их комсомольском языке называется „узкой классовостью". Некоторые товарищи считали, что так как комсомольская организация считается руководящей, то нужно в Комсомол почти не пускать крестьян-середняков. Мне представляется, что эта точка зрения неправильна. Я думаю, что и ЦК союза молодежи с этим согласен, так как это может повлечь к нежелательным последствиям с политической точки зрения. Когда мы говорим о Комсомоле, мы говорим об одной из крупнейших и важнейших организаций, которая делает нашу работу. На совещании, которое я созывал из сельских комсомольцев, работающих в деревне, обнаружились такие факты: в Московском уезде у нас есть только 8 партийных ячеек в деревне, а комсомольских ячеек 64. Отсюда вы поймете, что фактически по целому ряду мест (ведь это же около Москвы, где рабочие часто ездят на фабрики, около фабричного крупного центра!) соотношение в деревне между комсомольскими ячейками и ячейками РКП, как 8 к 1. Что отсюда следует? Отсюда следует, что во многих местах фактически члены РКСМ заменяют членов нашей партии.

Положение в деревне такое, что при повышающейся активности крестьянского молодняка, если мы не возьмем его на цугундер, его возьмут другие. Поэтому естественно, что мы, имея известную базу среди батрачества в деревне, не должны закрывать дверей молодняку середняцких слоев. Мы должны его выбирать, отбирать, но во всяком случае не запирать перед ним двери. Наоборот, мы должны наиболее активный, наиболее советский, наиболее поддающийся коммунистической обработке элемент привлекать в союз для того, чтобы обеспечить на него влияние и через него влияние партии на всю деревенскую работу.

Что касается внутреннего содержания работы и прежде всего *воспитательной* работы, то мы должны сказать, что здесь у нас обнаруживаются иногда факты, о которых мы не имели представления до того, как мы не приступили вплотную к их изучению. Мы обратили внимание на некоторые в высшей степени грозные вещи, которые здесь открываются.

В общем и целом у нас Комсомол—великолепнейшая организация. Но вот у них недавно была политпроверка. Они подразделили по знаниям всех товарищей на три категории, при чем под первой группой у них разумеются такие комсомольцы, которые политически совершенно неграмотны.

Вы знаете, какой процент общего числа комсомольцев политически неграмотных. Вы думаете 30—35? Нет, их 66,6 проц., 66,6 проц. наших комсомольцев политически безграмотны.

Мы пробовали нащупать: почему идут в Комсомол? Очень многие идут потому, что их туда гонит молодой энтузиазм; очень многие туда идут из-за того, что комсомолец будет скорее иметь место и будет скорее забронирован; очень многие туда идут потому, что здесь перед ними открывается целый ряд добавочных развлечений и т. д. Над тем, что среди них так много неграмотных, партии надо немножко подумать.

Если обратиться к относительно грамотным, т. е. к комсомольскому активу, то и здесь обнаруживается далеко не блестящая картина. Комсомольские активисты поголовно отмечают, что они совершенно ничего не читали, потому что они целиком заняты организационной работой, потому что они настолько ушли в эту организационную работу и в руководство своей организацией, где они не уступают партийцам, что для учебы „времени не остается".

Что заботит нашу комсомольскую организацию сейчас? В ней начинается поворот, который можно характеризовать как поворот от чисто культурной работы в сторону политической активности, в сторону более общественно-политического характера работы. Этот поворот в общем и целом нужно приветствовать. Правильно сделал Центральный Комитет союза, что эту линию повел, но в то же время нужно озаботиться, чтобы здесь не было некоторого перебарщивания и чтобы здесь не перегнули палки в другую сторону.

Наша рабочая молодежь находится поистине в ужасном положении, несмотря на тот экономический под'ем, который мы имеем. Среди нее был произведен целый ряд обследований. Из этих обследований мы видим, что заработная плата нашего молодняка повышается. Но если заняться данными о питании, развитии болезней и пр., то разве, товарищи, не ужасно, что около 38 с лишним процентов подростков-рабочих не имеют даже кроватей, как это показали соответствующие обследования и анкеты? Еще более печально обстоит вопрос относительно безработицы среди рабочей молодежи. Эта безработица есть и у взрослых, но там она не так громадна. У взрослых она равняется 20 проц. среди членов профсоюзов, у рабочей молодежи—47 проц., т. е. почти половина входящих в профсоюзы молодых рабочих является безработными. И в этом отношении Комсомол должен и обязан отстаивать позиции рабочей молодежи касательно забронирования, касательно выплаты и прочее, о чем подробно сказано в моих тезисах. Это — крупнейшая социальная проблема.

Другой вопрос—это вопрос о повышении уровня технических знаний комсомольцев. Они получают недостаточное профессионально-техническое образование. Школы фабрично-заводского ученичества могут играть очень крупную роль, но они поставлены в такие условия, что они недостаточно педагогически емки, и поэтому мы поставлены перед серьезной задачей, которая является и хозяйственной, и политической, и коммунистическо-педагогической. Перед нами стоит вопрос о поддержке технического образования молодежи, о поддержании школ фабзауча.

Теперь относительно деревни. Я уже отмечал, что если мы говорим о приобщении деревни к городской культуре и об улучшении самой сельско-хозяйственной культуры, то мы не можем не отвести Комсомолу первого места. Очень характерны в этом отношении некоторые письма взрослых крестьян. Я эти письма тоже читать не буду, но они все показывают, каким образом взрослые крестьяне, относившиеся ранее с недоверием к Комсомолу, в результате его работы сейчас проникаются все большим и большим сочувствием к этой организации и присылают очень смешные, подчас очень корявые письма, которые этот перелом демонстрируют.

Задачи и работа Комсомола в деревне крайне разнообразны. Мы обследовали главным образом Московский уезд и убедились, что эта работа не только на бумаге, но и на деле очень разнообразна; правда, мы опрашивали ячейки, стоящие выше среднего.

Вот, например, порядок дня одной из ячеек бывшего имения Рыкова, Московского уезда, Щелковской волости, деревни Новь (ячейка обнимает 39 чел.): о плане летней работы, о сельско-хозяйственном кружке, о перевыборах сельского совета, о кооперации. Кооперацию они фактически взяли в свои руки, вышибив оттуда кулака. Они не только занимались устройством концертов, театральных представлений, но и помогали культурной обработке полей. В сельско-хозяйственный кружок входил целый ряд беспартийных крестьян от 43—45 лет. Они привлекли двух агрономов, которые им читали. Они починили дороги и мосты, ввели многополье. В этой деревне или в соседней был такой случай, что проход для скота был устроен таким образом, что из-за этого трудно было перейти к многопольной системе. Комсомольцы устроили таким образом, что получилась возможность перехода к многопольной системе.

Таких случаев можно привести много. Если мы не будем отталкивать лучшую часть крестьянской середняцкой молодежи, мы будем иметь в деревне зародыш массовой коммунистической организации. Мне кажется, что можно дать такую формулу: если организационная энергия крестьянина

в экономической работе должна быть направлена по кооперативной линии, то политически мы должны кооперировать мужика в первую очередь через организации нашей крестьянской коммунистической молодежи. Само собой разумеется, что здесь есть целый ряд крупных вопросов, целый ряд трудностей, но под руководством партии с этим можно справиться.

Сейчас комсомольцы ставят перед собой и вопросы, касающиеся внутренней жизни их организации: например, задачу простой культурности. Из некоторых отчетов и протоколов ячейки мы узнаем, что комсомольцами ставятся, например, такие вопросы. В одной комсомольской ячейке на Красной Пресне один товарищ говорит, что „сейчас нужно выставлять проблему борьбы с хулиганством и комсомольской удалью". Совершенно правильное замечание. Или отмечают такую вещь: среди теперешней молодежи развиваются в связи с общим под'емом большие потребности. Вот комсомольцы ставят себе проблему научить ребят тратить свой заработок, потому что они теперь подрабатывают больше и часто бессмысленно его тратят [1].

Остановлюсь на нескольких вопросах организационного характера.

В РКСМ есть, во-первых, разногласия и разнобой между аппаратом и массами. То, что было у нас в дискуссии, и у них до известной степени также выявилось. Мы имеем протоколы некоторых ячеек, например, автобазы и швейной фабрики, где вынесена резолюция, требующая сплошного орабочения бюро ячеек Комсомола. Можно было бы привести много таких выписок из протоколов. Пример военно-вузовской ячейки 37-й школы подчеркивает опасность отрыва от общесоюзной жизни: „ближе к рабочей молодежи—вот наш лозунг". Общее собрание членов всего Краснопресненского района союза отмечает разнобой между членами советских и рабочих ячеек, который следует устранить. Таким образом и здесь имеют место те проблемы, которые волнуют партию.

В общем и целом эти проблемы должны быть решены по той же линии, как и в нашей партии, но с одной и довольно существенной модификацией. Механически переносить нашу суровую партийную дисциплину, мне кажется, было бы опрометчиво. Тут нужен особый подход; нужно считаться с тем, что эти слои очень юношески самолюбивы. Этого очень многие не понимают, и очень характерно, что на этой

---

[1] Меня нельзя упрекать, что я обошел целый ряд самых существенных и очень важных вопросов. Я строю свой теперешний доклад вынужденно не по тому плану, по которому построены мои тезисы. Это не отменяет тезисов, но иллюстрирует вещи, которые тезисы не охватывают.

почве бывает отрыв некоторых партийных организаций от РКСМ, при чем комсомольцы формулируют это чрезвычайно удачно. Например, у меня есть один протокол, где один товарищ определяет отношение партии так: „Это или диктаторство, или халатность со стороны прикрепленного“. Само собой разумеется, что это не общий тип отношений, но что такие недостатки со стороны прикрепленных есть, это не подлежит никакому сомнению.

Теперь позвольте мне сказать несколько слов о высших учебных заведениях.

Прежде всего, здесь нет даже твердой социальной гарантии в смысле обработки молодежи. Имеются очень любопытные цифры, которых я не могу не привести. На рабфаках мы имеем очень высокий процент рабочих—62%; в комвузах—45% рабочего состава, но они сильнее по партийному составу—74%; в вузах рабочие и дети рабочих составляют 14%, а беспартийные—89% с лишним, т. е. нерабочий состав не компенсируется и коммунистическим составом.

Таким образом высшая школа в смысле состава ни капли нами не завоевана. Я вовсе не требую на этом основании изгнания всех непролетарских элементов, но здесь перед нами очень сложная и трудная задача.

Надо остановиться на некоторых проблемах, которые относятся сюда.

Материальное положение: если взять всех студентов нашего Союза, то только 3% получают стипендию. Хозяйственная стипендия, которая колеблется от 4 до 7 червонцев, чрезвычайно редка. Но у нас даже редка и государственная стипендия, которая выражается в одном—двух червонцах.

Мы произвели обследование, и картина получилась ужасающая. Например, бывшая Петровская академия, теперешняя Тимирязевская. Нормальная нагрузка академии 800, обучается 3 или 4 тысячи с половиной; получают из них стипендию пустяковое количество; около двух с половиной тысяч неизвестно где ночуют. Теперь они ночуют в старых дачах в Петровско-Разумовском, но зимой—бог знает где, на это нельзя получить ответа,—на бульварах, вокзалах, где угодно. Огромный процент нашего столичного студенчества промышляет всякой работой. Лучше всех поставленное учреждение, где максимальный процент госстипендий—горная академия имени Артема. Однако и там очень большой процент промышляет тем, что работает грузчиками на складах, сторожами по ночам и т. д., и т. д. Счастливцами считаются те, кто служит разносчиками Моссельпрома. Значительная часть студентов представляет собой то, что можно назвать люмпен-студентами, т. е. оборвыши, которые не имеют ни крова, ни дома, ни жилища, ни заработка, которые бог знает как живут.

Вот что получилось в результате „непланового хозяйства“ при приеме, и ясно, что единственное спасение заключается в том, чтобы сократить количество обучающихся. Если партия не примет решительных мер, мы рискуем получить не смену, а вдрызг больных, никуда негодных, развинченных и „с уклоном“ людей,—нельзя быть без уклона в такой обстановке.

Ко всему сказанному присоединяется то, что они перегружены занятиями и общественной работой.

Внутренняя организация вузов принимает чудовищные формы. Когда я первый раз услышал, то я не поверил; в высшем техническом училище, где готовят красных техников и спецов,—вы знаете, сколько есть студенческих организаций, ведущих параллельную работу? Чуть ли не большеста! Примерно то же и в других вузах. А так как кадровый состав, который работает в этих организациях, примерно, один и тот же, то получается то, что на ФОН'е из РКСМ неуспевающих 80 проц., а членов РКП—50 проц. Так как у них бывает „социальный нажим“, то профессора часто ставят „удовлетворительно“ тем, кто ни чорта не знает. В этом—крупнейшая опасность. Получается такое положение вещей, что если занимается человек, то „отрывается“; если не отрывается, то на нем вешают всех собак—партийных, общественных, академических и прочих. Он не может заниматься. Он погиб для того дела, для которого послан в высшее учебное заведение.

Рационализация работы здесь — партийная задача. Не нужно перегружать людей, нельзя их замучивать, нужно дать возможность учиться. С другой стороны, нужно требовать в меру выполнения и академического, и партийного, и общественного долга, но так, чтобы все это не выражалось в виде этих идиотских организаций, которые там есть. Таковы обязательные задачи, которые мы должны выполнить.

Теперь насчет марксистского воспитания. У нас есть классическое учреждение, из которого выходит агроном. Это — Тимирязевская академия. Я вам должен сказать, что это учреждение, которое должно быть смычкой с крестьянством, в действительности, по постановке дела, одно из самых скверных учреждений, какие только мы имеем, и оно не может не быть скверным, потому что ему не дано ни средств, ни сил. В этой школе один единственный коммунист-руководитель, тов. Максимовский. Кроме тов. Максимовского, там нет ни одного коммуниста, вернее говоря, там они есть, мне было заявлено, что назначено туда 10 преподавателей-коммунистов: Стучка, Милютин, Теодорович и другие, но ни один из них не читает. Они есть на бумаге, а на деле их нет. Преподавание наук, долженствующих осуще-

ствить хозяйственную смычку деревни с городом, находится целиком в чужих руках. То же самое и в технических учебных заведениях, то же самое и в других учебных заведениях.

Повторяю: партия здесь руля не держит и не будет держать до тех пор, пока она не возьмется за ум, не потрясет себя за чуб и не произведет мобилизации специалистов, так как здесь нельзя быть универсалистом; это вздор — думать, что здесь всякий справится.

Теперь—вопрос о соответствии производства новых спецов в высших учебных заведениях потребностям производства страны. У нас уже получились громадное перепроизводство техников и медиков и громадное недопроизводство педагогов и сельско-хозяйственных специалистов. У нас, в крестьянской стране, на сельское хозяйство приходится их только около 17%.

Нужно сказать, что в способах преподавания в вузах у нас вначале был уродливый уклон, который можно назвать „талмудическим“ уклоном, когда зубрили, положим, первый том „Капитала“. Но если бы человека пожелали спросить, где находится Швеция, он легко мог бы ее смешать с Северной Африкой. После этого, мне кажется, у нас получился противоположный уклон, который заключался в том, что стали считать полезным применение к нашим высшим учебным заведениям комплексного метода, который применяют к маленьким детям: хотят под видом того, что нужно все приблизить к производству (что очень хорошо и нужно), уничтожить целый ряд наук, какие до сих пор существуют. На этом вопросе я долго не буду останавливать ваше внимание.

Наконец я должен сделать замечание относительно уклонов, которые имеются в студенческой среде. Я говорю, что в общем нужно удивляться, как мало их сравнительно. Если бы мы поправили дело с материальным положением учащихся, мы бы в корне задушили все эти уклоны, за исключением одного, который представляется нам наиболее опасным и который обнаружился, как это ни странно, в наиболее рабочем нашем городе, в Ленинграде. Намечается рост студенчества нового, буржуазного типа, очень активного, которое не сдается, которое отстаивает свою линию и которое представляет собой формацию молодых людей нэпмановской идеологии.

Что касается других уклонов, то здесь есть среди беспартийных, конечно, известное сменовеховское течение, которое само по себе в данной стадии не особенно опасно при правильной тактике по отношению к некоторым слоям в нашей республике.

Есть также целый ряд колебаний в сторону идейного упростительства. Например, было такое течение, енчменист-

ское, о котором вы, вероятно, знаете и на теории которого я не буду останавливаться.

Тут все это можно свести к двум рубрикам: или здесь материальная база, которая заставляет бунтовать по какой угодно линии, или здесь то, что эти собранные в высшие учебные заведения люди не получают никакой марксистской пищи от нас.

Нужно запомнить раз навсегда: сейчас эта публика настолько выросла, что вы ее не можете накормить тем, чем мы даже сами питаемся. У нее гораздо более возросший спрос и гораздо большие запросы в области идеологии. И если мы на эти вопросы не отвечаем, на них отвечают те, за чью добросовестность и выдержанность марксистской линии нельзя поручиться. Но так как эта молодежь ждет ответа на вопросы, то она хватается за первую попавшуюся линию.

Мы сами в значительной мере виноваты в этом. Вспомним нашу академическую чистку. Само собой разумеется, что ни в коем случае нельзя оплевать чистку, которая произошла; но для нашей партии все же тут должен быть некоторый урок. Мы сами виноваты в том, что должны были прибегать к этим двойным чисткам. Мы сами напустили в высшие учебные заведения такую громадную уйму. Это— наша вина в значительной мере, и тут нужно сделать все возможное, чтобы впредь гораздо внимательнее принимать. В прошлом мы сделали громадную ошибку, которую ни в коем случае не должны повторять.

Я останавливался здесь главным образом на принципиальных сторонах. Общие задачи, поставленные перед нашими молодыми организациями и перед нашей партией в области работы среди молодежи, очерчены в тезисах, которые и предлагаются вашему вниманию. Я не считал здесь необходимым особо распространяться в похвалах нашим организациям и перечислять все, что они сделали. Мне нужно было остановиться главным образом на тех недостатках, которые имеются сейчас в работе, на тех часто мучительных проблемах, которые эту работу сопровождают. Но здесь я возвращаюсь к тому, с чего я начал.

Товарищи, когда мы смотрим на работу наших юношеских организаций; когда мы видим эти подрастающие, идущие на смену кадры; когда мы видим всю совокупность перерождающихся старых бытовых тканей; когда мы понимаем эти процессы и отдаем себе в них отчет и когда мы надеемся сами руководить этими процессами,—тогда мы можем сказать с полным правом и с совершенно спокойной совестью: „Наше дело есть дело непобедимое“.

Мне случайно, не помню, в каком-то из журналов русских белогвардейцев, пришлось читать, с какой бешеной злобой относятся наши противники как-раз к этой стороне

работы. Они отлично понимают, что если у нас еще не починен целый ряд прорех и дыр в нашем хозяйстве, то у нас вырастает новое поколение, у нас переделывается весь народ, у нас не только старики, но, переделывая других и перерабатывая свою собственную природу, вырастают тысячи и миллионы, которые нам придут на смену. И в этом наша основная гарантия того, что то дело, которое мы начали, не удастся с'есть никакому капиталу — ни купеческому, ни торговому, ни иностранному, ни нашему доморощенному.

* * *

КИМ И КОМСОМОЛ

НАШЕЙ МОЛОДЕЖИ

Мы посвящаем этот номер „Правды“ нашим молодым товарищам и союзникам по великой пролетарской борьбе. Вместе с нами они, юные цветы пролетариата, юноши и девушки, строили баррикады в Октябре; вместе с нами они вливались четкими цепями в ряды Красной армии, сражаясь против белогвардейской саранчи, тучами обложившей нашу землю, землю Коммунистического Интернационала; вместе с нами они погибали от руки врага и отдавали свою жизнь великому делу под топором палача. Вместе с нами они победили на подступах к Петрограду, на Уральском хребте, на Перекопских твердынях, на границах Польши, на далеком Мурмане и на окраинах громадной Азии, под пушечными жерлами японского империализма. Вместе с нами идут теперь их молодые отряды в поход на нищету, бедность, разруху и голод.

Мы знаем: и здесь они сделают свое дело. А если снова покажутся на наших границах вражеские белые флаги, наша молодежь быстро соберет свои инструменты, сложит книги и снова бросится в бой с той же священной ненавистью и святой любовью, с которой она защищала Республику четыре тяжелых года кровавой страды.

Вместе идем мы, взрослые и молодые, партия и союз. Вместе мы преодолеем трудности. Вместе победим и вместе будем когда-нибудь радоваться плодам победы. Одна и та же сила движет нас. Одна идея руководит нами. Сотрудничеством ряда поколений выстроим мы то, ради чего стоит жить и стоит умереть: новый мир, новую землю, нового человека.

„Правда“
25 ноября 1920 г.

* * *

ПОКОЛЕНИЕ, КОТОРОЕ СУМЕЕТ ПОБЕДИТЬ

Это было давно, больше года назад [1].

В берлинском посольстве советской России мы встречали только что освобожденного тов. Либкнехта. Собралось много народа и довольно разнокалиберного: тут был и дряхлый революционер Меринг, седой, как лунь, тело которого было уже почти мертво, но ясный ум которого горел ярким пламенем; тут был и Гаазе; тут был и Барт; тут были и другие люди и товарищи с громкими именами и громким прошлым. Все встречали „Карла". Одни—с надеждой и верой, что его революционная страсть поведет массы в бой. Другие—с смутной тревогой, как бы этот „чудак" не испортил чинного и благонамеренного хода вещей.

Говорили все. Но никто не произвел на меня такого впечатления, как один юноша-рабочий. Это был не совсем обыкновенный юноша. У него одна рука была изуродована, а вместо другой торчал какой-то жалкий обрубок: машина отрезала ему руку выше локтя. Война искалечила его с другой стороны. И этот мальчик—сам живая жертва капиталистического варварства, с худеньким личиком и впалыми глазами, только что пришедший с демонстрации, где вокруг него сверкали шашки шуцманов,—произнес такую пламенную речь, говорил с такой верой в нашу победу, что всякий революционер чувствовал: такое поколение сумеет победить.

Я отлично помню—точно это было совсем на-днях—всю сцену. Длинный стол с сидящими за ним гостями. В углу, у самой стены, на незаметном месте сидел этот молодой товарищ. И когда наступила очередь Либкнехта отвечать, то

[1] Написано в 1919 году.

Либкнехт повернулся почти спиной ко всем. Его лицо было обращено главным образом к этому мальчику. Ему больше всего говорил Либкнехт. Ему он отвечал прежде всего и раньше всего. Ибо здесь была наибольшая интимная связь, связь между великим революционером и революционной молодежью. Не даром Либкнехта окружала молодежь, не даром эти „мальчишки" были самыми смелыми героями уличных боев и демонстраций...

Через несколько дней этому юноше полицейские громилы шашкой отрубили и тот обрубок, который висел у него вместо руки...

Теперь нет уже в живых ни Меринга, ни Либкнехта. Даже Гаазе уложили навеки в землю шейдемановские палачи. Я не знаю, жив ли и этот юноша. Но известно: жива германская рабочая молодежь, жив пролетариат, жив великий дух революции, которым был крещен Карл Либкнехт. Этот дух революции снова начинает бушевать в стране Носке. Близок день, когда он отомстит за своих загубленных пророков и вождей!

* * *

III С'ЕЗД РКСМ

1. К ОТКРЫТИЮ С'ЕЗДА

Вчера открылся III с'езд Коммунистического Союза Молодежи. Этому с'езду предстоит, повидимому, сыграть крупную роль в истории юношеского коммунистического движения в России. Стоит только посмотреть на делегатов, с'ехавшихся с громадной территории, начиная с Дальнего Востока и кончая Архангельской губернией, Западным краем и Кавказом, чтобы увидеть, какой, несмотря на все неблагоприятные условия, крупный шаг вперед сделало движение.

На I и II с'ездах перед нами были еще совсем неопытные, не оперившиеся птенцы, которые еще только нащупывали пути. Теперь большинство делегатов с'езда—юноши и девушки, прошедшие уже довольно серьезную, иногда военно-боевую, школу: они говорят, рассуждают, председательствуют, и вы сразу видите, что это—уже опытный народ. А некоторые из них ориентируются превосходно и в заграничных делах, играя крупную роль в международном юношеском движении. Этот рост умственного уровня, сознательности и практической ловкости не подлежит никакому сомнению. Юношеское движение имеет уже свой „командный состав".

Однако вместе с ростом движения, в связи с общими условиями работы, общим истощением, усталостью некоторых групп и в движении молодежи обнаружились кое-какие симптомы той же болезни, которая нашла себе место в рядах партии. Бюрократизация „верхов" и замирание внутренней жизни союзных „масс" вызвали к жизни и уклонения в сторону союзного сепаратизма, децентрализации, антиинтеллигентщины специфического свойства, падение внутрисоюзной дисциплины. Само собою разумеется, что более неуравновешенная молодежь выделила из своей среды и более неуравновешенных вождей „оппозиции". Это и повело к тяжелому конфликту внутри союза, вызвало вмешательство ЦК партии и т. д.

Совершенно естественно поэтому, что перед III с'ездом стоят поэтому две главнейшие задачи: во-первых, теоретическое уяснение разногласий и их преодоление; во-вторых, принятие ряда мер, которые бы исправили недостатки теперешней организации, ее окостенение и нарастающий бюрократизм.

Было бы совершенно недопустимо сводить на с'езде вопрос к личностям и не понимать, что под личной „склокой"— оттенки взглядов. Было бы недопустимо замазывать разницу этих оттенков. Наоборот, их нужно деловым образом формулировать, не пряча концов в воду, таким же деловым образом подвергнуть перекрестной критике и затем решить в определенную сторону. Нужно точно так же обратить серьезное внимание и на внутреннюю жизнь союза.

Мы уже говорили, что кадр руководителей там создался, что этот кадр вырос очень сильно. Но этого нельзя, к сожалению, сказать о всех членах союза. Много внимания обращается на „внешность", „аппарат" и громкие фразы. Мало сделано и делается в области действительного, реального к о м м у н и с т и ч е с к о г о п р о с в е щ е н и я, серьезной работы над собой, усвоения знания. Это—грех всей партии. Это—грех и Коммунистического Союза Молодежи. На эту сторону дела нужно обратить сугубое внимание. Ведь утверждение, что молодежь—наши резервы, наша надежда, это— не пустое утверждение. Уже и сейчас непрерывным потоком вливаются оттуда товарищи в общепартийную работу. На фронтах, в тылу, в губкомах, в советах не редкость видеть товарищей из союза молодежи. Без этих свежих сил, без этих новых источников пролетарской энергии нам нельзя держаться.

Теперь время трудное и боевое. С'езд не проглядит за своими вопросами э т о т. Наоборот. С'езд будет исходить в их решении из общих задач пролетариата. Для их решения нужны величайшая выдержка и величайшая дисциплина. И молодые товарищи и друзья, юные коммунисты, которыми цветет советская земля, выйдут со своего с'езда еще более стройными рядами, с единой волей и единым желанием, с единой целью—победить капитал, построить коммунизм.

„Правда", № 220
3 сентября 1920 г.

2. ПРИВЕТ С'ЕЗДУ

Товарищи! Позвольте мне от имени Исполкома III Коммунистического Интернационала приветствовать вас, нашу молодежь и в том числе приехавших сюда молодых коммунистов, которые ведут героическую борьбу в Грузии.

Ваш с‘езд собирается в такой момент, когда передовые отряды международного коммунистического движения, организовавшие в России власть пролетариата, терпят на одном фланге поражение, а в то же самое время на другом фланге итальянский пролетариат начинает новое наступление против итальянской буржуазии. Сейчас многие из наших критиков и наших полудрузей заявляют, что положение наше необычайно плохо и что в мировом масштабе у нас нет никаких радостных перспектив. В тот момент, когда перед их умственным взором проходят факты отхода нашей Красной армии на польском фронте после блестящих побед, факты происходящего отступления на врангелевском фронте, мне приходит в голову, что эти люди слепы на один глаз, ибо они не видят, что на подмогу к нам в то же время приливают новые волны рабочего движения.

Если в результате наступления польской шляхты мы потерпели и еще терпим новый урон, то не надо забывать, что международный пролетариат, который имеет в своих руках такое мощное орудие, как российская Красная армия, поднял громадное движение среди английских рабочих. Он поднял также и немецкий пролетариат, который при первом соприкосновении с нашей Красной армией стал тысячами переходить на нашу сторону, чтобы поддержать ее на деле, с оружием в руках. Мы сейчас имеем, с одной стороны, поражение международной революции на русском фронте, а с другой—первые ласточки первых побед на фронте западно-европейской революции, и нет сомнения в том, чья возьмет. Мы знаем, что в общем и целом, в итоге движения победит несомненно рабочий класс, а буржуазия будет отступать не на одном своем фронте, а на одном, на другом и на третьем, пока она окончательно не свалится в пропасть.

Само собой разумеется, что на русский рабочий класс, который выдерживает самые первые и жестокие удары, ложатся задачи наиболее тяжелые. Вот почему, с точки зрения международной революции, во главе которой стоит наша организация—Коммунистический Интернационал, необходимо сейчас приложить все возможные усилия, чтобы сплотить ряды рабочего класса, чтобы помочь ему выдержать эту борьбу, чтобы спаять рабочий класс еще большей дисциплиной, чем до сих пор он был спаян, чтобы сменить уставших и измучившихся на этом пути.

Вот в такое тяжелое время вы созываете свой с‘езд. В момент, когда от нас требуется еще большее напряжение сил. Теперь коммунистическая молодежь должна быть особенно сплоченной и твердой.

Перед вашим с‘ездом стоит целый ряд чрезвычайно существенных деловых задач, которые идут по нескольким линиям.

Во-первых, вам нужно самым подробным и деловым образом проработать те вопросы, которые вызывают разногласия в ваших собственных рядах. Вы отлично знаете, что за последнее время ваш союз переживал некоторый кризис, не такой кризис, который ведет за собой преждевременную смерть или почти неизлечимую болезнь, а такой кризис, который в самом непродолжительном времени должен быть преодолен.

В вашей организации, среди членов Коммунистического Союза Молодежи, за последнее время циркулировало несколько точек зрения, и это обстоятельство вызывало в вашей среде целый ряд конфликтов, которые являются иногда на первый взгляд исключительно продуктом личных интриг и самолюбия.

Это так, а в то же время и не так. Очень часто в политических организациях, а в том числе и в политических организациях рабочего класса такие конфликты представляются на первый взгляд борьбой мелких самолюбий. На самом же деле здесь налицо борьба нескольких оттенков политической мысли, которые в этой борьбе получают персональное выражение.

Поскольку нам приходилось знакомиться с этой борьбой, которая была у вас в союзе, не подлежит никакому сомнению, что здесь, в среде вашего Центрального Комитета, в среде вашего союза за теми личными конфликтами, которые повлекли вмешательство Центрального Комитета нашей партии, стоят некоторые оттенки политической мысли, которые бурлят и ищут себе выхода. Точная формулировка ваших задач должна дать тот выход, по которому должен итти Коммунистический Союз Молодежи.

Несмотря на то, что мне еще придется об этом говорить во время вашего с‘езда, мне бы хотелось сейчас коснуться вопроса — почему возникли эти конфликты в вашей среде?

Ваши споры были связаны с тем же самым комплексом вопросов, который вызывал различные оттенки мысли внутри нашей партии по вопросам о „верхах“ и „низах“, о централизации в партийной организации и о так называемой интеллигенции. По этой сумме вопросов шли разногласия в Коммунистическом Союзе Молодежи. Есть некоторые из товарищей, которые не совсем точно сознают это на деле. Мне кажется, что перед вашим с‘ездом в первую очередь стоит вопрос о честном продумывании этих вопросов. Не о том речь идет, чтобы механически замазать все трещинки, которые образовались в вашем сознании. Не в этом сейчас дело. Нужно вытащить эти вопросы, вскрыть их сущность и довести их до логического конца, осветив их ярким огнем; нужно продискутировать их целиком, начиная от логиче-

ских истоков и кончая логическими выводами, и на основании этой дискуссии выработать совершенно определенную линию поведения. Это—одна задача, которая стоит перед вашим с‘ездом: уяснение себе на целый год (теперь год значит чрезвычайно много) путей работы вашей организации.

Второй вопрос, или вторая сумма вопросов, которая стоит перед вашим с‘ездом, есть вопрос об *улучшении вашего организационного аппарата*. У нас в партийных организациях за последнее время проявилась и вышла наружу болезнь, которую мы называем бюрократизмом партийного аппарата. Она выражается в том, что бывают товарищи, принадлежащие к ответственным партийным работникам, которые отрываются от массы, перестают жить интересами этой массы. Целый ряд партийных учреждений превратился в канцелярии, которые очень хорошо—или, вернее сказать, очень плохо — ведут входящие и исходящие журналы, но там трудно получить живой совет, живое слово.

Отчасти этой болезнью болен и ваш союз. В значительной степени те оттенки мысли, которые возникли в вашем союзе, ваша „оппозиция“, и есть продукты этой болезни. Несмотря на то, что, казалось бы, по возрасту вы наименее способны к бюрократизму, логика вещей вас к этому привела.

Если сравнить ваш с‘езд с теми с‘ездами, которые мы имели раньше, то в основе своей бросается в глаза, что вы страшно выросли (вернее, выросла ваша верхушка) против того, когда вы собрались на первый с‘езд. Тогда вы представляли собой организацию, которая ищет путей, которая мечется по сторонам и нащупывает, куда и как нужно итти. Теперь вы уже, можно сказать, в значительной степени политические деятели; теперь многие из вас разбираются в практических вопросах социалистического строительства; часть товарищей прекрасно разбирается в международных делах; вы не только носите револьверы около бедер, но и сражаетесь на фронтах; многие являются членами губкомов РКП и принимают участие в партийной жизни. Мы видим, как *за это* время выросла ваша организация, как в особенности выросла ваша верхушка, ваш командный, ваш офицерский слой.

Но в то время как ваш *командный слой вырос*, еще нельзя того же сказать относительно *массы* членов Коммунистического Союза Молодежи. *Масса* ваших членов *застоялась*, она требует политической, идейной обработки, она чрезвычайно *отстала от своего командного состава*. Это—факт, который бросается в глаза, если присмотреться к жизни вашего союза. Это обстоятельство находит выражение в одном из проявлений бюрократической болезни вашего союза, в том, что (я прошу меня извинить)

в вашей организации чрезвычайно быстро, с необычайной ловкостью и необычайными способностями перенимаются все атрибуты партийной организации, начиная от машинок, машинисток и кончая соответствующими лозунгами, кончая поведением секретарей, секретарш и т. д. и т. п.

Но в то же самое время на ряду с этим (о чем уже говорил тов. Преображенский) не проводится с тем упорством, с каким надлежало бы ее проводить, действительная коммунистическая работа, обработка новых членов союза и союзных масс.

Вы, конечно, можете сказать, что „чья бы корова мычала, а вы бы молчали“, что Центральный Комитет партии не обращал внимания, не уделял достаточного количества времени для того, чтобы заняться вами, нашими молодыми товарищами. Но из того, что падает вина и на наш Центральный Комитет, отчасти и на ваши руководящие учреждения и на целый ряд об‘ективных причин, которые высасывают жизненные соки из товарищей, не оставляя сил для важнейших работ,—из всего этого отнюдь не следует, что мы—фаталисты и что надо с этим примириться: так было, так будет. Так, товарищи, было, но так быть не должно; так со дня вашего с‘езда не будет! Эту надежду я позволю себе выразить.

Те, кто стоят во главе вас для разрешения принципиальных вопросов и намечения единых путей для членов союза, должны будут обратить внимание на те организационные мероприятия, которые должны и смогут разбюрократить всю вашу союзную машину, которые должны и смогут помочь оживлению вашей союзной деятельности.

Теперь появляется очень часто и в нашей партии тип ячеечного вертлявого, суетливого и юлящего „коммуниста“; это—самое вредное явление, какое я знаю в нашей партии. Коммунист—не тот, который стучит долго и упорно на пишущей машинке, и не тот, который ячейкой божится, а тот, который понимает, что такое коммунизм, умеет нести ответственность и обращает других в коммунистов. Вот это и есть настоящий коммунист.

Опасность бюрократического заболевания состоит в том, что, кроме всего прочего, производятся не действительные коммунисты, т. е. не живая творческая, будирующая, движущая вперед сила, а сухие, юлящие лжекоммунисты, которые тяжелой гирей висят и на партии, и на вашем союзе. Эти юлящие ячеечные „коммунисты“ ничего не понимают, кроме сухих формул, не понимают по существу, что такое коммунист; сколько вы их ни солите, они наполовину испорчены, наполовину прогнили.

Вам нужно заполнить деятельность вашего союза таким содержанием, в результате которого производились бы насто-

ящие коммунисты. Это будет достигнуто тем, что во всех организациях вашего союза, всюду и везде должна вестись работа по коммунистическому просвещению, настоящая коммунистическая пропаганда.

Нужно проводить настоящую коммунистическую агитацию, которая состоит не только в голом выкрикивании лозунгов („мы—авангард авангарда; мы—то-то и то-то; мы—всегда впереди, все животы друг за друга положим"), а которая состоит в том, что когда люди говорят о работе, они не только чувствуют, что это звучит хорошо и прекрасно, но понимают, что это влечет за собой обязанности, и умеют эти обязанности выполнять. Мы должны чрезвычайно беречься от увлечения фразами, которые никакого содержания не имеют; не то из молодого подрастающего коммунистического поколения выйдут брякунцы в роде старых французских социалистов, которые будут трещать о „братстве, равенстве и свободе" и которые палец о палец не ударят, чтобы что-нибудь осуществить из этих прекрасных слов. Нельзя превращать такие слова в мешок, в который каждый может напихать какую-угодно ерунду. Мы должны избегать фраз, в которых есть только звонкие слова, но нет содержания. Должен избегать этого и Коммунистический Союз Молодежи.

Нам нужны сознательные коммунисты, которые имеют и горячее сердце, и горячую революционную страсть, которые бросят ее в величайшее современное сражение, но которые имеют спокойную голову, знают, чего хотят, могут остановиться, когда это нужно, отойти, когда нужно, сделать шаг в сторону, когда нужно, итти осторожно, взвешивая и рассчитывая каждый шаг. Нам нужны коммунисты, которые понимают, что они берут на себя громаднейшую ответственность, и которые понимают, что мы не можем ни бороться с нашими врагами, ни победить, если мы не будем спаяны жестокой, железной десциплиной. Сознательный коммунист от этой дисциплины не охает, не говорит: „как это тяжело, какую на меня тяжесть взвалили, я почти сваливаюсь от нее", но который восприимет эту железную дисциплину как необходимую вещь, как норму, как правило в борьбе за величайшие цели, которые когда-либо ставились.

В вашем союзе наметились различные оттенки мнений. Нужно выбрать единый путь. Когда вы будете этими вопросами заниматься, пусть перед каждым из вас в первую очередь встанет во всей своей наготе вопрос относительно времени, которое мы переживаем, относительно задач, которые лежат сейчас на всем российском рабочем классе. С этой точки зрения вы должны обсуждать ваши вопросы, с этой точки зрения вы должны подходить к любому вопросу, который будет ставиться на с‘езде.

И совершенно ясно, что здесь основная линия вашего поведения—абсолютная и категорическая солидарность союза, которая спаивает всех вас в одно целое, которая спаивает вас в одно целое с Коммунистической партией, которая спаивает вас через эту партию со всем российским рабочим классом, со всем международным пролетариатом. Пусть вашим словом, вашей мыслью, вашим желанием с первой до последней секунды вашего с'езда будет то основное, чем живет, чем дышит, чем побеждает и чем победит международный пролетариат—пролетарская железная дисциплина, пролетарская железная солидарность. Этим, товарищи, мы победим!

3. РЕЧЬ В ПРЕНИЯХ ПО ДОКЛАДУ ЦК

Товарищи, я должен сказать, что вы не оправдали моих ожиданий, и дискуссия абсолютно не вышла наружу.

Я думаю, что наибольшее отклонение от общего тона речей представляла речь тов. Окулика. Он хотел подвести принципиальную теоретическую базу под вопрос о кризисе вашего союза или о том, что называют кризисом. Он видел единственную причину кризиса в том, что в вашем союзе наплыв непролетарских элементов. С другой стороны, он выдвинул мысль, что на этом базисе имеется ряд болезней, которые он назвал „несправедливостями". Они выражаются в двух вещах: в бюрократизации аппарата и в несправедливом распределении материальных благ. Он упоминал еще о тарифе и пайках и пришел к тому выводу, что эта болезнь захватила собой и аппарат вашего союза, и верхи, руководящие вашим союзом. Вот две основные мысли, которые я мог вытащить из речи тов. Окулика, положенные им в основу его рассуждений.

Следует остановиться также на речи тов. Малышева, который говорил о связи с массами, с одной стороны, а с другой стороны, назвал в качестве одной из причин неработоспособности союза то обстоятельство, что в ЦК была выбрана „кучка", как он выразился.

Я позволю себе остановиться на некоторых мыслях из этих речей.

Первый вопрос—относительно того, какой политики должен держаться ваш союз при приеме новых членов. Допустим ли прием интеллигентов? Тов. Окулик прямо не говорил, что прием интеллигентов недопустим, но, с другой стороны, его аргументация, если ее немного продолжить, привела бы к тому, что не стоит допускать интеллигентов.

Окулик.—Пускать в исключительных случаях.

Бухарин.—Или в исключительных случаях, как он теперь заявляет. Я думаю, что это не совсем правильная

формула и не совсем правильное толкование, и поставлю вопрос по существу.

Этот вопрос чрезвычайно важен. Вы знаете, что он играет определенную роль в работе нашей партии. Мы его разрешаем в партии таким образом: мы говорим, что поскольку наша партия представляет собою сейчас правящую партию, целый ряд промежуточных слоев, которые были недавно против нас, хочет теперь вступить в наши ряды. Но этот элемент ненадежен. Потому наша формула такая: „принимать в первую очередь рабочих и ставить десятки преград доступу непролетарских элементов“. При помощи целого ряда мероприятий мы должны поддерживать нашу партию на определенном уровне ее социальной чистоты.

Но мне думается, что та норма, которая годится для партии взрослых, не совсем может быть принята для Коммунистического Союза Молодежи. И это об‘ясняется просто. Мы принадлежим к разным поколениям, и те элементы из интеллигенции, которые подходят к нам, не есть те элементы, которые подходят к вам. Возьмите сейчас юношу 15—16—17 лет. Он уже три года воспитывался на событиях революции, а три года по отношению к 15 годам чрезвычайно высокий процент. Он еще не сложившийся тип.

Конечно, я не говорю о каком-нибудь Царевококшайске, а о всей России. Все может быть варьировано в зависимости от местных условий. Дополнительно, если это нужно, для особой организации, особой окраины, которая стоит в исключительном положении, можно принять особые меры, вынести особые решения.

Я беру вопрос в общерусском масштабе и говорю, что интеллигенция, которая идет в ваши ряды, представляет собой тип, который уже воспитывался и непосредственно воспринимал революционные впечатления. Три года прошло со времени Октябрьской революции и три с половиной года с февральской. Три с половиной года по отношению к 15 играют громадную роль, это—почти четверть, огромный процент жизни человека (если считать, что человек не начинает мыслить с самых пеленок). Поэтому общая формула, которой руководствуется наша партия, к вам приложена быть не должна.

Затем обратите внимание на следующее обстоятельство. В конце концов теоретически неправильно то представление, что у нас постоянно будет рабочий класс и другие классы, которые рабочий класс будет укрощать. Происходит процесс распада старых классовых группировок, и это—совершенно реальный процесс, с которым мы должны считаться. Мы гораздо меньше энергии затратим на борьбу с чужеродными элементами, если уже теперь по отношению к подрастающему интеллигентскому поколению поведем такую политику,

в которой этот не успевший психологически окрепнуть элемент еще не сложившихся людей, гораздо легче, чем взрослые, поддающийся переработке, поставим в условия, когда они будут более легко втянуты в процесс всеобщего, если можно так выразиться, „окоммунистичивания“; во всяком случае, при тяге этих элементов в ваш союз мы не должны закрывать им двери.

Мы должны обеспечить основное пролетарское ядро. Но наша политика должна быть такова, чтобы эти непролетарские слои как можно скорее ассимилировались и были поставлены в такие условия воспитания, при которых они могли бы сделаться как можно скорее настоящими коммунистами. Старшие поколения „окоммунистичить“ гораздо труднее. Если мы поставим вопрос совершенно принципиально, то не нужно смущаться целым рядом предрассудков, которые есть, а нужно сказать, что прием интеллигентской молодежи допустим, нужен, целесообразен с точки зрения рабочего класса. По отношению к приему интеллигентской молодежи в союз необходимо быть мягче, чем это бывает в партии.

Еще одно обстоятельство нужно иметь в виду: у вас есть одна лишняя гарантия предохранения себя от возможности мещанского, мелко-буржуазного заражения, которой у нас, у партии взрослых коммунистов, нет. Эта гарантия заключается в том, что вы над собой уже имеете партию, которая держит вожжи всего движения, тогда как нет рычага, который бы выпрямлял нашу линию. В этом отношении вы находитесь в двойном благоприятном положении: с одной стороны, перед вами невзрослый элемент, который более способен воспринимать новое, и, с другой стороны, вы имеете добавочно партию, которая направляет вашу работу и, в свою очередь, принимает везде, где надо, более суровые меры.

Второй вопрос—относительно бюрократической болезни внутри вашего союза, которая якобы этим интеллигентским составом вызывается. Я должен сказать, что этот последний аргумент нужно бы еще проверить. Если бы эта болезнь происходила исключительно благодаря интеллигентскому составу управляющих органов и организаций, то она не представляла бы ровно никакой опасности. Почему? Да очень просто: стоило бы во-время интеллигентов отстранить от работы—и все.

Но это совершенно поверхностное рассматривание болезни. Само собой разумеется, что бывают такие случаи, когда специфический интеллигентский состав организации увеличивает эту опасность. Но в общем и целом, это—очень легкомысленное суждение, потому что это значит недооценивать всей сложности болезни как по отношению к советскому аппарату, так и к партии и вашей организации.

Сложность и тяжесть болезни заключается в том, что это бюрократическое заболевание вызвано не столько социальным составом и во всяком случае не составом управляющих органов, верхушек, а в первую очередь теми об'ективными условиями, в которых мы живем, и отсталостью широких масс. В этом заключается все дело.

Представьте себе на одну минуту, что у нас каждый рабочий, каждый крестьянин, каждый бедняк были бы равны по своему уму и мнению,—не было бы никакого бюрократизма. Но он развивается потому, что тех, которые имеют организационные способности, административный опыт, соответствующие знания и проч., сравнительно немного, они выделяются наверх. Это касается в равной степени как интеллигентов, так и рабочих. И это мы наблюдаем в целом ряде организаций, когда, например, рабочие, которые работали у станка и ни капли не страдали бюрократизмом, при долгой работе в советском учреждении превращаются в бюрократов.

Товарищи, которые сваливают все на интеллигентов, думают, что они радикальны. На деле они не радикальны по той причине, что не видят глубоких корней этой болезни. А тот, кто не видит этих корней, не видит и всей опасности. Маркс в одной из своих работ говорит, что быть радикальным значит знать корень вещей. Так вот, товарищи, которые смотрят так, как тов. Окулик, не смотрят в корень вещей. Они считают производное явление основным, тогда как основное явление заключается в том, что при малом количестве способных руководящих лиц происходит обособление этих лиц и слоев в особую категорию, которая не может сама собою уничтожиться и на почве переходной работы мало-по-малу создает особые психологические навыки, которые выражаются в бюрократизме. В этом и заключается опасность, и, повторяю, это заболевание для рабочих в значительной степени представляет такую же опасность, как для тех, кто вышел из интеллигенции.

Отсюда намечается вывод, что эту болезнь радикально излечить мы можем только самой упорной культурно-воспитательной коммунистической работой, т. е. таким положением вещей, когда вся масса членов союза данной организации по своему умственному уровню, по своей культурности, по своим способностям и административному таланту стояла бы на уровне, близком к вашему командному составу. Повторяю: этот вопрос—очень сложный, и его нельзя решать с плеча, как решал его тов. Окулик.

Теперь скажу относительно речи тов. Малышева и коснусь вопроса о „кучке". Я понял его таким образом: он выдвинул соображение, что с союзом, который охватывает такое колоссальное количество членов, как 400.000

(впрочем, некоторые считают, что эта цифра—на бумаге), не может и не могла справиться кучка, выбранная для руководства движением. Это неправильно.

Само собой разумеется, что при нашем темпе работы мы в такой боевой организации, как ваш союз, должны выделить некоторую руководящую группу, которая может быть сменяема, но должна стоять на этом посту.

Затем тов. Малышев выдвинул второе неправильное положение. Он говорил, что мы работали толчками, „неделями". „Неделя"—есть противоестественная вещь, ненормальная. Должна быть каждодневная связь с массами, а не толчки. Это суждение тов. Малышева также совершенно неправильно, потому что оно покоится на неправильном понимании сущности революционного процесса. Толчки и „недели" вызываются разве отрывом от масс? Нет, они вызываются тем, что события так быстро поворачивают одно за другим, что какая-либо ударная задача должна быть в течение 24 часов выполнена. Вы должны, например, проводить „неделю фронта" или сейчас, с наступлением зимы, „неделю сбора теплых вещей". Это—лихорадочный характер хода революции, который отражается на характере нашей работы, и мы должны работать кампаниями, которые не есть отрицательная система, которые вовсе не беда и не минус. Наоборот, мы не можем иначе работать, как этими кампаниями, и мы будем это делать, пока жизнь не войдет в прочное русло, не пойдет гораздо более спокойным темпом.

Но тов. Малышев делает ошибку: он противопоставляет эти толчки, эту работу ежедневной связи. Нужно было доказать, почему одно исключает другое. Партийная и всякая другая „неделя" только тогда будет проводима как следует, если на ряду с ней мы будем иметь ежедневную и постоянную связь с массами. Если этой связи не будет, такая партийная „неделя" будет итти плохо. Это не есть нечто исключающее друг друга, а при правильной постановке дела это есть нечто предполагающее друг друга, и одно не может быть противопоставлено другому.

Должен сказать, что при обсуждении ряда вопросов, выдвинутых перед вами, ваш с'езд должен занять такую линию: мы должны быть одинаково далеки от того, чтобы покрывать вещи розовой водицей и говорить, что все обстоит благополучно, а с другой стороны, мы должны быть далеки от желания критиковать тогда, когда нет никакого предлога для критики.

Поэтому неправы те товарищи, которые хотели изловчиться, чтобы сделать хотя бы какую-нибудь подковырку ЦК. С другой стороны, были неправы те товарищи, у которых есть излишний оптимизм, т. е. такая оценка, что все обстоит благополучно. Конечно, у вас есть бумаги, которые пишутся,

есть секретари, есть канцелярия, есть волокита. Но если бы кто-нибудь стал разбивать свою голову, кричать „гибнем“, то он был бы глупым парнем, не понимающим сути дела.

Бросали упрек ЦК в недостаточной связи с местами; некоторые товарищи путали связь с местами со связью с верхушками других городов. Это—не одно и то же. Нужно писать письма, нужно, чтобы кто-нибудь следил за работой местных организаций. Этот аппарат необходим, но он превратится в бюрократический лишь в том случае, если эта работа примет излишне формальный характер. Получается из провинции какой-нибудь вопрос, его не решают по существу, а требуют дать ответ, запрашивают, переспрашивают, встречаешь замечания, что ответ послан и об этом значится в книге входящих и исходящих и т. д. Эта история превращается в бюрократизм. Приемы и очереди абсолютно необходимы для желающих попасть в ЦК, но если они происходят не из желания, чтобы дело шло скорее, а просто те, кто принимают, потом хвастают: „сколько я прогнал за все это время народу“,—то это есть бюрократизм. Если говорят, что необходима твердая дисциплина и воспитание, вплоть до исключения из союза, нужно одобрить эту политику ЦК, но если нарочно не созывается никаких собраний, если искусственно не дают обсуждать никаких вопросов, а выставляют исключительно один голый приказ, когда можно без этого обойтись,—то это есть бюрократизм.

Вся трудность состоит в том, что иногда очень трудно различать грань, где начинается этот проклятый бюрократизм. Эта грань очень незаметна. В этом состоит опасность положения. То же самое нужно сказать и относительно ряда других вопросов.

Тов. Окулик поднял вопрос относительно неравномерности ставок. Мы открыто говорим: мы не можем оплачивать ответственного советского работника так же, как последнего чернорабочего, и наоборот. Мы ясно сознаем, что это несправедливо, но сейчас дело не в справедливости, а в целесообразности. Но если человек, который может лучше работать и получает на один кусок больше, начинает думать, что ему хорошо бы иметь три и четыре куска и получать в 100 раз больше,—ясно, что тут начинается его вырождение. Тут все зависит от количественного учета. Эта болезнь вырастает незаметно, несмотря на то, что сама по себе данная мера является целесообразной. В этом заключается главная опасность и трудность вопроса.

Если кое-какие товарищи говорят, что у нас нет такой опасности, я скажу, что это неправильно. Но я не считаю правильным сваливать все исключительно на ЦК. Один из товарищей заметил, что уезд издает приказы против своего собственного уездкома, губернии против губкома, очередной

с'езд против ЦК и т. д. Эти недостатки гнездятся во всех инстанциях, сверху донизу. Тут нужно сваливать вину не только на руководящее учреждение—ЦК, но и на самих себя, перебрать себя по косточкам.

Я думаю, что основное, что вытекает из вашей справедливой критики ЦК, могло бы быть уничтожено, если бы в вашей резолюции, которую вы должны будете принять, указали, что, в сущности говоря, борьба с этими вредными вещами должна заключаться вообще в *повышении жизнедеятельности решительно всех ячеек и всех коллективов в вашей организационной сети*, потому что это есть наилучшее средство против бюрократизма. Тогда, когда кипит жизнь внутри этих организаций, в ней возникает лучшее противоядие против окостенения. Наоборот, если жизнь замирает, это—наилучшая почва, чтобы появилось то, что мы называем бюрократизмом.

Итак, не нужно норовить обязательно укусить ЦК, а надо подходить к вопросу с точки зрения деловой выработки тех мероприятий, которые надо в вашей организации провести. Вы говорили, что то-то и то-то не выполнено; но здесь *не было выдвинуто другой политической линии*, не было сказано, что ваш ЦК по существу занял неправильную позицию, а в таком-то пункте взял политически неправильную линию. Этого не было, и те, кто хотели подковырнуть ЦК, либо высасывали обвинения из пальца, либо не договаривали.

По-моему, линия, занятая ЦК, была правильная. С другой стороны, мы не должны быть слишком большими оптимистами и не видеть грехов ЦК, которые нужно критиковать. Поэтому нужно принять деловую резолюцию, которая прошла бы под флагом дальнейшего сплочения сил, их боевой готовности и дисциплины.

Я думаю, что схема вашей резолюции должна быть такая: „С одной стороны, общую политическую линию ЦК признать правильной (так как никто по сути дела против нее не возражал); с другой стороны—отметить некоторые слабые черты в работе и наметить некоторые пути для их исправления".

РЕЧЬ К ПРОГРАММЕ РКСМ

Здесь на меня взводили поклепы, что я написал введение к программе вашего союза — для детей. Проект программы, который перед вами, должен быть написан так, чтобы его понимали и тт. Рывкин, Дунаевский, Шацкин [1], и всякий новый член из рабочей молодежи, вступающий

---

[1] Руководители РКСМ ко времени III с'езда. *Ред.*

в союз. Мы должны писать не для того, чтобы показать максимум своей учености. Я утверждаю, что первоначальный проект программы был написан для ученых профессоров, абсолютно не популярно. То, что здесь называют „детским“, является популярным проектом, таким, который легко поймет каждый посторонний нам человек. Ведь мы пишем не только для верхушек вашей организации, но и для всякого беспартийного.

А деловые требования, которые нельзя развернуть широко, мы должны писать сжато по тем причинам, что их слишком много. Но мы должны иметь в этой программе то, что будет всякому понятно, и то, что может заинтересовать постороннего человека. Вы все мне поверите, что я относительно синдикатов, трестов и других управлений знаю довольно хорошо. Но я нарочно ни слова не упомянул об этом и написал введение таким образом, чтобы его мог понять каждый даже не член Коммунистического Союза Молодежи. Я думаю, что это полезно. Мы не должны играть в собственную ученость, а должны написать это введение так, чтобы для самого безграмотного и темного человека это было доступно. Поэтому я буду защищать то, что тов. Рывкин называет „детской ерундой“.

* * *

К II КОНГРЕССУ КИМ'А

— Товарищи! Ваше бодрое настроение свидетельствует о том, что вы с полной энергией и силой будете вести во всех странах коммунистическую революционную работу против капитализма, против буржуазии.

Некоторые из вас были очень недовольны результатами III конгресса Коминтерна и полагали, что на этом конгрессе обозначился некоторый „сдвиг вправо“. Вполне естественно, что нечто подобное не может нравиться молодежи, которая всегда стремится влево. Но вы должны принять во внимание, что мы живем теперь в такую эпоху, когда все возникающие перед нами задачи приобретают необычайно серьезный характер. Прежде дело было довольно просто. В империалистическую эпоху нас было мало, и прежде всего мы должны были собрать вокруг себя массы. Главная задача состояла в том, чтобы собрать кое-какую армию, которая затем должна была повести борьбу. Это была эпоха первых попыток подготовительной работы, ибо у нас ничего не было, и наши лозунги должны были носить довольно примитивный характер, чтобы их могли понять массы. Мы выступали против всяких компромиссов, против капитализма, против империализма, милитаризма и т. д. Все это было совершенно примитивно, ибо это было исторически необходимо. Нельзя собрать войска, если ясно и определенно не наметить для него цели. Чем определеннее, тем лучше.

Возьмите, напротив, нынешнюю эпоху. Она глубоко отличается от прежней. Правда, мы и теперь, к сожалению, не имеем за собой большинства пролетариата; но, несмотря на все, за нами стоит уже целая армия. Она, может быть, не столь велика, как мы хотели бы этого; но все же мы имеем армию, и потому все задачи приобретают для нас совершенно иной характер. Если армия находится в подготовительной стадии, то все дело совершенно просто; но если некоторые части армии уже борются, если близко время, когда вся

наша армия окажется в бою, то задачи руководства не столь просты. Точное выяснение всех возможностей, точная оценка всех фактов общего положения—а факты, нас окружающие, весьма сложны—есть самое существенное. Прежде это было не столь важно; нам нужно было указать лишь общую историческую линию развития от промышленного капитала к финансовому и т. д. Такова и была наша тактика. Если вы обратитесь к прошлому, то вы найдете там совершенно простые и четкие директивы. Для нынешней эпохи этой азбуки недостаточно, и потому постановка вопроса ныне иная.

Мы вступили в довольно сложную эпоху. Одна часть нашей армии уже борется, и вполне вероятно, что все большие и большие части будут брошены в борьбу. Мы поэтому нуждаемся в умелой стратегии.

Я могу привести вам несколько примеров из опыта русской революции. Возьмите нашу прошлую борьбу против империализма в России. Когда мы еще не имели никакой власти и были лишь небольшой кучкой, мы принципиально и абсолютно отвергали всякую поддержку со стороны капиталистических государств. Как часто обвиняли нас, русских большевиков, в том, что наша власть опиралась будто бы на немецкие деньги. Однако мы никогда не получали из Германии ни денег, ни одного револьвера или ружья. Да и не могли мы делать это: если б мы поступили иначе, то вся наша власть, все наше возраставшее тогда влияние на массы закончилось бы позором. Это совершенно ясно. Поэтому в то время для дела революции мы не могли воспользоваться поддержкой со стороны какой-либо империалистической державы. И поступали мы так не в силу прославленных „этических соображений“—ибо кто говорит про „нравственность вообще“, тот (это почти закон) обманщик,—а в силу соображений революционной целесообразности. Это было бы тогда совершенно нецелесообразно и глупо. Вся наша пропаганда сошла бы тогда на-нет. Потому мы всеми силами открещивались от этих обвинений и в этом отношении были совершенно чисты.

Теперь мы в совсем ином положении. Мы завоевали государственную власть. Во время брестского мира нам было сделано предложение доставить оружие из Америки. Иначе говоря, нам давали возможность использовать одну часть классовых врагов пролетариата против другой.

В тот момент я тоже не понимал разницы и был принципиально против всякой поддержки со стороны капиталистического государства. Ныне признается уже, что такое отклонение есть примитивная, хотя и вытекающая из лучших чувств, но глупая тактика.

Необходима революционная стратегия. Когда мы находимся в таком сложном положении, что должны бороться

против наших классовых врагов средствами стратегии, то рамки нашего движения значительно расширяются. Сегодня мы можем вступить в мирные переговоры с империалистическими разбойниками, если мы достигнем этого путем каких-либо благоприятных для нас условий; завтра нам снова придется начать самое ожесточенное наступление. История России дает этому красноречивые примеры.

В 1917 году положение было таково, что мы не могли даже прочесть условий мирного договора, ибо мы должны были во что бы то ни стало добиться мира; а позже, во время польского наступления, мы сами перешли в наступательную войну против Польши. Мы при этом несколько просчитались, но это было скорее военно-стратегической ошибкой. Я привел вам этот пример, чтобы сделать вам понятными необходимые нередко колебания нашего курса.

Некоторые товарищи, которые рассматривают тактику с точки зрения простых, примитивных методов прошлого, могут, конечно, и ныне отыскать у нас противоречия. Для нас однако тут нет противоречий. В таких случаях речь идет не о принципах, а о конкретном вычислении возможностей, о точности стратегии. Кто рассматривает постановление III конгресса не с этой точки зрения, тот немедленно же заявит, что тут произошел „сдвиг направо", произошло, так сказать, почти принципиальное предательство. Но это— вздор.

Несомненно, некоторые товарищи станут истолковывать наш новый курс, как „правый". В нашем Интернационале действительно имеются еще некоторые оппортунистические элементы. И они, несомненно, истолкуют новую линию в своем духе. Правильное истолкование нашего курса заключается в том, что для нас гораздо важнее при настоящих условиях собрать еще более крупную армию и на некоторое время перейти в отступление. Нас могут спросить: „с какой целью делаем мы это?" Очень просто: для того, чтобы при изменившемся положении тотчас же снова перейти в наступление. Таков смысл того направления, какое намечено III конгрессом. И мы можем спокойно заявить, что если об'ективное положение изменится,—что весьма вероятно, ибо в Европе слишком много горючего материала,—то некоторые партии будут обязаны перейти в наступление. Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала не рассматривает тактику так, словно раз навсегда даны неизменные условия и директивы. Нужно придерживаться не буквы, а духа, которым преисполнены наши резолюции.

Поэтому каждый юный товарищ должен понять, что новый курс возник из точного учета фактов и покоится на четкой оценке положения. Дело идет здесь не о принципах,

а о чисто стратегическом вопросе. Если бы было иначе, то при нынешней тактике Российской Коммунистической партии вам следовало бы ее зачислить в категорию самых заядлых оппортунистов.

Мы еще слишком часто говорим о „правой“ или „левой“ тактике. Это, конечно, лишь пережиток старой и ныне излишней фразеологии. Пролетариат не нуждается ни в правой, ни в левой тактике,—ему нужна правильная тактика. Тактика может быть весьма „левой“, но вместе с тем и совершенно ложной. Она может быть очень „правой“, но вместе с тем также ложной. Условия нашей борьбы требуют от нас, чтобы сперва точно проанализировали положение, а затем избрали уже правильную тактику.

Нашему движению молодежи, которое достигло значительных размеров, точно так же следовало бы потерять кое-что из своей девственной примитивности. Прежде это не было необходимо, ибо эпоха сложной борьбы еще не стояла в порядке дня. Теперь мы уже в разгаре такой борьбы и поэтому нуждаемся в стратегии. Юные товарищи это должны понять, а не думать, что мы сдвинулись „вправо“. Мы взяли курс на тактику, которая гарантирует будущую победу. Таков единственно смысл „нового курса“.

Преисполненный надежды, что мы кое-что завоюем до момента созыва III конгресса Интернационала Молодежи, я заканчиваю свою приветственную речь. Да здравствует мировая революция, да здравствует Коммунистический Союз Молодежи, который во всякое время исполнит свой долг в исполинской мировой борьбе!

1921 г.

* * *

К IV С'ЕЗДУ РКСМ

Позавчера открылся всероссийский с'езд Союза Коммунистической Молодежи, с'езд представителей молодой резервной армии Коммунистической партии.

Каждый с'езд союза, об'единяющего 300.000 рабочей молодежи и коммунистически настроенного крестьянского молодняка, уже представляет крупное событие в нашей общественной жизни. Теперешний с'езд, созванный в период осуществления новой экономической политики, имеет двойную важность.

Если есть слой пролетариата, который нуждается в особом воспитывающем влиянии и внимании нашей партии, то это — слой рабочей молодежи, которая в обстановке сокращения крупной промышленности больше всего подвергается опасности деквалификации и деклассирования. Этот слой больше всего подвержен ударам разлагающей пролетарские ряды мелко-буржуазной стихии, больше всего может согнуться под действием враждебной нам социальной среды. Если есть слой нашей партии, больше всего нуждающийся в длительном, упорном, систематическом марксистском воспитании, то это — слой партийной молодежи, которую революция застала в детском возрасте или в возрасте подростка.

Открывающемуся с'езду предстоит разрешить ряд важнейших вопросов как его внутренней жизни и внутрисоюзной работы, так и работы, связанной с воздействием на несоюзные массы рабочей и крестьянской молодежи.

С'езду придется решить вопрос о том, как вести коммунистическую работу в новых условиях, когда союз из мобилизационного центра помощи красному фронту и агитатора за победу над белогвардейцами превращается в подлинном смысле в школу коммунизма. Ему надо решить вопрос о большей связи с массами юных пролетариев и заполнить ту пустоту, которая образовалась между верхним тонким слоем союза и его низовыми ячейками, составляющими его фунда-

мент. Ему надо разрешить вопрос о работе среди крестьянской молодежи, ни на минуту не забывая о том, что рядом с Красной армией союз является второй по важности организацией, в которой в массовом масштабе происходит перевоспитание крестьянства пролетариатом. Ему нужно разработать ряд мер по охране рабочих подростков, выбрасываемых на улицу в очаги спекуляции или в мастерские частного предпринимателя. Ему наконец надо разрешить ряд организационных вопросов.

Но над всеми этими вопросами господствует один, и он должен давать тон этому с'езду. Поскольку историческое значение союза состоит в том, чтобы быть постоянным, свежим, неистощимым резервом Коммунистической партии, он должен под этим углом зрения рассмотреть все важнейшие вопросы своего порядка дня.

Старая коммунистическая гвардия тает, через десять—пятнадцать лет она перестанет существовать. И прежде чем она выбыла из строя, ее смена уже должна быть готова и втянута в борьбу и строительство. Эта смена не должна уступать по качеству тем, чье место она заступит в системе пролетарской диктатуры. Но не быть ниже теперешней коммунистической гвардии — это значит много, долго и усердно учиться, много вынести в боях, не пьянеть от побед, закалить себя, как сталь, при неудачах.

Пожелаем же успешной работы с'езду коммунистической молодежи и пожелаем того, чтоб и на этом с'езде и над всей союзной работой витал как дух вечно юного борца Либкнехта, так и дух и разум Маркса.

«Правда»
23 сентября 1921 г.

* * *

К III КОНГРЕССУ КИМ'А

Вчера открылся III конгресс Коммунистического Интернационала Молодежи.

Значение этого с'езда находится в прямой зависимости от той огромной роли, которую суждено сыграть в ближайшие годы коммунистическому движению молодежи в революционной борьбе всего рабочего класса мира. В настоящий момент основной задачей Коммунистических партий всех стран является завоевание большинства в рабочем классе. Без завоевания этого большинства невозможна диктатура пролетариата в старых капиталистических странах, где пролетарская революция должна будет сокрушить врага, в десять раз более сильного, чем была побежденная буржуазия России.

Но, в свою очередь, завоевание большинства в рабочем классе невозможно без завоевания рабочей молодежи для коммунизма. Никто из нас не заблуждается на тот счет, что Коммунистические партии капиталистических стран могут получить большинство в рабочем классе в результате длительной и упорной борьбы. Если говорить о линии наименьшего сопротивления в этой борьбе, то таковой является рабочая молодежь, еще не опутанная предрассудками реформизма, еще не развращенная буржуазными влияниями на пролетариат, еще не связанная партийной дисциплиной с верхушками профсоюзной бюрократии социал-демократических партий. Мы не должны обманывать себя насчет возможности того, что в один прекрасный момент все старые рабочие, состоящие членами социал-демократических партий, перейдут на сторону коммунизма. Наоборот, есть много оснований думать, что значительная часть старых рабочих-социал-демократов, быть может, уже является безнадежной для дела коммунизма. При таких условиях *борьба за большинство в рабочем классе сводится в значительной мере к борьбе за молодежь.* Наша ближайшая задача

в этой области должна заключаться в том, чтобы отрезать реформистские партии от резервов рабочей молодежи, наша задача заключается в том, чтобы обеспечить эти резервы для Коммунистической партии.

Наши противники-реформисты прекрасно понимают ту огромную роль, которую играют в их судьбе, во всем их будущем молодые кадры пролетариата. Этим об'ясняется то обстоятельство, что все социал-демократические партии уделяют юношескому движению огромное внимание. Они организуют и поддерживают всякого рода организации рабочей молодежи как культурно-просветительные, так и спортивные, и стараются организационно и идейно связать их со своими политическими организациями. К сожалению, эта работа отнюдь не была безуспешной, и влияние социал-демократов на рабочую молодежь еще чрезвычайно велико. Тем не менее мы можем констатировать тот факт, что в ряде стран, где существуют старые влиятельные социал-демократические партии, влияние коммунистов на молодежь относительно более сильно, чем влияние на общую массу взрослых рабочих. Это об'ясняется прежде всего тем, что рабочая молодежь легче воспринимает то учение, которое зовет на непримиримую борьбу рабочий класс и открывает перед ним широкие перспективы полного освобождения от власти капитала.

До сих пор Коммунистические союзы рабочей молодежи Запада представляли собой самые воодушевленные и энергичные, самые самоотверженные отряды Коминтерна. Например, в Италии в отчаянной борьбе с фашизмом наиболее геройское сопротивление с оружием в руках оказывали до сих пор отряды рабочей молодежи, потерявшей в этих боях десятки и сотни лучших товарищей. Рабочая молодежь—это пункт наименьшего сопротивления со стороны реформизма в рабочей среде. И на этот пункт мы должны налечь всеми нашими силами.

Наступление капитала на рабочий класс делает больше чем когда-либо необходимым единый рабочий фронт в борьбе с буржуазией. Такой же единый фронт необходим и в юношеском движении, поскольку первыми жертвами натиска на пролетариат со стороны капитала являются прежде всего женщины и рабочие подростки. И здесь борьба с предателями-реформистами наиболее успешно может вестись путем создания единого фронта молодежи и беспощадного разоблачения предателей на практике самой борьбы. В этом смысле основные тактические резолюции конгресса Коминтерна целиком применимы и к юношескому движению, с теми изменениями их на практике, которых требуют дело и обстановка.

Пожелаем же успеха в работе представителям молодых коммунистических резервов, которым суждено, быть может, сыграть решающую роль в грядущей мировой пролетарской революции. И пожелаем вместе с тем, чтобы Коммунистические партии всех стран обратили еще большее внимание на движение молодежи и уделили ему еще больше сил и средств, чем это было до сих пор.

«Правда»
5 декабря 1922 г.

* * *

НАУЧИМСЯ ВЛИЯТЬ НА МОЛОДЕЖЬ

Новый курс экономической политики основан между прочим на хозяйственном расчете. Расчет же предполагает заботу не только о „данном моменте“, но и заботу о будущем. Без этого последнего элемента нет ни расчета, ни какого бы то ни было плана. Мы однажды жестоко поплатились за поистине дикарское, варварское непонимание этого, когда, развертывая программу производства, быстро проели и хлеб, и топливо, и к весне 1921 года получили такой кризис, какого не было за все время существования республики. Некоторые экономисты доказывают, что так хозяйничали дикари. Но как бы то ни было, да послужит весна 1921 года всем нам предостерегающим уроком.

Тов. Тарханов поднимает совершенно правильно вопрос об обучении молодежи с точки зрения рационального производственного плана. Мне бы хотелось сказать несколько слов о коммунистическом воспитании той же молодежи.

„Взрослым“ товарищам иногда чрезвычайно трудно понять особенности молодежи. Слишком часто меряют здесь „на свой аршин“. У старшего поколения, давно сидящего в партии, имеющего общее мировоззрение, выработанное в борьбе с народничеством, либеральным „марксизмом“ Струве и т. д., часто имеется непонимание того, какая глубокая потребность ощущается именно в этой области со стороны нового поколения, идущего нам на смену. Мы с усмешкой говорим об „общих вопросах“, о „культуре“, „этике“ и прочем. Это происходит потому, что у нас-то есть более или менее продуманные ответы на все эти вопросы. Мы их не решаем, а действуем почти автоматически.

А посмотрите на нашу молодежь! Что она представляет собой? Жизненный опыт у нее громаден. Часто это—превосходные практические работники. А тем не менее у них громадные пробелы в мировоззрении. И вот именно теперь,

когда все силы уже не ухлопываются на войну, перед массой молодежи выплывают с необычайной мощью тысячи вопросов и сомнений. Кто помогает им разрешить эти вопросы? Почти никто. Правда, верхушка организации молодежи, пожалуй, даст свой ответ и здесь. Но в этой области между ней и массой, насколько мне представляется, лежит целая пропасть, ничем почти не заполненная.

Всякий переходный период имеет свои опасности. Точно так же и тот культурный кризис, который переживает революционная страна, требует к себе соответствующего внимания. Старые нормы рвутся, расползаются по всем швам. Добродетель „Домостроя“ и „Юноши Царского Зерцала“ умерла, и воскрешать ее нелепо. Нужна новая ориентация на основе того, что дает нам марксизм. Нужна широчайшая популяризация марксистского мировоззрения наряду с распространением и углубленного марксистского знания. А у нас нет—или почти нет—даже соответствующей литературы. Молодежь здесь предоставлена самой себе.

Второе. Мы часто не понимаем, что нельзя молодежь засушивать. Посмотрите между тем на соответствующую литературу. Это по большей части инструкции с параграфами, директивами, инструкционным языком и с прочими специфическими операми. Все это нужно и полезно. Но этого нехватает и не может хватать. Если даже взрослого человека кормить одними инструкциями, то и он скоро откажется служить. А для молодежи требуется гораздо больший процент воздействия на чувство. Эта работа у нас положительно не ведется.

А вспомним, как действовала буржуазия. У нее были увлекательные романы, рассказы, даже специальные „уличные“ издания, в роде приключений Ната Пинкертона, и прочее. Скажут: „Вы договариваетесь до абсурда“. Нисколько. Вся эта литература часто бывала грязной. Но она влияла на чувство, читалась и обрабатывала юношество в духе „сыскного“ романтизма и охраны господства буржуазии. Буржуазия умела обрабатывать молодежь и пользоваться для этого разными родами оружия.

Мы же этого еще не умеем. Мы сочиняем инструкции—и только. Мы, пожалуй, обучаем часть товарищей, даем знания. Но широкого обволакивания всей юношеской психологии у нас нет. Мы забыли о том, что нужно воспитывать чувство молодежи, и рассматриваем ее, как головную машинку. А такими методами захватить широкие круги молодежи мы не будем в состоянии. В особенности, по-моему, чудовищно стремление некоторых товарищей воспитывать молодежь в каком-то постном, аскетическом духе. Например, некоторые стремятся запретить танцы, изгнать всякую радость и веселье. Конечно, такая проповедь собачьей старости ничего общего

с марксистским воззрением не имеет. Нам нужно лишь, чтобы во всем были соблюдены правильные пропорции, нам нужен такт в этом отношении, а не проповедь средневековья.

Итог: нам необходимо обратить внимание на популяризацию нашего мировоззрения; нам необходимо влияние не только на умы, но и на чувство молодежи. Тогда мы станем привлекать ее в свои ряды в гораздо более широком масштабе, чем теперь.

«Правда»
25 ноября 1921 г.

* * *

V С'ЕЗД РКСМ

1. КОМСОМОЛ НА НОВОМ ПУТИ

Сегодня открывается Всероссийский с'езд РКСМ, в просторечии—с'езд „комсомольцев". Этому с'езду, по всей вероятности, суждено сыграть крупную роль во всем последующем развитии комсомольского движения. Он собирается на рубеже двух полос в истории нашей революции, и его положительная роль должна будет, прежде и раньше всего, сказаться в приспособлении движения к условиям, создаваемым нэпом. Вообще говоря, можно различить три полосы в послеоктябрьском развитии наших юношеских организаций. Первая полоса— полоса гражданской войны. Она ставила перед молодежью задачи героической борьбы. Весь энтузиазм, весь пыл, свои горячие сердца, свою клокочущую кровь отдавала революции рабочая молодежь, которую захватил и как на крыльях взвил вверх бурный ураган великого переворота. Романтика борьбы, ее неслыханный размах, великолепная громадность задач, невиданные горизонты, которые распахнулись, точно ворота в иные миры,—все это увлекло молодежь, вырвало ее из рамок обычного. Революционная страсть находила в ней, в молодежи, свое первое воплощение. Союзы молодежи совершили здесь громадную работу, и летопись гражданской войны знает много золотых страниц, исписанных кровью юных пролетарских сердец.

Второй период — это поворот политики от „военного коммунизма". Молодежь была застигнута почти врасплох, не поняла смысла происходящего, растерялась. Можно, не рискуя впасть в преувеличение, сказать, что этот период, эта полоса были временем дезорганизации рядов молодежи. Эти ряды дрогнули. Они дрогнули идейно. Романтизм исчез. Наступила проза, революционные будни. А экономическая действительность хлыстом била прежде всего по рабочей молодежи. На фабрике и заводе, в учреждениях, повсюду,

где свертывалась промышленность или шло сокращение штатов, страдала больше всех именно молодежь. И в „духовной“ области она страдала больше других: просветительная работа сокращалась, клубы закрывались, лекции, развлечения, агитпоезда и прочее — все это отходило в область преданий. „Хозяйственный расчет“ иногда даже довольно бесхозяйственным образом душил просвещение молодежи, резал то привлекательное, что влекло молодые души. Понять громадную стратегию „нэпа“ молодежь сразу не могла, а грубая рожа нэпмана плевала ей в лицо. Отсюда — расшатанность. Отсюда — все болезни „переходного периода в переходном периоде“.

Теперь, повидимому, начинается третья полоса: полоса приспособления к условиям текущей действительности. Ряды молодежи начинают строиться вновь. Новая экономическая политика, которая на первых порах только била, показывает свою выгодную сторону и рабочему классу: оживление в нашей легкой индустрии, общее оживление экономической жизни, повышение жизненного уровня— эти факторы сказываются и на рабочей молодежи. Потихоньку вырастает база для нового цикла, который ведет вперед. Стратегия „новой“ политики становится понятной в гораздо большей степени. Жажда ученья охватывает молодежь. На ряду с рядом отрицательных явлений начинает вырисовываться линия иного, нового энтузиазма, энтузиазма знания, культурной борьбы, культурных завоеваний в самых разнообразных формах. Эта третья полоса явственно видна. И V с‘езд Комсомола должен будет сознательно дать могущественный толчок всему движению молодежи именно на этом пути в первую голову.

Мы считаем, что поскольку партия и советская власть должны, несомненно, перебросить теперь значительную часть своих средств и своих сил на культурный фронт, постольку же и партия и советская власть должны в новых условиях оказывать усиленную поддержку подрастающему кадру своих активных работников. Сейчас эти молодые кадры заслуживают особо любовного отношения к себе: это молодые ростки новой смены пролетарского слоя, который правит великой страной. Помочь ему перестроить ряды, окончательно оправиться от временной неурядицы и с удесятеренной энергией взяться за новую громадную задачу — наша святая обязанность.

Шлем привет вашему с‘езду, товарищи! Верим крепко, что вы преодолеете все затруднения и ваши сильные молодые плечи вынесут тяжесть новой работы.

„Правда“
11 октября 1922 г.

2. ПРИВЕТ МОЛОДОМУ ШЕФУ

Товарищи, вы только что провели ваш с‘езд, с‘езд Коммунистического Союза Молодежи России, под лозунгом „учиться“, согласно словам, которые сказал тов. Троцкий: „грызите своими зубами гранит науки“. Но ваш с‘езд заключается принятием шефства вашего Союза над Красным флотом. Тем самым вы признаете, что коммунистическая молодежь сумеет не только прогрызть своими острыми молодыми зубами гранит науки, но что она будет своими крепкими руками держать и наше военное знамя и не позволит никому и ни при каких условиях спустить красный стяг, который вьется над Республикой Советов. Товарищи, когда-то были произнесены слова: „моряки — краса и гордость русской революции“. Я желаю вам, чтобы под вашим шефством наш Красный флот, наши красные моряки были красою и гордостью революции международной. Да здравствует наш флот, да здравствует наш шеф!

Речь на с‘езде
16 октября 1922 г.

3. КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ

НЭП—СТРАТЕГИЧЕСКИЙ МАНЕВР. ДВА ЛИЦА НЭПА

Наша новая экономическая политика, так называемый нэп, очень часто встречается непониманием, а иногда и чувством полувозмущения. В частности, такое отношение к нэпу прорывается нередко в среде нашей молодежи (что естественно и о чем мы будем иметь случай говорить). Так кличка, которую молодежь дала нэпу, — „чортов нэп“ или „проклятый нэп“—в достаточной степени характеризует это отношение. Между тем нам нужно не столько выразить свои *чувства* по поводу условий нэпа, сколько прежде всего *понять* эти условия.

Что переживает сейчас советская Россия?

Первой и основной чертой, которую мы наблюдаем в сфере нашей экономической жизни, является обострение борьбы между частным и государственным хозяйством. У нас, с одной стороны, имеются элементы *государственно-социалистического* хозяйства, которое часто называют „государственно-капиталистическим“, а с другой стороны, у нас есть целый ряд — и очень значительный — элементов *частно-капиталистического и мелко-буржуазного хозяйства*. В течение долгого ряда лет нам придется считаться с одновременным существованием по меньшей мере

двух (а в действительности гораздо больше, чем двух) типов нашей экономической действительности.

Мы будем иметь государственно-социалистические хозяйственные предприятия, находящиеся в руках государства, во главе которого стоит пролетариат; с другой стороны—различные смешанные формы; с третьей стороны — частно-капиталистическое хозяйство; с четвертой стороны — мелко-буржуазное частное хозяйство и в первую очередь крестьянское хозяйство, хозяйство ремесленника и т. д.

Ближайшие годы будут годами напряженной борьбы за вытеснение одного типа хозяйства другим. Мелко-буржуазное хозяйство и хозяйство крупно-капиталистическое будут стремиться на почве конкуренции и борьбы на почве рыночных отношений раздавить наше государственное хозяйство. Наоборот, рост государственных предприятий будет приводить к тому, что мы будем стремиться, по возможности, с'есть частно-капиталистическое хозяйство, наложить свою руку на все большую сферу частного хозяйства и таким образом достигать усиления позиций социализма. Такой период борьбы за усиление нашего хозяйства нам предстоит. Это будет очень длительный период, борьба будет очень упорной. Но что поделаешь—такой симбиоз, такое сосуществование различных хозяйственных типов преподнесла нам история. Наша задача заключается в том, чтоб социалистическая тенденция в этой борьбе оказалась сильнее.

Если мы так поставим вопрос, то новую экономическую политику мы должны понять, как грандиозный стратегический обход противника. Мы дали этому противнику действовать. Мы позволили ему развивать частно-капиталистическую инициативу. У нас имеется рост эксплоататорских отношений и прочих прелестей капитализма. Но, с другой стороны, тем самым мы повышаем общий уровень экономической жизни и можем снимать пенки капиталистического накопления, употребляя их для укрепления социалистического хозяйства.

В этом разница между нашей политикой и политикой буржуазного государства. Возьмем, например, область налогов. Буржуазное государство берет налоги, но они идут на поддержание капитализма. Если же мы стрижем капиталистическую промышленность, облагая ее налогами, если мы получаем арендную плату, если мы получаем долевое отчисление от концессионеров, которым сдаем те отрасли хозяйства, с которыми не в силах справиться, — то все эти виды общественной энергии, полученные в виде налогов и другими путями, все это мы обратим на укрепление социалистических элементов хозяйства. Если нам удастся путем такого снимания пенок с капиталистического хозяйства подкрепить наши элементы хозяйства, то мы выиграем в борьбе,

а поскольку мы поднимаем государственное хозяйство, мы тем самым повышаем уровень жизни рабочего класса.

Вот почему значение нэпа двоякое, а говоря философским языком, оно теоретически противоречивое. С одной стороны, мы усиливаем элементы частного капитализма, но с другой стороны, мы используем нэп, как некоторый стратегический шаг, чтобы укрепить наши собственные позиции и улучшить положение господствующего рабочего класса. Вот почему уже сейчас совершенно ясно это двойное лицо нэпа: с одной стороны, все его „цветочки", которые нас возмущают; с другой стороны—улучшения в жизни рабочего класса, а также и крестьянства.

КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ НЭПА

Но в условиях дальнейшего развития революции громадное значение приобретает вопрос об управляющих кадрах администраторов, хозяйственников, идеологов.

Если у нас не будет своего надежного кадра во всех областях управления промышленностью, сельским хозяйством и государством, в высших учебных заведениях не будет преподавательского персонала, профессуры, не будет агитационного и прочего персонала, если не будет достаточно верных, защищающих наши интересы людей, если не будет *прочных кадров*,—то мы будем в возрастающей степени прибегать к кадрам чужим, которые неизбежно могут нас затереть своей большей культурностью и могут занять все командные посты в громадном аппарате советских республик. Если бы это было, это означало бы *внутреннее перерождение и нашей партии и советской власти, возврат окольным путем к капитализму*.

Вот почему одной из центральных задач, если не самой центральной задачей, текущего момента является борьба за наш собственный кадровый состав, борьба за то, чтобы мы в течение ближайших лет произвели достаточно культурных, достаточно знающих, достаточно смелых и в то же время коммунистических людей, живых носителей рабочей культуры, которые могли бы, с одной стороны, сменить старых, с другой стороны—вытеснить чужих и таким образом занять все командные посты на всем пространстве наших Республик, обеспечить правильный ход роста и управления государственным производством и, следовательно, обеспечить дальнейший ход социалистического развития.

Нам необходимо не просто поднимать производство, а поднимать *наше* производство на *социалистической* основе; поднимая его, надо в то же время вести социалистическую *политику*; для этого нужны живые руки и живые

головы—и руки и головы коммунистические. Таким образом вопрос о коммунистическом воспитании молодежи приобретает первоклассное значение. Это я говорю вовсе не для того, чтобы польстить молодежи; это — совершенно святая истина, это — результат совершенно трезвого учета сил. Если мы из подрастающей молодежи не сумеем подготовить этот управляющий кадр, то совершенно естественно, что наше дело становится под крупнейшую угрозу. Вопрос о подготовке кадров является таким образом в значительной мере вопросом о коммунистическом воспитании молодежи.

Необходимо подчеркнуть и еще одну точку зрения, с которой мы должны подходить к вопросу о коммунистическом воспитании юношества. На том культурном уровне развития, на котором сейчас находится рабочий класс, необычайно трудно строить социализм. С этим мы должны считаться. И поэтому совершенно естественно, что социалистическая политика кровно заинтересована в культурном под‘еме пролетариата, а это есть не что иное, как вопрос о создании нового поколения рабочего класса, которое по своему культурному уровню превышало бы, а не отставало от того поколения рабочего класса, с которым мы начали социалистическую революцию. Итак, с обеих этих точек зрения, и с точки зрения подготовки кадрового состава, и с точки зрения повышения общего культурного уровня рабочего класса в целом, вопрос о коммунистическом воспитании молодежи приобретает первостепенное значение.

ДЕЗОРГАНИЗУЮЩИЕ ВЛИЯНИЯ НЭПА

Теперь я обращаю ваше внимание на те специфические условия, в которых нам в настоящее время приходится вести эту воспитательную работу С одной стороны, новая экономическая политика имеет, повторяю, значение положительное—повышение уровня жизни рабочего класса. Но, с другой стороны, существует целый ряд отрицательных явлений—тех самых, которые вызывают у вас такое возмущение, такую психологическую реакцию.

На том уровне развития новой экономической политики, когда предприятия переходили на хозяйственный расчет, чрезвычайно быстро свертывалась промышленность, а непосредственная выгода предприятия требовала сокращения штатов (это касалось и административных учреждений). Само собою разумеется, что это свертывание промышленности и это сокращение штатов в области государственного аппарата в первую очередь должно было захлестнуть труд подростков, труд рабочей молодежи. При выборе между подростками и не-подростками хозяйственный расчет требо-

вал скидывания „баласта", и так как во многих областях рабочая молодежь считалась таким „баластом", то она скидывалась раньше всего.

Сокращение штатов било хлыстом в первую очередь по рабочей молодежи. Совершенно естественно, что на молодежь это произвело крайне удручающее впечатление. Безработная молодежь, выброшенная за борт и покинутая, чувствовала себя не очень-то сладко. Конечно, такие условия существования обусловили и то, что идейно молодежь дрогнула, частично дезорганизовалась.

Далее. Рост частного хозяйства, рост частного накопления несомненно усилил и разнуздал порочную и хищническую психологию индивидуализма. Это естественно: поскольку мы развили частное хозяйство, поскольку мы развернули игру хищнических инстинктов, прорвался резко выраженный индивидуализм, жажда накопления и личных утех. Рост частного хозяйства, рост индивидуализма в городах облекался в форму прожигания жизни. Все это, естественно, создавало тяжелую психологическую атмосферу, вызывало в среде молодежи соответствующую реакцию, мысли, сводившиеся к тому, что якобы „все погибло".

Точно такое же впечатление производил и рост социальных противоречий. Поскольку мы развязали частные хищнические инстинкты, постольку, естественно, перед нами всплыли те процессы, которые всплывают обычно в нездоровых местах капиталистического хозяйства: увеличение количества нищих, увеличение кадров проституции, спекулянтский торгово-промышленный полюс прожигателей жизни, с одной стороны, с другой стороны—необычайная деморализация. Этот контраст между блестящими всеми огнями магазинами, где есть все до ананасов включительно, а рядом—калеки, нищие, которые выбрасываются ходом экономической жизни—на другом полюсе; этот рост социальных противоречий точно так же резко бил в глаза рабочей молодежи и вызывал настроение разочарованности. Естественно, что молодежи свойственно больше чувствовать, чем рассуждать, а такие картины очень ярки, они чрезвычайно сильно били на чувства и осложняли нам задачу коммунистического воспитания.

Наконец громадное значение имело еще одно обстоятельство. Период новой экономической политики резко отличался от старого тем, что он не выдвигал перед молодежью какой-нибудь сильной, красочной, резко поставленной, боевой, героической задачи.

В период гражданской войны перед молодежью стояла колоссальная задача невиданной красоты. Она захватывала ее. Самые отношения были необычайно ясны и прозрачны: нужно было бить общего врага—мировой капитализм. Это—

задача такого обхвата, такой невиданной яркости и силы, что молодежь была безудержно увлечена этим потоком. Здесь все было ясно, отчетливо, все красочно и необычайно героично, и поэтому на этой оси, на этом стержне можно было вести всю работу. Величие классовой войны сплачивало, организовывало, давало смысл и цель, обладало колоссальным организационным влиянием.

Переход на рельсы новой экономической политики сразу вырвал этот стержень. Что героического в том, чтобы биться за концессионеров? Неувлекательная эта задача. „Мелкая", „будничная" работа, да еще при несознательном отношении к нэпу, конечно, не могла увлечь молодежь. И вот наступает после периода напряженной героической борьбы, после перехода на новую экономическую политику некоторая идейная деморализация, некоторый идейный кризис в среде коммунистической молодежи и среди молодежи вообще.

В связи с этим мы имели еще одну психологическую черту, которая наблюдается у молодежи. Эту психологическую черту можно охарактеризовать следующим образом. После громадного напряжения сил, громадной траты нервной энергии, напряженной работы, в процессе которой устали мозги и нервы, напряжение кончилось, у всех ослабели на некоторое время мышцы, и здесь возникла психологическая реакция. У наиболее слабых, у наиболее деморализованных общим ходом событий элементов психологическое расслабление всей нервной системы выразилось в упадочности самого чистого свойства. На этой почве стали процветать такие вещи, как пьянство, которое захватило некоторые круги и молодежи (и—в этом нужно сознаться—кое-каких старых товарищей). Пьянство представляет сейчас в нашей общественной жизни одно из крупных зол, с которым нужно повести очень свирепую борьбу.

БОРЬБА ЗА МОЛОДЕЖЬ

Между тем наши противники, которые получили некоторую материальную базу для своего существования, стали организовываться прежде всего в тех областях, где командные высоты не были заняты нами со всей прочностью. В общественной борьбе постоянно наблюдается, что как-раз в том месте, где противник слаб, его контр-агент по борьбе напирает всего сильнее. А так как у нас силы еще не перестроены, так как эта перестройка совершалась в значительной степени и в первую очередь на хозяйственном фронте и не было перестройки на фронте культурной и идеологиче-

ской борьбы, то само собой разумеется, что наши противники, разные группировки, подгруппировки, классы, партии пошли по линии наименьшего сопротивления и постарались занять командные высоты в первую очередь на культурно-идейном фронте. Вот почему мы здесь за последнее время замечаем усиление деятельности со стороны враждебного нам лагеря. Если взять литературу и прочие области, то вы это ясно увидите. На эту же тему был специальный доклад тов. Зиновьева на последней партийной конференции

Мы сами не смогли удовлетворить целый ряд запросов, которые несомненно нарастают сейчас со стороны всех и в том числе, в первую очередь, со стороны молодежи. Совершенно естественно, что наши противники постарались в этой области занять соответствующее место. Если вы посмотрите на количество изданий по изящной литературе и другим высшим идеологическим отраслям, например, философии, то вы увидите, что они в этом отношении на некоторый период времени в полном смысле слова перещеголяли нас. Они выбросили на рынок громадное количество книг, громадное количество периодических изданий, и здесь есть опасность, что они могут обойти нас с тыла. Это точно так же не может не оказать своего влияния на состояние умов и не может не быть учтено нами, как некоторая добавочная опасность ко всем тем опасностям, которые перед нами стоят.

Влиянию нашего противника помогало еще то обстоятельство, что новая подрастающая молодежь не имеет даже элементарного знакомства с тем, что такое капитализм. В то время как старшее поколение рабочего класса видело живой царский режим, видело то, против чего оно боролось, новое поколение знает все это только по книжкам. Живого буржуя оно почти не видело. Царского режима на своей спине оно не чувствовало. И очень часто бывает, что оно не понимает разницы, которая существует между рабочим директором, который управляет теперь, и самым обыкновенным капиталистическим директором, который был раньше.

Это обстоятельство представляет очень удобную базу для деятельности враждебных нам партийных и политических группировок—меньшевиков и эс-эров. Как меньшевики и эс-эры приобретают свое влияние? Они говорят рабочему:

— Слушайте, рабочие, вас выгоняют, вас рассчитывают. Кто это делает? Директор, поставленный коммунистами, и поэтому вы должны защищать свои интересы в борьбе с ними.

Имеет ли такая агитация некоторую жизненную опору? Безусловно имеет, потому что здесь не что иное, как использование жизненных противоречий, которые несомненно

будут свойственны всякой рабочей революции, тех жизненных противоречий, которые на первых порах революции всегда бывают, потому что революция строится на полунищенском фундаменте. Если командующий получает больше жалованья, чем исполнитель, то это бросается в глаза. Это совершенно неизбежный этап в ходе революции. Но чтобы понять его значение, нужно иметь знакомство с настоящим, всамделишним капиталистическим режимом.

То же самое и со стачечной борьбой. Недавняя стачечная борьба на некоторых наших государственных предприятиях была как бы окрашена в своеобразный революционный цвет. Это все-таки как-будто борьба, это все-таки на вид — этап борьбы за улучшение своего положения. Старый капиталистический опыт дал нам этот метод борьбы, и это обстоятельство служит базой для различных политических партий, которые, стоя за настоящий капитализм, ведут борьбу за восстановление капитала, за свои капиталистические лозунги.

АНАРХИЯ В ОБЛАСТИ НОРМ ПОВЕДЕНИЯ

Всякий класс может держаться и выполнять свою определенную роль, если он спаян определенными нормами, определенными правилами. Если бы этих правил не было, если бы они не вошли в плоть и кровь класса, то никогда не могла бы существовать устойчивая власть этого класса.

Между тем перед нами в переходный период такое явление. Старые нормы, на которых была воспитана прежняя молодежь, эти нормы, которые буржуазия старалась навязать рабочему классу, погибли, они уничтожены. Мы протестовали против всех правил буржуазного поведения во всех областях, начиная с прически и костюма и кончая всевозможной буржуазной моралистикой. И мы с полным правом делали это. В итоге старые буржуазные нормы морали разбиты по всем направлениям, во всех областях: в области половой морали, в области отношений друг к другу, в области мелких правил поведения, всяческих церемоний, обрядов и т. д. Все это разбито революцией вдрызг.

Но в то же время революция не успела выработать *свои* нормы и правила общественного поведения. Молодежь попала в такую дыру, когда *старые нормы исчезли, а новые еще не народились*. Отсюда некоторая временная анархия в области правил поведения, в области норм отношений друг к другу. Это анархическое состояние длится и посейчас.

Новая экономическая политика внесла сюда еще совершенно иную струю, струю хищнического обогащения, разврата, торжества мещанских настроений и проч. Это—не старые

правила поведения потому, что у старой буржуазии были крепкие правила поведения, которые она для себя знала и стремилась навязать другим. А здесь притекают новые слои буржуазии, нормы которой отличаются от норм старой буржуазии: это—нормы нового типа хищнических дельцов, которые не имеют своего генеалогического герба, но которые прошли сквозь огонь и медные трубы, нормы продувных прохвостов, для которых не существует старых правил поведения, но у которых есть новые, потому что даже у воров есть воровская мораль, и очень крепкая.

В то же время у нашей молодежи нет никаких правил поведения, а есть хаос полу-нигилистического смешливого типа. На этом построить ничего нельзя. И эта сторона дела сказалась определенным образом на психологическом состоянии нашей молодежи.

ВТОРОЕ ЛИЦО НЭПА

Таково общее психологическое состояние нашей молодежи под влиянием новых экономических отношений. Все это можно об'яснить одной краткой формулой: это—дезорганизующее влияние нэпа. Но можем ли мы надеяться, что мы с этим влиянием в силах бороться?

Мне кажется, что уже теперь мы вступаем в некоторую новую полосу, когда нэп в значительной мере стал обращаться к нам своей положительной стороной.

Если в первый период он материально очень резко ударил по рабочей молодежи, если он дезорганизовал ее ряды, если он ее отбросил первоначально на задний план, если таким образом благодаря нэпу перетасовка общественных сил изменилась как-будто невыгодно для нее, то теперь мы начинаем переживать новую полосу, когда мы „очухались“ от неожиданных последствий поворота.

Начинает явно улучшаться положение рабочего класса, явно заметен приток новой энергии. На расчищенной площади рабочая молодежь, рабочий класс вообще, стала приводить в порядок свои мысли и осмысливать нэп, как колоссальный стратегический маневр с нашей стороны. Вот что может служить базой для работы. Если не на чем строить, то сколько ни кричи, ничего не выйдет. А сейчас мы все-таки начинаем расти в области экономической. Эта область несомненно идет на под'ем. Правда, на под'ем идет пока одна легкая индустрия, но все же мы подвигаемся вперед, а также подвигаемся вперед на фронте обращения товаров, и поэтому налицо общее оживление всей нашей экономической жизни.

Можно сказать, что у нас начинается всеобщий ремонт экономической жизни. Вот материальная база, позволяю-

шая нам осуществить планы, которые мы раньше осуществить не могли,—база для нашей культурно-просветительной работы. Но если у нас материальная база стала налаживаться, а враг на нас наступает на идейном фронте, то само собой разумеется, что мы должны напрячь все силы и бодро ударить на этот фронт. Вот почему твердый, идейно-воспитательный образовательный отпор сейчас становится во главу угла и представляет собой такую задачу, которой мы должны отвести максимум нашего времени и нашей энергии.

ТРИ ПРОСЛОЙКИ МОЛОДЕЖИ

Прежде чем перейти к разбору различных конкретных сфер работы, которые стоят сейчас перед РКСМ, я хочу сказать еще несколько слов насчет тех течений среди молодежи, которые в настоящее время уже более или менее ясно выкристаллизировались, и поставить перед вами вопрос, на какую прослойку из этой молодежи мы должны ставить свою карту. Это—во первых. Во-вторых—что в нашей воспитательной политике мы должны взять, как ось? Когда вы ставите перед собой вопрос какой угодно широты, вы, чтобы не распыляться по мелочам и не потерять самих себя в этом искании, должны, как в свое время правильно сказал тов. Ленин, ухватиться за основное „звено", за то, что будет составлять центр, ось вашей политики.

Итак, нужно нащупать ту прослойку рабочей молодежи, на которую вы должны ставить свою карту и которая должна вытащить все остальные звенья рабочей молодежи. Это нужно сделать прежде, чем перейти к конкретным вопросам и к решению тех задач, которые перед вами стоят.

Я различаю три основных группировки в среде рабочей молодежи, при чем беру эти группировки не с точки зрения социального состава, а с точки зрения основных стремлений, основной реакции на общественные события, которые происходят в нашей стране и в среде рабочей молодежи.

Первое течение я бы назвал „нигилистически-революционным" (в ковычках). Его можно характеризовать так. Оно не приемлет нэпа; оно считает, что чорта нет. Оно с полухулиганским „революционным" настроением подходит ко всему этому:

— Ну, что же, происходит всеобщее безобразие, и чорт с ним. Если дело дойдет до драки за революцию, мы с превеликим удовольствием, но что же мы будем сейчас руки пачкать в мелочах.

Внешним образом этот тип выражается так: он курит десятки и сотни папирос, отпускает длинные волосы, имеет необычайно суровый вид, делает попытку получить некоторые твердые знания. Он обращает внимание на культ героиче-

ского прошлого и думает, что он может жить на основании того заработанного капитала, который остался от этой борьбы. Отношение его к теперешней жизни: „это—дрянь, с которой нечего возиться“. Таков один тип.

Другой тип—форменный забулдыга, из которого ничего не выйдет.

Наконец третий тип с величайшим энтузиазмом берется за книгу, иногда доходит даже здесь до того, что он плюет на все, затыкая себе оба уха пальцами, и ты ему не мешай: он желает заниматься.

Само собою разумеется, что между этими тремя основными группировками молодежи есть различные промежуточные и переходные ступени.

Вопрос заключается в том, что мы выбираем из этих трех „идейно-психологических“ направлений (если можно их так назвать) среди молодежи? Какой кадр мы выберем в качестве авангарда, в качестве ударной группы?

Ясно, что разложившийся элемент для такой роли неприемлем. Ясно, что из „нигилистически-революционного“ типа можно немного высосать. Это не авангард. Нашу карту надо ставить на ту прослойку молодежи, которая желает учиться. Это то основное звено в различных группировках среди молодежи, за которое надо нам ухватиться. Это—самое здоровое звено. И совершенно естественно, что именно это самое здоровое звено должно послужить той базой, на которой вы построите свою политику [1].

КАК ДОЛЖЕН ВЕСТИ СЕБЯ КОМСОМОЛЕЦ

После этих предварительных замечаний относительно различных прослоек в вашей среде, позвольте мне перейти к конкретным вопросам.

---

[1] Должен сказать, что здесь есть еще одно любопытное явление, вопрос о котором, к сожалению, я здесь поставить не могу, но которое все равно вашему союзу придется поставить, если не на этом съезде, то на следующем. Вы из своей среды выделяете этот лучший авангардный слой, перебрасывая его в различные высшие учебные заведения и на рабфаки. Когда он туда попадет, он уже отделен от вас, у вас фактически нет с ним связи. Между тем, этот самый слой является не худшим, а лучшим слоем. Поэтому вашему союзу придется поставить вопрос о соотношении союзной массы Комсомола с тем его слоем, который попадает в высшее учебное заведение.

Я лично думаю, но не выдвигаю этого, конечно, в качестве того, на чем бы я настаивал, что необходимо идейно политическое обслуживание вашего союза теми, которые уже получают некоторую специальную тренировку и могли бы выступать в союзе как лектора, пропагандисты; при этом, конечно, вы, с своей стороны, не должны им мешать заниматься, но все же их использовать. Это обеспечивало бы ваше взаимное понимание и ваш неотрыв от этого слоя.

Я начну с анализа такого щекотливого вопроса, как вопрос о нормах общественного поведения, вопрос относительно „морали“.

Я должен повторить, что в этой области царит анархия. Ясно, что на этом долго ехать нельзя, что тут нам нужно поставить вопрос о нашем планомерном вмешательстве. Этот вопрос ставится здесь впервые и, может быть, не все товарищи будут соглашаться с тем, что я хочу сказать. Но я считаю себя обязанным сказать то, что думаю, потому что молчание в этом вопросе было бы вредно. Если мы и дальше будем молчать, то мы от этого только проиграем. Нам нельзя увиливать от вопросов, а нужно ставить и решать их.

Обычно говорят о так называемой „коммунистической морали“. Я считаю такую терминологию неправильной. Как известно, под моралью всегда разумелись такие нормы, такие правила поведения, которые представляют собою нечто фетишистское. Говорят: „ты должен делать то-то и то-то и больше никаких“. Вы в быту встречаетесь с буржуазной моралью, а самое сердце буржуазной морали заключается в этом фетишизме, в этом подчинении поведения человека какому-то авторитету, который неизвестно откуда берется и неизвестно почему ему все обязаны подчиняться.

Нелепость этой морали и вызывает у вас совершенно естественный протест. Поэтому самый элементарный, самый обычный подход к этому делу таков: как только начинаешь о таких вещах говорить, появляется усмешка:

— Начал проповедывать, знаем мы это, слыхали...

В этом протесте, конечно, есть кое-что здоровое. Совершенно ясно, что всякий фетишизм для рабочего класса и рабочей молодежи должен быть исключен. Мы не должны терпеть того, чего мы не понимаем и чего никто не может понять. Мы должны разрушать легенды о всем том, что выходит за пределы рационального познания. С этой стороны фетишистские нормы, которые навязываются прошлым, нужно разрушить.

Но для рабочего класса и для рабочей молодежи в особенности нужны свои правила поведения. Их отличие от морали заключается в том, что за ними не стоит неизвестная, никому и никем необ‘яснимая норма. Если мы желаем достигнуть какой-нибудь цели (а мы исходим из той предпосылки, что мы желаем достигнуть социализма), то для того, чтобы достигнуть этой цели, мы должны предпринимать определенные действия и не предпринимать других действий.

Если столяру или плотнику нужно сделать табурет, он должен проделать определенные телодвижения: должен строгать, выбрасывать стружки, а не плясать трепака. Если он будет плясать трепака, то он не сделает табурета. Нужно делать одно и не делать другого.

В общественной жизни—точно такое же правило. Если вы желаете построить социализм,—а это—задача, которую вы желаете разрешить,—вы должны этот социализм строить и делать именно это, а не делать другого. Если вы будете делать то, что с точки зрения этой задачи, что с нашей классовой точки зрения будет казаться „вредным“, „гнусным“, „подлым“ и т. п., то вы будете уподобляться столяру, который пляшет, и ничего не построите. Вы будете разрушать и не будете строить. Поэтому определенные правила поведения у рабочей молодежи должны быть, а если не будут, то ничего не выйдет.

Мы это чувствуем на каждом шагу. Что такое партийная дисциплина? Это—правила поведения. Но правила партийной дисциплины никто не удосужился назвать „моральными“, точно так же, как какой-нибудь устав кооперативной лавки не называется моральным уставом, хотя и в нем заключены те нормы, которые регулируют поведение людей.

Если мы таким образом поставим вопрос (с чем—я знаю—многие из старых и молодых товарищей не будут согласны), то из этого вытекает, что мы фетишизм уничтожаем и трезво подходим к делу. Желаем мы достигнуть социализма? Желаем. Давайте же действовать так, чтобы достигнуть.

Некоторые считают, что если что-нибудь представишь в понятной форме, то это лишается привкуса. Если им скажешь, что сие—заповедь бога, то по позвоночному хребту у них начнут проходить сладостные волны, и они будут думать, что совершается какой-то подвиг. А если поставить вопрос так, как я предложил, то никто не будет думать, что совершается подвиг. Может быть, для какой-нибудь старухи это и неприемлемо, но для рабочей молодежи необходим именно такой трезвый, четкий подход. Почему мы не можем совершать героическое дело, если будем руководствоваться крепкими правилами, сущность которых целесообразна? Так нужно ставить вопрос.

Из такой нефетишистской, совершенно реалистической и материалистической постановки вопроса вытекает необходимость определенных правил поведения. Я протестую против „моральной“ оболочки, но в то же время заявляю с полной категоричностью, что должны быть правила поведения для рабочего класса, для пролетарской партии, и особенно для несложившихся индивидуумов, для рабочей молодежи.

Совершенно естественно, что значение таких правил должно увеличиваться, когда мы окружены врагами. Эти правила—то, что связывает, сплачивает, дает возможность сохранять внутреннюю спайку и быть ударным, железным кулаком. Если в условиях новой экономической политики, когда существуют магазины, кабаки и прочее, и прочее, совершенно естественно, что опасность разложения или деморализации

чрезвычайно велика, то так же ясно и то, что этому можно противопоставить группу или корпорацию в роде вашего союза, противопоставить свою необычайно крепкую спайку.

Если спайка необходима в военный период социалистической революции, то она втрое, вчетверо и в десять раз необходимее в такой период жизни рабочего класса и рабочей молодежи, когда они со всех сторон находятся в мещанском, в капиталистическо-хищническом окружении. С этим нужно считаться и из этого нужно исходить.

Многих из вас может смутить, что у более старших товарищей имеется как-будто легкое отношение к вопросу, что они снисходительно ухмыляются в связи с этим серьезнейшим вопросом. Они имеют право ухмыляться, они не желают разговаривать об этих вещах потому, что они сами их очень хорошо знают. Они прошли хорошую школу борьбы с враждебными идейными группировками. Они не могут легко сломаться. Сейчас им представляется, что раз этот разговор поднять,—придется такие ненужные добродетельные разговоры разводить, что уши отсохнут. Но они забывают, что для них этот вопрос решен, а для вас не решен. Они этот вопрос решили много лет тому назад, и зачем им зря болтать по этому поводу. Но для подрастающего поколения эти вопросы еще не разрешены. Откуда они могли быть разрешены? У старшего поколения была большая литературная полемика в свое время по этим вопросам, а теперь ведь у нас ни одной такой книжки не издано, а если и были выпущены, то эти книги касались старых отживших дел.

Самую плохую службу может сослужить такое отношение к вопросам о нормах поведения. Нельзя сейчас молчать! Нужно ставить эти вопросы.

В тесной связи с предыдущим и такой момент. Мы слишком мало говорим относительно социализма в его развернутом виде. Для более сухомыслящих, более взрослых людей это не так необходимо: во-первых, они знают, что такое социализм, а во-вторых, для них нет потребности впускать себе добавочный шприц одухотворяющего момента, который бы их настраивал на социалистический лад. Но молодежи, которая более эмоциональна, нужно дать более отчетливое выражение развернутого социализма, показать патетическую сторону борьбы за социализм, развертывать картину борьбы за коммунистический идеал во всей широте: с точки зрения искусства, с точки зрения культуры, с точки зрения всего комплекса человеческих эмоций. Тут должны быть и рассудочные схемы и художественные изображения. Я повторяю, что более старые товарищи будут ухмыляться по поводу этого, но они прошли все это, всю эту кашу с‘ели, а теперь забывают, что это уже вошло в их плоть и кровь. Для молодежи эту сторону дела нужно развивать и культивиро-

вать точно так же, как нужно культивировать другую сторону дела, которая идет тоже по линии отношений между людьми.

Нужно воспитывать совершенно инстинктивное отношение страстной ненависти к нашим классовым противникам. С одной стороны, ненависть по отношению к врагам, а с другой стороны, обрисовка социалистического идеала,—это должно быть исходным пунктом в нашей работе, которая определяет собой правила поведения комсомольцев.

Громадное значение в деле воспитания должны приобрести всевозможные обычаи, так сказать, „заповеди“ Комсомола. Я знаю отлично, что против этого найдется очень много возражений среди самой молодежи. Они скажут: „зачем фиксировать, зачем писать, выдвигать внешние признаки, писанные заповеди?“ Это—предрассудок, который имеет своим основанием самые обычные предрассудки. И в политической жизни, и во всяких общественных отношениях мы очень часто замечаем одно повторяющееся явление. Чтобы разбить капиталистическую армию, нам нужно было устраивать полковые комитеты. Некоторые товарищи, не зная, что полковые комитеты раздробили старую армию, хотят и теперь бросать лозунги полковых комитетов, потому что эти лозунги были брошены в 1917 году. Тут—огромная ошибка. Ошибка заключается в том, что эти лозунги были брошены тогда, когда нам нужно было разложить старую армию, а теперь нам надо строить свою, новую.

То же самое происходит и здесь. Если мы протестовали против всяких норм, то это было правильно, поскольку это было средством дезорганизации противника. Но мы то же самое начинаем переносить на себя и говорим: „долой прописную мораль, долой все эти штуки!“ Здесь мы средство разрушения своего классового противника переносим на самих себя и оказываемся в результате круглыми дураками.

Само собою разумеется, происходит это оттого, что мы желаем отделаться от старого, построить новое. Но нужно взять из старых приемов то, что можно взять. Там было немало положительного. Я утверждаю, что лозунги, которые заключают в себе правила поведения, заповеди, которые выклеены на стенах,—положительная вещь, потому что они постоянно напоминают нам, постоянно будоражат, постоянно говорят о том, что мы должны делать. Почему капиталисты, которые желают завоевать рынок для своей фирмы, на каждой посудине ставят свое клеймо? Это происходит потому, что им это чрезвычайно выгодно. Мы должны кое-чему у капиталистов научиться. Есть у нас целый ряд правил поведения которые мы хотим внедрить. Ничего плохого нет, напротив,

если мы будем иметь такие зафиксированные правила. У нас будет тогда более интенсивная работа, более интенсивная самодеятельность всех основных частей нашего организма, более сознательное и четкое отношение к делу.

О ТАБАКЕ И АЛКОГОЛЕ

Теперь я перейду к некоторым вопросам, также связанным с разного рода „моральными“ вопросами или правилами общественного поведения, как я это называю,—к вопросам, которые играют очень крупную роль.

Перый вопрос—о табаке и алкоголе. Здесь тоже существует некоторый ряд устаревших предрассудков. У нас считается обязательным, чтобы всякий член РКСМ ходил с четырьмя папиросками в зубах и с презрением относился к антиалкогольной и антитабачной пропаганде. Я считаю, что такое отношение к этому вопросу—большая ошибка.

Я помню, в старое время, когда я учился в гимназии, мы демонстративно курили, и это было даже известным правилом, а с общественной точки зрения это было полезно: этой мелочью мы разрушали дисциплину старого строя. Это был протест против организации школы, а оттуда протест переносился на организацию всего общества. Тогда это было средством разумным: приятно было под носом надзирателей проходить с папиросой во рту. Поэтому все, что было революционного в старой школе, поддерживало этот обычай, даже вплоть до озорства, потому что с общественной точки зрения это было положительное явление. К нему можно было относиться с некоторым почтением. С этой мелочи начинали, а потом зачастую приходили к различным революционным движениям.

А теперь есть ли что-нибудь похожее на прежние условия? Я считаю, что нет.

С точки зрения физиологической, с точки зрения воспитания, увлечение табаком и алкоголем представляет прямой вред. С какой же стати мы теперь будем поддерживать курение и смеяться над антиалкогольной пропагандой? Это—неправильное, некритическое перенесение методов разрушения буржуазного строя на собственный организм. По моему глубокому убеждению, в союзе *должны быть созданы группировки, которые поведут сознательную борьбу с алкоголизмом и табаком*. Это—составная часть дела оздоровления рядов Комсомола.

То же самое нужно сказать и по вопросу о половой распущенности, которую нужно тоже ввести в рамки. И с этим вопросом необходимо считаться; и здесь надо выработать вместе со специалистами-врачами и педагогами соответствующие директивы для членов нашей организации.

ЧЕСТЬ КЛАССОВОГО, ПАРТИЙНОГО КОМСОМОЛЬСКОГО ЗНАМЕНИ

Есть некоторые вопросы, родственные только что задетым вопросам, но несколько выходящие из их рамок.

Я думаю, что мы должны сейчас воспитывать в членах союза молодежи то, что относится к области всяческих партийных, классовых, комсомольских добродетелей. Раньше была честь знамени, честь дворянского сословия. Нужно культивировать подобное и у нас. Это должно служить орудием классовой гордости, знаком классовой принадлежности.

Вы скажете, что все это очень странно? Ничуть не странно. Когда на войне говорят о чести полка или о чести знамени—это очень полезная вещь, которая связывает силы и организует их. Мы должны стоять на этой же точке зрения в отношении к Комсомолу, партии и классу, начиная от маленькой ячейки, к которой принадлежим, и кончая наиболее крупной организацией, в ряды которой мы включены, т. е. нашим классом, а затем и советским государством. Это вовсе не честь феодальной шпаги, потому что здесь классовое содержание другое, но формальное сходство все-таки есть. Мы должны воспитывать такое поколение молодежи, которое оберегало бы честь своего союза, партии, класса и никому не давало бы наплевать себе в морду: „дураку наплюй в глаза, ему все божья роса". Комсомольцы не должны подпадать под эту категорию. Тут предстоит очень большая работа. И тот нигилизм, который проповедуется в этом отношении некоторыми старшими товарищами, совершенно неуместен.

О ВОСПИТАНИИ ЧУВСТВА

Следующий вопрос—о воспитании чувства. Я уже отчасти этот вопрос задевал. Подходить к молодежи так, как подходят к взрослым, нельзя. Необходимо считаться с психофизиологической конструкцией молодежи. Элементам воспитания надо отвести здесь гораздо больше времени, чем отводится при воспитании взрослых. Я считаю, что в этой области у вас делается чрезвычайно мало.

Возьмите ваш кадровый состав. Ваш кадровый состав прекрасно может писать всяческие циркуляры, он может написать гору бумаг. Я с завистью смотрел на те материалы, которые дал мне тов. Шацкин для того, чтобы я мог их использовать в настоящем докладе. Там столько резолюций, тезисов, отчетов, и все это очень здорово написано: можно сказать, что вы насобачились настолько, что пересобачили взрослых товарищей.

А в то же время чрезвычайно мало делается для эмоционального воспитания молодежи. Что же получается? Наш

противник, наш классовый враг видит наше слабое место. Он выбрасывает соответствующую литературу, создает кинематограф и применяет другие мощные средства эмоционального воздействия, а мы сидим на мели.

Этому надо положить конец. Если мы на фронте воспитания чувства не выполним наших задач, если мы будем душить публику одними циркулярами, мы ничего не сделаем. Нужно не только заставить понять, но для того, чтобы человек понял, он должен сперва почувствовать. Это к молодому возрасту относится в гораздо большей степени, чем к взрослому.

Если „пинкертоновская" литература пользовалась раньше успехом среди молодежи, то это естественно: тут было что-то такое, что соответствовало некоторым чувствам. В чем же тут дело? Дело в том, что для ума требуется легкая, занятная, интересная фабула, развертывание событий, а для молодежи это требуется в десять раз больше, чем для взрослых. Буржуазия это отлично знает и понимает. Она очень ловко ставит эти вопросы, и свою идеологию, свои щупальцы самыми различными путями внедряет в сознание молодежи. Она создает идеологию, формирует ее, охватывает молодежь, а мы этого не умеем. Тут—наш порок, который нужно преодолеть, потому что иначе мы молодежи не воспитаем.

Вот почему перед нами встает вопрос о всяких революционных романах, об использовании приключений во время подпольной работы, гражданской войны, деятельности ВЧК и т. д. Этот материал мы, как совершенные дураки, использовать не умеем, а между тем ясно, что мы могли бы перещеголять всякого Пинкертона по увлекательности фабулы, по занимательности событий и т. д. Если дать одно конкретное описание жизни какого-нибудь из наших „революционных авантюристов" в хорошем смысле слова, то это будет в тысячу раз интереснее всех Пинкертонов. А этого никто не делает. Нужно толкнуть ваш союз к этому делу. Я считаю, что это сыграет огромнейшую воспитательную роль, гораздо большую, чем многие ваши плакаты, рассуждения, резолюции, циркуляры и т. д. Особое значение приобретает кинематограф [1].

---

[1] Но у нас есть ловкачи, которые и кинематограф сделают скучнее циркуляра. Нужно во всем знать меру. У нас в кинематографе часто показывают, как работают на чайных плантациях и т. п. Это все очень полезно, но если подобное показывать рабочим два часа под ряд, то они пошлют это к чорту. Тут нужно комбинировать. В кинематограф идут люди усталые им нужно показывать интересные картины, нужно создать соответствующий кинематограф—занимательный, а в то же время по содержанию—наш.

Надо подумать о театрах, о концертах, о вечерах. И здесь мы все еще беспомощнее новорожденных котят. Вот мы были с вами позавчера на открытии этого с'езда. Было смешно и грустно, когда вышли несколько артистов оперы Зимина и пели насчет соловьев, а публика хохотала. Затем вышла актриса, которая пропела: „Вы—храбрые борцы". Тут тоже был смешок, а когда один из актеров спел „Зачем ты, дорогая, в эту ночь не со мной", нельзя было вовсе выдержать. Ясно, что тут контакта между этими актерами и аудиторией нет. Нужно это дело поставить как следует, так оно дальше итти не может.

Необходимо устраивать почаще всякие демонстрации, шествия с факелами и прочие занимательные массовые вещи. Московский комитет однажды запретил шествия с факелами рабочей молодежи потому, что, очевидно, боялся пожара. Конечно, нужно рекомендовать больше дисциплинированности нашей молодежи, которая иной раз любит плюнуть, где не нужно, мимоходом высадить окна, двери и пр. Но я должен признаться, что когда я сидел в тюрьме, то мне всегда снились солдатская музыка и войска. Я обалдеваю, когда попадаю в строй с музыкой, потому что, когда человек попадает в толпу, его инстинктивно охватывает социальное чувство; но именно это и есть об'единяющее и воспитывающее, и это нужно культивировать: всякую музыку, шествия, эффекты. Это понимала еще католическая церковь,—почему же коммунистам этого не понять? Посмотрите, как у нас идут всевозможные богомольные старушки, когда происходит богослужение у Иверской или где-нибудь в другом месте. Или какая-нибудь свадьба: они прилипают носами к стеклу, так что оставляют только кружочки. Это естественно, это их интересует, потому что церковь сумела об'единить всех, даже старух, которые чувствуют себя принадлежащими к корпорации. Конечно, все это мы должны делать на другой манер, это ясно, как дважды два четыре, но делать, а не зевать.

КОМСОМОЛЬСКИЙ „АКТИВИСТ"

Работа РКСМ по коммунистическому просвещению должна вестись в двух направлениях: в направлении элементарно-коммунистического образования широких комсомольских масс и по линии более квалифицированного образования ваших так называемых „активистов", т. е. ваших управляющих, администраторских кадров.

На последнем я считаю необходимым остановиться потому, что из тех отчетов, которые я получил перед теперешним докладом, вытекает, что ваши кадры в среднем политически неграмотны и что у них марксистское образование в значительной мере отсутствует.

Вы усердно справлялись на практических делах, и это очень хорошо. Но нужно соединить этот величайший практицизм, который воспитывается в вас, с некоторыми обобщающими теоретическими знаниями.

Через некоторое время вы будете управлять страною, а для этого нужно уметь правильно ориентироваться в исторических условиях. Наша партия, пройдя через марксистскую школу, так держится потому, что ее кадровый состав, ее верхушка, пройдя хорошую марксистскую школу, могла предвидеть события и легко лавировать на крутых поворотах. Новое поколение, как видим, растерялось, а вам, может быть, в будущем предстоит еще целый ряд поворотов, еще более крутых. У нас такой колоссальный размах событий, такие неожиданности в области социальной борьбы, такие неожиданности в мировом масштабе, что здесь нужна величайшая способность правильной ориентировки. Это дается только хорошей школой марксистского образования.

Далее. Вы представляете собой резервуар, который должен со временем поставлять работников в технической и других отраслях. Вам нужно помнить, что теперь нельзя увлекаться общим универсализмом, когда человек думает, что он все знает и представляет собою все, а на самом деле ничего толком не знает. Надо стремиться всемерно к более правильному разделению труда. Вы должны точно и определенно сказать, что каждый выбирает себе определенную отрасль, которую он изучает досконально. Вы должны быть коммунистами, но вы должны получить определенную специальную квалификацию, вы должны быть инженером, техником или педагогом или чем-нибудь иным, но вы должны свою область знать, как следует. Если этого не будет, то у нас будет диллетантское управление, и это управление будет напоминать правителей из эпохи нашего „кочевого периода", когда многие ни за что не отвечали, ничего не знали и барахтались в перемещениях, как будто это может помочь делу. Нам необходимы специальные знания!

О РЯДЕ ДРУГИХ ЗАДАЧ

Мы подходим вплотную к вопросу относительно умственной и физической тренировки. На эту сторону дела необходимо сейчас тоже обратить самое сугубое внимание.

Для умственной и физической тренировки хороши всевозможные игры и все, что отличается состязательным принципом. Вам нужно обратить сугубое внимание на постановку всевозможных игр, решений задач, шарад, игру в шахматы и проч.

Шахматы, между прочим, могут сыграть очень крупную роль. Один из крупных шахматистов написал специальную

книгу: „Общественные науки и шахматная игра“, где он доказывает, что шахматная игра дает большую умственную тренировку. Многие крупные полководцы и общественные деятели очень хорошо играли в шахматы. Всякая игра, особенно шахматы, есть некоторая репетиция настоящего действия, подготовка, тренировка психики.

Вам нужно ввести принцип состязательности. Вам нужно придерживаться всевозможных конкурсов на быстроту решения задач, всевозможных спортивных состязаний с призами. Во всех различных кружках: футбольных, научных или шахматных необходимо сохранить принцип соревнования,— этот состязательный принцип должен быть положен во главу угла.

Дело заключается в том, что очень часто буржуазия берет своей большой подвижностью, а мы отстаем, ибо благодаря нашему централистскому бюрократизму повернуться-то не успеваем. Нам необходимо создавать более мелкие подвижные ячейки. Союз, как целая организация, не может полно удовлетворить эту потребность. Мы должны внутри союза проповедывать систему всевозможных товариществ, кружков, которые внутри себя культивировали бы чувство товарищества и были бы некоторым промежуточным звеном между личностью одного комсомольца, с одной стороны, и всей массой членов организации, которую представляет собой РКСМ—с другой.

Тогда у вас будет сочетание двух принципов: сочетание принципа общественности с принципом свободного движения, а не какой-то всероссийский Главзапор. Состязательный принцип должен всемерно проявляться во всех играх, которые должны занять у вас большое место.

Вопрос о воспитани и образовании молодежи стоит здесь во всей широте, но он разработан довольно подробно в специальных резолюциях. Мне хотелось бы подчеркнуть еще только некоторые вещи, которые составляют ось этого дела.

Во-первых, нам нужно *ликвидировать окончательно безграмотность* в рядах рабочей молодежи. Это есть элементарная задача, и без разрешения этой элементарной задачи очень трудно двигаться вперед.

Во-вторых, ваша воспитательная работа должна опираться на целый ряд *практических работ членов вашего союза на различных поприщах общественной жизни*. Одна из самых важных общественных работ—непосредственная работа на фабриках и заводах, пропаганда улучшения фабрично-заводской жизни; организация борьбы с бюрократизмом, о чем очень часто говорилось и о чем вы тоже писали неоднократно резолюции; в деревне—борьба с кулачеством, отпор всевозможным организациям нашего противника, идейная борьба с ним, всевозможные диспуты

с различными идейными организациями противника; борьба с пьянством; всякого рода экономическая борьба, защита интересов рабочей молодежи; приобретение здесь всяких товарищеских навыков и прочих организационных добродетелей, имеющих громадное значение; наконец всевозможного рода техническая помощь партии и профсоюзам. Вы должны приучаться к активной роли в партии и в профсоюзах, должны выполнять ряд подсобных работ, хотя бы и технического характера, как, например, рассылка и распределение литературы и т. д. Эта сфера деятельности имеет огромное значение для союза, если поставить ее в надлежащие рамки.

ПАРТИЯ ПОМОЖЕТ СВОЕЙ СМЕНЕ

В заключение надо остановиться на одном вопросе, который является, можно сказать, до известной степени решающим.

Всуе законы писать, ежели их не исполнять. И всуе говорить, если от этого ничто не изменится.

Возьмем быка за рога. Во-первых, нужно иметь достаточно материальных ресурсов и материальных средств в области работы союза, и в первую очередь — в области организации нашего школьного дела. Этот вопрос о средствах, о денежных знаках и натуральных продуктовых элементах для работы среди молодежи должен быть поставлен перед советской властью.

Во-вторых, необходимо создать соответствующую вытекающую из всех намеченных задач, о которых я говорил, литературу и другие орудия, в роде кинематографа, и для этого должны быть отпущены соответствующие средства. Литература должна быть создана во что бы то ни стало. Если такой популярной литературы, в том числе беллетристики, соответствующим образом к молодежи приспособленной, создано не будет, мы ничего не сможем сделать для продвижения с мертвой точки. Я уже не говорю об учебниках, что само собой разумеется.

Наши школы должны быть поставлены на должную высоту; фабзавуч и рабфаки должны выйти из стадии деклараций и воплотиться в жизнь, и на это государство должно дать средства.

Нам необходимо заинтересовать наши хозяйственные органы делом воспитания подрастающего поколения. Некоторые из хозяйственных органов, громадные фабрики или тресты организуют образовательно-воспитательные учреждения, из которых они затем черпают свои кадры. Нужно эту здоровую струю сейчас особенно поддерживать. Хозяйственные органы, хорошо поставленные, имеющие достаточно средств, должны помочь этому делу в порядке, непосредственно не связанном с государством, но в порядке, который реально означает громадный прирост наших сил.

И наконец последнее требование—это вопрос о перераспределении наших партийных сил. Партия должна дать квалифицированных товарищей на воспитательно-образовательную работу, людей, которые могли бы занять посты в школах, университетах и т. д., которые могли бы создать нужную литературу. Эту помощь партия должна оказать во что бы то ни стало.

Товарищи, целый ряд трудных проблем, очень часто в первый раз вставших перед рабочим классом, перед партией и вами, целый ряд отрицательных явлений, которые связаны с нэпом, произвели было в наших рядах частичную и временную деморализацию.

Но теперь это время прошло. Прошло время для криков по поводу отрицательных сторон нэпа. Эти крики должны пройти безвозвратно, потому что у нас есть возможность победить, потому что у нас растет человеческий кадр, который мы можем образовать, и дообразовать при начавшемся оживлении нашей экономической жизни. Наше международное положение упрочивается, и с точки зрения бесстрастного анализа вряд ли будут в нем значительные изменения к худшему.

Поскольку мы имеем дело с молодежью, нам необходимо, чтобы она свой энтузиазм, который она проявила на фронтах гражданской войны, целиком вложила в дело самоподготовки к будущей огромной исторической роли. Этот энтузиазм знания нужно всемерно поддержать в молодежи, нужно сделать его осью всей нашей борьбы.

Если мы выработаем на поле культурной борьбы кадр отличных борцов, то мы сможем его через несколько лет насадить на протяжении всей республики, и этот новый кадр с честью понесет то знамя, которое несло старшее поколение.

4. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО[1]

Я прежде всего должен пройтись по всем моим оппонентам в том хронологическом порядке, в котором они здесь выступали.

Наиболее принципиально обрушились на меня два первых товарища: с одной стороны „молодой комсомолец“ тов. Пестковский, с другой стороны —тов. Трейвас. Они выставили против меня два основных возражения. Первое возражение—насчет комсомольского состава; второе—против моего „буржуазного“, „индивидуалистического“, корпоративного взгляда.

---

[1] См. выдержки из прений по докладу (стр. 299 этой книги). Ред.

Насчет первого возражения. Они аргументировали следующим образом: самый здоровый не тот, кто уходит от союза в науку, а самый здоровый тот, кто и учится, и является членом союза. Само собою разумеется! Если внимательно слушать то, что я говорил, то я о ком говорил? Я говорил о составе Комсомола, следовательно, я брал тех товарищей, которые в этом Комсомоле работают. Я не говорил о тех, кто ушел в науку от союза, а говорил о тех, кто учится, будучи членом союза. А когда я говорил о тех, кто оторвался от союза, поступил в высшее учебное заведение, я выдвигал этот вопрос в качестве некоторой самостоятельной проблемы и обращал ваше внимание на то, чтоб вы поставили этот вопрос. Итак, тут произошло некоторое недоразумение. Тов. Пестковский особенно сразился с тем чучелом, которое сам выдумал.

По второму вопросу здесь спор, действительно, шире хотя бы по той простой причине, что здесь возражали против того, что я действительно говорил. Я говорил, что совершенно неправильна сверх-централистская тенденция в области союзной работы. Если на такой точке зрения вы останетесь в вашей дальнейшей политике, вы вашей задачи не решите, потому что очень справедливо еще Козьма Прутков говорил, что нельзя об'ять необ'ятное. Если вы будете стараться об'ять необ'ятное, получится один конфуз. Мы постоянно говорим: „нам нужно будить самодеятельность масс". Когда мы говорим это о членах Комсомола, мы должны сугубо это осуществлять. Можно ли это делать, если мы не оставим широчайшей свободы об'единения кружков? Мы никакого движения воды в этой огромной массе не произведем, а будем действовать бюрократически-канцелярским, сухим путем циркуляров, которые тоже об'единяют, упорядочивают, регулируют, способствуют и прочее, но тем не менее их недостаточно. Между общей централистической организацией и отдельной личностью, входящей в союз, надо поставить свободно подбираемое, совершенно добровольно, в силу некоторого внутреннего влечения об'единяемое промежуточное об'единение. Представьте себе, что набирается кружок, который интересуется такими-то вопросами, чисто теоретическими. В другом месте образуется кружок любителей шахматной игры. В числе футбольных компаний имеются такие, которые сами по себе образовались. Что же в этом еретического? Это нужно поощрять, и только таким образом и может быть произведен отбор и подбор тех людей, которые интересуются тем или другим вопросом. Как можно этот подбор производить? В каждой из таких маленьких корпораций мы должны возбуждать соревнование, чтобы каждый, даже маленький кружок имел свою собственную кружковую гордость, и сознание этого есть одна из

величайших движущих сил. Говорят, что так буржуазия поступала, что так поступали в древние века. Что же, меня нисколько не удивишь, что так поступала буржуазия. Предположим, что она так и поступала—и вообще она весьма часто не глупо поступала,—что же против этого приводил тов. Пестковский? У нас должна быть-де общеклассовая гордость, а больше „не моги". Но тогда напрасно вы на черную доску такую-то фабрику ставите, на красную доску такую-то. Зачем отличать фабрики? Ведь эта наша общеклассовая гордость. Зачем вы отличаете полк, которому вручено знамя ВЦИК? Не совершенно ли нелепо от имени ВЦИК вручать знамя за отличие? Должна быть ведь общеклассовая гордость, и незачем выделять один полк... Ясное дело, что эти рассуждения абсурдны, потому что вы не даете толчка вперед. Конечно, в развитом коммунистическом обществе, где личность потонет, не будет разговоров об отдельных личностях. Но в наш век, когда нужно изыскивать некоторые стимулы для большей подвижности и гибкости всего аппарата, разве мы сами не взываем во всех областях жизни к соревнованию между разными группами, а иногда даже между лицами? Бойтесь взгляда такого: „не даю свободы движения никаким маленьким ячейкам. Вот вожди, за ними все пойдут, и они все из центра распишут". Это — вредная тенденция.

Я перехожу к речи тов. Трейваса, который меня на первых порах напугал. Я думал, что вот—размахнется парень, и от меня одни зубы полетят на пол. Я сперва не понимал, откуда у него такая злоба на меня; теперь знаю: он, оказывается, бил посуду по Наркомпросу, и совершенно естественно, что у него образовался такой спецовский уклон. Тут же рядышком сидел Луначарский, и Трейвас меня по специальности и тарарахнул, тем более, что я вполне этого заслужил, потому что сам проповедую специализацию.

По сути дела тов. Трейвас такую штуку сказал: „Бухарин рабочей молодежи не знает; он нарисовал такие типы, которых не существует". Я взял три типа: во-первых, тех, которые разложились, затем тех, которые живут прошлым, и тех, которые живут настоящим и учатся, и сказал, что между тремя типами есть различные промежутки. Трейвас говорит: есть другие типы. Один, который фуражку на затылке носит, другой конкретный, третий еще какой-то и т. д. Я согласен, что есть и такие типы, но когда он анализирует состояние молодежи, он может подходить к этому вопросу с любой точки зрения. Может делить на брюнетов и блондинов, на мужчин и женщин, на смирных и залихватских, на партийных и беспартийных, и по другим линиям. Мне нужно было разделить по тем линиям, по которым они стоят в желании учиться; я и разделил. Нравится другая

формулировка? Вольному воля. Мое деление целесообразно, потому что оно идет по такой линии, по которой у нас здесь ведется дискуссия. Если Трейвас говорит, что я не знаю, что у нас существуют крестьяне и рабочие...

Трейвас (с места): Стыдно Бухарину заниматься демагогией!

Бухарин: Трейвас сердится, но я отвечал шуткой на его шутку, так что здесь—„честная дворянская дуэль“. Что же тут обидного?

Здесь тов. Тарханов выставил против некоторых моих утверждений аргумент, что я предлагаю образовывать насильственно кружки; а надо, чтобы комсомолец шел купаться не один, а в компании. Я должен отдать справедливость тов. Тарханову: вряд ли можно найти комсомольца который в грустном уединении идет купаться. Но я вовсе не говорю, что нужно искусственно, силком тащить в кружки. Я не говорю, что нужно запереть десять человек в комнату и пускай они там играют в шахматы, как Тарханов это дело изображает. Наоборот, я думаю и говорю о том, что надо развязывать целый ряд влечений, которые существуют, и на основе этих влечений формировать кружки и другие организации. Наоборот, возражая против искусственности, мой оппонент сам-то выдумал самую искусственную вещь—это культ отдельных лиц из вашего ЦК; вот это уже—не корпоративная, а прямо индивидуалистическая точка зрения...

Теперь относительно тов. Касименко. По моему мнению, он сделал целый ряд весьма ценных дополнений, когда говорил о революционной романтике. Как одну из линий, по которой должна быть направлена новая романтика, он выставил борьбу человека с природой и изображение будущего общества. Насчет будущей жизни я в своем докладе упоминал, но вот борьбу с природой я упустил. Всевозможные изобретения, рискованные научные экспедиции, направленные на завоевание человеком природы, такие истории можно бы очень хорошо беллетристически препарировать, и они также войдут в наш героический цикл. Это дополнение товарища Касименко представляет деловой материал, который следует принять.

Правильно говорили здесь об окраинах. Совершенно правильно, что мы не сумели осветить вопроса об особенных чертах работы на окраинах. Мне кажется, что надо действительно поставить перед партией вопрос относительно более внимательного отношения к союзу на окраинах. Я, к сожалению, не могу коснуться, хотя следовало бы, тех особенностей, которые мы должны иметь в виду, при ведении нашей воспитательно-культурной работы среди различных национальных меньшинств. Это—вопросы все очень

сложные, начиная с языка. Тут встает вопрос о некоторой линии, вопрос, который очень слабо разработан и которого мне бегло коснуться в заключительном слове было бы слишком неправильно.

Меня здесь упрекал тов. Зоркий в том, что я вместо того, чтобы вырвать рога, только погладил быка по этим рогам. Он говорит: „Нельзя гладить быка по рогам, а надо вырывать их с корнем (такой уж темперамент у молодежи), вы же гладите быка по рогам, потому что вы говорите: долой Пинкертона и давайте красного Пинкертона!“

По существу, дело, по мнению оппонента, не изменится: буржуазный Пинкертон и красный Пинкертон для тов. Зоркого одно и то же, потому что и там и тут—преследуемые и преследователи, и очень часто внимание читателя и симпатии его двоятся и принадлежат иногда и преследуемым. Тут то же самое происходит, что и с другими вопросами: вы оставляете в стороне суть дела. Я считаю, что эти рассуждения Зоркого на $^{9}/_{10}$—неправильные рассуждения, потому что они самые обычные, в роде таких, когда говорят: вы взяли армию у противника, а это та же самая старая армия, только вы ее назвали Красной армией; вы тоже стреляете из пушек, а не из пальцев и т. д. Все эти рассуждения неправильны. Ведь здесь же тов. Зоркий впадает в ту же ошибку, которая свойственна меньшевикам. Что говорят меньшевики? Раньше вас преследовали, теперь вы, большевики, преследуете. Или что здесь говорили относительно Грузии: раньше был один Мдивани, теперь другой Мдивани, раньше был один Гегечкори, теперь другой Гегечкори.

В чем же суть нашего спора с тов. Зорким? Создается развернутая формула напряженного движения, бегущая картина напряженной борьбы. Буржуазия создавала Пинкертона для того, чтобы околпачивать нашу молодежь. Но я не скажу, чтобы всегда симпатии читателей двоились или чтоб они были иногда на стороне преследуемого. Ведь Пинкертон—апология буржуазного сыщика, это культ буржуазной „охранки“. В Пинкертоне симпатии читателя всегда были на стороне преследователя, и я не скажу, чтобы эти симпатии двоились, как говорил тов. Зоркий, особенно в лубочной литературе, о которой я здесь говорю. Задача наших литераторов и будет препарировать все это. Что касается меня, то я вовсе не хочу, чтобы симпатии читателя двоились между красными и белыми.

Вот каким образом обстоят дела с возражениями Зоркого о Пинкертоне.

Теперь дальше. Тов. Цейтлин, выступавший последним, задал целый ряд вопросов. Он прежде всего очень резко и увесисто, по-питерски, поставил вопрос относительно фабричного котла. Это совершенно понятно, но нельзя же до

бесчувствия. Нельзя же все время твердить одно: индустрия, локомотивы и т. д. и т. д. Ведь тогда получится скука смертная. Тов. Цейтлин говорит, что костры разводить не нужно, что у них на заводах свои костры горят. Но если у вас в Питере еще костры разводят на заводах (а я очень мало понимаю в области заводской техники), то я все же думаю, что это относится к тем моментам, когда печи сломаны, дров нет и приходится разводить костры. Если же вы горны называете кострами, то ведь Николай I тоже говорил, что молебны можно заменить бракосочетаниями. Я думаю, что нельзя действовать на шаромыжку, заменять одно другим. Правда, когда вы кормите молодежь одной музыкой, это глупо. Тут нужно взять определенную пропорцию. Совершенно неправильна позиция Цейтлина, когда он говорит, что только барский сын хочет знать, что такое электричество, а простой рабочий, который делает лампочки, знает, что это такое. Товарищи, должен вам сказать, что теперь еще лучшие ученые не знают, что такое электричество.

Точно так же нельзя говорить относительно того, что романтика—ерунда, а фабричный котел—все. Если мы будем рассуждать так, то мы сделаем самую скучную интеллигентскую ошибку. Интеллигентская затея—обучать сына рабочего, который работает на фабрике, трудовым процессам и заставлять его тряпкой мыть полы. Интеллигент, который страдает геморроем от недостатка физической деятельности, полагает, что и сын его страдает недостатком физических процессов и заставляет его всю жизнь этим процессом заниматься. Это — вредная идея, интеллигентская идея. Тут, повторяю, должна быть определенная пропорция. Мы должны поставить работу таким образом, чтобы преподносить ее под соусом отдыха, а не таким образом, чтобы она требовала добавочного внимания и вызывала усталость.

Тов. Цейтлин бросил еще одну крылатую фразу, которую всем вам нужно обмозговать: „Правил поведения не установишь, у нас девушки курят, и это хорошо. Определенные условия, ничего тут не поделаешь". Ну, знаете, это уже совсем не юношеская революционная психология. Раз определенные условия все перевешивают, мы разруху не уничтожим, пьянство не победим и т. д. А мы говорим, что разруху нужно уничтожить и врага победить, а если есть вещи, которые мы считаем не совсем подходящими с точки зрения строительства социалистического общества, вредными и отрицательными, то мы не будем останавливаться, а будем их активно преодолевать.

Вот остаток фаталистического взгляда: „ничего не поделаешь" и т. д. И тут совершенно напрасно тов. Цейтлин смешком отделался. Я большой сторонник смеха, потому что физиологическое состояние смеха состоит в том, чтобы

выталкивался воздух из грудобрюшной преграды, а это полезно; но я должен сказать, что в некоторых вещах смехом отделываться нельзя. Он отделался таким замечанием: „Неужели же декретировать, что̀ именно можно пить?“ Но он хитро обошел вопрос, и его можно разоблачить. Зачем регламентировать, что̀ и когда пить, если можно поставить вопрос более радикально (а мы большие радикалы): пить вообще нельзя. Вы будете иметь здесь сражение. Но на чем бы я настаивал, это на том, что если в уставе это нигде не будет закреплено, нужно в среде союза образовать такое добровольное об'единение, такую группировку, которая бы противоалкогольную пропаганду вела, защищая свою точку зрения во всей вашей союзной прессе, активно воздействуя и формируя в этом отношении общественное мнение. Это, так сказать, та задача, которая перед нами стоит и которую обойти ни в коем случае не удастся. По сути дела особых принципиальных возражений на мой доклад сделано не было. Были разноречия совершенно не острого характера, так что мне кажется, что вы могли бы принять за основу ту резолюцию, которую я сейчас прочту [1].

Я еще просил бы вас позволить мне сказать несколько заключительных слов из того, что я упустил отметить.

Во-первых, о *фабзавучах*. Мне кажется, что, действительно, вы должны проявить максимум энергии и произвести кое-какие существенные изменения в постановке дела. Но я предложил бы, чтобы вы сделали это в бое вашем с Наркомпросом.

Затем я упустил из виду вопрос о *борьбе*, которая постоянно во всех стадиях развития вашей воспитательной работы будет вестись: о борьбе за учебные заведения, за школу. Этот элемент борьбы приходится признать одним из очень важных составных частей коммунистического воспитания. Поскольку мы находимся в процессе революции, ваш союз, как организация, направляющая борьбу, мне кажется, недооценен.

Затем я сосредоточивал все свое внимание, главным образом, на положении дел *внутри союза*, но, конечно, само собою разумеется, что этим не исключаются задачи работы *вне* союза, которые имеют огромное воспитательное значение. Я не хочу, чтобы у вас осталось ложное понятие, что я не занимаюсь вовсе такими важными вопросами, как работа *союза вовне*, вербовка новых членов, усиление пролетарского состава, работа в деревне и т. д. Возьмем хотя бы вербовку новых членов. Мы здесь гораздо больше кричим о пролетариате, чем имеем этот самый пролетариат в своих

---

[1] См. приложение, стр. 338.

рядах. На эту сторону дела необходимо обратить внимание. Это—одна из колоссальнейших задач. Само собой разумеется, что эта задача в то же время и воспитательная.

Затем—относительно вашей комсомольской прессы. Вам нужно обратить самое сугубое внимание на ваше издательство, и не только просто на литературу, книжки, брошюры и проч., о чем уже говорилось. С'езд должен соответствующим образом наметить все задачи, которые вырисовываются перед вашей печатью. Это я только мимоходом затрагиваю этот вопрос, чрезвычайно, конечно, сложный, который будет у вас на с'езде особо обсуждаться в секции.

В заключение должен сказать: что здесь многие товарищи говорили, что 20 раз слышали, что вопрос о союзе—вопрос жизни революции, вопрос о „наследном принце“ и т. д. Но тем не менее все это не перестает быть истиной. Самым целесообразным, что мог бы сделать этот с'езд, это не только наметить общую линию и более или менее ее детализировать, но действительно поставить вопрос относительно воспитания коммунистов так, чтобы с этого с'езда мы все вышли с максимальной уверенностью, что это будет не только проговорено, но будет сделано.

Я поэтому предлагаю всем вам, товарищи, во всех резолюциях от начала до конца, начиная с этой резолюции и кончая всеми остальными, прокричать самым громким голосом, чтобы та заброшенность, которая была на этом фронте, была сломлена дружными усилиями союза и партии.

* * *

ИДУЩИМ К КНИГЕ

Товарищи, позвольте мне прежде всего горячо приветствовать вас от имени Центрального Комитета нашей партии, под руководством которой находится ваш союз и под руководством которой, мы надеемся, вы не только разгрызете тот самый твердый „гранит науки“, о котором мы так много говорим, но совершите целый ряд других, вероятно, очень хороших дел в своей жизни, которая должна быть очень долгой и очень плодотворной.

Сегодня мы вас провожаем на фронт учебы. Но теперешний момент, в котором находится наша страна, рабочий класс наших советских республик, крестьянство наше, да и все так называемые честные, а равно и бесчестные граждане этих советских республик—таков, что наши страны, быть может (от этого нас история отнюдь не застраховала), подвергнутся нападениям со стороны тех групп держав, которые больше всего на свете заинтересованы в том, чтобы раздавить, разгромить и утопить в крови поднимающееся движение великого германского рабочего класса.

Вот почему с двойственным чувством смотришь на вас, когда провожаешь вас на фронт учебы. Ибо, быть может, не сегодня—завтра, как только вы приступите к учебе, вам придется вместе со всеми нами переменить фронт учебы на другой фронт, о котором здесь говорил товарищ из военно-учебных заведений. События, в особенности те грандиозные события мировой истории, которые сейчас стучатся в дверь и которые вот-вот станут во весь рост на историческом пороге, эти события зависят очень часто, к сожалению, отнюдь не от воли ЦК РКП, от имени которого я сейчас перед вами выступаю.

Не только от нас и не только от одного рабочего класса, и не только от советских стран, и не только от рабочего класса всего мира зависит ход международных событий: он зависит точно так же и от наших партнеров в великой исторической

борьбе, он зависит в значительной степени от могущественных еще государственных организаций буржуазного мира. И вот теперь у нас нет гарантии, что эти буржуазные государства, которые чуют стоящую перед ними опасность, вызываемую ростом грандиозного движения в Центральной Европе, не порешат задеть своей смертельной косой наши советские республики.

Основная задача ваша—быть коммунистическими революционерами на всех фронтах, будет ли то фронт боевой, или фронт науки, или фронт мирного строительства вообще.

Особенность наша, как коммунистов, как строителей социалистического хозяйства, заключается в том, что мы должны иметь не просто определенную совокупность каких бы то ни было знаний, не только иметь практическую сметку, не только обучаться своим специальностям, но нужно подготовлять себя так, чтобы из этого вышел какой бы то ни было жизненный толк, чтобы эти наши знания, практическая сметка, практический тренаж, привычка работать соединились бы с широким пониманием тех основных общественных задач, без решения коих можно быть хорошим агрономом, но нельзя быть хорошим коммунистическим агрономом, хорошим строителем действительного нового уклада жизни. Вот двойственная директива: будь специалистом, в то же самое время будь коммунистическим общественником. Вот основная директива, которую коммунистическая партия дает своим сторонникам, идущим на фронт учебы.

Теперь позвольте сказать еще несколько слов насчет обыденной техники жизни наших студентов, насчет культурной жизни в стенах высших учебных заведений.

У нас осталась и среди комсомольцев привычка добровольного нигилистического озорства. Я уже на одном из комсомольских с'ездов [1] говорил, что в свое время это добровольное нигилистическое озорство имело подобие революционности и было отчасти революционно. Я сам вспоминаю свое гимназическое время, когда у нас всякое „оппозиционное выступление" против начальства заключалось в том, что мы или курили в классе, или носили брюки не того цвета, какой полагался, или стригли волосы не так, как надо было, или пакостили в коридорах. Все это было хорошо для тогдашнего времени по очень простой причине: перед нами была большая школьная, государственная, общеполитическая, культурная, бытовая система нашего классового противника. Тот из мальчуганов, который ощущал, что всю эту огромную махину нужно ударить, хорошенько ударить, выражал

---

[1] На V с'езде РКСМ. Ред.

это в доступной ему форме: волосы отпустить до плеч; начальство велит носить серые брюки—носить черные. Эти мелочи имели смысл, потому что это было средством выразить свое несогласие, вызвать известную тень в этом школьном, педагогическом, культурно-бытовом, политическом, государственном механизме.

Но когда у нас государственная власть, когда мы являемся общественной силой, тогда это уже является озорством, когда мы пачкаем в коридорах университета, курим или сидим в шапках. Тогда это имело смысл; но тот, кто сейчас это повторяет, уподобляется малому, который привык плясать на свадьбе, попал на похороны и стал тоже плясать. Это нужно понять.

Мы должны на 180° повернуть руль своего поведения. Если вы входите в высшее учебное заведение, то вы должны стараться, чтобы наша внешняя обстановка была немножко лучше, чем при буржуазии; а пока что она у нас в тысячу раз хуже. У нас высшее учебное заведение по внешнему виду—непереносимая вещь. Первый государственный университет, в котором я в прошлом году читал лекции, по внешности—вы меня извините—сплошной ватер-клозет.

Ваши товарищи не борются с этим, а находят особое удовольствие в том, чтобы писать на окнах. Я должен сказать, что за это лето я пытался бросить курить и скоро начну свирепую пропаганду, чтобы наши молодые люди, в особенности наши девицы, перестали курить. Вовсе не было бы вредно воспитать такое общественное мнение среди нового подрастающего поколения, чтоб они смотрели на курильщиков так: „Посмотрите на этого идиота: он взял листок заведомо ядовитого растения, завернул его в известный продукт из другого растения, сжигает и вдыхает этот дым в свои легкия и притворяется, что это очень хорошо“.

В конце концов, вместо того, чтобы налегать на такие вещи, как физическая культура и прочее, надо бороться с нигилистическим озорством. Вот с этой точки зрения всем вам невредно подумать о том, чтобы ваш быт отмечался большей чистотой, большим порядком, физической и духовной дисциплиной. Нечего греха таить: здесь вам нужно сугубо подтянуться!

Речь на проводах комсомольцев на учебу (1923 г.)

* * *

ЗНАМЯ СМЕНЕ

Товарищи, мне очень трудно произносить приветствия, и я думаю, что люди будущих поколений будут с удивлением читать или узнавать каким-нибудь другим путем, что когда произносилось приветствие Комсомолу от имени ЦК партии, то соответствующего оратора сперва ослепляли, а затем оглушали [1].

Товарищи, ЦК нашей партии приветствует вас в день вашего пятилетия. За эти пять лет Коммунистический Союз Молодежи успел очень много и, несмотря на свой юный возраст, он уже пережил много славных побед и вписал их уже в так называемую „великую книгу истории"; он может с полным правом быть гордым своей работой, своей борьбой!

Перед нашей партией, которая является правящей партией российского пролетариата, основным хребтом международного коммунистического движения, перед нашей классовой пролетарской партией всегда стояла задача не только обеспечить полное единство партийных рабочих с беспартийными, заставить их под руководством партии пойти на возможно более тесный союз с нашим многомиллионным крестьянством; перед нашей партией во время нашей революции выдвигалась, а теперь будет выдвигаться с еще большей интенсивностью другая задача—держать смычку и с другими поколениями, с рабочей молодежью.

Как для буржуазных политиков, точно так же для рабочего класса и для кадрового состава нашей партийной организации проблема „отцов и детей" была не случайной проблемой. Эта проблема втягивания, обработки поколений, которые идут нам на смену, является одной из центральнейших задач, которые стоят сейчас перед нашей партией. И точно так же, как дело нашей революции неизбежно

---

[1] Товарища Бухарина собрание встретило шумной овацией, а киносъемщики направляли на него лучи ламп. Ред.

потерпит крах, если наша победоносная партия рабочего класса не сумеет обеспечить себе смычки с беспартийными и крестьянством, точно так же она потерпит крах, если она не сумеет обеспечить себе возможно более тесную смычку с другими идущими нам на смену поколениями, в первую очередь, с рабочей молодежью.

До сих пор, несмотря на тяжелейшие об'ективные условия, эту задачу наша партия в общем и целом, точно так же, как и целый ряд других задач, решала победоносно. Свидетельством этого является ваш союз, который твердо стоит на ногах, который с каждым годом идет все дальше и дальше и который выработал в себе достаточное количество навыков и опыта для того, чтобы подвигаться вперед на самых разнообразных фронтах: на фронте учебы, на фронте культурных работ, на фронте хозяйственного строительства, на фронте нашей общей политической борьбы, на фронте международной революции, на фронте нашего военного дела, в первую очередь, на нашем морском фронте (как всем известно, шефом флота является ваша организация). Вот эта задача нашей партии—быть все время в возможно более тесном единении с вашим союзом—точно так же, как и ваша задача держать все время смычку с беспартийной рабочей и крестьянской молодежью, это—основные звенья, которые должны быть сделаны из стали, которые решительно ничто не сможет разрубить, которые устоят перед какой угодно силой.

Теперь, когда быть может нашей стране, нашему флоту, нашей армии, нашей руководящей партии придется перестраивать свои ряды, теперь, когда мы вступаем в полосу новых трудностей и, мы надеемся, новых грандиозных побед, я здесь от имени ЦК нашей славной партии, в присутствии представителей международного пролетариата: т. Коларова, представителя пролетариата Болгарии, где нашим противникам удалось временно задушить, но не додушить рабоче-крестьянскую революцию; в присутствии нашего старого ветерана, испытанного борца, тов. Клары Цеткин; в присутствии представителей от наших армейских товарищей; в присутствии председателя Коминтерна тов. Зиновьева; в присутствии представителя нашей Красной армии тов. Буденного; при звуке шагов тов. Троцкого, который несомненно спешит на это собрание, преподношу вам это знамя.

Обыкновенно в таких случаях говорят, что мы будем бороться под этим знаменем и что мы под этим знаменем, если будет нужно, умрем. Но я не хочу, чтобы мы умирали под этим знаменем. Нет, под этим знаменем мы будем жить!

Речь на празднике пятилетия
РКСМ 29 октября 1923 г.

* * *

VI С'ЕЗД РЛКСМ

1. ПРИВЕТ VI С'ЕЗДУ

Товарищи, позвольте мне поздравить ваш VI с'езд Ленинского Комсомола от имени ЦК Российской Коммунистической партии.

За последний год ваш союз обнаружил в полной мере свое могущество в общественной жизни нашей страны. За это время ваш союз быстро рос вширь, и ваша организация охватывает огромнейшее количество рабочей и крестьянской молодежи. В этом отношении еще не все сделано, но и сделанное безусловно указывает нам на то, что ваш союз стоит на крепких ногах, что он идет по правильному пути и что нет никакой силы, которая могла бы этот союз с этого правильного пути сдвинуть. Мы знаем отлично, что уже более 700.000 молодых пролетариев и пролетарок, молодых крестьян и крестьянок об'единены под славным стягом вашего союза.

Теперь, когда мы освятили комсомольское знамя именем тов. Ленина, пожалуй, больше, чем когда бы то ни было, будет уместно вспомнить о том, чему учил нас Владимир Ильич. Он по отношению к нашей партии совершенно точно сформулировал главную опасность, которая ей может грозить. В одном месте тов. Ленин пишет, что главной опасностью для нашей партии было бы, если бы она, наша партия, очутилась на положении зазнавшейся партии. После многочисленных побед, громадных успехов, колоссального напряжения сил, преодоления гигантских препятствий у многих могла бы закружиться голова; могла бы закружиться голова у всей нашей партии. И тов. Ленин, который мудрыми глазами смотрел гораздо дальше, чем кто бы то ни был из нас, сигнализировал эту опасность в свое время: „не зазнавайтесь!“

Мне кажется, что эта заповедь нашего усопшего учителя и друга должна сейчас особенно четко быть запечатлена в наших мозгах. Тот огромный рост, который союз сейчас

переживает, которым он может до известной степени хвастаться, ни в коем случае не должен поставить вашу мощную молодую организацию в положение зазнавшейся организации. Самая громадная опасность, которая вам сейчас грозит, идет именно по этой линии: *не зазнавайтесь*, товарищи! Когда вы на своем с'езде будете подходить к целому ряду вопросов, помните об этой заповеди тов. Ленина. Помните прежде всего о том, что тот рост, который ваш союз испытал, в то же самое время сопровождается громаднейшей цифрой политической безграмотности среди членов вашего союза. Помните, что по вашим собственным анкетам около 70% членов вашего союза являются политически безграмотными. Поймите, какая опасность скрывается в этом для всех нас и для вашего союза в том числе.

Развитие общественной жизни у нас, развитие нашей партии и развитие вашего союза часто идет скачками и зигзагами. Нам почти никогда не удается правильно охватить все стороны тех задач, к которым вплотную подходит история. Мы выдвинули одно время лозунг учебы, и наша комсомольская молодежь бросилась осуществлять этот лозунг таким образом, что была почти позабыта вторая главная линия работы, которая обязательна для члена союза — активное участие в политической практике, активное участие в хозяйственном строительстве. После этого мы начали поворачивать в обратную сторону. Лозунг политической активизации комсомольских масс сделался главным лозунгом. На этой базе под этим лозунгом, под этим знаменем удалось провести громаднейшую вербовочную работу.

Мне кажется, что теперь уместно сказать, что нужно несколько выпрямить линию и что нужно во всю глубину поставить вопрос *об обработке уже имеющейся наличности* комсомольцев, не прекращая расширения союза. Нужно обратить самое серьезное внимание на качественное улучшение образовательного уровня ваших комсомольских масс. Это не шуточная проблема. Если мы этого не сделаем, то громадное расширение, которое мы получили, может обратиться против нас, потому что недостаточная продуманность всех вопросов, которые союз решает, которые он призван решить, может выразиться в целом ряде не маленьких, а очень крупных уклонов.

Тов. Ленин учил прежде всего смотреть ясно, твердо, мужественно правде в глаза. Эта заповедь должна быть соблюдена и здесь. Нам нечего приукрашивать положение. Нам недостаточно того, что союз уже проделал. Нам этого недостаточно, потому что мы должны видеть все пороки нашей организации, чтобы удвоить, утроить, удесятерить нашу энергию и чтобы парализовать и уничтожить те огромные прорехи, которые лежат в жизни вашей организации.

Было еще одно свойство у Владимира Ильича, которое делало его незаменимым. Товарищ Ленин стремился всегда точно, ясно, определенно анализировать то, что имеется в партии, в стране, в соотношении классов. А когда он этот анализ давал, он отметал совершенно все и всякие личные симпатии, привязанности, склонности. Только при этом строгом об'ективном учете можно было намечать правильный путь, только выделив об'ективное, можно было вести правильную политику. Все подчинялось одной основной цели: революционной целесообразности, во главе которой стоит наша борьба за коммунизм.

Ваш союз стоит до известной степени на переломе. В среде союза неоднократно уже поднимался целый ряд споров. Союз за истекший год пережил очень солидную дискуссионную горячку. И на этом с'езде, когда вы подняли знамя Ленина, вы должны провести свои работы таким образом, чтобы все личное, все второстепенное было на этом с'езде отметено, чтобы все вопросы, которые вы будете дебатировать, по которым вы будете работать, разрешались исключительно под углом зрения деловой работы.

Нужно, чтобы всей массе членов вашего союза, вплоть до последнего молодого рабочего и крестьянина, который вошел к вам под знаком ленинского призыва, вы могли сказать: „проделана огромная работа, и как хорошо, что не было сказано ни одного лишнего слова, не было произнесено ни одного лишнего и ненужного выпада, что все было соподчинено действительно настоящей революционной цели, которой все мы служим". Помня об огромных задачах, которые стоят перед вашей организацией, вы и это запомните, и тогда ваш союз выйдет с этого с'езда еще более сплоченным, дружным, мощным и работоспособным, чем он был раньше.

Перед партией, перед советской властью, перед всей страной стоят задачи не из легких. Мы за последнее время прыгнули далеко, в области хозяйственной мы пошли вперед, явно поднимаясь со ступеньки на ступеньку. Наше капиталистическое окружение уже не решается итти в ближайшее время против нас с оружием в руках. Какие бы шахер-махеры ни производили капиталистические страны, у них, по крайней мере, в ближайшее время будут коротки руки, чтобы итти против нас с пулеметами и орудиями.

Но мы не должны попасть в положение зазнавшихся. Мы отлично знаем, что у нас около 1.300.000 безработных, мы отлично знаем, что мы еще не справились с нашими хозяйственными трудностями, мы отличио знаем, что на нас этой осенью надвигается, не могу сказать—бедствие, но все-таки крупное несчастье: урожай будет не из блестящих в этом году. Это даст совершенно определенный толчок в обратную

сторону всей нашей хозяйственной жизни; поэтому здесь могут быть всяческие перебои. Но именно потому, что мы— ленинская партия, именно потому, что вы—Ленинский Комсомол, мы этого скрывать не будем. Мы об этом будем говорить. Мы с утроенной и с удесятеренной энергией будем принимать меры, чтобы это колебание нашей хозяйственной жизни не сопровождалось ни малейшим колебанием нашей основы—пролетарской диктатуры. Для этого нам нужна абсолютная сплоченность вашей юношеской организации, которая непосредственно примыкает к нашей партии.

Сегодня вы поднимаете ленинское знамя. Вы правильно говорите в своем воззвании[1], что вы не хотите нести это знамя, как икону. Вот почему, поднимая здесь это знамя в присутствии старых боевых товарищей Ленина, в присутствии нашей милой и дорогой Надежды Константиновны, мы вместе с вами, как один человек, скажем: „Мы видим все наши прорехи, мы видим все наши опасности, но мы твердо уверены, что благодаря нашей энергии, благодаря тому, что мы будем выполнять заветы нашего „старика", благодаря тому, что мы видим опасности, мужественно смотрим им в глаза,—мы победим и преодолеем всяческие трудности, которые будут стоять на нашем пути". Да здравствует Ленинский Комсомол! Да здравствует, товарищи, наша общая работа! Да здравствует дружный шаг партии вместе со всем рабочим классом—стариками, комсомольцами, пионерами— к той цели, за которую мы будем сражаться, пока в наших жилах останется хоть одна маленькая капля горячей крови! Да здравствует наше общее великое дело!

2. ПОЛИТВОСПИТАНИЕ И ЛЕНИНИЗМ

Я должен сделать предварительно небольшую оговорку. Мне дали тему „Политвоспитание молодежи и ленинизм", но на эту тему было уже столько говорено, столько написано, столько застенографировано, что мне очень не хотелось бы повторять вещи, которые все вы читали, хотя сами по себе они имеют крупное значение. Я думаю, что здесь я не могу точно так же раскрывать во всей полноте сущность ленинского учения. Это мне приходилось делать неоднократно в других местах, в том числе и в вашем теоретическом органе „Молодая Гвардия", где был напечатан мой соответствующий доклад.

Я хотел бы сегодня остановиться на некоторых пунктах, которые сравнительно мало были освещены в вашей лите-

---

[1] Речь идет об „Обращении VI с'езда РЛКСМ ко всей рабочей и крестьянской молодежи". Ред.

ратуре и на специальных комсомольских собраниях, а с другой стороны, выдвинуть такие пункты, которые сами по себе, быть может, не настолько важны, как другие, но зато мало разработаны и, следовательно, мало известны.

Товарищи! Все мы отлично знаем, что одна из главных особенностей ленинизма в том, что здесь больше, чем в каком бы то ни было учении, ясна связь теории с практикой. Это соединение теории с практикой также постоянно ставится в вашей работе в качестве необходимой, очень важной и сложной проблемы. Равновесие между теорией и практикой в вашей организации постоянно колеблется то в сторону учебы, в сторону „культурничества“, то, наоборот, в сторону активной политической жизни без надлежащей культурной тренировки и без надлежащей учебы. Найти здесь правильную линию чрезвычайно трудно, и для этого нужен опыт. Мне хотелось бы рассказать, каким образом ставил и решал для самого себя этот вопрос тов. Ленин.

Неоднократно приходилось указывать, что тов. Ленина очень часто недооценивают, как теоретика, в особенности на Западе и среди тех слоев нашего коммунистического движения, которые не пережили вместе со старшим поколением русских большевиков ряд этапов борьбы против народничества, против либерализма, не пережили первоначальных ступеней развития большевизма, когда большевизму приходилось формулировать впервые совокупность своих теоретических взглядов.

Всем известно общее теоретическое положение марксизма, что любая теория, любая концепция обыкновенно вызывается практической потребностью; но здесь в вашей среде с особым ударением нужно подчеркнуть, что раз такая потребность в теоретическом обобщении возникла, ее нужно удовлетворять сполна. Другими словами, если потребность в определенной теории возникает, то необходимо заняться вопросом в чисто теоретической плоскости, настолько глубоко, настолько серьезно, чтобы действительно получить теорию, которая бы соответствовала действительности и могла удовлетворить практические потребности.

Я приведу несколько примеров из истории развития нашего русского марксизма, который наиболее полно был представлен большевистским движением, потому что теперь даже наиболее ярые наши противники, как Струве в русской эмиграции или известный буржуазный профессор Вернер Зомбарт в Германии, признают, что единственно последовательными ортодоксальными марксистами являются действительно большевики.

Остановимся на некоторых пунктах большевистской мысли и посмотрим, каким образом возникла отточенная и отчеканенная большевистская теория.

Наиболее общим вопросом для русских марксистов, для будущих большевиков, был в области практики вопрос о борьбе с народничеством. Эта борьба с народничеством поставила перед русскими марксистами и будущими русскими большевиками главный теоретический вопрос: как будет развиваться капитализм в нашей стране. Если бы решать вопрос по-народнически, что капитализм вообще не будет развиваться в нашей стране, то, само собой разумеется, из этого пришлось бы делать и соответствующие практические выводы. Нельзя было бы ставить ставку на рабочий класс, потому что — какой же рабочий класс может быть без капитализма? Нельзя было бы тогда развиваться марксистской идее, потому что—какой же это марксизм, который не опирается на рабочий класс? Нельзя было бы развивать теории о роли рабочего класса в революции и о путях к социализму.

Вопрос о том, на какой класс должна опираться революция, был чисто практическим вопросом, и тем не менее этот практический вопрос прошел через ряд промежуточных ступеней. Он нас привел к вопросу относительно судеб капитализма в России, он привел к необычайно подробному теоретическому анализу целого ряда существеннейших проблем теоретической политической экономии.

Сейчас у нас, при формулировании программы Коммунистического Интернационала, разгорелась борьба между сторонниками „теории накопления капитала“ Розы Люксембург и ее противниками, и должен сказать, что вопросы, с которыми эти товарищи выступают сейчас, в 1924 году, по сути дела были разрешены работой тов. Ленина по вопросу о значении рынка для реализации ценностей. На вопросы, каким образом капиталисты могут накоплять и увеличивать капитал, кто будет покупать товары, количество которых все увеличивается, и как они будут добываться на рынке, было уже отвечено в 90-х годах Владимиром Ильичем. Вы видите, как сильна должна была быть абстрактная обработка этого вопроса. Вот какая большая теоретическая машина была пущена в ход, а между тем практическая основа была та, чтобы зашибить народников, будущих эс-эров, чтобы решить вопрос о том, на какой класс нужно держать курс.

У нас стало до известной степени дешевой разменной монетой говорить, а иногда и просто болтать, ничего не делая, по поводу смычки рабочего класса с крестьянством. Если задаешь вопрос эс-эру: „что вы хотите делать?“, то и он вам ответит: „мы хотим делать смычку рабочего класса с крестьянством“.

Идея смычки с крестьянством проникла во все поры наших партийных, комсомольских и даже пионерских орга-

низаций. А между тем, если посмотрим, каким образом дошли до этой идеи, которая имеет и будет иметь еще ряд десятилетий колоссальнейшее практическое значение, то увидим, что она оказалась такой мощной потому, что была в значительной мере теоретически обработана и подготовлена. Почему? Была практическая потребность! Тот же вопрос относительно классов, относительно того, на какой класс нам нужно ориентироваться (а в особенности в России, где крестьянство составляло и составляет еще колоссальнейшее большинство населения), перед всяким революционером выдвигался на первый план.

Я хочу обратить ваше внимание на то, какой ценой мы достигли этих громадных результатов, с какой тщательностью этот аграрно-крестьянский вопрос, который (это ясно теперь и младенцу) определялся практикой революционной борьбы, обрабатывался первыми марксистами, в том числе и Владимиром Ильичем (должен заметить в скобках: мне кажется, что вообще во всем марксизме не было лучшего теоретика аграрного вопроса, чем тов. Ленин).

Я уверен (я извиняюсь за то, что это откровенно говорю), но я уверен, что, вероятно, только одна пятидесятая часть вашего с‘езда читала соответствующие работы тов. Ленина—не больше, а может быть—и меньше. Полезно было бы взять несколько работ тов. Ленина, например: „Развитие капитализма в России“. Посмотрите, какой колоссальный статистический материал там обработан. Посмотрите, как обработаны там данныя земской статистики. Ильич в продолжение целых месяцев копался в первоисточниках статистики с линейкой и карандашом в руках, подчас превращаясь в арифмометр, в своеобразную арифметическую машинку подсчета, для того, чтобы тщательным образом обработать данныя земской статистики, военной и конской переписи, обследования кустарной промышленности и т. д. Это—колоссальная работа.

Мне кажется, что теперь, после того как мы несколько лет стоим у власти, у нас в отношении изучения деревни сделан громадный шаг назад по сравнению с тем, что было тогда, потому что лучшие головы будущих партийных вождей работали тогда самым тщательным образом над теоретической разработкой наших аграрных отношений. И именно ценой этой громадной, сложной работы была куплена дальнейшая ясность и отчетливость в постановке аграрного вопроса.

Тов. Ленин для обоснования нашей аграрной программы, для того чтобы выработать лозунг, который превратился теперь в разменную монету нашей политики (от чего, конечно, эта монета не стала менее полноценной), для того чтобы анализировать русские отношения, изучал целый ряд

других стран. Вот, например, противники марксизма указывают, что есть счастливая крестьянская страна — Дания, где крестьяне не разлагаются, не превращаются в бедняков, не пролетаризируются, где развитие идет совершенно другим путем, чем тот, который указывал Маркс.

Владимир Ильич засел за датскую статистику. Я приведу здесь парочку примеров, чтобы показать, насколько была тонка эта работа и насколько тов. Ленин углубился в изучение этого вопроса. В его работе по датскому сельскому хозяйству он брал не просто количество скота, но самым тщательным образом анализировал, каков вес этого скота, чтобы вычислить для разных категорий хозяйства весовое соотношение, потому что оказывается, что если вы подойдете к решению вопроса без этого, то все развитие иногда как-будто противоречит марксистскому положению о преимуществах крупного хозяйства перед мелким. Скота как-будто больше у мелкого хозяина; но если мы примем во внимание величину этого скота, его вес, то окажется, что три коровы в более крупном хозяйстве весят больше, чем пять голов в более мелком. Тов. Ленин занимался специальным обследованием, насколько больше навоза получается, благодаря крупности скота в больших хозяйствах. Как-будто смешно на комсомольском с'езде говорить о количестве навоза, о весе крупного или мелкого скота, но я привожу это в качестве примера того, до какой точности доходили русские марксисты, будущие большевики, во главе со своим лучшим теоретиком, тов. Лениным.

Ленин хорошо знал о своеобразном развитии сельского хозяйства в Америке. Для этого он изучал специальные отчеты и американскую статистику, точно так же тщательно высчитывая с линейкой и карандашом, и в результате написал превосходное исследование о сельско-хозяйственных отношениях в Америке.

Раз возникла потребность изучить аграрный вопрос, то всю свою энергию, весь свой темперамент, все свои знания Ленин вкладывал сюда, чтобы не просто, бегая с портфельчиком под мышкой, болтать о союзе рабочего класса с крестьянством и по сути дела ни хрена не понимать в этом вопросе, но изучить этот вопрос до самых корней. И только потому, что именно так серьезно ставился вопрос, можно дойти и до политического лозунга такого свойства, что этот политический лозунг определяет политическое развитие и политику Коминтерна на целый ряд десятилетий.

Вот третий пример. В 1905 г. мы были здорово разбиты. Наша социалистическая армия отступила. Началось страшное ренегатство, всеобщее, равное, прямое, тайное и явное хныканье. Масса людей стала бежать из революционных партий. Интеллигенция почти вся нас покинула. Большевистские ряды

насчитывали пару — другую интеллигентов, а из этой пары полтора человека стали заниматься всевозможными поисками высоких материй, богостроительством и богоискательством, которые отводили мысль рабочего класса в сторону от революционной марксистской идеологии под соусом всевозможных новых исканий в области философии.

Владимир Ильич терпел, терпел, потом увидел, насколько важна эта практическая потребность, какая надвигается политическая слабость, какая расслабляющая волна полупоповской психологии грозит захлестнуть все. Он уезжает в Лондон, несколько месяцев проводит в бешеной работе над философскими вопросами и выпускает зубодробительную книжку об этих вопросах, которая определяет философское развитие русского марксизма на целый ряд лет. Теперь эта книжка, которая была написана после поражения первой русской революции, кажется в 1908 г., впервые переводится на немецкий язык, и один из очень крупных знатоков марксизма, тов. Тальгеймер, говорит, что для теперешней Германии это блестящая работа, которая попадает в самую точку. Он удивляется, как можно было написать такую книжку, где бы абстрактно-философские вопросы были так подведены к практическим выводам, так что ясна связь между самыми высокими материями, с одной стороны, и практикой рабочего класса — с другой.

Есть очень любопытная характеристика одного нашего бывшего товарища по партии, который так определял теоретические писания Владимира Ильича: „У Владимира Ильича каждая статистическая цифра дышит ненавистью к господствующему классу". Когда вышла философская книжка Владимира Ильича, то, кажется, в „Русском Слове" или в „Русских Ведомостях" был отзыв о ней. В отзыве говорилось, что она написана совершенно простым и ясным языком, в отличие от туманной болтовни всяких „истов"; и дальше в той же рецензии: „... нам не приходилось никогда видеть соединения в одной работе абстрактно-философских понятий с политически-тактической руготней". Им страшно не нравилось, что Владимир Ильич стащил с неба абстрактную философию за волосы, заставил увидеть ее земное происхождение, и философскую борьбу поставил параллельно той тактической борьбе и тем тактически-политическим настроениям, которые ворочались в самых глубинах земли. Он показал совершенно ясно, как эти различные тактические настроения, тактически-политические связи, формулы, лозунги сопровождаются параллельно движениями философской мысли, показал наглядно реакционность всех тех высокопарных настроений, которые были характерны для того движения философской мысли. Теперь удивляются, какую колоссальную литературу Ильич тогда политически использовал.

Эта гигантская работа, которая была проделана Владимиром Ильичем, составляет для всех нас один из величайших примеров, как нужно воспитывать самих себя и других. Нужно соединять теорию с практикой, сюда нужно смотреть и здесь искать себе образцы.

Молодежи всегда свойственно до известной степени кокетничать своим радикализмом (радикализм есть одно из непременных свойств молодежи). Но нужно вспомнить при этом об одном из очень хороших изречений Маркса: „Быть радикальным—это значит схватывать вопрос за самый его корень". К сожалению, и в нашей партии, и в еще большей степени среди молодежи существует радикализм чисто внешний, когда есть радикальная фраза, а нет радикального содержания. Очень часто наши молодые товарищи схватывают вопрос не за корень, а за верхушку, да и то за пустоцвет.

Если мы желаем следовать марксистской и ленинской традиции, необходимо протестовать самым энергичным образом против этого верхоглядства. Вот почему вопрос о нашем политическом просвещении есть отчасти вопрос об учебе, но не об изолированной учебе, которая не соединяется с жизнью, а, наоборот, о такой учебе, которая соединяется с практикой, практикой двигается, но которая в то же время не перестает быть глубоким усвоением действительных знаний. Надо избежать поверхностного верхоглядства, при котором это знание заменяется некоторым внешним, организационным тренажем, например, умением проводить собрания (что, конечно, также необходимо), умением носить портфель под мышкой, умением писать резолюции, тезисы и т. д., а вместе с тем и абсолютным легкомыслием к целому ряду существенных вопросов нашей политической жизни.

Я в связи с этим должен отметить еще одну вещь. Владимир Ильич чрезвычайно следил всегда за всем тем новым, что выдвигается жизнью, и формулировал все необходимые повороты, которые диктуются этим новым. Но Владимир Ильич в то же время был самым ярым противником внешней моды. Ленин был настроен со всей силой против моды, модных словечек, модных выражений, вообще всего модного, т. е. поверхностно заразительного, которое по существу дает очень мало. Нам нужно избежать в постановке нашей политпросветительной работы того, чтобы наши лозунги о ленинизме не превратились в простую моду. Я должен откровенно сказать, что из литературы, которая вышла в связи со смертью Владимира Ильича, очень часто книжки с громкими и очень претенциозными названиями никуда не годятся и лишь очень небольшое количество работ действительно оправдывает свое назначение—увековечить память Владимира Ильича и служить распространению его учения.

Изучение нередко заменяется хлесткой фразой. Здесь в особенности нужно отметить одну опасность, против которой должно с самого начала бороться.

Что такое ленинизм? Ленинизм есть марксизм эпохи непосредственных сражений пролетариата с буржуазией, эпохи борьбы против империализма, эпохи начала пролетарской диктатуры. В этом мы все с вами согласны. Также ясно всем, что Владимир Ильич внес в общую сокровищницу марксизма колоссальное количество действительно нового и не только практически нового. Владимир Ильич подробно разработал вопрос об империализме, он, как никто, разработал аграрный и крестьянский вопросы, создал и в значительной мере развил учение о блоке между рабочим классом и крестьянством. Он не только возвратил марксистскую мысль к свежим истокам настоящего революционного марксизма в области учения о диктатуре рабочего класса, но он углубил это учение учением о советской власти и о советской форме диктатуры рабочего класса в противоположность мелко-буржуазной и крупно-буржуазной демократии. Но это—вопросы, на которых останавливался почти каждый, кто говорил о Ленине и ленинизме, и поэтому я не буду освещать их во всех подробностях. Эти вопросы громадной важности, громадной сложности составили теперь наш теоретический железный инвентарь на целый ряд десятилетий нашего развития не только в СССР, но всюду и везде, где есть коммунистические партии.

Почему было возможно это огромное приращение нового? Почему тов. Ленин смог это новое дать? Потому что, с одной стороны, он был величайшим знатоком старого, т. е. того, что дали нам Маркс и Энгельс, а с другой стороны, он на основе этого старого детально изучал новые факты.

Теперь очень крайний черносотенец, когда-то бывший наполовину наш соратник Петр Струве, теперешний экс-министр барона Врангеля и одна из самых злобствующих фигур в стане наших противников, в 90-х гг., во время борьбы марксистов с народниками, определил тов. Ленина как замечательнейшего своим ортодоксальным отношением к Марксу и самого выдающегося его знатока. Эта характеристика, которая была дана тогда Ленину со стороны Петра „фон“-Струве, являлась и является по сие время совершенно правильной. Тов. Ленин был замечательнейшим знатоком марксизма, он настолько хорошо изучил Маркса и Энгельса, настолько проникся марксизмом, что марксизм сделался у Владимира Ильича, как я говорил в одной из своих статей, своеобразным шестым чувством, вошел в его плоть и кровь. Именно поэтому мог тов. Ленин с такой верностью, с таким проникновением, с такой глубиной поставить дело изучения

явлений новой эпохи, отмечать все то, что складывается теперь, и соответствующим образом давать глубоко практические и глубоко жизненные лозунги.

В связи с этим позвольте мне сделать одно замечание, которое непосредственно касается нас всех, нашей партии, и в тоже время особенно, пожалуй, вас, т. е. нашей комсомольской организации. Нельзя представлять себе дело так, что можно читать Ленина, абсолютно не изучая Маркса. Между тем такая тенденция у нас имеется. Эта тенденция есть одна из самых вредных тенденций, против которой мы должны бороться. Если мы будем изучать дальнейшее приложение, т. е. развитие марксизма, не зная основ этого развития, то мы никогда не поймем ни ленинизма ни марксизма. Мы не сможем быть хорошими ленинцами, мы не сможем вести научной марксистской и ленинской политики, не сможем правильно строить нашу политику, если мы будем проходить мимо марксизма в иллюзорном заблуждении, что ленинизм может быть понят без марксизма.

Если Владимир Ильич был таким замечательным стратегом, то это в значительной мере об'яснялось тем, что он был и замечательным теоретиком пролетарского движения. Но, в свою очередь, он внес так много нового, оплодотворил марксистскую теорию, двинул ее дальше вперед только потому, что совершенно прочно опирался на те завоевания, которые были сделаны марксистской мыслью до него. Для нас это должно быть заповедью. *Мы должны быть хорошими марксистами, мы должны знать основы марксизма, быть прекрасными знатоками всего того, что оставил нам тов. Ленин.* Наконец мы должны на основе этого знания, на основе марксизма, на основе его завершенной формы—ленинизма—сами изучать новое при помощи тех методов, которые завещал нам наш великий учитель.

Здесь мы наталкиваемся сразу на один очень важный практический вопрос. Что значит *знать* все сочинения Маркса? Этого недостаточно. Нужно их *понимать*, потому что есть люди, которые знают сочинения Маркса так, что могут сказать, на какой странице какое слово написано, но абсолютно не понимают ни аза, что к чему. Следовательно, нам нужно так знать марксизм, чтобы была гарантия, что мы понимаем дух этого учения.

Но как и все на свете, и это понятие о знании марксизма относительно. Вы спросите: что же я предлагаю? Предлагаю ли я в своем докладе, чтобы все комсомольцы знали все три тома „Капитала“, теорию прибавочной ценности, переписку Маркса и Энгельса и т. п.? Конечно, такого требования нельзя поставить ни по отношению к партии, ни по отношению к Комсомолу, и не об этом идеальном знании

я хочу здесь говорить. Вовсе не в том была бы беда, если бы половина и даже девять десятых из нашей организации не читали всех сочинений Маркса и Энгельса. Я вам поставлю вопрос: как здесь обстоит дело? Основной грех вашего союза заключается или в том, что вообще у вас большинство как следует не знает марксизма, или, если знает марксизм, то очень мало. И нужно сказать с полной откровенностью, что „дорогие вожди" нашего союза не читают вообще ничего точно так же, как и массы. Получается глубокая солидарность между верхами и низами...

Это глубоко печальное явление. Оно еще не приносит своих махровых результатов, но положение вещей таково, что нам нужно создавать особые кружки для того, чтобы изжить эти недостатки.

Нам сейчас не нужно делать крутых поворотов; Владимир Ильич поставил нас на определенные рельсы, и мы, запряженные, как лошадь, идем по этим рельсам и не сходим с них. Точно так же и ваш союз растет вширь благополучно потому, что идет по старому намеченному пути. Но если история поставит такой вопросец, который придется разрешать самим, — сможем ли мы его тогда разрешить? Наше положение будет не так определенно, не так прямолинейно, не так просто, и тогда нельзя будет обратиться к Владимиру Ильичу и спросить мудрого совета, а нужно будет самим кой над чем подумать, и вашему союзу, быть может, придется более солидно шевелить мозгами. Тогда может оказаться, что определенных рельс, по которым мы ходили, нет, и нам нужно самим проделать сложную махинацию, а мы не в состоянии будем ориентироваться.

Организационное знание и решимость у нас развиты в высшей мере. У нас даже маленький пионер обязательно начинает по всем правилам искусства говорить речь с того, что его уже эксплоатировали капиталисты. Конечно, он не сам придумал это, ему сказал его вожатый, член Комсомола, которому сказали старшие, что так полагается говорить при удобном и неудобном случае. Тут еще шаблон не опасен. Но когда дело так же пойдет дальше и когда нам надо будет говорить другие слова, а мы их не будем знать, то может получиться осечка, если только головная машинка не будет хорошо устроена, не будет обладать большими знаниями, необходимыми, чтобы ориентироваться в новом и неизбежном.

Мы должны понимать, что мы — единственная партия, единственная организация, которая ведет научную политику, потому что марксизм есть единственно правильная научная политика. Никто из наших противников не в состоянии так учитывать шансы на победу, как мы, потому что у нас есть в руках марксизм. Но для того чтобы этим инструментом

пользоваться, для того чтобы поворачивать его с такой же блестящей ловкостью, как проделывал это тов. Ленин, нужно все это знать, и не заучивать, не вызубривать, знать не верхушку, а действительно знать, добросовестно работать над этим и работать над самим собою, как работал тов. Ленин.

Комсомольскому активу, который, к сожалению, сам мало читает, приходится обучать других. А ведь всякий пропагандист должен прежде всего сам отлично знать то, чему он учит других. Если же он сам не знает вопроса, то и не может его популярно об'яснить другим. Забавно смотреть, как он придумывает об'яснения, как его мысль начинает прыгать и описывать круги. Если кто видит, что он сам многого не знает, я рекомендовал бы ему говорить „я не знаю", а то он и себя и людей путает. Мне приходилось читать книжки, брошюры и статьи, в которых наворочено чрезвычайно много ученого и скопировано со взрослых все от начала до конца, но из них видно только одно, что авторы сами ни чорта не понимают.

Не надейтесь на взрослых при проведении вашей политпросветительной работы. У партии слишком много своей работы. Ей самой нужно обработать новый ленинский призыв. Если мы даже принимаем резолюцию о работе среди молодежи, то мы больших сил и средств не можем дать. Поэтому я вам повторяю: „На партию надейся, а сам не плошай". Это должно быть вашим лозунгом, и, мне кажется, никто лучше, чем Комсомол, не сможет, например, создать соответствующую литературу, потому что к вам нужен совершенно особый подход.

Если мы к вам приходим и вместе с вами определяем правильную линию вашей работы, то, с другой стороны, вы лучше нас знаете жизнь своих членов. Правда, у стариков больше опыта, гораздо больше понимания происходящего, чем у вас, потому что мы больше знакомы со всем, что происходит, но в общем и целом в делах Комсомола не мы ведем вас, а скорее вы ведете нас. Немножко чудно, правда, получается, когда товарищи из Комсомола говорят: „Мы целиком одобряем решения ЦК или партийного с'езда по такому-то комсомольскому вопросу". Очень хорошо, что вы одобряете, но должен вам сказать, что вы, с другой стороны, имеете гораздо более конкретного понимания того, что у вас происходит. Отсюда вытекает то, что вам нужно политпросветительную работу в значительной степени производить самим, в том числе выпускать соответствующую литературу.

Но если вы будете плохо знать Маркса и Ленина, то вы этих вещей не сумеете сделать. Поэтому становится опасным такое положение вещей, когда ваш актив, руководители вашей организации не разбираются в вопросах сами и когда

все развитие заменяется этим организационно-агитаторским тренажем, натасканностью, известной внешней рутиной. Против этого положения нужно вести борьбу.

В этом вся мудрость соединения теории с практикой. Для чего нам нужна теория? Теория нужна для того, чтобы изучить нам цели, пути, средства. Когда теория становится силой? У Маркса есть известное положение, что „теория становится силой, если она овладевает массами". И это безусловно правильно.

Каким образом мы, русские марксисты-большевики, дошли до лозунга союза между рабочим классом и крестьянством? Почему теперь эта идея, которая получила заряд от практики и потом была подработана очень хорошо теоретически,— почему сейчас она оказалась силой? Потому что она овладели массами, потому что наши рабочие, наша молодежь, наша пионеры едут в деревню со своим шефством и несут лозунг смычки рабочего класса и крестьянства. Эта идея перешла в кровь и плоть огромнейшего количества людей, она овладела массами и стала практической боевой силой, которая решает события, благодаря которой держится огромное государство.

Нужно призадуматься, каким образом делать всякое теоретическое положение силой. Нужно, чтобы массы усвоили,— а когда массы его усвоят? Владимир Ильич выдвигает такое положение, что массы прочно усваивают только то, что переживают на собственном опыте. Поэтому необходимо нашу пропаганду вести таким образом, чтобы получалась смычка между нашими теоретическими положениями, лозунгами и опытом самих масс. Владимир Ильич (и в этом одно из величий тактического гения Ильича) всегда придумывал такие лозунги, которые хватали массы за сердце. Эти лозунги были чрезвычайно простыми. Но эта простота—отнюдь не та простота, которая хуже воровства. У нас сейчас тоже есть много любителей выдумывать лозунги, которые забываются через два—три дня. И у вас в Комсомоле тоже, если кой-кто из старших скажет, что нужно, чтобы партия насчитывала миллион, а комсомольцы еще надбавят полмиллиона, потом дадут лозунги и еще надбавят, а смотришь, через 2—3 недели никто о лозунгах не помнит. Это шаблонное выставление лозунгов, а у Ленина были иные лозунги.

Чтобы показать, как серьезно работал над лозунгами Ленин, я приведу вам несколько примеров. Вот лозунг „Вся власть советам"—лозунг, который сейчас обходит все части земного шара, который для нас существует, как нечто непререкаемое, как любое физическое тело. Тем не менее, посмотрите, как большевики дошли до этого лозунга и как он подработан.

Если возьмете просто книжную литературу, то встретите специальную работу Ленина: „Государство и революция"—

обоснование этого лозунга. Если бы не было книжки „Государство и революция“, разве была бы у нас такая ясность в этом лозунге? Никогда! Понадобилось снова перепахать полностью Маркса, снова пройти по марксистской линии, изучить все, что было сказано у Маркса и Энгельса; затем учесть опыт революции 1905 и 1917 гг. Как он прорабатывался у Ленина? Ведь все наши экономические споры, склока с меньшевиками, споры с тов. Троцким, весь этот опыт революций 1905 и 1917 гг. и определил в значительной степени этот лозунг.

Ведь мы противопоставляем лозунг „Вся власть советам“ мелкой буржуазии и буржуазной демократии, а это связано, с одной стороны, с теорией государственной власти, а с другой стороны, с оценкой мелко-буржуазных партий. Посмотрите, какая громаднейшая литература есть у нас по этому вопросу, и не только старая литература, в виде блестящих исключительных работ о мелко-буржуазных партиях Маркса и Энгельса (я имею в виду их исторические работы), но какая огромная наша литература специально по полемике с меньшевиками! Эта литература собрала весь наш громаднейший опыт, чтобы правильно оценивать мелко-буржуазные партии.

Много лет тому назад в обывательских кругах считали, что эс-эры в тысячу раз революционнее большевиков, зарождавшихся тогда, революционнее всех социал-демократов, революционнее всех марксистов, потому что они швыряли бомбами, а мы говорили, что этого не нужно, и выдвигали вместо бомб вооруженное восстание. Тогда, много лет тому назад, на основании тщательнейшего изучения старого опыта в Европе, на основе изучения наших отношений, было сделано предсказание, чем кончат эс-эры, и Плеханов, тогда еще революционер, писал, что „социалистов-революционеров можно характеризовать так, что их социализм не революционен, а их революция не имеет ничего общего с социализмом“. И это оправдалось целиком. Мы тогда говорили, что эс-эры это либералы с бомбами, и как только удастся свалить царизм, тогда бомбы отпадут, а если не отпадут, то направятся против рабочего класса. Тогда нас считали сумасшедшими, ибо как же можно людей, которые на каторге сидят, которые борются с самодержавием, рискуют своей жизнью, так называть. А их так называли, и название это оправдалось на 100%. Вот этот опыт оценки мелко-буржуазных партий и вошел в основу лозунга „Вся власть советам“.

Я взял один лозунг, разобрал его происхождение и показал, какая громадная работа и над самими собой и над другими за этим скрывалась, какая громадная политико-просветительная работа потребовалась, чтобы сформулировать

правильно лозунг, который стал ходовым. Вот как вырабатывались эти лозунги.

Возьмем поворот к нэпу. Скажите пожалуйста, можно ли было бы произвести поворот к нэпу, если бы мы не имели представления об учении Маркса о мелком товаропроизводителе, о рынке и выделении буржуазии из такого простого товаропроизводителя? Нельзя!

Должен сказать, что и мне лично не совсем ясна была вся необходимость изучения старого для того, чтобы правильно ориентироваться в новом. Мы вели с тов. Лениным спор на VIII с'езде нашей партии по вопросу о формулировке нашей программы. Я говорил, что не нужно в нашей программе описывать простой капитализм, который был десятки лет тому назад, потому что мы шагнули вперед,—достаточно, мол, анализа одного империализма, анализа который есть у В. И. Ленина, а мимо остатков старого можно пройти. Ленин говорил: „Извините, так ставить вопрос нельзя, потому что у нас есть колоссальная база—мелкий производитель. Из него на основе товарной конкуренции (что находит себе об'яснение, с нашей точки зрения, в марксистском учении о простом товарном производстве) обязательно будет химически выделяться новый буржуазный слой. Это нужно вставить в программу. Нужно не ограничиваться только новым, но нужно подковать это новое старым“. Вот как Ленин ставил вопрос, и он был целиком прав. Мы теперь ясно видим, насколько далеко видел наш старик. Нами владел революционный энтузиазм и рисовал нам только одни солнечные перспективы. Ильич умел во-время взять нас за шиворот и подтянуть: „Смотрите, будет еще то-то и то-то, и будьте готовы. Не плюйте в старый колодезь, еще придется попить из него не один десяток раз“. Он так ставил вопрос и был целиком прав.

Лозунг перехода к нэпу был основан на учении Маркса о простом товарном производстве, о взгляде на крестьянство и т. д., но, кроме того, на основе изучения конкретной действительности, на основе умения нюхать, что нового происходит, на основе умения ориентироваться в области настроения классов, схватывать их изменяющееся соотношение.

Я возьму еще какой-нибудь лозунг, который смущает горячих и молодых революционеров, например, выставленное Владимиром Ильичем положение, что „коммунизм нельзя строить одними коммунистическими руками“. Это звучит на первый взгляд очень парадоксально. Если какому-нибудь горячему, вновь испеченному коммунисту где-нибудь в Австралии преподнести этот лозунг, он ощетинится изо всех сил и увидит в этом посягательство на его коммунистическую девственность. Но для того, чтобы до этого лозунга добраться, нужно иметь колоссальный опыт изучения не-

только старого, но и нового, нужно глубочайшее проникновение в то, что рабочий класс, став у власти, должен будет всякую веревочку использовать в хозяйстве, хотя бы она и топорщилась против диктатуры пролетариата.

Ильич просто подходил к вопросам и давал простые лозунги. Но многие не понимают, что эта простота потому и была простой, что опиралась на колоссальные знания и опыт. Это была простота такая, которая представляет собой продукт напряженнейшей работы над самим собой. Это нужно понять и этому нужно учиться в нашей политико-просветительной работе.

Владимир Ильич говорил, что теперь нужно бросать латынь: нельзя говорить „эксплоатировать эксплоататоров", а нужно говорить „грабь награбленное", „нужно бросить латынь и взяться за простой русский язык". Многие понимали это так, что, вообще говоря, так как много хороших книжек, и „Капитал" Маркса в том числе, написаны по способу латыни, читать их не нужно. Совсем не то! Для того, чтобы перевести что-нибудь с латыни, нужно знать латынь. Для того, чтобы воспользоваться марксистскими методами как следует нужно овладеть марксизмом. Владимир Ильич мог говорить самым простым русским языком потому, что хорошо знал эту латынь. Это нужно совершенно ясно понять и усвоить.

Мне хотелось бы подчеркнуть еще несколько моментов, которые являются не безынтересными в данной связи. Одна из величайших особенностей ленинизма заключается в том, что он имеет в виду величайшие революционные цели и обязанности, а в то же самое время видит все реальное, всю действительность, как она есть. В одном месте Владимир Ильич говорит, что величайшая опасность для всякого революционера заключается в том, что он иногда видит вот это большое, великое и не видит действительности, не может поэтому повернуть, когда нужно, и приспособиться к обстоятельствам. Ленинизм в этом отношении на целом ряде примеров показал необычайную трезвость и реализм на ряду с громаднейшим энтузиазмом. Этому, в первую очередь, нам нужно учиться.

Ленинизм—это срыв всякой словесной оболочки, фразы, всякого фетишизма, догматизма и заскорузлости и ясное представление реальности, которая налицо. Видеть реальность—это одна из особенностей, к которой нужно приучать решительно всех наших сторонников, и в первую очередь, нашу молодежь.

Позвольте привести несколько таких примеров для того, чтобы сделать мою мысль более ясной.

Вот, например, мы всегда заявляем: мы—пролетарская партия; мы бичуем, насколько хватает сил, все мелко-

буржуазное, все мещанское; мы гордимся тем, что мы пролетарская партия. А в то же самое время, мы были бы ни к чорту негодной пролетарской партией, если бы мы не могли вести за собой мелкую буржуазию, если бы мы не сумели вести за собой громаднейшее количество мелкого товаропроизводителя-крестьянина.

Тот, кто не видит этого полностью, для того есть красивая фраза: „мы—пролетарская партия! Кой чорт нам с мелкой буржуазией возиться". Если партия не видит полностью всего, она не годится для того, чтобы осуществить пролетарские цели. Пролетарская партия во что бы то ни стало должна иметь определенные отношения к мелкой буржуазии, к крестьянству и вести их за собой. Тот, кто топорщится против этого, тот, кто может только превозносить пролетарский энтузиазм, тот уподобляется эстету, которому нравится все прекрасное, но который ни к чорту не годится для революционной борьбы.

Мы всегда говорим: „Историческая миссия пролетариата заключается в том, чтобы осуществить социализм". Пролетариат — самый великолепный класс, который существует где-либо на земле. Все это верно, но мы должны видеть все, от мала до велика, что пролетариат, это не бог, не предмет поклонения, это не идол. Мы прекрасно знаем, что среди пролетариата есть более отсталая часть и более передовая, что в среде пролетариата есть и жулики, с которыми нужно бороться. Если какой-либо пролетарий—штрейкбрехер, если он служил в охранке, то мы его караем, хотя бы он нам показывал достаточное количество мозолей на своих руках. Пролетариат не фетиш, не предмет поклонения (как для многих грешных бар, которые раскаялись и теперь молятся на пролетариат, как на что-то божественное). Пролетариат—самый хороший класс, мы—партия пролетариата, мы идем с ним в ногу, но в то же время мы видим свои прорехи, видим разные прослойки в среде пролетариата, мы видим некоторые различия и в своей собственной семье. Паршивую овцу из стада вон! Вот как мы рассуждаем. Мы видим жизнь такой, какая она есть.

Мы очень часто говорим, что наша партия — это прекраснейшая, великая партия. Все это нужно говорить, мы этим сплачиваем себя, подхлестываем, создаем единство, создаем определенное настроение, увеличиваем тем самым свою совокупную энергию, свои совокупные силы. Но если бы мы только кричали и не вставляли иногда своих пальцев в собственные раны и не ковырялись бы там, то мы не были бы ленинцами. Уметь во-время крикнуть, что наша партия—великая партия, а затем во-время сказать, что тут вот она трещит по всем швам,—только таким путем можно быть хорошими ленинцами.

Это особенно важно для вашей организации. Вы кричите больше всех насчет „авангарда“, это—ваша застарелая болезнь. Но в то же время очень часто вы с недостаточной решимостью указываете на свои недостатки; а для того, чтобы быть хорошими ленинцами и вести политпросвещение внутри вашего союза, нужно уметь не только во-время крикнуть насчет „авангарда“, но и во-время ткнуть перстом в ужасные язвы, которые могут быть.

Я говорил и повторяю, что в вашем союзе 75% политически неграмотных. Это—огромнейшая язва в вашем организме, которую надо лечить во что бы то ни стало. И об этом говорить совсем не совестно. Если мы хотим быть ленинцами, мы должны об этом говорить и еще раз, и в третий, и в четвертый раз, пока не получим здесь совершенно определенного сдвига.

В этом-то и есть ленинизм, который видит и большие широты, и темные уголки, который умеет вызывать энтузиазм и вместе с тем с самым спокойным, трезвым, холодным видом указывать на все язвы, чтобы во-время их залечить и тем предотвратить болезнь, или во-время захватить ее, чтобы от этой болезни не умереть.

Мы все говорим, и Ленин неоднократно говорил, что Коммунистическая партия хороша, а потом вдруг выступил на с‘езде металлистов и сказал, что один спец лучше десяти коммунистов и что у нас самое большое зло—„комчванство“ и положение зазнавшейся партии. Тогда очень многие из нас лезли на дыбы и говорили, что для нас это, мол, обидно. Ни чорта не обидно, в этом состоит действительная революционность, которая имеет мужество смотреть на все просто. Это умение, разжигая громадные революционные страсти, с таким решительным видом указывать на свои собственные пороки и опасности, вот это есть отличительная черта ленинизма, которую всем нам нужно усвоить.

В особенности это необходимо вашей комсомольской организации. Молодежь вообще и по возрастному своему положению стоит на известной грани, и у нее одно может очень легко переходить в другое. Энтузиазм и экзальтированность, свойственные молодежи, могут легко перейти в болтовню. Давайте говорить по чести и откровенно: разве не бывает случаев, что в деревню приезжает совершенно молоденький комсомолец и подходит к бородатому мужику с таким видом, что он вот-вот возьмет его за бороду, что он, дескать, знает все, а мужик ничего не знает. Это есть неразумное, бестактное, комчванское отношение. Оно, может быть, имеет под собою хорошую почву: „мы, мол, все можем, наши ребята мир перевернут“, но нужно знать, когда надо посмеяться, когда поплакать, когда крикнуть и когда помолчать.

В высших учебных заведениях очень часто наши комсомольцы делают все: они назначают профессоров, они вычищают всех, а посмотришь на успешность—80% не успевающих. Ни чорта не знают, а вместе с тем определяют все науки. Самодеятельности много, а действительных знаний нет.

С этой чертой нам необходимо бороться из всех сил. Это есть одна из составных частей практического воспитания в духе ленинизма, потому что ленинизму ничего нет более органически противного, как все виды комчванства, в том числе и комсомольского.

Я хотел еще несколько слов сказать относительно своеобразного приложения ленинизма к политпросвещению. Вообще говоря, ленинизм не только теоретическое построение, но и тактика, а когда мы являемся господствующим классом, то у нас по сути дела все оказывается тактикой.

Например, вопросы семьи, быта—тактика это или не тактика? Конечно, до известной степени, тактика. Все человеческие отношения до известной степени „тактизируются". Какой вопрос ни тронь,—раз он имеет общественное значение, он приобретает характер политического вопроса. Например, открытие пивных,—как-будто дело личного потребления, а тем не менее по этому поводу проводится политическая кампания,—значит, это тоже политический вопрос. Вопросы быта, в том числе и комсомольского, в значительной степени вопросы очень интимные, тем не менее приобретают политический характер. Партия должна на быт реагировать. Быт определяет то одно, то другое настроение в нашей комсомольской организации, а это настроение определяет ее крепость.

Совершенно естественно, что целый ряд вопросов, над которыми мы раньше никогда не думали, или думали очень мало, которые выходят из общего политического аспекта, теперь вдруг становятся для нас актуальными, злободневными, так как мы ответственны за все, что происходит в нашей стране. Тут многому можно поучиться у Ленина. В его статьях и речах разработаны, хотя и не во всех деталях, вопросы методов работы и вопросы быта, культуры в широком смысле слова.

В области самоорганизации мы опять впадаем в страшные крайности: то никакой организации, все без плана, всякий действует, как ему угодно, то вдруг начинают накручивать такой НОТ, что все свободное время уходит на НОТ, который теряет полнейший смысл при этом. То мы живем в состоянии полной распыленности, то строим такую вавилонскую башню организации, что потеем от организационной работы, а вся организационная работа идет на холостом ходу. Нужно учиться у Ленина, как распределять

свое время, как нужно не болтать об организации, а делать ее, и как нужно делать организацию, не крутящуюся на холостом ходу. Это—одна из составных частей ленинизма.

Один иностранец изображает наше учреждение так: „Масса комнат, сидят ответственные работники с секретарями и секретаршами и друг с другом по телефону переговариваются". Это—карикатура, но доля правды тут есть.

Беда в том, что в значительной мере это начинает проникать и в Комсомол. Вообще не нужно слишком подражать во всем старшим. Я уже указывал случай с пионером, который говорил: „Мы эксплоатировались капитализмом, который не давал нам организовывать кружки", а самому десять или девять лет. Нельзя же предполагать, что он в двухлетнем возрасте имел страстное желание образовать кружок по изучению ленинизма.

В нашей общей работе иногда бывает слишком большое обезьяничанье. Все точь-в-точь, как должно быть у более взрослых. Если в партии была, скажем, XIII партийная конференция, осудившая мелко-буржуазный уклон, а XIII с'езд подтвердил резолюцию, то у молодежи были всякие письма на губернских с'ездах,—мол, давайте подтвердим резолюции. Точь-в-точь, как у взрослых. Это делает честь, как послушание старой гвардии, но не всегда это вытекает из самого дела.

Владимир Ильич вел беспощадную борьбу против всего лишнего, против всякой непростоты, против всякой фразистости, против всяких излишних реорганизаций и против бумажных реформ. Целый ряд замечаний рассыпан блестящими, сверкающими жемчужинами по всем его сочинениям, их нужно подобрать и поучиться как следует организовывать свою работу.

Нам нужно, чтобы вся наша организационная работа была продумана настолько, чтобы каждый винтик в общем колесе нашего громадного союза выполнял свою долю полезной работы, нам нужно беспощадно уничтожать все лишнее, что только тормозит работу, делает ее непродуктивной, нецелесообразной, ослабляя тем самым нашу организацию.

В ваш союз за последнее время влилось большое количество новых членов, которые не получили и той внешней организационной закалки, какую уже имеют старые члены союза. Это положение является определяющим для данного момента. Нужно обратить внимание на более углубленную работу, о которой я говорил в своем сегодняшнем докладе. Без этого мы не сделаемся настоящими ленинцами.

Основа нашей политпросветработы заключается в том, чтобы в разных прослойках нашего союза, разными путями, при помощи разных приемов повернуть руль в сторону более глубокой работы. Это не значит, что нужно сокращать рост нашего союза. Это не значит, что сейчас не нужно

расти еще вширь. Но нужно все время иметь в виду, что надо вести дело и вглубь. Неверно, что у актива нет времени, чтобы заниматься углубленной работой. Для этого нам нужно по-ленински распределять свое время, по-ленински работать, и если мы в этом смысле будем немного более ленинцами, чем были до сих пор, то у нас найдется время, чтобы повести работу вглубь, что совершенно необходимо при теперешнем положении вещей.

Вот те замечания, которые я хотел сделать[1].

Заканчивая свой доклад, я выражаю глубочайшую уверенность в том, что когда вы переименовали свой союз, вы взяли на себя очень большое, но в то же время очень благодарное обязательство. Это не должно быть простым словом, это не должно быть простой парадной формой, фразой. Вы обязаны теперь приняться за работу по изучению ленинизма. Наша партия, которая имела и будет иметь в вашем союзе одну из своих крепких и наиболее мощных опор, наша партия, которая сама пережила в истекшем году очень трудные моменты, надеется, что ваш союз пойдет за большинством нашей партии, которые воплощают все лучшие стороны ленинизма.

Я надеюсь, что вы направите всю энергию на то, чтобы оправдать свое новое наименование, чтобы работать вместе с нашей партией, под ее руководством, как молодые, испытанные, твердые, дружно работающие большевики. Да здравствует наш Комсомол, да здравствует его работа!

* * *

---

[1] Я абсолютно не исчерпал темы. Я поставил несколько, быть может, второстепенных вопросов (не всегда, положим, второстепенных), о которых сравнительно меньше говорилось и о которых сравнительно меньше писалось. Если вы хотели бы иметь полное представление обо всем этом, то я просил бы вас заняться соответствующими вещами, которые уже напечатаны и которые вы можете прочесть, тем более, что это соответствует основной линии моего сегодняшнего доклада, который взывает к вам, чтобы вы несколько больше читали.

КОМСОМОЛ И УЧИТЕЛЬСТВО

Товарищи, не ждите от меня ряда очень конкретных, циркулярно-разработанных положений: моя задача состоит не в этом. С этой кафедры, перед всесоюзным с‘ездом наших учителей, мне нужно доложить вам о тех основных взглядах нашей партии, которых она придерживается по одному из очень больных вопросов, касающихся непосредственно вашей работы: по вопросу о взаимоотношениях между учительством и нашей комсомольской организацией. По этому вопросу мне хотелось бы наметить только главную линию, которая должна потом претвориться в ряд детально выработанных положений, в конечном счете определяющих вашу повседневную работу.

Между учителем и политическим деятелем, в широком смысле этого слова, есть нечто, что их роднит по типу их работы. Все мы сейчас в газетах, в статьях, на конференциях, на с‘ездах говорим о строительстве социализма. Но строительство социализма состоит из двух частей: с одной стороны, это есть построение некоторых материальных, хозяйственных и всяких иных элементов по новому типу; с другой стороны, это переделка самих людей.

Если мы по-иному организуем промышленность, сельское хозяйство, сочетание между промышленностью и сельским хозяйством; если мы капиталистическое хозяйство переводим при помощи железной руки пролетарской диктатуры на рельсы хозяйства социалистического, то, с другой стороны, наша задача, которая неотделима от первой задачи и с ней органически срастается, есть задача переработки людей, задача переделки психологии масс. Об этом говорил основоположник научного коммунизма — Карл Маркс. Можно с известной точки зрения сказать, что исторический процесс представляет собой непрерывную, беспрестанную переделку человеческой природы, которая, конечно, не есть нечто неизменное.

Товарищи, которые выступали здесь до меня, много говорили относительно изменяющихся соотношений, о переломе, который уже наступил между прочим и в вашей среде, товарищи учителя. Но что это значит? Это значит, что ваша природа теперь несколько изменилась,—в этом и состоит перелом. И вот с этой точки зрения можно сказать, что рабочие, переделывая хозяйственный строй, в то же самое время переделывают и свою собственную природу, учась, обогащая свой опыт, становясь руководителем общественной жизни; с другой стороны, они переделывают и природу других классов, когда они привлекают крестьянство на свою сторону, когда они способствуют тому, чтобы крестьянство перешло на рельсы коммунистической политики, когда они свою политику ведут так, что громадная общественная прослойка, значение которой будет гигантским,—я говорю здесь об учительстве,—переделывает в основе свою природу.

С этой точки зрения можно сказать, что задача политического руководства есть в широком смысле слова задача с о ц и а л ь н о - п е д а г о г и ч е с к а я.

Можно сказать, что любой агитатор, пропагандист, партийный руководитель, государственный деятель в известном смысле слова выполняет социально-педагогическую и общественно-педагогическую функцию. Совершенно ведь не случайно, что мы в своей политической деятельности на каждом шагу говорим „воспитать массы", „просвещать массы", „массы должны учиться на опыте", все это—термины, взятые из области педагогики. Это вовсе не случайность, а есть выражение того факта, что исторический процесс, поскольку говорится о людях, состоит в переделке этих людей. Обычно, в любом общественном строе и в любом общественном порядке социальная педагогика в широком смысле слова, т. е. совокупность воздействия на различные общественные классы, группы и слои, и педагогика, в узком смысле слова, т. е переработка человеческой массы путем специальных аппаратов (высшей, низшей и средней школ и проч.),—эти две педагогики всегда увязаны, всегда идут по одной и той же линии, представляют собой части одного и того же целого: работы по переработке в совершенно определенном направлении человеческой массы.

Здесь, если не ошибаюсь, тов. Зиновьев приводил вам примеры школьного воздействия при царском самодержавии; вы без труда могли увидеть основные линии школьной работы, поскольку они зависели от общих методов воздействия на народ со стороны царского правительства. Одно увязывалось с другим.

Но могут быть случаи, когда происходит расхождение между общей политикой, между социальной педагогикой в широком смысле слова и между школьной политикой,

т. е. педагогикой в более узком смысле слова. Это может быть во время больших общественных сдвигов,—и это произошло у нас во время революции, когда новые классы смели старую государственную власть, но еще не втянули и не подчинили школы; получились известные „ножницы“ между общей социальной педагогикой, которая воплощалась в политике нашей партии, и находившейся еще на старых рельсах школьной педагогикой, в собственном смысле этого слова.

Это было время максимального расхождения между нами и вами. И тот процесс, который сейчас особенно интенсивно начался, с этой точки зрения можно определить, как приспособление педагогики (в собственном смысле слова) к уже установившемуся порядку вещей, а, следовательно, и к социальной педагогике в широком смысле слова, т. е. к той основной политической линии, которая диктуется нашей партией, которая проводится через госаппарат рабочей диктатуры.

Значение и глубокий смысл того перелома, который сейчас происходит или, вернее, уже произошел в вашей среде, и заключается в том, что педагогическая работа, в собственном смысле слова, сейчас входит в общую упряжку, и поэтому заряжается добавочным количеством сил и оплодотворяет общее дело. Властная рука рабочего класса переделывает человеческую природу и человеческие широкие массы и развивает их в ту сторону, которая диктуется интересами человеческой солидарности, человеческого братства и об‘единения всех трудящихся.

В каждой работе есть одна сторона, идущая стихийно, самотеком, и всегда есть в то же время руководящее, регулирующее начало. Так и здесь; если мы этот процесс переделки человеческой природы, переделки широких народных масс будем рассматривать с точки зрения рационального руководящего начала и спросим себя: „какие предпосылки необходимы для того, чтобы эти социально-педагогические задачи были действительно разрешены, чтобы переделка широких народных масс была произведена по линии развития их в сторону коммунистической общественности?“—если мы поставим перед собой этот вопрос, то на него мы должны дать такой ответ: „этот процесс будет итти тем скорее, чем прочнее и чем правильнее будет связь между различными пластами нашего общественного целого“.

Неоднократно на наших партийных собраниях эта тема уже развивалась, и здесь я только намечу основные вехи, по линии которых разрешается этот вопрос.

Мы придем к социализму, мы будем в состоянии перестроить массовую психологию так, как это требуется интересами коммунизма, только в том случае, если у нас будет обеспечено *правильное соотношение между* пар-

тией, как самым рациональным, самым разумным воплощением коммунистической энергии, между рабочим классом, который эта партия ведет за собой, и между крестьянством, которое рабочий класс ведет за собой.

Эта основная троица—партия рабочего класса, рабочий класс в целом и крестьянство, которое идет за рабочим классом,—это и есть предпосылка, необходимая для осуществления той цели, которую ставит социальная педагогика в самом широком смысле слова.

Есть другая проблема, которая пересекает эту триединую цепочку (партия, рабочий класс и крестьянство). Это вопрос о возрастных поколениях, который непосредственно упирается и в проблему педагогики в узком смысле слова, т. е. в проблему школы.

Мне приходилось на XIII партийном с'езде формулировать это положение со всей отчетливостью. Мы живем не только в пространстве, но и во времени. Мы имеем перед собой не только расположенные рядом друг с другом классы, но расположенные одну за другой различные возрастные группы. Для того, чтобы обеспечить правильную переделку человеческих масс, здесь точно так же должно быть совершенно определенное соотношение между формами нашей политики и ее методами по отношению к различным возрастным группам.

Мы должны в теперешнее время обеспечить руководство за рабочим классом во что бы то ни стало. Но поэтому мы в нашей партийной организации, в наиболее старшем возрасте должны обеспечивать наиболее чистый классовый состав.

За нами идет Комсомол—люди, которые уже пережили революцию непосредственно, которые при капитализме не жили, которые впитали уже очень многое от нового быта, которые легче переделываются и легче могут быть обработаны (в хорошем смысле этого слова) в коммунистическом духе. Поэтому в Комсомол мы можем раскрыть двери для иных группировок, кроме пролетариата, гораздо шире, чем мы это делаем для партии.

Но перед нами стоит задача переработки всей человеческой массы, и поэтому для детей мы можем раскрыть двери максимально широко. Мы в пионерские отряды должны и обязаны, поскольку только сил у нас хватает, принимать всех без различия детей.

Неверно, что мы навсегда хотим закрепить царство рабочего класса. Нашей задачей является временная диктатура пролетариата, которая только до тех пор существует, пока этот рабочий класс через посредство целого ряда рычажков (и в том числе вашими руками, товарищи) не переделает все классы по образу и подобию своему, и таким образом приведет дело к бесклассовому коммунистическому обществу.

Если мы с этой точки зрения взглянем на перспективу школы, т. е. известной части этого большого круга социальной педагогики, и спросим себя: „удержится ли в будущем то соотношение, которое есть между общественно-политической работой и специфически школьной?“—то мне кажется, ответ будет такой: неувязка должна будет сходить с течением времени на-нет.

При под‘еме материальных производительных сил нашей страны, при росте нашего хозяйственного бюджета, при возможности тратить на дело школьного образования столько, сколько нужно, чтобы более или менее удовлетворять эти потребности, само собой разумеется, у нас будут учиться все, кто по возрасту своему должен пройти через школу; у нас будет невиданный гигантский размах этой работы. И у нас будет к этому времени,—в этом заключается наша величайшая надежда и абсолютная уверенность,—у нас будет закончена достаточная переделка самого учительства, тех основных кадров, которые работают в этой специальной области человеческого труда. Произойдет переработка самого учительства в том духе, который необходим для того, чтобы оно, в свою очередь, усиленным темпом перерабатывало более широкие народные массы в коммунистическом духе.

Вот что является одной из крупнейших предпосылок для того, чтобы преодолеть ту ограниченность школы, которая наблюдается еще до сих пор.

Само собою разумеется, что в связи с этим необычайно вырастет и роль школы, как таковой. Сколько мы ни будем говорить о том, как громадна будет роль школы в будущем, все же, мне кажется, что мы сейчас не можем очертить контуры гигантского размаха школьной работы, которая перестанет иметь свой узко-школьный характер.

Когда будут соответствующие материальные предпосылки, когда мы будем иметь соответственно переработанные кадры учительского состава, когда мы тем самым сможем пропускать гигантское количество всего подрастающего поколения через школы, от чего мы далеки сейчас, страшно далеки,—тогда дело постановки школы будет непосредственно увязываться с общественной работой в самом широком смысле этого слова.

Тогда не будет стоять проблема, куда пускать комсомольца, куда его не пускать, куда пускать учителя, куда не пускать его. Тогда не будет никакой настороженности по отношению к еще не переделанным до конца слоям. Тогда школьная жизнь целиком, гораздо больше, гораздо теснее, гораздо интимнее будет притерта ко всем сторонам общественной жизни вообще.

Вот на эту перспективу мы должны ориентироваться. Но тут нужно добросовестно вникнуть в то, что это есть

только некоторая точка, к которой мы двигаемся, что сейчас дело обстоит не так, что было бы неправильным такую директиву преподносить в настоящее время, и этим ограничиться. У нас нет материальных условий, нет размаха работы, нет соответствующих кадров учительства. Если мы, партия и рабочий класс, признаем охотно свои недостатки, то мы должны видеть и совершенно трезво оценить и то положение, которое есть среди учительства. Ясно, что учительство к реализации этой постановки вопроса еще не готово, и отсюда вытекает (а это нужно с особой силой подчеркнуть) сама проблема строгого разделения труда, которая сейчас диктуется жизнью: разделение труда между учительством и комсомольской организацией, проблема, из-за которой получается целый ряд трений между учительством и Комсомолом.

Проблема, например, движения пионеров, с точки зрения переработки массовой психологии широких масс, есть одна из центральных проблем. А вокруг нее происходят столкновения между учительством и Комсомолом на почве вопроса о руководстве этой организацией.

Так вот представьте себе такое положение вещей и ответьте по чистой совести: если бы партия сказала сейчас: „пусть учительство руководит Комсомолом!"—получилось бы что-нибудь хорошее? Нет. Почему не получилось бы? Учитель в общем и целом культурней и больше знает,—верно. А вот как насчет политической квалификации? А Комсомол может иметь массу недостатков, об этом я буду говорить впоследствии, но он есть плоть от плоти, кость от кости партийной организации.

Человек в общем может быть некультурным, а политически правильно вести дело. Это нужно понимать,—это так, как это ни странно. Часто делались возражения против нас, против пролетарской власти по этому пункту. В частности, известный физиолог, академик Павлов, который полемизировал против меня, а я против него, ставил так вопрос: „Как вы можете управлять культурной жизнью, когда вы сами сознаете, что пролетариат есть класс необразованный?" А мы отвечаем: „Совершенно верно, мы сознаем свое невежество, но мы будем учиться, тут ничего не поделаешь, мы научимся, а политическая линия, с точки зрения коммунизма, у нас единственно возможная, потому что не капиталистам же коммунизм осуществлять и самим против себя революцию поднимать".

Если мы с точки зрения больших, всемирно-исторических задач, которые мы ставим себе, с точки зрения переделки психологии широких масс, хотим иметь гарантию, что мы будем итти по тому пути, по которому хотим итти,—то на данной ступени развития, пока у нас учительство до конца не „окоммунистичено", вытекает с неизбежностью необходи-

мость определенного разделения труда, где учительство в целом не может еще претендовать на политическое руководство.

Я думаю, что каждый из вас, кто действительно видит проблему в ее огромном разрезе, если продумает ее до конца, согласится со мной.

В будущем даже партия перестанет быть нужной; партия, говоря высоким штилем, самое святое для нас, перестанет быть нужной! Да и рабочий класс перестанет быть нужным, он отомрет, отомрет и рабочее государство, отомрут и все страхи, как бы недостаточно переработанные учителя не сделали таких шагов, из которых может впоследствии проистечь нечто, что отвращает нас от классовой задачи, которую мы ставим.

Но тот процесс, который намечается по пути к этой общей цели—он должен от нас всех, от партии, от советской власти, от всех заинтересованных в этом социалистическом строительстве, следовательно, и от вас, должен требовать трезвого учета прежде всего. Мы идем к уничтожению всех страхов и различий, но мы еще далеко и далеко не пришли к этому. Было бы опрометчиво сейчас—так же, как было бы опрометчиво сейчас из того, что когда-нибудь партии не будет, выводить необходимость ее уничтожения теперь или из того, что Красная армия перестанет быть нужной, выводить необходимость уничтожения ее теперь,—точно так же было бы опрометчиво, неправильно, политически вредно, а, следовательно, вредно и с точки зрения социальной педагогики в широком смысле слова, если бы мы сейчас сказали: „раз учительство—наиболее культурная сила в деревне“, то ему принадлежит политически руководящая роль.

Так сказать мы не можем, а должны сказать и подчеркнуть, что мы будем иметь перед собой длительный процесс, который в то же самое время будет являться процессом переделки нашего учительства, процессом все возрастающим, все более интенсивным.

В этом процессе ведущая сила—наше государство, партия и рабочий класс в целом. Они должны учитывать все конкретные условия и обстоятельства для того, чтобы не сделать ни одного промаха и с максимальной быстротой итти к той цели, которую они себе поставили.

Итак, проблема вашей собственной переделки есть основное условие для действительного, могущественного расцвета новой коммунистической школы. Процесс этой переделки будет частью процессом непрестанного сближения всех наших разнородных сил в смысле увязки их действий. И этот процесс сближения и является сейчас нашей основной задачей.

Особенно резко этот общий вопрос ставится в связи с соотношением между городом и деревней. Соотношение

между городом и деревней, как вы знаете из нашей периодической печати, из отчетов о наших партийных и советских решениях, есть для нас основной вопрос. Вы, вероятно, все знаете ту общую постановку вопроса, которая давалась Лениным и которая дается всей нашей партией в смысле определения того громадного исторического пути, по которому мы сейчас идем.

У нас на территории нашего Союза есть три главных классовых силы: рабочий класс, крестьянство и так называемая „новая буржуазия", т. е. зародыши и отчасти остатки торгового капитала.

Вот три главные силы, которые расположены на нашей социальной шахматной доске. Вопрос заключается в том, каким должно быть соотношение между этими классами, необходимое для победы коммунизма.

Мы формулируем это соотношение таким образом. Будет происходить в течение ближайшего времени непрестанная борьба за влияние на крестьянство со стороны рабочего класса и со стороны торгового капитала и новой буржуазии вообще. Если произойдет смычка между крестьянином и торговым, ростовщическим и проч. капиталом против рабочего класса, это будет началом нашего конца. Ни о каком коммунизме мы тогда мечтать и не сможем, так как рано или поздно мы, как пролетариат, как руководящая всем общественным целым сила, будем уничтожены. Наоборот, если мы заключим смычку с крестьянством и кооперацией против ростовщического и торгового капитала, мы осуществим то, что хотим. А мы хотим осуществить в этом основном соотношении между городом и деревней не больше и не меньше, как *уничтожение и преодоление разницы, существующей между городом и деревней.*

Мы (надо подчеркнуть это, так как в связи с этим распространены большие нелепости) вовсе не стремимся к тому, чтобы рабочий класс вечно пребывал в сознании своего рабочего достоинства и вечно „диктатурил". Нет, цель этой диктатуры—переделка человеческого общества и превращение его в бесклассовое общество. Точно так же мы не хотим, чтобы город, как это было в буржуазном обществе, являлся не только ведущим, но и сосущим началом по отношению к деревне. Мы хотим уничтожения и преодоления этого, как говорил Маркс, „идиотизма деревенской жизни", т. е. ограниченности кругозора крестьянина его околицей, где люди прикованы к своим навозным кучам и видят в этих навозных кучах перл творения. Помочь преодолению этой деревенской ограниченности могут только городские рабочие и все силы, идущие с нами.

Это—задача неслыханно трудная, но и неслыханно благодарная, впервые ставящаяся в человеческой истории.

Ни в одном периоде человеческой истории—ни в эпоху восточных деспотий, ни в период так называемого классического мира, ни в средние века, ни при капиталистическом режиме—никогда никто не ставил перед собою такой задачи. Не было примера, чтобы господствующий класс ставил своей основной задачей преодоление и уничтожение разницы между городом, сосущим, и деревней, из которой сосут; между городом, который поглощает все блага культуры, и деревней, которая обречена в жертву тупоумию. Только пролетарская диктатура впервые ставит эту задачу, и если сейчас очень часто над нами смеются, так как общий баланс наших сил сейчас еще мал, то я напомню, что смеяться будет тот, кто будет смеяться последним.

Мы начали это дело всерьез и кое в чем уже достигли известных результатов. Мы кое-как уже переделали деревенскую психологию. Если мы будем сохранять правильное руководство этим процессом, если мы будем нашу социальную педагогику вести правильно, мы добьемся уничтожения этой проклятой психологии. Надо иметь в виду эту величайшую всемирно-историческую задачу и иметь в виду ее особенно вам, потому что, как я скажу дальше, вам будет принадлежать, если вы захотите понять до конца эту задачу, одна из наиболее почетных ролей, которые когда-либо знала мировая история.

Однако не нужно скрывать от себя, что в этом процессе преодоления деревенской ограниченности наша партия и рабочий класс в целом натыкаются на большие препятствия. Эти препятствия вытекают именно из того, что перейти крестьянину от частной собственности к мысли о коммунизме очень трудно. Это требует очень большого количества времени и такого напряжения материальных сил и ресурсов, которое для нас чрезвычайно трудно. Вот почему, когда мы говорим о социально-педагогической работе, т. е. о политической работе в широком смысле слова, в первую очередь по отношению к деревне, мы должны помнить, что всякая ошибка на этом поле нашей борьбы, на этом участке нашего социально-педагогического фронта весит в сотни раз больше, чем ошибка, которую можно сделать в городе.

Это понятно. Городская ошибка не получает дальнейшего размаха и больших последствий, потому что ее быстро поправляет общий ход текущей жизни, общее усилие рабочего класса. В городе есть масса контролирующих органов, здесь центры нашего руководства, начиная от ЦК нашей партии и центральных органов советской власти и кончая бесконечными центральными организациями, которые наросли вокруг этих основных столбов нашего советского режима.

В деревне ничего подобного нет. В деревне каждая ошибка неизбежно помножается на частно-собственнические

устремления, идущие от самого крестьянства, помножается на то, что там нет такой совокупности контролирующих органов, которые могут уловить эту ошибку. Здесь всякая ошибка, повторяю, ее социальный вес в несколько десятков и сот раз тяжелее, чем в городе.

Вот почему для нас так важен рост комсомольской организации в деревне. Рост Комсомола, который непосредствено примыкает к основной ведущей силе в нашем советском государстве, т. е. к нашей Коммунистической партии, имеет решающее значение. Не даром одному из наших крупнейших противников,—я говорю о Савинкове, который перешел или полуперешел на нашу сторону,—из всех вещей, которые у нас происходят, из всех явлений нашей советской действительности, которую он видел или наблюдал и о которой он читал, врезалось в память и сделалось символом, который обозначил его переход на нашу сторону или, по крайней мере, прекращение его борьбы с советской властью, то обстоятельство, что у нас сейчас громадное количество комсомольцев. В своих показаниях он говорил: „если у вас миллион комсомольцев, значит вы непобедимы“. Не забывайте, что мы имеем перед собой противника, изощренного в партийной жизни, знающего механику всяческих партийных и государственных манипуляций, который отлично может различить между парадом и действительностью, между парадной резолюцией и существом дела. И когда он говорит нам: „меня больше всего убеждает вот это“ (указывая на Комсомол), то эта политическая оценка, которую мы получаем от нашего противника, имеет очень большой вес.

Само собой разумеется, что когда Савинков говорил об этом, он в первую очередь разумел комсомольцев в деревне, потому что вся надежда наших политических противников, которые желают нас уничтожить и обратно повернуть руль развития, основная их ставка и есть ставка на раскол между рабочими и крестьянством. Основная надежда их заключается в том, что подрастающая деревенская молодежь будет итти не вместе с рабочим классом, работать не с Коммунистической партией. Основная их ставка заключается в том, что новая деревенская молодежь будет развиваться *против* нашей партии, будет *давить* на нас, будет воспитываться в духе, *враждебном* нам.

Если каждый противник видит в этом единственную серьезную надежду, то ясное дело, что задача образования и правильного функционирования комсомольских организаций в деревне есть величайшая политическая гарантия того, чтобы мы обеспечили правильный ход всей переделки деревенской психологии, а следовательно, гарантия решения тех глубочайших задач всемирного значения, о которых я говорил.

То же самое нужно сказать относительно пионерского движения. Я знаю, что со стороны педагогов и со стороны товарищей сельских учителей пионерское движение ценится всеми, и партийными и беспартийными учителями. Положительная оценка пионерского движения очень часто исходит из чисто школьных соображений.

Но если мы от точки зрения школьной педагогики поднимемся на более принципиальную высоту социальной педагогики в том широком смысле, о котором я все время говорю, то мы скажем, что задача организации юных пионеров это одна из важнейших гарантий для переделки всего человечества, деревенского в первую очередь. Основная крепость, в которой постоянно вырождается капиталистический дух—это та консервативная бытовая связь, которая непосредственно опирается на деревенскую экономику и которая чрезвычайно туго поддается воздействию.

Юные пионеры это — тихая сапа, которая подрывает устои старого быта. Это—одно из самых действительных орудий, хотя оно действует незаметно, это—молекулярный процесс разложения старого быта, подрыв его, подрыв самых ветхозаветных устоев.

Часть взрослых, в особенности не-педагоги, не сознают этого, так как они не понимают, как всякое дело растет. Средний человек, не-педагог по специальности, склонен рассматривать вещь так, как она сложилась, не понимая процесса роста и не замечая ростков, из которых кое-что может получиться. Но педагог или общественный деятель, который есть тоже своеобразный педагог, видит, что эта переделка человеческой природы, крах идиотизма деревенской ограниченности, начинается при помощи пионеров у самого уязвимого конца и, вместе с тем, с самого до сих пор неприступного конца.

Но, если мы сделаем политическую ошибку в этом процессе строительства нового быта, новых бытовых отношений, которые ведут в самую глубину человеческого общежития, если общее направление, общее руководство этими ростками будет неправильно, особенно в деревне,—то мы не достигнем той задачи, которую мы себе ставим. Вот почему мы полагаем, что та организация, которая непосредственно к партии притерта, под партией стоит, она в первую очередь должна руководить движением юных пионеров.

Нужно ясно и точно сказать, в особенности в деревне, в каком отношении Комсомол должен быть к беспартийным и к власти и какие он должен иметь права. Вот здесь я должен поставить вопрос совершенно просто, решительно и отчетливо.

Прав, т. е. законом закрепленных полномочий, Комсомол не имеет никаких, точно так же, как наша партия

не имеет формально юридических прав, как наша деревенская ячейка не имеет права издавать декреты, приказы, а обязана осуществлять свои решения через соответствующие советские органы.

Права—свойство органов государственной власти. Нужно сказать, что это не всегда у нас было, и то, что это не всегда у нас было, имело свое историческое оправдание.

Когда мы имели период гражданской войны, когда в деревне в частности мы были под постоянным Дамокловым мечом кулацких восстаний, когда перед нами стояла центральная задача обороны от противника,—мы не должны были, не имели права гоняться за всякой формальностью. Мы не могли этого делать, и поэтому наша диктатура была диктатурой в узком смысле слова, т. е. такой властью, которая не связана никакими формальными законами, даже исходящими от нее самой.

В этом смысле слова отношения правящей партии и советской власти организационно причудливо переплетались. Ни в коем случае мы не стояли на почве формальной законности, и даже самое понятие о законности мы изгоняли из нашего политического словаря.

На всякую попытку противника подорвать наше могущество и господство и повернуть руль назад мы должны были отвечать суровой расправой, не гоняясь за формалистикой.

Точно так же было и в области экономической жизни: если у нас все было подчинено необходимости прокормить армию, накормить голодных рабочих,—мы не могли давать квитанцию за каждый мешок хлеба, за каждый мешок картофеля, который отбирался у мешочника.

Если бы мы тогда занимались казуистикой, гонялись бы за законностью, мы бы потерпели поражение в ожесточенной схватке, где против нас стоял организованный до зубов противник, у которого была военная диктатура и который кулаком этой диктатуры пытался неоднократно вышибить власть из рук рабочих и крестьян. Нам тоже нужен был соответствующий кулак, и мы сжали этот кулак. Мы поставили всюду тройки, мы ввели ревкомы, мы об‘явили террор, мы с невероятным напряжением, с невероятными усилиями и с беспощадной жестокостью разгромили противника, и только так мы могли ввести всю страну на новые рельсы.

Но мы вступили теперь в совершенно иной период. Мы тогда делали все это вовсе не для того, чтобы вечно пребывать в таком положении, а для того, чтобы обеспечить себе развивающийся рост. Мы теперь вступили в иной период, когда эти методы должны быть совершенно изжиты. Мы не можем приучать крестьянство правильно вести хозяйство, если каждая деревенская ячейка будет говорить:

„сегодня я возьму налога столько-то, а послезавтра—столько-то“. Мы не можем говорить крестьянину: „рационализуй свое хозяйство, учитывай любой хозяйственный фактор, вводи улучшение, рассчитывай“, если мы будем беспрестанно дергать то за ногу, то за голову, то за какую-нибудь другую часть тела.

Мы вступаем в период хозяйственного развития, и нам необходима такого рода пропаганда. Вот почему у нас революционная законность, правильное соотношение между партийными организациями и организациями советскими, правильное понимание, что только органы власти, а не партийные организации имеют право издавать законоположения, декреты или иные распоряжения,—все это должно войти в плоть и кровь.

Если это есть общая директива нашей партии по отношению ко всем парторганизациям, то она обязательна и по отношению к Комсомолу. Комсомол также (по существу дела он имеет еще меньше прав на это претендовать) не функционирует в качестве административного органа в виде какого-нибудь учреждения. Он не имеет на это права. Он имеет определенные права по партийной линии, он имеет определенные обязанности, но не имеет прав госоргана, ни в какой мере не является органом власти.

Из этого вовсе не вытекает, что его роль в органах советской власти должна быть маленькой. Но из этого вытекает, что если Комсомол силен в деревне,—а мы желаем от всей души, чтобы он там был силен,—если партийные ячейки будут расти,—а мы желаем от всей души, чтобы они росли,—то они при теперешней политике должны все свои решения проводить через органы советской власти.

Только тогда мы поднимем значение советов и сможем втянуть наиболее передовые, наиболее культурные слои крестьянства, наиболее активные и советские, в нашу общественную работу, в том числе и в нашу работу по управлению государством. Можно было бы много сказать на эту тему, но по тем соображениям, что и здесь необходимо известное разделение труда, я эту тему бросаю и перехожу к другой.

Если наша основная задача сейчас заключается в том, чтобы наладить правильное соотношение между городом и деревней, между рабочим классом и крестьянством, то из этого вытекает поистине громадная роль учительства, и сельского учительства в первую голову. Мы бы хотели (мы надеемся, что и вы этого хотите), чтобы учительство как-раз и стало тем культурным каналом, который приводит к культурной общности между городом и деревней, чтобы как-раз вы в первую очередь осуществили эту культурную смычку, которая должна произойти между городом и деревней.

Если учительство в силу ряда причин (немалое значение здесь имеют и чисто материальные возможности) совершенно твердо осознает свою роль и эту роль будет действительно проводить со всем энтузиазмом, который необходим для этого величайшего дела, то учительство поднимется на небывалую высоту, и можно определенно сказать, что ваш профсоюз будет далеко не последним в общем профессиональном движении и в деле советского строительства.

Может быть, некоторые из вас еще не осознали всех этих перспектив. Но не подлежит никакому сомнению, что при восходящей кривой наших материальных потребностей, т. е. по мере нашего хозяйственного роста, ваша роль будет прогрессивно возрастать и с каждым годом будет увеличиваться во все большей и большей пропорции,—если будет происходить тот процесс самопеределки учителей, о котором я уже говорил в предыдущем.

Теперь позвольте мне перейти к самому вопросу о соотношении между Комсомолом и учительством.

Эту проблему можно прежде всего разобрать, перечисляя целый ряд „ходовых“ выражений, таких словечек и терминов, которыми на местах пытаются определить соотношение между учительством и Комсомолом. Сейчас говорят об „использовании“ учителей, о „службе“, о „руководстве“ со стороны Комсомола над учительством, говорят о „сотрудничестве“. Эти формулировки надо перебрать.

Очень часто комсомольцы, со свойственной им тактичностью, поставленной в пребольшие кавычки, говорят: „Мы вас используем, а потом бросим как выжатый лимон: попользовались голубчиком, а теперь идите на покой, куда вам угодно“. Это у них называется „использованием“. В известном смысле слова термин „использование“ может быть оправдан, но только в известном смысле слова. Можно говорить, что революция использует нашу партию? В известном смысле можно это говорить. Мы все, каждый из нас, не только учитель, а каждый из нас используется для дела рабочего класса; в известном социологическом смысле слова это верно. И с этой точки зрения, если мы говорим: учитель используется для продвижения вперед общественного целого—это верно, и тут абсолютно ничего обидного нет.

Но абсолютно неверно, когда комсомолец приходит и говорит: „я тебя использую“. Это совершенно неверно, потому что здесь комсомолец не более и не менее, как заменяет гораздо более почтенную вещь—весь всемирно-исторический ход развития и всю революцию. Это не одно и то же, и когда так говорят учителю, когда именно живые люди это говорят, а не в книжках это пишут, учитель имеет все права морального свойства протестовать против такого отношения к делу.

„Служба“... В известном смысле слова можно сказать, что мы все служим делу революции, каждый из нас служит делу революции, и ничего здесь зазорного нет. Каждый из нас находится на службе у рабочего класса, на службе у социализма.

Но когда комсомолец приходит к учителю и говорит: „ты служишь у меня“, это никуда не годится. Здесь категория службы есть выражение такого же соотношения, как между капиталистом и наемным рабочим. Учитель не есть наемный рабочий на службе у комсомольца, а комсомолец не капиталист над учителем. Если происходит целый ряд этаких вещей, мы должны нашим более молодым друзьям всыпать пару горячих, как они этого заслужили.

Относительно „команды“. Если мы говорим о команде, имея в виду определенные директивы партии, то нами партия действительно командует. В этом есть зерно истины. Но когда мы говорим о слове „команда“, которое преподносится не в социологическом учебнике, без обозначения какого-нибудь соотношения между классами или большими слоями, а когда это говорится на обычном политическом языке и тем более в быту, можно твердо сказать, что никакой комсомолец не командир над учителем. И из обихода это слово нужно абсолютно вычеркнуть, изничтожить. Степень политического такта комсомольца можно мерить по тому, сколько раз он употребил слово „команда“.

Единственно правильное обозначение основных соотношений заключается в сотрудничестве. Мы можем обозначить необходимое соотношение между Комсомолом и учителем, которое необходимо как сотрудничество.

Но сотрудничество предполагает разделение труда, и позвольте мне перейти к более точному определению этого сложного сотрудничества, этого разделения труда между учителем и комсомольцем.

Откуда в этом деле возникают трения? Основная форма трений, стержень их, основа, вытекает из непонимания сотруднического характера отношений между Комсомолом и учителем. Это—основа для целого ряда величайших недоразумений и конфликтов, которые мы наблюдаем в очень изрядном количестве между комсомольцем и учителем.

Сотрудничество требует не только тактики, но и такта, а это—две разные вещи. Вы можете иметь превосходную тактику и быть форменным дураком на практике, потому что вы не будете иметь такта. Можно превосходно определять общую тактическую линию по отношению к учителю и, наоборот, можно быть прекрасным учителем, который превосходно понимает свою тактику, с точки зрения коммунизма, по отношению к Комсомолу, но может обнаруживать такую бестактность, которая сводит на-нет всю тактику.

У меня впечатление, что в большинстве случаев мы имеем с обеих сторон понимание тактики, но имеем полное отсутствие такта, и это приводит к целому ряду конфликтов, о чем ниже.

Каковы исторические причины этого и как эти причины преодолеть?

Были такие буржуазные ученые, да и сейчас они есть, которые полагают, что раз история включила какое-нибудь явление в свой исторический винегрет, то этот исторический винегрет нужно кушать до скончания века и ничего нельзя в нем изменить. Мы держимся совершенно противоположного взгляда. В частности, Маркс издевался над таким буржуазным построением и говорил, что история показывает им, грубо выражаясь, свое историческое „а-постериори" (под этим латинским названием подразумевалась не передняя часть человеческого тела...) Мы смотрим на обе стороны, и главная наша задача заключается, по характеристике того же Маркса, в том, чтобы изменить мир, т. е. как-раз оборачиваться не на то, что видят эти буржуазные фаталистические идеологи.

Поэтому для нас не является решающим аргументом глубина исторических причин. Мы исторические причины понемногу, в некоторых случаях более резко, а в других случаях помаленечку, изменяем, заменяя их другими историческими причинами, и в этом мы видим свою историческую роль. Но необходимо смотреть на причины для того, чтобы иногда иметь возможность чуточку потерпеть, не ерепениться, не приходить в уныние по поводу целого ряда плохих вещей.

С этой точки зрения посмотрим на вопрос: есть ли какая-нибудь большая подоснова этих конфликтов, этих непониманий в отношении между учительством и Комсомолом?

Такая основа есть. И это есть остаток тех самых „ножниц", о которых я говорил в начале доклада; это остаток той классовой борьбы, которую наша партия, рабочий класс и комсомольцы вели с интеллигентскими слоями. Эти самые „ножницы" сейчас смыкаются очень быстро, и наша задача заключается в том, чтобы форсировать эту смычку. Но покуда не совсем еще сомкнулись эти „ножницы" там, где приспособление кадрового состава учительства к задачам нашей политики еще не закончено, — остатки этих „ножниц" тормозят дело.

Мы все знаем, что сельский учитель живет у нас полунищим, к великому несчастью для нас. Но тем не менее комсомольцы любят пустить ходкое словечко, которое звучит издевательством, на счет шевровых ботинок учительницы. Мы знаем, что среди учительства много поповских дочек и сыновей, которые в большинстве теперь переходят на нашу

сторону. Но борьба с попами у нас еще остается, и вот этот самый поп-интеллигент, помноженный на пару шевровых ботинок, дает себя знать.

С точки зрения целесообразности такое отношение глупо. Мы должны сказать: „товарищи, сейчас не 1918 год, протрите свои молодые глазки и посмотрите на то, что произошло с тех пор“. Но тот факт, что мы должны об этом напоминать, имеет под собою остатки прежних отношений, хвостик больших исторических причин. Значит ли это, что мы не должны этого хвостика отгрызать? Должны отгрызать изо всех сил—молодыми зубами вы, почтенные комсомольцы, и более старыми зубами вы, учителя. Это неизбежная задача, которая перед нами стоит; поскольку от нас зависит, мы должны этот хвостик ликвидировать.

Это и есть наша партийная политика. И тут я позволю себе обрушиться в первую очередь на Комсомол, но потом немного скажу и о товарищах учителях. При этом должен сказать, что тут у нас есть известные соображения и тактики и такта. Нам легче, конечно, ругать комсомольцев, которые непосредственно близко к нам стоят, за которых мы непосредственно отвечаем, как за составную часть нашего партийного организма; мы имеем на это право, это будет гораздо более тактично именно на них напирать. Но это не послужит извинением для вас, чтобы вы в своей среде отводили глаза и не замечали сучков в ваших собственных глазах.

В первую очередь у комсомольцев, благодаря историческим причинам, имеется остаток излишнего, еще не изжитого недоверия. Наши общие указания, наши партийные директивы будут с этим бороться.

Необходимо изживать „комчванство“, которое царствует среди наших комсомольцев, в особенности в деревне. Это коммунистическое чванство заключается в том, что товарищ считает, что он все науки преодолел, хотя он ни чорта не знает; товарищ думает, что если он состоит в комсомольской организации, то он все может и все знает. А если спросить его, где находится Швейцария, то он может вам сказать, что в Америке.

За это мы должны их по-товарищески ругать, как и своих членов партии и себя ругаем, если недостаточно вдумчиво и серьезно относимся к делу. Коммунистическое высокомерие теперь становится нестерпимым. Раньше, когда нужно было только командовать, тогда не различишь, где высокомерие, где нет его; а теперь нужно убеждение, нужна пропаганда, нужно человеку доказать, взять не нажимом, а законностью, о которой я говорил. И поэтому сам Комсомол вместе с нами говорит, что необходимо искоренение этого коммунистического чванства, этого комсомольского чванства, которое еще более неприятно, которое политически необы-

чайно вредно как-раз в деревне, где оно стоит нам не только ссор с учительством, но и ссор с крестьянством. Комсомол вместе с партией будет изживать эту черту высокомерия.

На ряду с этим причудливо переплетается, дополняет одно другое и оплодотворяет другой остаток военного коммунизма—хозяйничанье, распорядительский тон: „скажи! сделай!" От этого особенно страдает учительство.

Громадное большинство трений между Комсомолом и учительством идет именно по этой линии. Люди воображают, что они—администраторы, а они всего только—организация молодежи, которая имеет руководящую политическую роль, но обязана администрировать, если она только администрирует, через органы советской власти.

Только так можно пробудить уважение к органам советской власти. Если комсомолец не в порядке добровольных отношений, не в порядке законности, не в порядке сотрудничества, не в порядке товарищеской спайки, а в порядке своего комсомольского билета приходит ночью, будит учительницу и говорит ей: „играй мне героиню 20-и лет", хотя учительнице 60 лет, то толку от этого, конечно, немного. Если он заставляет старушонку говорить, что христос не существовал (хотя он и сам не совсем убежден в этом), то из этого опять-таки ничего не выйдет. Если он говорит учителю: „прочти мне такой-то доклад относительно того-то", а старик-учитель или учительница-старушка говорят, что они не знают об этом, и он находит в этом что-то противореволюционное и водит их с этим по соответствующим учреждениям, то это не годится.

Я не буду перечислять всех примеров. Таких картинок очень много, если приводить все то, о чем я слышал, о чем я читал, о чем мне говорили, в частности на совещаниях, которые мы устраивали в виде подготовки к с'езду.

Настоящая постановка вопроса такова: „администрировать, товарищи, бросьте, а побольше пропагандируйте". Пусть администрируют органы советской власти—они на то и созданы богом на советской территории, чтобы администрировать. Не бойтесь, товарищи: вы, может быть, думаете, что комсомольцы меня обвинят в контр-революционности за произнесение таких слов? Я-то гарантирован от этого.

Так вот все эти черточки имеют в себе некоторые остаточки кое-чего от военного коммунизма. По отношению к экономической жизни и политике в определенный период это можно было терпеть. Было такое положение, когда силы учительства в подавляющей массе были против нас, а комсомольцы брали их за это за шиворот, и—простите меня—это было об'ективно полезно.

Но сейчас, когда совершенно другая кон'юнктура, когда никакого белого контр-революционного учительства нет,

когда есть прекраснейшим образом проведенные учительские конференции, когда все поняли, что мы идем по правильному пути,—тогда, в случае, если обнаруживается такое держимордовское отношение, мы скажем: „осади на плитуар, а то получишь плеть“.

Товарищам из Комсомола нужно больше внимания обратить на свое самовоспитание. Они должны, с своей стороны, понять, что им есть чему поучиться у учителей. Они должны прямо сознать, что если они, близко сталкиваясь с партией, часто смыкались с ней по чисто политическим вопросам, знают новости и, шлифуясь и вывариваясь в политическом котле, стоят ближе к нам и имеют право взять гегемонию над пионерами и т. д., то из этого отнюдь не следует делать такой вывод, что они во всех областях знают больше и все понимают. Наоборот, по целому ряду существенных вещей, которые в строительный период нашей революции имеют колоссальнейшее значение, из чего складывается наша новая культура и наши знания,—они должны еще учиться, учиться и учиться у наших учителей.

Учитель потому и есть учитель, что он накопил различные знания. Они были распределены у него вкривь и вкось, но революция несколько выпрямила их хребет и повернула их куда следует. Мы форсируем этот процесс. Во всяком случае, знания эти у них есть, а у комсомольцев их нет. Работать в деревне трудно. Нельзя взять крестьянство одной только политической агитацией. Здесь надо еще кое-что знать, и в первую очередь то, что связано непосредственно с сельским хозяйством. Всякое непонимание того, что надо еще поучиться у учителя, должно быть навсегда изгнано из рядов комсомольцев.

Наконец нужно, и партия это говорит совершенно открыто, чтобы товарищи из Комсомола немножко подтянулись по всем решительно направлениям. Бывали случаи всякого хулиганства и дебоширства. Это, конечно, не представляет море разливанное, это не пятно, которое характеризует наш Комсомол. Комсомол мы считаем великолепной организацией, на которую мы возлагаем большие надежды. Но мы не Панглоссы, которые, видя то, что дурно пахнет, нюхают и говорят, что хорошо. Мы видим, что зачастую очень плохие запахи идут из среды нашей комсомольской организации, и это нужно соответствующим образом квалифицировать.

Эти вещи идут зачастую под идеологической оболочкой какой-нибудь „революционной“ борьбы. Например, нагадит комсомолец под окном у попа и думает, что он ведет антирелигиозную пропаганду. Это—хулиганство, и мы должны Комсомолу раз‘яснить, что есть разница между антирелигиозной пропагандой и хулиганством. Может быть, она некоторым из них кажется и не такой большой, а нам кажется большой.

Но было бы неправильно делать из отдельных случаев общую картину. Чем скорее комсомолец завоюет уважение к себе, тем скорее получится смычка с учительством, тем скорее он сомкнется с крестьянством и его поведет. Я не говорю о том, что нужно превратить комсомольскую организацию в великопостников и применять рецепт, рекомендуемый Лядовым в его книжке по поводу человеческой физиологии. Это — величайшая ерунда, которая достойна юмористического журнала. Комсомол должен расти в духе нашей Коммунистической партии. Коммунистическая партия из человека будущего не может создавать секту скопцов или общество добродетельных монахов. Пусть этим занимаются другие. Мы, наоборот, боремся за то, чтобы осуществить максимальную полноту жизни. Но между полнотой жизни и хулиганством есть разница, и ее не нужно забывать.

Когда Комсомол устраивает разные шествия, празднества, веселится, он на это имеет право. Но он должен помнить, что нужно принять во внимание и тактику и такт. Комсомол должен помнить, что в деревне он имеет перед собой крестьянство, которое не любит, чтобы восемнадцатилетний Петька над ним командовал. Он еще не совсем отвык от того, что он недавно этого Петьку порол, и как это ни прискорбно, но комсомольцу с этим фактом надо считаться. Нельзя тут брать лобовой атакой, нельзя лобовой атакой итти на мужичков, ибо хорошего от этого ничего не получится. Вы должны обойти его психологически, но обойти так, чтобы он пришел к вам, не заметив, что вы его обошли. Вот почему в деревне, с ее устоявшимся бытом, брать лобовой атакой, как берут товарищи комсомольцы, очень часто нельзя.

Необходимо вести борьбу с дебоширством. Это есть задача наших комсомольских организаций. Но я еще повторяю, что я тут употреблял некоторые саркастические, не особенно благородные обозначения для некоторых сторон общественной работы Комсомола, но мы на них налегаем прежде всего потому, что они—наши люди.

За них наша партия несет ответственность, и потому нам на них легче обрушиваться за те недостатки, которые у них есть, точно так же, как нам легче обрушиваться на нас самих.

Но это не умаляет той оценки, которую мы даем комсомольскому движению и которое вполне соответствует исторической роли этой громадной организации, которая имеет перед собой еще более славное будущее.

Перехожу к учительству. Я говорил, что в общем и целом переворот в учительстве совершился резкий и определенный. Но наша задача состоит не только в том, чтобы твердить об общем переломе. Мы знаем, что как среди комсомольцев

есть различные типы (они сами имеют у себя обозначение для таких категорий в роде „дубосоров“, „дубомолов“ и др.), так и среди учительства есть различные категории.

Одни—те, у которых перелом совершился с максимальной быстротой; они совершенно окоммунистичились.

Другие—те, которые находятся на перепутьи, не знают, итти туда или сюда.

Третьи—те, которые имеют еще остатки старых представлений.

Мне кажется, что основное, что мешает некоторым товарищам учителям решительнее встать на дорогу, на которую вступила передовая часть (не забывайте, что вы представляете собой сливки учительства, а не среднее арифметическое; это нужно помнить), что основной порок, который есть у части учительства, заключается в том, что люди могут проглядеть. Это обычный порок, который был у интеллигенции с начала революции—люди могут проглядеть за конкретными жизненными мелочами известную столбовую дорогу, генеральную линию. У учителя такого-то, Икс или Игрек, пара комсомольцев надебоширили или с‘озорничали, а в соседнем селе произошла такая же вещь. Мы знаем, что человеческая психика устроена так: „если я настроен на такой лад, что мне комсомольцы не нравятся, я буду итти по этой линии, и наоборот, если комсомольцы мне нравятся, я склонен видеть положительные стороны в их действиях“.

Был недавно такой очень характерный случай. Есть у меня знакомый комсомолец. Сегодня мы перекинулись с ним парочкой слов. Я спросил, что говорили учителя насчет отношений с Комсомолом на совещании, которое мы недавно устраивали. Он мне назвал ряд фактов не в пользу Комсомола, а я ему привел обратные факты, которые у него выскочили из головы: он их просто не помнил.

Такое состояние бывает у громадного большинства людей. Этого не бывает, по правилу, только у тех людей, которые по обязанности должны следить за своими мозгами таким образом, чтобы чего-нибудь не упустить; на то они и поставлены. Вообще это—обычная вещь и для комсомольцев и для вас; в особенности, если человек—сложившийся, воспитанный в прежнем духе, у которого только совершается перелом. Переломиться человеку в 15 лет гораздо легче, чем человеку в 45 лет. Когда человек, начиненный в течение изрядного количества лет другим, начинает „переламываться“ или чуть-чуть, немножко „треснул“, когда он видит главным образом дебоширство, у него опасность—проглядеть большое и из-за деревьев не увидеть леса. С таким учителем очень часто разговариваешь, и он насаживает такие примеры: „У вас такой-то коммунист—мерзавец, такой-то комсомолец—охальник, такой-то там украл, такой-то с девицей не так поступил,

вот там-то комсомольцы вечеринку с выпивкой устроили, а там—дебош в церкви и т. д.“

Тут есть величайшая опасность. Может быть, это все фактически правильно, но вот ты сумей подняться выше и увидеть, что не только это существует в природе, а кое-что и другое.

Динамика идет к тому, что вся эта ерундистика будет отмирать, а большое и великое будет нарастать. Этого нельзя проглядеть. Вот основа, на которой держится консерватизм части учительства, которая еще не переломилась.

Разве здесь нельзя провести аналогии с тем, что было вообще с нашей интеллигенцией во время революции, когда налетели большевики, которые неизвестно что такое—не то немецкие шпионы, не то разбойники; налетели, отняли фабрики, дома, усадьбы, крестьян ведут на грабеж; затем наступает полоса гражданской войны, опять грабеж, голод и мор, чуть ли не людоедство. Как человеку не обалдеть от всего этого?

В этот период развития люди, которые были воспитаны на старых традициях, для того, чтобы это понимать, должны были стоять над своим классом и над своим слоем на таком же, примерно, расстоянии, как стоит, скажем, Пушкин от известного уличного юмориста Лейкина—для того, чтобы увидеть за всей этой суматохой, голодом и мором контуры нового строящегося общества; или быть политиками и учеными, или принадлежать к классу, который все это берет на свои плечи и поэтому в своей психологии имеет зародыш сознания, который ведет его на дорогу.

И посему масса, которая была связана со всеми этими традициями, пошла против нас. Вот чем об‘ясняется теперешний переворот среди учительства; он об‘ясняется не столько нашими проповедями, сколько усвоением величайшего исторического опыта, который во все колокола звонит, что большевистская партия и рабочий класс могут из хаоса вывести страну на новые пути.

Чем скорее мы будем по этому пути итти, тем скорее консервативная часть учительства будет итти вместе с вами, с передовой частью учительства. Для этого вы должны вести более усиленную пропаганду среди своих более отставших товарищей и не проглядеть за недостатками механизма основного—того, как рабочий класс идет шаг за шагом к своей цели; не проглядеть, как растет новый слой людей, которые имеют неправильно расчесанные вихры волос и ступают нетвердо, как щенки, в общественной жизни или как слоны в фарфоровом магазине, но представляют собою силу, которая идет в общем и целом по основной линии нашего рабочего класса. Этого вы не должны проглядеть!

За поломанными, гниющими деревьями не позабудьте увидеть молодой и свежий лес, который достоин всяческого

внимания. Основная ошибка, которую допускает часть учительства, заключается именно в этом непонимании. Люди не понимают пропорции между большой ролью Коммунистического Союза Молодежи и дебоширством, которое есть. Может быть, они не видят и не понимают, что с течением времени одно будет скоро отмирать, а другое будет все расти.

Но за последние годы конфликты между учителями и комсомольцами уменьшились. У нас вообще все так, в любом деле нашего советского и партийного строительства: мы из хаоса выкарабкиваемся. Мы не могли не быть в хаосе, потому что мы проделали такую революцию, какой свет еще не видал. Но теперь мы из хаоса выкарабкиваемся. Мы начинаем правильно налаживать жизнь. Поэтому нужно окончательно понять ту основу, которая для близоруких скрывается за мелочами.

Далее. Есть остаток известного „культурного“ высокомерия, которое очень часто выражается в бестактности. Должен вам сказать, что если я ругаю комсомольца, то он не так будет топорщиться, а если кто-нибудь из вас попробует его поругать,—а особенно, беспартийный,—то он не особенно будет доволен. И это вполне естественно. Должен ли настоящий педагог (с широкой общественной точки зрения) считаться с этим или не должен? Он, конечно, должен считаться с этим, особенно если он считает, что между ним и комсомольцем необходима смычка.

Должен ли педагог тыкать в нос, что он культурнее комсомольца, какому-нибудь деревенскому парню с курносым носом, с вихром, с неловкими движениями? Не должен. Если он это делает, он совершает ошибку, бестактность, такую же бестактность, как и комсомолец, который говорит, что ты со мной боролся в прошлом году, а теперь я тебя могу ногтем задавить. Мы по этому поводу должны сказать комсомольцу: „Ты делаешь глупость, политическую несообразность, ты обостряешь отношения“. Но если мы должны это сказать комсомольцу, то мы должны посоветовать учителю, конечно, в других выражениях: „Последите, товарищи, за собой, поступайте, как педагоги, это есть известная отрасль той же самой педагогики в широком смысле слова“.

Педагог должен уметь обрабатывать человеческий материал, не так ли? Это—основное свойство педагогики. Педагог, который равным образом обращается со студентом университета и с юным пионером—дурак набитый; если он желает комсомольцу помочь быть более культурным, он должен это сделать так, чтобы тот не заметил его культурного превосходства. Ведь когда работаешь с детьми, нужно уметь подходить к ним.

Конечно, я против того, чтобы подхалимствовать, потому что, — я не буду этого скрывать, — есть учителя, которые

дрожат всеми конечностями даже перед комсомольцем. Это— очень большой недостаток и во всяком случае это—не достоинство.

Но, с другой стороны, когда учитель желает к комсомольцу подойти, нужно это сделать так, чтобы комсомолец не заметил, как он к нему подойдет. Работа ведется успешно не тогда, когда два контр-агента этой работы говорят, что я знаю то-то, а ты—это, я тебя буду учить этому, а ты меня тому-то, но тогда, когда они подойдут к работе незаметно и без всяких разговоров обработают друг друга на общую пользу.

Если комсомолец должен многому учиться у учителя, то есть чему и учителю поучиться у комсомольца; это надо прямо сказать. Чему? Чего нехватает учителю? Общественной подвижности, инициативности, стремления залезть в каждую общественную щелочку и функционировать в качестве общественного работника.

Это—не маленькая штучка. Это—громадная вещь. И если комсомольцы делают это неуклюже,—смотрите, не проглядите, товарищи, что за всей этой неуклюжестью есть все-таки основная правильная общая линия, начало, создающее новый общественный тип, ткань новой общественности, которая должна заменить старую, трухлявую. Надо сказать учителям, и они должны сами себе сказать (в своей среде это легче бывает), что комсомольцы у них должны кое-что позаимствовать, но и они сами должны кое-чему поучиться у комсомольцев. Ничего стыдного здесь нет. Хотя комсомольцы и моложе их по возрасту и менее культурны, но они выросли на новых дрожжах. Это надо осознать и соответствующим образом зафиксировать.

Как же в общем и целом наметить распределение труда между учителем и комсомольцем?

Беру учителя. Где центр тяжести его работы? Школа. А комсомолец в школе что? *Учитель* здесь хозяин в узком смысле слова, а комсомолец—его сотрудник. Как устанавливается смычка между руководящими органами в области всей политики страны и учительством? Она устанавливается таким образом: учителем руководят органы власти, идущие по линии Наркомпроса и по другим линиям. Эта пролетарская власть руководится в конечном счете нашей партией и ее учреждениями. Значит, учитель проводит работу под общим, центральным, единым руководством, которое определяет всю жизнь в нашей стране, но руководится своеобразно, т. е. он руководится через соответствующие органы советской власти; руководство в данном случае идет от партии через Наркомпрос.

Комсомолец—*сотрудник* в школе. Он борется за свое влияние путем убеждения и руководится не через органы

советской власти, а непосредственно партией. Здесь соотношение таково: партия, органы государственной власти, органы Наркомпроса, учительство. Отсюда его главенствующая роль в школе. Комсомолец же по отношению к школе является только сотрудником; он идеологически просвещает, но не играет главенствующей административной роли. Это вполне естественное распределение труда.

В чем лежит центр тяжести работы Комсомола в таком вопросе, где наблюдаются наибольшие трения,—в пионерском движении? Здесь Комсомол, который непосредственно руководится партией, в полном смысле слова хозяин. Педагог здесь является сотрудником.

Цепочка здесь обратная, обратное соотношение. Здесь комсомолец, непосредственно стоящий под партией, сотрудничает с учителем. Они поменялись местами.

Но нужно здесь сказать, что вопрос о сотрудничестве с педагогами должен быть взвешен со всей полнотой. Привлечение к сотрудничеству—добровольное, конечно. Но речь идет не только о том, чтобы помогать вырабатывать программу сельско-хозяйственного кружка, читать лекции. Здесь еще необходим совет знающего педагога, в особенности по отношению к пионерскому движению.

В целом ряде обследований, результаты которых печатались, мы имеем ужасающее положение в этой отрасли. Мы маленьких людей вталкиваем в общественность, и здесь достигаем больших результатов, но ценой растраты нашего основного физиологического капитала. Это — вещь недопустимая, и против этого нужно принять меры. Помощь опытного педагога необходима и обязательна здесь, ибо часто комсомольские организации руководят пионерскими организациями, не считаются с закономерностью, которую должен определить педагог, как квалифицированное, знающее лицо. Вы смотрите на это с точки зрения социальной медицины, отрасли которой непосредственно связаны с педагогикой.

Я был в тульской организации юных пионеров, и два факта ярко запечатлелись в моей голове. Я их приведу вам для иллюстрации того, что я говорю.

С одной стороны, рост новой общественности. Мне много приходилось выступать на конференциях, на которых присутствуют взрослые партийные товарищи, и на этих конференциях не всякий решается мне возражать—не потому, что я страшный человек и меня боялись бы административно, а многие думают так: „Бухарин захлещет меня, так что лучше не выступать“. Маленькие ребята на тульской конференции бросились на меня, как львята, тычут в лицо—никакого авторитета. Особенно страстные прения вызвал вопрос о том, что пионерской организации нужно принимать всех, без различия классового состава. Главным образом фабричные

ребята бросились на меня, упрекая меня в оппортунизме. Я должен был 3—4 раза брать слово, чтобы отбиваться от их атак и доказать мою мысль. Разве это не кусочек нового быта? Разве это не замечательно радостное впечатление?

Теперь я приведу вам другой пример для того, чтобы иллюстрировать свою мысль. Делает доклад маленький юный пионер, прекрасно отвечает на все вопросы. Вдруг одна девочка, которую зовут Бузотеркой за то, что она всегда задает ехидные вопросы, задала вопрос. Докладчик не знает, что ответить, глаза у него горят. Он спрашивает председателя: „Девочка задала вопрос, я не знаю, как ответить“. Председатель смутился, подумал и ответ дал. Тогда девочка, которая задала вопрос, просит слово к порядку и заявляет: „Ребята, какой же порядок в нашей организации, когда на поставленный докладчику вопрос отвечает не докладчик, а председатель?“ Наступает минута молчания. Наконец мальчик-председатель говорит: „Ребята, вопрос, который поставила Нина, не по-пионерски поставлен: мы собрались не для того, чтобы срезать наших товарищей-докладчиков, а собрались для того, чтобы коллективными усилиями найти правильный ответ на интересующие нас вопросы“. Конечно, это—интересная картинка, ибо не всякий взрослый председатель так сумеет ответить, а иногда даже обрадуется, что докладчик не нашел правильного ответа. Это—действительно кусочек нового быта.

Теперь—другая сторона дела. Бывают такие истории, что до 5 часов ночи продолжается спектакль после партийной конференции, и ребята до 4 часов принимают участие в этом спектакле, когда нужно—производят шум за сценой и т. д. Это—идиотизм с медицинской и с какой угодно другой точки зрения. Это—растрата основного детского физиологического капитала и, с нашей стороны, это—преступление.

Мы должны по комсомольской линии сказать, что по отношению к Комсомолу мы должны максимально привлекать педагогов, и комсомольцы не должны в них видеть своих конкурентов. В лице их надо видеть советчиков.

Точно так же и учителю надо сказать: „Имейте в виду, это—одна из крупнейших ваших обязанностей“. Это кажется пустяком, но подсчитайте общую сумму,—что это означает с точки зрения физиологического основного капитала? Если обследование юных пионеров показало, что 35 процентов из них страдают функциональным расстройством сердца, то это, товарищи, такая „большевизация“ нашей страны, от которой не поздоровится. Нужно здесь дать правильные и точные директивы.

Учитель должен делать эту работу, имея в виду, что он не должен выпячивать свое превосходство, а, наоборот, с точки зрения тактики и такта должен делать

это таким образом, чтобы его совет признавался не как совет, идущий от людей, стоящих в стороне, а как совет, идущий от старшего товарища, специально квалифицированного, который входит как составная часть в нашу общую работу.

Наконец разрешите затронуть один вопрос, который стоит в связи с тем вопросом, о котором я только что говорил. Мне кажется, что я здесь не могу заниматься дачей конкретных советов, и мое дело здесь заключается в том, чтобы оценить этот факт, дать некоторые общие указания. Мне кажется, пора нам и в области работы педагога, и в области работы Комсомола, и в области сочетания этой работы перейти к некоторому упорядочению этой работы.

Хаоса здесь у нас много, и чрезвычайно много „работы" в кавычках, т. е. пустякового времяпрепровождения, работы на холостом ходу.

Что я под этим подразумеваю? Это вовсе не одна только учительская, деревенская или комсомольская беда. Это повторяется с железной закономерностью во всех областях нашей работы, на первых ступенях ее развития. В прошлом году, когда специально рассматривали вопрос о наших студентах-коммунистах, вопрос о том, что они делают, то выяснилась поистине чудовищная картина: в пределах одного учебного заведения существует 200 организаций. Тут уж хоть семь пядей имей во лбу и будь коммунистом не 96, а 196-й пробы, все же получится одно из двух: либо ты ничего не будешь делать, либо ты будешь состоять во всех организациях и, тогда наверняка можно сказать, что ты будешь бегать из одной в другую и ровно ничего не будешь делать. Это—закон природы, потому что нельзя в 24 часа сделать работу, которую физически можно сделать только в 224 часа. Поэтому у нас часто происходит, что люди только утешаются тем, что они работают, а на самом деле они бегают из учреждения в учреждение, расписываются и заполняют анкеты и воображают, что они работают. На самом деле это—непроизводительный расход, который ложится тяжелым бременем на государственную казну и на человеческие ресурсы нашего СССР.

То же самое происходит и с вами, и с комсомольцами, и с пионерами. Это—беспощадное расточение сил, связанное с бесплановостью, с чудовищным количеством работы. Тут необходимо внести корректив. У комсомольцев есть кадровый состав, который пропадает от работы,—это ценный человеческий материал, который берет на себя излишнее количество труда, с которым он не может физически справиться.

По отношению к пионерам я говорил уже. У учителей это еще больше осложняется бессмысленным дерганием. Если меня заставляют сегодня читать антирелигиозную лекцию,

а после этого играть „Веселую вдову", то это редко кто может выдержать. И если это наслаивается в хаотическом беспорядке, в виде первозданного хаоса, над которым, как дух божий, витает комсомольский дух, то это, конечно, недопустимо. Тут надо перейти к более разумной, рациональной постановке дела.

Вот те замечания, которые я хотел сделать в настоящем докладе. Само собою разумеется, что на основе их придется разрабатывать и дальше двигать дело совместной работы учителя с комсомольскими организациями, дело работы над той величайшей проблемой, которая сейчас стоит перед нами: над проблемой переделки массовой психологии нашего народа, ставшего на новые рельсы.

Очень часто люди, которые привыкли к обычным формам, видя перед собою факт жалкого прозябания нашей школьной сети, тяжелого положения учителя и плохого оборудования наших школ, приходят к выводам пессимистического свойства: семь лет прошло, мало сделано и т. д. Правильна ли эта оценка? Неправильна. Она правильна только постольку, поскольку констатируются известные факты: школы плохие, разорены, учителя голодны, книг нет и пр. Но нужно оценивать не только это, ибо это только одна сторона дела; есть более всеоб'емлющая сторона, которая, в конечном счете, исправит все нынешние недостатки. Эта всеоб'емлющая сторона — необычайное расширение образовательного и воспитательного поля.

Люди, привыкшие думать по шаблону, учитывают количество учеников, прошедших через школу. Но нужно сказать, что это—неверная оценка нашего идейного баланса. Все события революции расширили кругозор. Они ногами красноармейца, прошедшего с севера на юг и с запада на восток, побывавшего на разных фронтах и внесшего в пределы деревенской околицы новые веяния, обогатили психологию деревенских обитателей, не говоря уже о городских. Они переделали целый ряд обычаев, внедрившихся и вкоренившихся в нашу деревню. Они внесли такое брожение в деревенскую среду, которого еще не знала человеческая история. Они поставили аппарат, находящийся в руках рабочего класса, на невиданную еще высоту. И, несмотря на то, что сделано еще небольшое дело, несмотря на то, что мы делаем еще первые шаги, наша пропаганда, наша агитация, наша Красная армия, избы-читальни, наши клубы, где иногда говорят много вульгарных, корявых, однобоких фраз, не совсем ученых,—все это есть колоссальная встряска народа, которая поднимает его на несколько ступеней, при чем очень солидных ступеней, над тем, чем он был.

Проследите язык современного мужика и довоенного мужика. Вы увидите по структуре языка, по количеству слов,

которые он употребляет, новых слов, которые вошли в его привычный обиход, какой мощный рост, какая интенсификация нашего образовательного дела, какая переделка массовой психологии у нас получилась,

Наш народ под руководством пролетариата действительно создал некоторые предварительные элементарные условия для совершенно новой обстановки. Наша задача заключается в том, чтобы тот руль, который мы повернули в Октябре, не только не упускать, а твердой рукой среди колоссального количества препятствий править тем кораблем, которым мы начали править в 1917 г. Поскольку у нас диктатура упрочилась, стала на твердые ноги, мы выходим из первозданного хаоса, вносим планомерность в нашу жизнь, форсируем под'ем производительных сил страны и культурный рост масс.

Разрешите от имени партии вам сказать: входите скорей в нашу семью, достаточно быстро и бесстрашно. Чем сплоченнее мы будем, тем скорее мы создадим дело, о котором не смели мечтать наши предки, к которому мы теперь подошли и которое под руководством нашей партии мы во что бы то ни стало осуществим!

Да здравствует наша партия! Да здравствует рабочий класс и крестьянство, которое идет вместе с рабочими! Да здравствует наше учительство! Оно—мы уверены—будет играть роль моста, который навсегда уничтожит разобщенность между городом и деревней, который продвинет нас еще больше к коммунизму, за дело которого мы готовы умереть!

Доклад на I всесоюзном учительском с'езде.

* * *

К УГЛУБЛЕННОЙ РАБОТЕ!

Товарищи, позвольте мне поздравить вас с открытием вашего с'езда от имени партии, которая руководит вашим союзом, и от имени ЦК этой партии.

При открытии 9-го губс'езда вашей организации вы все почувствовали здесь, как над нашим залом пронеслось веяние смерти. Наш с'езд начался тем, что мы все вместе почтили память целого ряда товарищей, которые вырваны были безжалостной рукой смерти из наших рядов [1]. По всей вероятности, в ближайшее время нам придется пережить целый ряд таких случаев, потому что теперь подводится своего рода физиологический баланс целому поколению работников, которые исчерпали себя до дна. *Поэтому еще более остро становится перед всеми нами вопрос о смене и тем самым о Комсомоле.* К числу различных кризисов, которые переживаются нашей революцией, к числу неизбежных издержек этой революции нужно причислить и тот кризис, который неизбежно наступает по отношению к основному физиологическому капиталу нашей партии.

Совсем не случайно, что после стольких лет напряженнейшей работы, теперь, когда эта напряженность работы сменилась более спокойным ходом вещей, история подводит известную черту не только в том смысле, что мы имеем перед собою завершение определенного исторического периода в развитии нашей революции, но и в том смысле, что выходит в окончательный расход определенная возрастная группа из числа членов нашей партии. И тем с большей серьезностью, с большим чувством ответственности, с большим проникновением в исторический ход событий должны мы

---

[1] Товарищей Нариманова, Мясникова, Атарбекова, Могилевского, Владимирова и Мархлевского.

ставить перед собою вопрос о работниках нашей партии и о той смене, которая идет нам вслед, чтобы доканчивать и завершить то дело, за которое жили, под знаменами которого сражались и теперь умирают более старшие наши товарищи.

Московский Комитет партии просил меня прочесть вам общеполитический доклад. Я должен сказать, что в одном докладе говорить обо всем, что существует на свете, довольно затруднительно. Поэтому разрешите мне те различные вопросы и задачи, которые перед нами выстраиваются в ряд, рассмотреть под определенным углом зрения, выставить основное и центральное, наиболее важное с точки зрения нашей работы, и с этой точки зрения рассматривать всю совокупность стоящих перед нами вопросов. Я полагаю, что такою осью, таким углом зрения, с которого надо рассматривать все, сейчас является вопрос *об углублении нашей работы*. Это диктуется нам всем ходом развития, всей исторической обстановкой, в которую мы вступили.

Наша партия и организации, которые прямо или косвенно руководятся нашей партийной организацией, давно уже привыкли к тому, что наша партия, партия марксистская, не боится сказать правду, не боится бесстрашного анализа того, что происходит, и *именно* потому меньше, чем кто-либо другой, способна делать крупные ошибки. Если мы спросим себя об основном и характерном, что отличает текущий момент от прошлых моментов в развитии нашей революции, какова оценка нового положения вещей и в чем это новое заключается, то, мне кажется, основным ответом на это будет следующее: в центральной Европе — очаге международной революции, в которой осенью 1923 года, еще в сравнительно недавнее время, раздавались громы революционной грозы и все положение должно было быть оценено, как положение в высшей степени революционное, *положение сменилось таким, при котором нет революционной ситуации*.

Вы знаете, что сейчас, одновременно с вашим с‘ездом, у нас происходит расширенный пленум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала. Это есть, по сути дела, очень большая международная конференция, потому что с тех пор, как мы решили на V конгрессе созывать наши международные с‘езды не раз в год, а один раз в два года, расширенный пленум Коммунистического Интернационала приобрел характер и значение сокращенного международного с‘езда. Когда перед нами, работниками Коммунистического Интернационала, встал вопрос о том, чтобы оценить новое положение, создающееся теперь, мы без больших колебаний, именно потому, что нужно видеть положение вещей таким, как оно есть, а не таким, как мы бы этого

хотели, говорим: в центральной Европе исчезла революционная ситуация. Это значит, что замедлился темп революционного движения, что в центральной Европе, главным образом при помощи американского капитала, политический порядок вещей укрепляется. Мы не знаем, сколько этот момент продолжится. Мы не можем сказать, что в ближайшем будущем можно ожидать крупных революционных событий. За финансовой стабилизацией, т. е. за улучшением государственных финансов, последовала известная стабилизация экономических отношений вообще, и делаются первые шаги к известного рода политической стабилизации в центральной Европе. А так как этот узел был очагом революционного брожения и так как положение в Германии задавало за последнее время тон положению в соседних странах, то совершенно естественно, что, когда приходится оценивать общеевропейскую ситуацию, нужно считаться с этим фактом, как с фактом основным.

Другим таким фактом является полевение английского рабочего движения, которое выразилось в создании очень близких отношений между британскими и нашими союзными профессиональными организациями в совместной борьбе за единство международного профессионального движения. Огромные массы великобританского пролетариата сравнительно медленно, но верно развиваются в сторону близости к нам—к организациям наиболее революционным, непосредственно стоящим под знаменем коммунизма.

Наконец третий факт из области международной жизни, который нужно понять во всем его громадном значении и об'еме—растущее колониальное движение и, в частности, очень глубоко идущее решительное революционизирование масс восточно-азиатских народов, в первую очередь масс китайского народа.

Вот эти три факта (исчезновение революционной ситуации в центральной Европе, полевение британского пролетариата, обострение колониальной борьбы в частности, и в особенности обострение борьбы на Дальнем Востоке), - эти три крупнейшие события из области мировой политики нужно учесть, из них нужно исходить; они в своей совокупности определяют ту линию на гораздо более углубленную работу, с точки зрения которой я и должен буду рассматривать все остальные вопросы.

Предварительно нужно сказать, что именно благодаря такому состоянию в Европе мы переживали за последнее время целый ряд кризисов внутри Коммунистической партии.

Когда около 1921 года мы имели громаднейшие волнения в Англии, захват фабрик итальянскими рабочими, глубокое брожение в Германии; когда Красная армия подступала к воротам Варшавы, т. е. когда пульс международной революции бился наиболее напряженно, четко и могуче, тогда совершенно естественно наша международная коммунистическая организация росла, как на крыльях, прежде всего — вширь. В двери Коммунистического Интернационала стучались даже седовласые разбойники оппортунистического реформизма. Так велик был напор, так могуче было влияние, что оно несло за собой в коммунистические организации шлак, щепки и грязную пену из старых социал-демократических партий, которые далеко еще не изжили всех своих предрассудков. Но оказалось, что когда этот могучий революционный прибой, в некоторых участках фронта прорвавший твердыню капитала, помогший укрепиться основному базису социалистического движения — нашему Союзу — сменился волной отлива (а именно это мы переживаем сейчас в центральной Европе), то целый ряд колеблющихся и недостаточно выдержанных элементов, увлеченных общим потоком, стал уходить от Коммунистического Интернационала. Таковы кризисы в шведской, в норвежской партия, в нашей собственной партии, в чехо-словацкой, в германской, во французской и в целом ряде других.

Из этой обстановки как-раз и вытекает та основная задача, о которой я упомянул в самом начале своего доклада, — углубление нашей работы. Это углубление работы нашло свое выражение между прочим в основном лозунге, который стоит в центре внимания теперь происходящего пленума Коммунистического Интернационала, — в лозунге большевизации нашей партии.

Что значит большевизировать Коммунистическую партию? Позвольте сказать мне здесь несколько слов, которые будут относиться не только к нашим братским партиям на Западе и повсюду, но которые будут относиться и к вашей организации и к нашей партии.

Нам нужна большевизация даже нашей партии. Та дискуссия, которую мы имели и о которой я буду говорить, достаточно ярко выразила эту потребность. Но и для Запада, и для нашей партии, и для вашего союза самым неправильным было бы, если бы мы усвоили лозунг „большевизация", как простое разменное словечко, как термин, которым можно швыряться и играть, как в мяч. Такая опасность есть всюду и везде. Если сейчас при каждом удобном и неудобном случае клянутся ленинизмом, не понимая, что это такое, если не делают ни одного шага без упоминания ленинских лозунгов, заветов и при этом не берут

этого дела всерьез, — то это есть игра в большевизацию, а не настоящая большевизация. Вместо этой игры надо вести углубленную работу, т. е. продумывать вопросы до их корней, учиться видеть новые задачи, уметь продумывать их по-ленински и по-ленински их решать.

Нам удается однако, подытоживая опыт борьбы, указывая на ошибки как социал-демократического, так и „левореволюционного" характера, проводить правильную политику. Братские партии этот новый опыт усваивают, и таким образом у нас за этот период, когда нет непосредственных боев, нет непосредственной гражданской войны, создается могучая тяга к действительно углубленной работе, выдвигаются действительно большевистские кадры, заново переделываются мозги. К будущим боям мы придем гораздо более однородными, гораздо больше укрепившими силы, гораздо более сомкнутыми рядами, чем мы выходили в бои до последнего времени.

По-ленински продумывать все вопросы—не только в нашем союзном, но и в общеевропейском и общемировом масштабе—задача, которая, как вы видите, корнями своими врастает в теперешнюю обстановку. Эта задача составляет и суть большевизации. Осуществлять эту задачу придется главным образом по той линии, где именно русский большевизм и его теоретический выразитель тов. Ленин дал особенно много и поработал особенно плодотворно.

Теперь с большей резкостью, чем когда бы то ни было в мировой истории, а также и у нас в СССР, мы ставим вопрос об отношениях рабочего класса и крестьянства. На пленуме Исполкома Коминтерна этот вопрос поставлен. Наша партия мучительно и с громадным напряжением ищет ответа на целый ряд проблем, которые связаны с этим вопросом. Никогда, повторяю, за всю историю нашего движения этот вопрос не приобретал такой громадной международной остроты, какую он принимает теперь. Можно с известной дозой правильности сказать, что теперешний период можно охарактеризовать как ожесточенную классовую борьбу между господствующей буржуазией и помещиками, с одной стороны, и рабочим классом, с другой, за влияние на крестьянство. Если, например, сейчас наши советские республики напрягают все силы, чтобы так или иначе идейно помочь китайскому народу в борьбе за освобождение; если, с другой стороны, целый ряд империалистических государств напрягает все усилия, чтобы парализовать наше влияние в Китае, чтобы пустить там в ход всю совокупность своих соответствующих силовых средств, — то эта борьба между нами и западно-европейскими, американскими и японскими империалистами за

влияние на Китай есть не что иное, как борьба за влияние на колониальное и полуколониальное крестьянство.

Если сейчас между пролетарскими организациями, между Коминтерном, а по другой линии между Советским Союзом, с одной стороны, и, скажем, английским империализмом—с другой, происходит борьба за влияние на восточные народы — на Турцию, Персию и т. д.,—то это есть в первую очередь не что иное, как своеобразное выражение борьбы пролетарского государства и пролетарской международной коммунистической организации против империализма за влияние на колониальное крестьянство.

Если сейчас наша американская партия изо всех сил хочет привлечь на свою сторону разоряющихся американских фермеров, а крупные финансовые тузы, которые это крестьянство разоряют, в то же самое время ведут усиленнейшую пропаганду среди фермеров и пугают их красным призраком коммунизма, то это есть не что иное, как выражение ожесточенной борьбы за крестьянство между рабочим классом, с одной стороны, и господствующей буржуазией—с другой.

Если бы вы были в состоянии просмотреть основную экономическо-политическую литературу на разных языках, то вы увидели бы, с каким остервенением стремится буржуазия разрешить эту проблему. Это понятно. После войны, которая повсеместно встрясла огромные слои не только рабочего класса, но и крестьянства; после того как в значительной степени ослаб могучий охват империализма и колониальные народы стали подниматься, а в целом ряде стран были крупные крестьянские движения,—в этих условиях непрочности капиталистического режима в целом—буржуазия должна напрягать все усилия, чтобы удержать за собой часть рабочего класса через социал-демократию и почти все крестьянство через целый ряд кооперативных, банковских и других организаций, связанных с крестьянским населением. А в это же самое время, когда международный империализм пытается опереться на крестьянство, чтобы бросить его против рабочего класса, буквально все фракции, все оттенки нашей русской эмигрантщины, начиная с махровейших монархистов, с бывшего великого князя Кирилла Владимировича, который так неудачно недавно провозгласил себя императором всероссийским, и кончая эс-эрами и меньшевиками,—все решительно сейчас ставят свою ставку на крестьянство для того, чтобы расколоть союз рабочих и крестьян у нас в Советском Союзе.

Вы глубочайшим образом задумайтесь над этим. В особенности те товарищи, которые непосредственно работают в деревне, должны понять, прочувствовать, продумать это до последнего конца. Сейчас идет бой еще бескровный, идет

великая борьба, внешне не такая заметная, как непосредственные боевые столкновения.

Так можно определить теперешний момент с точки зрения расположения основных классовых борющихся сил. И поэтому совершенно естественно, что и западно-европейские Коммунистические партии, и американские наши организации, и наша РКП должны иметь в виду эту основную характеристику момента и из нее исходить, с ней считаться, на ней строить свою тактику.

Совершенно понятно, что если наше мирное строительство, с одной стороны, означает для нас возможность дальше и дальше развивать производительные силы страны, то, с другой стороны, оно ставит перед нами задачи, которых раньше мы не знали и к которым мы подошли теперь в упор. Борьба наша за влияние на крестьянство тоже властно требует от нас гораздо более углубленной работы, чем это было до сих пор. Если перед западно-европейскими партиями задача ориентации в новой обстановке, не такой боевой, как раньше, стала вплотную; если там мы говорим: „товарищи, сейчас вам нужно не только вербовать массы, не только итти в крестьянские ряды, но в то же самое время подтянуть все свои силы и поставить правильно свою собственную организацию, дав ей наиболее крепкий идейный фундамент",—то точно так же внутри нашей страны эта общая обстановка сказывается на новых задачах, к которым мы подошли вплотную.

Ожесточение партийной дискуссии, проходившей у нас, совершенно непонятое обывателями, видевшими только поверхность явлений и не понимавшими сути дела, вызывалось тем обстоятельством, что наша партия пережила вместе со всей страной за самое последнее время известный переломный момент.

Внешним образом этот переломный момент получился от целого ряда признаний нас со стороны капиталистических государств. Что лежит в этих признаниях, как трезво расшифровать их? С точки зрения классовой борьбы их нужно расшифровать так: это—учет капиталистическими державами того основного факта, что они не смогли нас свергнуть вооруженной рукой. С точки зрения социальной и классовой, когда международная буржуазия признает нас, она признает в первую очередь факт нашей победоносной аграрно-крестьянской революции. Прошу вас на это обратить особое внимание. Другими словами, это значит, что международная буржуазия, которая раньше поддерживала непосредственно нашего помещика, которая помогла ему взять землю назад у крестьянина,—она теперь считает, что земли назад взять нельзя, и не на это она ставит свою основную ставку.

Точно так же и вся эмиграция, кончая черносотенцами, которые живут в Париже и Берлине, изменяет свою программу. Она теперь заявляет, что нельзя надеяться на то, чтобы выцарапать у крестьянина назад землю. Она теперь ставит свою ставку на то, что развертывание собственнических инстинктов среди крестьянства будет порождать все большую и большую ненависть среди крестьянства ко всем попыткам построения коммунистического общества.

Они верят, что все более и более будет вырастать пропасть между рабочим классом и крестьянством. По этой линии они хотят вести свою дезорганизаторскую работу. Когда буржуазия признает наше государство, то по сути дела она говорит следующее: „Ладно, мы помирились с тем, что вы разгромили, ограбили помещиков, взяли их землю. Чорт с вами! Пользуйтесь ею, но я буду теперь разнуздывать все то, что приводит в столкновение рабочий класс с крестьянством“.

Борьба за крестьянские души, которая идет сейчас во всей Европе, Америке и во всем мире, эта борьба в своеобразной форме неизбежно обостряется и у нас. Вот почему так остро стояла проблема взаимоотношений рабочего класса и крестьянства, и вот почему со стороны нашей партии требуются новые методы, чтобы заново завоевать на свою сторону крестьянство.

Основной козырь, который был у нас в руках, который был для крестьянства убедительнее, чем самые блестящие аргументы и речи, это—то, что *рабочий класс помог крестьянству разгромить помещиков и взять помещичью землю*. Теперь этого козыря уже мало, ибо это дело уже сделано и оно отходит в историческое прошлое. Мы были бы узколобыми дураками, если бы этого не понимали. Мы ничего не понимали бы в международных отношениях, если бы думали, что буржуазия сейчас непосредственно будет отбирать землю у крестьян и что этим нам удастся удержать крестьянство в союзе с рабочим классом.

Этого сейчас нет. *Нам нужно завоевать снова крестьянство, сызнова поставить его под влияние рабочего класса.*

Надо все большие и большие массы крестьянства вовлекать в советское строительство. Это — политическая линия; а по хозяйственной надо в первую очередь обеспечить то, *чтобы наша государственная социалистическая индустрия могла работать на крестьянский рынок более выгодно, чем это делала капиталистическая индустрия*. Эта задача представляет колоссальную трудность в настоящих условиях, когда у нас выпал главный

политический козырь. В этом заключается трудность нашего положения в деревне, и поэтому нам необходимо напрячь все силы, чтобы эту колоссальной важности задачу разрешить.

Вот почему встает вопрос об углублении нашей работы: вся простота, вся элементарность, которая была свойственна нашей работе в прошлый период, наиболее ярко выраженная в период военного коммунизма, эта простота для нас сейчас станет хуже воровства. Мы пережили период военного коммунизма—героическую эпоху. Мы пережили период громадного напряжения сил. Но методы нашей работы тогда были довольно элементарны и просты. Теперь нам от них нужно отучаться и совершенно перестроить эти методы. В этом заключается основная трудность задачи.

Почему, несмотря на все усилия, на многочисленные директивы со стороны наших верхушечных организаций, на твердый курс, который берет наша партия, несмотря на резолюции, с'езды, конференции, почему до сих пор у нас как следует не наладилась еще работа в деревне? В значительной мере потому, что наш кадровый состав работников, работающих в деревне, выросших на задачах уравнительных, на задачах своеобразного военного потребительского коммунизма, поравнительного раздела и передела, на методах военной команды,—видел в этом весь смысл коммунизма. Он не мог реорганизовать себя так, чтобы быть в состоянии править, управлять, завоевывать себе авторитет и массу новыми методами.

Вы знаете отлично, что наша партия в области работы в деревне выбросила целый ряд новых лозунгов; напр., в области хозяйственно-организационной мы держим сейчас курс на добровольное членство в сельско-хозяйственной кооперации. Почему? По каким причинам? Потому, что для нас сейчас основная наша задача заключается в том, чтобы, с одной стороны, вызвать к жизни, пробудить любую хозяйственную силу, а с другой стороны, чтобы действительно, на деле втянуть в эти организации массы. Эта двоякая задача должна быть разрешена во что бы то ни стало. Если бы мы сейчас не перешли к добровольному членству в кооперации, мы никогда не в состоянии были бы привести в движение скрытые запасы экономической энергии, в виде крестьянских вкладов, крестьянских паев, заинтересованности крестьянства в экономических организациях.

Почему мы сейчас действительно должны во что бы то ни стало вовлекать крестьянство активно в советскую работу? Почему мы должны нашим товарищам, работающим в деревне, говорить: „Не моги работать старыми методами,

действительно стремись убедить, стремись действительно взять беспартийное крестьянство“? Значит ли это, что мы ликвидируем пролетарскую диктатуру и тем самым ослабляем рабочее государство? Значит ли это, что мы тем самым желаем изменить социальную структуру, классовую структуру, классовую природу нашей власти?

Ничуть не бывало. Это значит, что мы должны укрепить рабочее государство, а старыми методами его сейчас не укрепить. Вот почему сейчас производится целый ряд реформ, и я заранее пророчу вам, что еще целый ряд таких реформ будет проводиться нашей партией в области наших взаимоотношений с деревней.

Очень часто некоторые товарищи из взрослых, а также из молодых, думают, что это „шутки“, что это—втереть очки Западной Европе, Ллойд Джорджу и т. д. Ничего подобного. Это есть фактическое изменение нашей линии, которое диктуется изменившимися условиями. Нам нужно заново работу начать и по-другому.

Задачи, как видите из приведенных примеров, до крайности усложнились. Именно поэтому нам, основному кадровому партийному составу и всей нашей партии целиком, необходима углубленная работа.

Какие две опасности стоят перед нами?

Одна опасность заключается в том, что наша партия или ваш Комсомол, который идет вместе с нашей партией, что они могут не учесть нового духа времени, что они будут работать по-старому, отнесутся к новшествам, как к пустяку. Тогда неизбежно мы будем иметь конфликт между рабочим классом и крестьянством. Мы, не поняв наступившего периода, новых закономерностей, заложенных в этом периоде, попадем пальцем в небо, ибо не уловим духа времени, если не изменим метод нашего воздействия, нашего руководства массами, не укрепим этим пролетарской диктатуры.

Второе опасение, которое бежит вслед за первым, это если мы распустим вожжи, расплывемся, не будем твердо гнуть свою линию, понесемся без руля и без ветрил в безвоздушном пространстве, скажем: „Распускайте решительно все на свете, и пусть каждый делает все, что ему угодно“.

Эта опасность есть. Нужен пересмотр старых методов, но этот маневр нужно проделать всем как одному человеку. Это можно проделать только при сохранении железного руководства и железной дисциплины со стороны нашей партии. Жестоко ошибаются те, кто думает, что эти мягкие методы—убеждение, просвещение, доказательства, вместо прямого

административного нажима—не требуют дисциплины. Мы бы все погибли, если бы новый наш маневр не проделали сообща, с величайшей сдержанностью, зная все пропорции, зная меру, понимая цель.

Вот для того, чтобы не запутаться между двумя соснами, чтобы избежать двух опасностей, которые стоят перед нами, нам и нужна углубленнейшая работа. Вот почему была жесточайшая партийная дискуссия, вот почему эта дискуссия в общем и целом имела положительные результаты.

Помните, как все вначале думали, что перед вами просто литературное выступление т. Троцкого, что поэтому пошла перепалка, что под этим скрываются различные „верхушечные комбинации". Но прошла неделя, другая, месяц, другой, третий. Разве теперь не совершенно ясно, что по сути дела мы в дискуссии прошлого года и в последней дискуссии мучительными, извилистыми путями нащупали правильную линию наших отношений к деревне? Это совершенно ясно. Я отсылаю товарищей к соответствующим работам, в том числе и к моим собственным. Ведь совершенно ясно, что неправильной была постановка нашей партийной оппозицией вопросов о нашей промышленной политике, о ценах на предметы промышленности, о денежной реформе, о плане, обо всем, что по сути есть единый вопрос под разными этикетками: вопрос о наших отношениях к деревне. Когда Центральный Комитет нашей партии настаивал на том, что нужно в первую очередь провести денежную реформу, то теперь совершенно ясно, что это был бесконечно более правильный шаг, чем делала оппозиция, которая предлагала сосредоточить все внимание на плановой работе нашей промышленности. Теперь доказано уже на опыте, что никакой плановой работы в нашей промышленности нельзя было построить без того, чтобы предварительно не провести денежную реформу. А что такое денежная реформа? Денежная реформа есть не что иное, как тот мостик, который вновь связал крестьянское хозяйство с городской промышленностью, без чего смычка немыслима.

Когда мы, сторонники ЦК, с величайшей страстностью настаивали на том, что нужно бить в одну точку, в первую очередь—в денежную реформу, мы как-раз по сути дела исходили из правильного понимания соотношений между городом и деревней. Когда мы говорили, что нужно взять под обстрел высокие цены на продукты промышленности, что здесь нужно приложить все усилия партийного воздействия, мы говорили это в противовес нашим оппозиционным товарищам, считавшим, что не так важно административное

понижение цен. А мы говорили, что с этого надо начать. Мы исходили из правильного понимания соотношений между городом и деревней. Мы нащупывали и разными подходцами шли к одному вопросу—*центральному, большому, грандиозному и основному, который стоит сейчас перед нами, вопросу о соотношении между городом и деревней.*

Раньше этот же вопрос стоял крайне просто: сколько взять с крестьянина по продразверстке? Столько или столько? Сколько нужно реквизировать скота? Столько или столько? Как нужно командовать нашим Ревкомом? Так или эдак? И больше ничего.

А теперь вопрос—о соотношении рабочего класса и крестьянства пронизывает целую кучу мельчайших на первый взгляд вопросов. Вопросы: какую систему обложения у нас устроить, как производить закупку хлеба, какие предельные цены назначать, как районы этих закупок распределить, как налоговую систему наладить, какое соотношение определить между косвенными и прямыми налогами, как выбирать в сельсоветы, чтобы обеспечить и доступ беспартийного крестьянства, и в то же время руководство нашей партии? Вопросы: какую политику вести по отношению к ценам на продукты промышленности, какую политику вести в сельско-хозяйственной кооперации, в кредитной и проч.—до бесконечности, вплоть до того, как удержать за фалды комсомольца или комсомолку, когда они слишком озорничают. Таков колоссальнейший об'ем вопросов, стоящих перед нами, и к ним уже нельзя подходить так примитивно, как мы подходили раньше.

Мы сейчас идем по дорогам и дорожкам необычайной путанности и сложности. Как в них разобраться, как не сбиться здесь с пути, как сохранять величайшее умение итти к той цели, которую мы себе поставили, но к которой нет прямых дорог? Вот тут нам нужно иметь компас, который безошибочно бы показывал дорогу. *Вот почему нам нужна большевизация до корня волос. Вот почему нам нужно углубление работы, как никогда, ибо с поверхностными знаниями мы будем обречены на гибель.* Мы не воспитаем себя как ценных работников, а будем дрянцо, которое никому не нужно.

Посмотрите, какие бывают иногда ошибки, какие пустяки рождают целые политические факты. Я вам приведу пример очень любопытный и смехотворный, почти анекдотический. Вы знаете: за последние дни в Москве ходят слухи, что будет новая война, и потому вдруг исчез хлеб. Вы знаете, каково происхождение этого слуха? Мы только на-днях это выяснили с полной очевидностью. Оказывается

следующее: мы заготовляли в столице хлебный фонд, т. е. фонд, который будет служить, когда будет скверно обстоять дело с хлебом; тогда государство выпустит из этого фонда на рынок и не даст взвинчивать цены на хлеб. Но мы назвали этот хлебный фонд „маневренным“ фондом, и часть публики решила, что тут дело идет о военных маневрах. Раз для военных маневров существует маневренный фонд, то, конечно, будет война. Это, как апельсин, ясно. И в результате этого обыватель старается закупить хлеб, ибо ведь ему придется сидеть в погребе, скрываясь от пуль. Поэтому он старается закупить предметы первой необходимости и говорит, что дело дойдет до кожаных курток и будут ходить по кварталам большевики и отбирать все, как было в 1918 году. Я вам привел этот небольшой пример, чтобы показать, насколько сейчас осторожно и мудро надо взвешивать каждую мелочь, даже название хлебного фонда. А то неожиданным образом очутишься виновником распространения паническнх слухов, потому что неудачно назвал хлебный фонд „маневренным“.

Перед всей партией стоит вопрос о необходимости углубленной работы, и много труда и энергии пришлось затратить на то, чтобы воспитать и подтянуть новых членов партии, ленинский призыв. А приток новых членов в партию идет еще и еще.

Но эта задача в особенности настойчиво, властно и необходимо выдвигается перед вашим союзом. Ваш союз великая сила! Ваш союз — такая организация, которой несомненно придется сыграть никак не менее, а даже более славную роль, чем играли старые кадры. На вашу долю, если мы будем говорить о боях, придутся бои, гораздо более значительные, чем пришлись на нашу долю. Внутри страны придется решать задачи гораздо более сложные, чем это пришлось на нашу долю, несмотря на то, что при нас начинался переплет событий. В будущем будут непредвиденные сложности. Но вы выступаете на арену истории не в таком чистом социальном составе, как мы; вы вступаете на свой широкий жизненный путь и с другим опытом, чем мы. При каждом историческом повороте, который придется испытывать нашей революции, вам придется очень часто переходить к другим задачам, бросаться на другие фронты, на которых вам раньше не приходилось быть.

Величайшая опасность, которая может быть перед людьми вашего поколения, заключается в том, что, укрепившись на определенном виде работы, вы можете растеряться, когда

придется круто поворачивать. Всякий отлично знает, какие огромные президиумы вы умеете избирать: в 90—100 человек Что ж, бог вам в помощь, избирайте тысячу раз. Всякий отлично знает, как вы можете и „крыть“, и „нажимать“, и „чистить“, и различные „группировочки“ разводить, и друг друга „нагревать“, совсем как в лучших странах Европы и Америки. Этому вы обучены в высочайшей степени. (Голос с хор: „Этому мы от вас научились“). Что ж, рад стараться.

Но я должен сказать, что та опасность, которая есть и которую вы все должны знать, заключается в том, что когда история делает какой-нибудь поворот, когда вам придется самостоятельно искать новые пути, вот здесь вы можете сбиться и запутаться, если не подготовите себя углубленнейшей работой к пониманию всех зигзагов, которые проделывала наша партия, пониманию того, почему она эти зигзаги проделывала, пониманию революционной марксистской диалектики.

Я возвращаюсь к той цели, которую затронул уже, когда говорил о западно-европейских партиях и о нашей собственной партии. За основу своего поведения нужно взять не показную, не парадную, а настоящую, действительную работу. Мне неоднократно говорили уже товарищи из президиума, что я во всех своих последних выступлениях обязательно скажу какую-нибудь неприятность по отношению к дорогим, уважаемым комсомольцам, т. е. просто ругаю их. Но я хочу повторить это опять. Все вы отлично знаете, насколько еще низок ваш уровень. Вы внешне научены в высочайшей степени: колоссальная организационная тренировка, в громаднейшей степени все политические и организационные навыки, абсолютная ловкость; в этом отношении вы как ртутные шарики, бегаете во все стороны. Можете строить и перестраиваться с величайшей быстротой; честь вам и слава за это! Но что касается углубленного знания, то мне кажется, что здесь еще очень много и много нужно сделать.

Если спросить вас насчет ленинизма; если проэкзаменовать вас как следует, с пристрастием, насчет троцкизма, то оказалось бы, что многое вы знаете, но еще очень многого не знаете, даже на эту острую тему. Если бы провести анкету (чего я делать не собираюсь, потому что я стал за последнее время принципиальным врагом анкет и прямо отказываюсь отвечать на анкеты,—ведь это смерть, это хуже чумы), но если бы еще раз провести добавочную анкету на такую тему: „сколько кто из вас читал томов сочинения Ленина?“ то получится очень мало. А ведь при каждом

удобном и неудобном случае мы клянемся именем Ленина: „мы—ленинцы“, „все заветы исполняем“, прямо шагу не можем ступить без того, чтобы нашего старика и вождя не упомянуть. Хорошо упоминать имя Ленина, но этого мало. И через некоторое время это перестанет быть добродетелью, ибо это через некоторое время всем надоест: тогда будут расценивать не тех, которые больше кричат о Ленине, а будут расценивать людей за их работу. Кто больше знает? Кто лучше умеет действовать в ленинском духе?

Это—вещь очень сложная, и простой кажется только на первый взгляд, ибо Владимир Ильич с величайшей простотой писал обо всех вопросах. Но для того, чтобы продумать весь метод ленинской диалектики, чтобы получить действительно в руки ключ, который бы отворял новые ситуации, который бы помогал в разрешении того, чего мы еще не переживали, — для этого нужно проделать громаднейшую самовоспитательную работу. Даже тому кадру комсомольцев, который обучается в вузах, некогда учиться. Это ведь факт, что комсомольцы в вузах отличаются не особенно большой успешностью. Даже основные наши ряды, из наиболее организованных в Комсомоле, не успевают иногда читать газет, не говоря уже о большем.

Это может быть терпимо год, два, может быть, несколько больше, но, поверьте, дорогие друзья, это не может быть терпимо вечно.

Мы имеем перед собой старые бастионы буржуазных учреждений: буржуазное государство, буржуазную идеологию, буржуазные нравственные правила, буржуазную религию. Мы по отношению к ней проникнуты лютой злобой. Мы их чешем направо и налево. Мы их крушим, тщательно выкорчевываем из самих себя остатки этого старого прошлого. Но очень часто при этом разгроме мы несколько увлекаемся и не успеваем построить себе нового взамен этого. Мы привыкли нарушать буржуазные приличия и, заламывая шапки, очень любим подразнить буржуа. Но когда мы плюем в нашем собственном учреждении и делаем невозможным пребывание в нем, мы уже немного перехлестываем и не понимаем, что к чему.

Нам были противны типы „зубрил“, которые учились и которые прекрасно сдавали экзамены в буржуазной гимназии. Но беда, если мы переносим эту же ненависть на нас самих, т. е. если говорим: „он занимается всякими книжками, это очень нехорошо“. А ведь эти пережитки в комсомольцах еще чрезвычайно крепко сидят.

Конечно, громаднейшее зло заключается в колоссальном количестве работы, которую взваливают на вас. Но нужно сейчас переходить к такому распределению

своего труда и к такому распределению своей работы, чтобы изничтожить всякие излишние заседания, хождения, лишнюю болтологию, лишние разговоры, лишние чаепития, лишнее курение и лишнюю расхлябанность в сапогах и без сапог, которая характеризует очень часто наш быт. Нам нужно суметь выкроить время для того, чтобы отшлифовать более глубоко свои мозги. Это—обязательная вещь. Без этого мы такой крупной политической проблемы, как наши отношения к деревне, не решим. Без настоящего понимания этой проблемы мы постоянно будем сбиваться на то, что-де „на наш век хватит", и тогда мы рискуем получить очень хорошую тютю по загривку. Надо вести себя так, чтобы выйти победителями из тех затруднительных положений, в которые нас ставит наш собственный рост.

Мы действительно живем в такое время, которое можно смело назвать временем нашего могучего, исключительно могучего роста. Но из того, что у буржуазии дела поправляются, вытекают для нас некоторые общие задачи. Сейчас уже мы не можем сказать: вот у нас все растет, а в Германии все разваливается, ибо там сейчас не разваливается, к сожалению, а там тоже сейчас растет. Они растут и мы растем. Нельзя сказать, что мы хотя медленно, но обгоняем их, потому что они сейчас тоже начали расти. Может быть, они через год или полтора снова втянутся в какую-нибудь историю—мы не можем здесь пророчествовать,—но вот на этот отрезок времени, в который мы сейчас живем, не подлежит никакому сомнению, что у буржуазии дела стали поправляться в Западной Европе, не говоря уже об Америке. Сейчас вопрос о темпе приобретает колоссальную роль, гораздо большую роль, чем это было раньше, когда у них кривая шла книзу, а у нас шла кверху. Теперь нечего хвастаться, что мы идем в гору, а они падают. Мы должны перед собой прямо в упор поставить эту новую опасность. Они тоже идут кверху, и поэтому темп нашего роста должен быть ускорен в несколько раз, для того, чтобы мы могли выдержать эту скачку с препятствиями, чтобы международная буржуазия нас не перегоняла, чтобы она не оказалась через некоторое время сильнее нас, чтобы она на свою сторону не перетянула часть крестьянства. Наш рост должен быть еще более могучим, для того чтобы в этой скачке мы шли гораздо более уверенно, гораздо более твердо и гораздо более быстро, чем до сих пор.

История не сама собой развивается, как сухой бездушный автомат; история людьми творится, в нашей стране она

творится в том числе и Комсомолом. Комсомол исполнит свою великую роль на ближайших ступенях своего развития, если он, с одной стороны, внимательно прислушиваясь к партийному руководству и сплачиваясь под партийными знаменами, самым тщательным, внимательным, вдумчивым образом будет решать проблему города и деревни и если, с другой—что есть отчасти предпосылка к решению этой задачи,—если он совершенно сознательно и твердо возьмется за свое глубокое самовоспитание.

Пленум Исполкома Коммунистического Интернационала скажет: „Большевизируйтесь на деле, а не на словах, учитесь подытоживать опыт, не будьте попугаями, говорящими о большевизации, будьте настоящими большевиками, полновесными и полноценными". Мы скажем своей собственной партии: „Углубляй свою работу, подводи под нее могучий фундамент ленинского учения, неси настоящий большевизм в самую толщу своих партийных членов не на словах, а на деле, занимайся углубленнейшей работой своего воспитания в ленинском духе". Эту основную директиву мы должны дать нашей комсомольской организации без излишнего шума, без излишнего визга, но с тем большим упорством, упрямством и молодой энергией.

Вы должны взяться за это дело углубления своей работы. Вы расправили свои молодые и могучие крылья. Ваша организация стала колоссальной, миллионной организацией молодежи. Не раз и не два, и не три, и не десять раз все наши враги будут смотреть и слушать, что делается с вашей организацией. Не раз и не два, и не три, и не десять раз будут они прикладывать свое ухо, чтобы заметить, где трещинки в вашей среде. Не раз и не два, и не три они будут пытаться в вашей организации проложить трещину между двумя главными составными частями, между рабочей молодежью и крестьянством.

И точно так же вредно, точно так же недопустимо, точно так же гибельно для нас было бы, если бы между партийным руководством, между партией и вашей организацией было заметно хоть какое-нибудь охлаждение или какая-нибудь трещина.

Тов. Ленин в одной из своих работ назвал роль рабочего класса в период его диктатуры ролью организаторской, и это есть святая истина. Мы победим безусловно. Мы нашу колоссальную деревню переделаем, если у нас будет правильное сочетание между партией, партийным руководством, комсомольскими кадрами и всеми составными частями Комсомола. Нечего еще раз взывать к тому факту, что ваша

организация во многих деревнях играет гораздо большую роль, чем партийная организация в собственном смысле этого слова. Но из этого как-раз и следует *гораздо более строгое отношение к самим себе с вашей стороны*. Вы должны сказать самим себе, что вы есть настоящие (сейчас я решаюсь это сказать прямо) *государственные люди нашего Союза*, потому что вы в деревне в первую очередь ведете государственную работу. *Чувство величайшей ответственности*, которое с такой гигантской силой было воплощено во всей фигуре тов. Ленина, *должно быть*, хотя бы в сильно сокращенной дозе, основным и *характерным свойством вашей организации*.

Это вовсе не значит, что партия требует от вас аскетизма, постничества и т. п. глупостей, которые требуют иногда самые старые члены нашей партии, потому что очень часто добродетель приходит с возрастом. Не к добродетели мы вас зовем, а мы призываем вас к тому, чтобы *вы имели полное чувство ответственности за свою работу, к ней серьезно относясь, чтобы вы поставили себя под знамя гораздо более глубокого изучения ленинизма, чем до сих пор*.

Позвольте к концу моего доклада пожелать успешной работы вашему с'езду и выразить пожелания, чтобы те решения, которые мы вместе с вами здесь примем, были бы в ближайший срок претворены в дело. *Да здравствуют не только ленинские заветы и не только наши лозунги, а да здравствует ленинское дело, претворяемое в жизнь!*

Доклад на Моск. губ. с'езде РЛКСМ в апреле 1925 г.

* * *

О РАБОТЕ РЛКСМ [1]

ВВЕДЕНИЕ

1. Работа РЛКСМ должна приспособляться к особенностям текущего момента. Хозяйственный рост как в городе, так и в деревне; успехи социалистических элементов хозяйства при обострении противоречий между различными хозяйственными формами (государственное хозяйство и частный торговый капитал; рост кулачества в деревне при одновременном под'еме середняка и частичной пролетаризации бедноты и т. д.); новое во взаимоотношении между городом и деревней вообще (недопроизводство—несмотря на рост—в сфере индустрии), на основе всеобщего развития товарного хозяйства — таковы эти особенности, в конечном счете определяющие и задачи работы среди молодежи.

2. На фоне экономического роста и противоречий этого роста намечается и некоторое изменение в классовых соотношениях в стране. Растет и сплачивается пролетариат городской промышленности, при одновременном внутреннем изменении своего состава (возврат квалифицированных рабочих из деревень, новые слои пролетаризованных крестьян, рабочая молодежь, впервые вступающая в производственный процесс); растет слой служащих в связи с усложнением и ростом совокупного государственного, государственно-хозяйственного и кооперативного аппарата; одновременно растут и прослойки новой буржуазии, в особенности в сфере торгового капитала,—прослойки, стремящиеся отвоевать часть служилой интеллигенции в городе и опереться на зажиточные слои в деревне, где, при под'еме середняцкой крестьянской массы, усиливаются относительно и оба крайние фланга: кулачество — с одной стороны, деревенская беднота и батрачество—с другой.

---

[1] Тезисы к XIV с'езду РКП, одобренные Политбюро ЦК РКП.

3. Повышающаяся — на основе хозяйственного роста — активность всех классов, классовых прослоек и групп предполагает, что руководство пролетариата общей политикой и экономикой страны может быть сохранено и упрочено лишь на новой, высшей ступени развития; рост активности крестьянства предполагает еще больший рост активности пролетариата, чтобы сохранилось правильное соотношение между основными классами, то-есть руководящая роль рабочего класса.

4. С этой точки зрения крайне важен и вопрос о молодежи в ее различных составных частях. Естественная передвижка возрастов с различным их опытом (новые восрастные слои, не знавшие ни феодального, ни буржуазного режима и не видавшие часто даже гражданской войны), повышение в этом смысле удельного веса молодежи обостряет вопрос о последней и делает его одной из важнейших политических проблем текущего дня.

5. Развертывающиеся классовые противоречия и рост новой буржуазии в городе и деревне означают таким образом и развертывающуюся борьбу за молодежь. Совершенно не случайно поэтому, что остатки разбитых революцией партий, эс-эры и в особенности меньшевики, спекулируют прежде всего на молодежь; проповедуя буржуазно-реставрационные взгляды среди рабочей и учащейся молодежи, они рисуют наши социалистические по своему типу госпредприятия, как просто капитализм или ту, либо иную форму государственного капитализма, их систему, как систему эксплоатации рабочего класса, государство пролетариата, как капиталистического нанимателя, и т. д. Они отрицают диктатуру пролетариата, факт принадлежности пролетарскому государству основных средств производства, используют наши нехватки, стараются подорвать веру рабочего класса и учащейся молодежи в силы пролетариата, сеют пессимизм и готовят таким образом идейно поле для откровенно-буржуазной контр-революции. (См. „Соц. Вестник“, „Рев. Россию“ эс-эров, а равно писания Устрялова, Милюкова и др.). Среди крестьянства они одновременно хотят использовать и недовольство кулацкой верхушки и недовольство части бедноты, все еще находящейся в тяжелом материальном положении. (См. там же).

6. Борьба за молодежь, соответствующее ее воспитание, сохранение преемственности опыта социалистической революции, приспособление к великим строительно-организационным задачам дня, при сохранении и укреплении правильного руководства, подчеркиваются таким образом главнейшими особенностями переживаемого периода.

1. ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОМСОМОЛА В ТЕКУЩИЙ ПЕРИОД

7. С'езд констатирует ряд достижений Комсомола за истекший год (охват 50 проц. рабочей молодежи; усиление деревенской работы, работы по воспитанию вообще, политучебе в частности; выдвижение новых активистов; приближение Комсомола в результате борьбы с неленинскими уклонами и в итоге бывших дискуссий к партии и ее руководству).

8. Основными явлениями в работе Комсомола можно считать в настоящее время четыре явления: во-первых, громадный рост союза и пионерской организации, в особенности рост крестьянских ячеек союза; во-вторых, ослабление дисциплины и рост текучести в рядах Комсомола; в третьих (что особенно важно подчеркнуть), наличие известного противоречия между существующими формами и содержанием работы, с одной стороны, и текущими потребностями, основанными на хозяйственном росте,—с другой; наконец, в четвертых, противоречие между огромным ростом союза, а равно пионерской организации и недостаточным количественно и качественно руководством (по линии пролетариат и крестьянство, партия и Комсомол, Комсомол и пионеры).

9. На первое место необходимо поставить несоответствие между новыми запросами масс в связи с хозяйственным ростом и методами, формами и содержанием работы Комсомола. Приспособление работы к этим запросам есть, таким образом, центральная проблема комсомольского движения в текущий переломный период.

10. В городе и для рабочей молодежи эта проблема стоит следующим образом: в производство вовлекаются новые прослойки молодежи, и вовлекаются впервые; хозяйственный рост неизбежно вызывает у этих слоев совершенно естественное стремление: а) улучшить свое материальное положение (вопросы зарплаты в первую голову); б) получить надлежащее профобразование и по возможности высокую производственную квалификацию; в) найти и определить себя в производственном процессе вообще; г) по возможности принимать участие в хозяйственном ходе дел предприятия и влиять на его судьбу; д) в области быта иметь известное количество досуга, известный минимум развлечений и т. д.

11. По отношению к этому в корне своем здоровому движению возможны два неверных уклона: во-первых, голое и некритическое поощрение этой стихии; во-вторых, прямая борьба с этим движением. Обе эти линии являются неправильными и способны лишь разложить работу среди молодежи.

Одно голое развязывание данной стихии неизбежно приведет к разрыву между отдельными группами рабочих и всем классом в целом, между отдельным рабочим и рабочим государством; оно неизбежно разовьет мещанский индивидуализм в рабочем классе и затруднит дело социалистического строительства. Не менее вреден второй уклон, который начисто отрицает поддержку здоровой заботы о материальном устроении рабочей молодежи, ибо заинтересовать ее основную массу в социалистическом строительстве в условиях мира и хозяйственного роста нельзя иначе, чем на основе систематического повышения ее материального уровня. Таким образом, увязка личного и группового интереса с интересами целого класса есть центральная проблема в постановке всей работы Комсомола.

12. Между тем, в работе Комсомола в значительной мере имеют место и такие формы, и такие методы, и такое содержание работы, которые соответствовали прежней полосе нашего развития. Пропаганда и агитация, порядок дня и повседневная работа ячеек не увязаны в достаточной мере с потребностями растущего стремления к материальному благосостоянию; связь между личным и общественным не стоит в центре работы; приемы и методы не соответствуют росту активности (наличие элементов бюрократизма в аппарате) и т. д. Привести все это в связь и соподчинить общим задачам революционного социалистического строительства— такова главная директива работникам Комсомола в городе.

13. В деревне наблюдается то же явление: среди батрачества и бедноты тяга к прямой защите своих материальных интересов, к под'ему своего (или коллективного) хозяйства; у середняка этот момент подчеркнут еще более резко.

Активные слои бедного и среднего крестьянства вообще и его молодого поколения в частности в настоящих условиях хозяйственного оживления стремятся:

а) добиться материального улучшения своего положения путем лучшей постановки своего производства, путем перехода к более передовым формам хозяйствования;

б) повысить свой культурный уровень, обогатившись прежде всего знаниями практически полезного в хозяйственном отношении характера;

в) вообще улучшить бытовые условия современной деревни, в частности отыскать общественные формы здорового развлечения, тяга к чему особенно остро наблюдается со стороны молодежи.

Сочетание проблемы под'ема индивидуального хозяйства с общими интересами социалистического строительства и в связи с этим соответствующая постановка работы—вот что должно быть главным выводом из учета теперешнего положения.

14. Комсомол стоит, таким образом, перед задачей оживления своей работы и своей организации. Переломный момент в его развитии совпадает с переломным моментом в развитии советов, профсоюзов, партии, что является выражением переходного момента в развитии всей страны в целом. Оживление Комсомола есть звено в общей цепи роста активно-революционных сил в данный период.

15. Повышающаяся активность масс, необходимость иметь более широкий подбор выдвиженцев, руководителей и т. д. требуют решительного курса на демократию внутри комсомольской организации. Если текущий момент властно настаивает на изменении в содержании работы, то не менее настоятельной является и потребность в приспособлении к текущим задачам, а равно и новому содержанию работы, ее организационных форм (внутрикомсомольская демократия) и методов работы (максимум убеждения, минимум принуждения).

16. Отмеченные выше недостатки являются главной причиной (поскольку вообще эти причины обусловливаются той или иной работой Комсомола) текучести состава организаций РЛКСМ. На ряду с огромным ростом союза мы имеем значительных размеров явление выхода из его рядов; анализ этого явления показывает, что выходы мотивируются большей частью тем, что „в союзе нечего делать“, что он „ничего не дает“, что лучше искать настоящего (то-есть профтехнического, прежде всего, образования или в деревне) заняться настоящим „делом“ (то-есть под‘емом хозяйства и т. д.). Наиболее крепкими и живыми ячейками в городах являются те ячейки, которые сумели увязать интересы повышения жизненного уровня с интересами государственного производства в целом, следовательно, с общими интересами революции. Наиболее крепкими и жизненными ячейками в деревне являются те ячейки, которые ведут практическую работу по под‘ему сельского хозяйства (через с.-х. кружки, кооперацию, блок с агрономом и т. д.). Наиболее крепкими и живыми клубами являются те клубы, которые дают не сухой шаблонный материал, но и известный минимум живого развлечения.

17. Падение дисциплины усиливается и крупными внешними причинами: перегруппировками в составе рабочей и крестьянской молодежи вообще, наличием безработицы в городах и огромным аграрным перенаселением, развертыванием товарно-денежных отношений с их противоречиями, в частности ростом потребления алкоголя в индустриальных центрах. На ряду с общими мерами хозяйственного оздоровления вообще, оздоровления труда молодежи в частности, необходима упорная систематическая борьба против текучести и за поднятие общесоюзной дисциплины.

18. В непосредственной связи с этим стоит необходимость борьбы за упорядочение жизни и быта как внутри Комсомола, так и вне его, среди беспартийной рабочей и крестьянской молодежи. Остатки старой „наплевистской" распущенности и анархизма в быту вступают теперь в категорическое столкновение с потребностями хозяйственного развития. Кадры носителей государственного и кооперативного хозяйства смогут правильно и победоносно вести дело только тогда, когда будут точнее и правильнее „считать", работать и жить. Элементы распущенности, находящие себе базу частью в остатках дореволюционной интеллигентской идеологии, частью в деклассированных люмпен-пролетарских, мещанских, мелко-буржуазных, интеллигентски-анархических слоях Комсомола и беспартийной молодежи, должны наконец стать об'ектом решительной борьбы со стороны организованных частей пролетарского юношества.

19. В качестве основной проблемы работы Комсомола необходимо теперь же поставить и проблему руководства. Сюда относятся: вопрос о соотношении между пролетарской и крестьянской частью союза, вопрос о партийном ядре в Комсомоле, вопрос о руководстве партии, вопрос о руководстве Комсомолом над пионерскими организациями.

20. Общее положение дел здесь можно характеризовать, как большое несоответствие между ростом РЛКСМ и руководством. Далеко еще не все сделано для обеспечения пролетарского руководства в союзе (и потому особенно подчеркивается теперь лозунг вовлечения всей рабочей молодежи в союз); недостаточные силы партии работают в РЛКСМ; плохо поставлено (и качественно и количественно) дело руководства пионерскими организациями. С'езд обращает самое серьезное внимание на большие опасности, идущие отсюда, и на главную из этих опасностей—на возможность разрыва между пролетарской и крестьянской частью союза и на ослабление пролетарского руководства.

2. ГЛАВНЫЕ ЧЕРТЫ РАБОТЫ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ

21. Из вышеизложенного следует, что главной особенностью момента является вступление нового человеческого материала, новых людей как в производственный процесс, так и на арену политической борьбы. Не понять этого значит не понять ровно ничего. Следовательно, сейчас нужно в особенности упорно подчеркивать необходимость преемственности в области социалистического воспитания, притом в условиях, коренным образом отличающихся от условий и дореволюционного периода, и от условий военного коммунизма, и даже от условий первого периода нэпа.

22. Если в предыдущие годы одной из главных опасностей была опасность комчванства, переоценки своих сил, переоценки достигнутых результатов и т. д., то теперь, наряду с этой опасностью, вырастает—именно постольку, поскольку в строительство общественной жизни вовлекаются совершенно новые слои молодняка — другая опасность, опасность полной потери перспективы социалистического развития. Ужасающая политическая безграмотность среди новых слоев молодежи, отсутствие ясного представления о различии между капиталистическими предприятиями и нашими предприятиями „последовательно-социалистического типа", между путями капитализма и путями нашего развития есть серьезнейшее явление, мимо которого партия пройти не может.

23. Отсюда вытекает, что необходима борьба на два фронта: во-первых, необходимо продолжение борьбы с комчванством и с излишним оптимизмом, который не видит огромных трудностей и опасностей, стоящих перед нами; в особенности необходима эта борьба потому, что, несмотря на резкое усиление удельного веса социалистических элементов хозяйства, частный торговый капитал в состоянии прорывать наш фронт как-раз в области соотношения между городом и деревней; с другой стороны, несомненное усиление кулака в свою очередь ставит ряд новых задач; во-вторых, необходима решительная борьба против пессимизма и ликвидаторского безверия в социалистические пути нашего развития (что льет воду на мельницу меньшевиков и эс-эров), борьба, которая делается настоятельной именно теперь, когда выступают новые слои молодежи и когда, с другой стороны, развитие нашей промышленности отнюдь не может еще рассосать в достаточной мере общую нищету (безработица, перенаселение, плохое образование, недостаточная зарплата и пр.) и подвести достаточную базу для быстрых успехов социализма в деревне.

24. В настоящее время должно быть установлено более или менее твердое соотношение между „политикой" и „культурничеством". Непосредственно до XIII партс'езда замечался некоторый перегиб в сторону „культурничества". XIII с'езд и последующие решения Комсомола повернули руль в сторону чистой „политики". В настоящее время налицо перегиб именно в эту сторону, и поэтому „политика" в значительной мере осталась лишь в пределах замкнутого актива. Необходимо теперь подчеркнуть, что в условиях переживаемого момента не может быть политического воспитания и политической роли союза вне и помимо его культурно-экономической работы в первую голову. Именно потому, что мы вступили в полосу быстрого хозяйственного строительства; именно потому, что классовая борьба все более

и более развертывается, как борьба различных хозяйственных форм; именно потому, что новые слои молодежи ищут производственно-хозяйственного „дела“,—необходима крепкая увязка культурно-хозяйственной и политической работы. Это вовсе не надо понимать в смысле *уменьшения роли политики*. Наоборот, политическое значение союза и его политическая классовая борьба должны получить еще большее развитие. Но эта борьба должна быть увязана с текущими проблемами социалистического строительства,—только при этом условии и возможно не на словах, а на деле укрепление политической позиции РЛКСМ.

25. Вне такой увязки невозможно и *интернационалистски-революционное* воспитание молодежи, которое является вопросом жизни и смерти социализма. Было бы величайшей иллюзией полагать, что здесь можно ограничиться старыми шаблонами и только ими. Наоборот, нужно понять всю *новизну* положения. Если западно-европейские рабочие и западно-европейская молодежь идут к СССР и коммунизму на новых путях, то же самое можно сказать и о движении нашей молодежи к международному пролетариату. Увязка требований повседневной жизни молодежи с интересами рабочего класса в целом, а следовательно, и хозяйственного строительства социализма в СССР; понимание роли СССР, как базы социализма во всем мире, и роли нашей партии, как международной силы, которая должна всемерно крепить связи с революционной молодежью пролетариата всех стран,—вот специфические *теперешние* рельсы интернационально-революционного воспитания молодежи.

26. Больше чем когда бы то ни было Комсомол должен ориентироваться *на массы*, в первую очередь на массы рабочей молодежи. Одной из крупнейших опасностей момента является, с одной стороны, опасность отрыва Комсомола от беспартийных, с другой—опасность отрыва комсомольского актива от комсомольской массы. Придвинуть этот актив гораздо ближе к фабрике, заводу, деревне—насущная задача дня.

27. Комсомол не будет в состоянии справиться с огромными задачами, выпавшими на его долю, если не будет улучшен количественно и качественно состав его актива. Нужно со всей резкостью подчеркнуть, что в настоящее время необходима высокая общеполитическая, а также специально-деловая (по различным отраслям знания и практики) квалификация этого актива. Изучение ленинизма должно быть поставлено во главу угла воспитания комсомольского актива. Необходимо понять, что сейчас совсем не достаточны ни громкие лозунги, ни сухая бюрократическая деловитость. С‘езд обращает внимание на всю серьезность положения и вменяет в обязанность РЛКСМ принять все меры для повышения и общей, и в особенности политической квалификации этого актива.

28. Перегруженность актива текущей работой в значительной мере об'ясняется хищнической и бессмысленной растратой сил в связи с нерациональной организацией работы. Именно здесь как нельзя более уместен лозунг Ленина: „Лучше меньше, да лучше". Следует беспощадно уничтожить и отсечь все лишнее, не вызываемое необходимостью (частые заседания, комиссии и проч.), и обратить самое серьезное внимание на улучшение *качества* работы.

3. ПРОЛЕТАРИАТ, КРЕСТЬЯНСТВО, КОМСОМОЛ И ПАРТИЯ

29. Повышение активности всех классовых группировок и общие цели социалистического строительства требуют усиленной работы среди крестьянской бедноты, батрачества и середняков. Необходимо систематическое регулирование социального состава союза с тем, чтобы постоянно сохранялось пролетарское его руководство. Организация в Комсомоле лучших середняцких элементов, при опоре на бедняка и батрака, при отсутствии форсирования и надлежащей сдержке роста РЛКСМ в деревне, является в еще возросшей мере обязательной задачей союза. В этой перспективе боязнь середняка должна быть решительно осуждена.

30. Тем настоятельнее является необходимость в организации руководящего слоя союза, индустриальной пролетарской молодежи. Необходимо всемерно использовать рост нашей промышленности и количественное увеличение, а равно и концентрацию пролетариата на фабриках и заводах, в целях самой широкой вербовки пролетарской молодежи под знамена союза. Задача вовлечения всего пролетарского молодняка является со всех точек зрения и в первую очередь с точки зрения коренных вопросов нашей теперешней политики настоятельнейшей задачей момента.

31. При этом необходимо всемерно избегать мероприятий, могущих разорвать связь между пролетарской и крестьянской частью союза. С этой точки зрения с'езд считает нецелесообразной предлагавшуюся некоторыми товарищами особую от РЛКСМ организацию середняцкой беспартийной крестьянской молодежи вокруг Комсомола в виде постоянных делегатских собраний. Такие организации неизбежно развивали бы тенденцию превращения в другой, чисто крестьянский союз, в *противоположность* РЛКСМ и партии.

32. Пролетарское руководство в союзе не может быть однако достигнуто без твердого руководства со стороны партии. Забота об увеличении партийного ядра союза должна попрежнему стоять на очереди дня. *Противопоставление вопроса* о пролетарском ядре вопросу о партийном

руководстве является поэтому теоретически неправильным, а практически—политически вредным.

33. Комсомол отнюдь не может быть организацией „нейтральной“ по отношению к вопросам, занимающим партию: это нарушало бы основное соотношение между партией и РЛКСМ. С‘езд подтверждает предыдущие решения партии и еще раз осуждает теорию нейтральности.

34. В то же самое время с‘езд полагает, что борьба против нейтральности не должна вырождаться и „перерастать“ в проповедь „равноправия“ партии и Комсомола. Этим было бы точно так же нарушено необходимое соотношение между партией и Комсомолом, но уже с другого конца. С этой точки зрения партия может и должна обсуждать и решать, какой из внутрипартийных споров остается на обсуждении Комсомола и какой остается лишь в пределах только партии. Теория „равноправия“ партии и комсомола и организация давления на партию, при условии революционного авторитета этой последней, фактически вели бы к обособлению Комсомола, к отрыву от партийного руководства и к полному нарушению революционной преемственности. Это было бы особенно опасным теперь, когда процент непролетарской массы в пределах юношеской организации неизбежно будет расти.

35. С другой стороны, с‘езд констатирует, что местные парторганизации нередко недостаточно серьезно относились к проблеме руководства Комсомолом, что выразилось в почти повсюду наблюдаемом явлении плохого качественно состава партприкрепленных, выделенных на работу в Комсомоле товарищей. Знание особенностей комсомольской организации, ее повседневной работы, необходимая товарищеская чуткость и такт являются условиями правильного руководства. С‘езд вменяет в обязанность всем местным организациям партии, а равно и ЦК партии обратить на этот вопрос должное внимание.

4. О НЕКОТОРЫХ ЧАСТНЫХ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАДАЧАХ КОМСОМОЛА

36. В свете общих политических задач, отмеченных выше, необходимо усиленно заняться проведением в жизнь прежде всего следующих практических мероприятий. Фабрично-заводская ячейка союза должна принять все меры к вовлечению в союз всей массы рабочей молодежи, занятой в производстве. Это вовлечение следует производить не путем голой агитации, а посредством приобщения молодежи к обсуждению и практическому разрешению жизненных и интересующих молодежь вопросов, в первую очередь вопросов экономического и культурно-бытового порядка. В этой

связи целесообразно указать на повышение внимания к производственным совещаниям, собраниям, обсуждающим отчет директора, мастера, завкома и пр. Следует в данной связи подчеркнуть необходимость более внимательного отношения к РЛКСМ со стороны профсоюзов, а равно и необходимость более правильной работы в них членов РЛКСМ.

37. Учитывая хозяйственные потребности страны и тягу молодежи к образованию, повышающему производственную квалификацию, союз при поддержке партии обязан принять все меры к дальнейшему расширению школ фабзавуча и всякого рода массовых школ и курсов, дающих молодежи технические знания. Само производственное обучение должно итти на ряду и неразрывно с обучением политическим.

38. Вместе с тем Комсомол не может обойти молчанием вопросы быта, которые обостряются обстановкой хозяйственного роста. Разлагающему улиянию нэпманских и мещанских элементов надо противопоставить организованную борьбу за рационализацию быта; Комсомол должен широко обсуждать подобного рода вопросы на общих собраниях, поощрять организации добровольных об'единений вокруг РЛКСМ, имеющих целью борьбу за эту рационализацию и за повышение культурного уровня комсомольской массы и рабоче-крестьянской молодежи вообще.

39. В целях физического и морального оздоровления молодежи надо всемерно содействовать развитию физкультурного движения и организации разумных развлечений, отнюдь не превращая последних в их противоположность. С этой точки зрения необходима существенная реорганизация клубной работы РЛКСМ.

40. Придавая первостепенное значение работе на фабрике и заводе, союз не может прекратить или ослабить своей работы среди безработных подростков, добиваясь перед всеми соответствующими организациями экономической их поддержки, а равно и содействуя их профтехническому, общему и политическому образованию.

41. В области деревенской работы определяющим является курс на участие Комсомола в строительстве новых передовых форм хозяйства, в их борьбе с невежеством и нищетой, с одной стороны, капиталистическими тенденциями—с другой. Развивая и укрепляя сельхозкружки, устанавливая в процессе работы этих кружков смычку с советским агрономом, учителем и культурным и технически-грамотным крестьянином, союз молодежи будет инициативно участвовать в культурно-экономическом преобразовании, пропагандируя и организуя одновременно кооперативные об'единения.

42. Борясь с кулаком на экономическом фронте, привлекая прочно на свою сторону середняка, Комсомол должен направить максимум усилий на реальную помощь бедноте.

Эта помощь будет проявляться в области экономической работы (помощь индивидуальному и об'единенному хозяйству бедняка, организация артелей, ремесленных школ-мастерских и пр. для безработных бедняков) и в области политической работы (поддержка партии в деле организации групп бедняков, повышении удельного веса бедняков в советских кооперативных и др. организациях). Первостепенной важности задачей выступает вовлечение в союз батраков.

В отношении клубной работы необходимо отметить ту же задачу „оживления" ее методов, которая была отмечена выше в отношении городских рабочих клубов.

43. Развивая и углубляя свою работу среди рабочей и крестьянской молодежи союз не должен забывать и о той ее части, которая пошла на серьезную учебу—в вузы. В отношении этой молодежи со стороны союза следует требовать не только содействия продвижению ее в вузы (проблема „орабочения" вузов еще не разрешена в желательном об'еме) и улучшения ее материального положения, но усиления и учебной дисциплины и рационализации учебного быта. Красный „спец" должен быть не менее, а более образованным, чем спец буржуазный. В действительности же уровень образования нашего вузовца значительно ниже такового уровня буржуазного студента. Из этого вытекает необходимость улучшения учебного дела вузов, повышения требований к учащейся молодежи и систематической проверки ее знаний.

44. Колоссальный рост Комсомола, усложнение задач и трудностей в его работе, относительная слабость и неграмотность союзного актива ставят острее, чем когда бы то ни было, вопрос об усилении партруководства союзом. Необходимо со всей силой подчеркнуть опасность положения, при котором та или иная партийная организация незнакома с проблемами и трудностями комсомольской работы.

Как на практические меры по усилению партруководства, надо указать:

а) на более систематическую постановку и обсуждение вопросов союзной работы на партийных собраниях;

б) устройство совместных собраний партийных и союзных организаций;

в) более тщательный подбор прикрепляемых к союзу партийцев (надо посылать работников сильных теоретически и практически, умеющих найти в отношениях к комсомольцу не опекунский, а товарищеский подход, способных понять своеобразие условий работы союза);

г) закрепление парт'ядра Комсомола преимущественно на работе в Комсомоле, что, конечно, не надо превращать в отрыв партийного комсомольца от жизни парторганизации.

Усиление руководства Комсомолом — важнейшая и первостепенная задача партии в текущий момент.

5 ПИОНЕРДВИЖЕНИЕ И ТРУДНОСТИ НА ЕГО ПУТИ

45. За последний год пионердвижение стало явлением крупнейшего политического значения. Сильнейший рост пионерорганизаций, их громадная роль в деле воспитания третьего поколения, перспективы движения не возбуждают сомнений. Но и в этой области налицо, несомненно, ряд явлений, свидетельствующих о необходимости настороженного внимания партии к проблемам воспитания третьего поколения.

Следует отметить прежде всего явление некоторой размычки авангардных организаций трех поколений, сказывающейся отрицательно и на пионердвижении. Партия уделяет мало внимания Комсомолу и почти совсем не уделяет его пионерорганизации; Комсомол в целом ряде звеньев „размыкается“ с пионерорганизациями, ослабляет внимание к последним; в последних руководящие кадры не обладают достаточной грамотностью, организационным и педагогическим опытом и не справляются со своими задачами.

46. В несомненной связи с этим явлением следует понимать явление частичных выходов детей из пионерорганизаций, выходов, наблюдающихся вместе с общим ростом количества пионеров. Из крупнейших недостатков в работе пионерорганизации, питающих эти выходы, следует отметить:

а) увлечение внешностью, формой, под которыми зачастую не кроется воспитательной работы по существу; это проявляется в барабаномании, с одной стороны и в голом „политицизме“, с другой стороны. Такого рода увлечения имеют своей оборотной стороной отсутствие систематической и тактической работы над ребенком, невнимание к бытовым и другим проблемам, волнующим его, в частности к половой проблеме (кое-где наблюдаются случаи половой распущенности даже среди пионеров);

б) неувязка пионердвижения со школьной работой, в результате чего в детской среде наблюдается и двоецентрие влияний, иногда противоречащих друг другу, и чрезмерное переутомление, наступающее в результате перегрузки и подкашивающей детский организм;

в) несоответствие сильного количественного роста пионерорганизаций и слабого роста соответствующей квалификации руководящих кадров их. Самая острая проблема в пионердвижении—это проблема подготовки квалифицированного вожатого, хотя бы элементарно грамотного в медицинском и в педагогическом отношениях.

47. Партия обязана помочь Комсомолу преодолеть эти трудности возможно быстрее и безболезненнее, а также заняться систематическим изучением проблем пионердвижения и выделить для руководящей работы в нем партийные силы соответствующей квалификации.

* * *

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИЗ ПРЕНИЙ ПО ДОКЛАДУ НА V С'ЕЗДЕ

Здесь приведены только те выступления, на которые тов. Бухарин отвечал в заключительном слове. (См. стр. 201).

Речь тов. Пестковского

Тут в общем и целом с положениями, высказанными тов. Бухариным, нужно согласиться, хотя я должен сказать, что многое из того, что он сказал, уже большинством активных работников осознано и кое-где началось проводиться в жизнь.

Но я должен сказать, что здесь были некоторые детали, с которыми согласиться нельзя. Я, правда, комсомолец очень молодой, потому что стаж моей работы в Комсомоле всего 5 мес., и поэтому я не знаю хорошо всех комсомольских типов, но я считаю, что они не исчерпываются теми главными типами, которые были определены тов. Бухариным.

Тов. Бухарин говорил главным образом о трех типах: о типе жигана, затем о типе революционера, живущего прошлым, и о типе, который ушел в науку. Самым высшим типом, по которому нам следует равняться, тов. Бухарин считает тех, которые ушли в науку.

Вот в этом я с тов. Бухариным согласиться не могу. Я нахожу, что есть четвертый тип, и это именно тот, по которому нам нужно равняться, это тип комсомольца, активного работника, который никуда не ушел от союза, не ушел даже в науку, но именно с массами Комсомола продолжает самую тесную связь. Он уходить не желает, а желает работать с этой массой. Высший тип—это тот, который хотя и хочет учиться, но не ушел в науку, который работает и учится урывками, насколько имеет времени, но который деятельно и широко руководит Комсомолом и всю эту жизненность борьбы с мещанством ставит на практическую почву. Я полагаю, что нам приходится равняться по этому типу. А чтобы помочь этому типу нужно у нас разрешить целый ряд вопросов, нужно организовать кружковую работу, чтобы этому типу дать науку, от которой он отрекся в настоящее время.

Дальше нужно сказать, что этот тип, ушедший в науку, оторвался от масс. Мы видим, что студенчество от масс отрывается, и поэтому в данном случае этот тип высшим типом считать нельзя. Это первое.

Второй пассаж, который был в докладе тов. Бухарина, с которым я не могу согласиться, это увлечение тов. Бухарина буржуазным примером. В общем я могу согласиться, что у буржуазии можно кое-чему поучиться но я решительно восстал бы против того, чтобы Комсомол принимал узкий дух корпоративности. Но почему именно дух узкой корпоративности свойственен буржуазии? Потому что буржуазия индивидуалистична, потому что задача буржуазии в хозяйственном смысле есть конкуренция всех со всеми. Везде и всюду конкуренция является основным мотивом буржуазной жизни. Поэтому понятно, что дух такой корпоративной конкуренции процветает среди буржуазного элемента.

Я бы считал, что в рабочей среде такого духа не должно быть. Должна быть солидарность и корпоративность классовая в об'еме комсомольской организации, но чтобы создавались они внутри кружков, которые, как таковые, защищали бы их. Скажем, например, если какая-нибудь футбольная команда считается выше комсомольцев, и чтобы этим не увлекались, я не согласен. Так как основным моментом коммунистической молодежи должен быть коллектив, а не конкуренция, то я считаю, что дух узкой корпоративности надо отбросить, надо укреплять классово комсомольцев, но не увлекаться всеми кружками мелко-корпоративного духа, свойственными буржуазному студенчеству.

Речь тов. Трейваса

Тов. Бухарин насчет теории большой мастер. Теоретические его основы критиковать не стоит, потому что я мало в них понимаю Я перейду к тому, что он говорил конкретно.

Опыта работы, которую проделал Комсомол, тов. Бухарин не видел, не учел и не читал, а для того, чтобы делать доклад, нужно было посмотреть, что из теории, которую он преподносит комсомольцам, осуществлено на Украине, в Питере, в Москве и др. городах и в области воспитания в школах, и во внешкольной работе, и в области питья и курения, и в области того, что необходимо вырабатывать правила жизни. Он потерял минут 40 или 25 для того, чтобы доказать, что правила жизни нужно зафиксировать. Но правил жизни он не дал. Типов р а б о ч е й молодежи Бухарин не знает, а если знает, он не сказал. Он говорил о трех типах совершенно неправильно. И это показывает его незнание молодежи. Я нарисую нужные типы. Первый—рабочий парень, залихватский, или, как его называют, „длинный“. Это парень, который родился в городе, где-нибудь в пригороде, около Москвы, Питера, который среди ребят был „заводилой“, который на мать и отца плюет, в денежные дела не суется, боевой парень, гордый, ходит в шапке с красными кантами, брюки клешь, первый балетчик. Второй тип—парень, приехавший из деревни, с религиозным оттенком, уважает родителей, любит авторитет и увлекается книгой, уважает Ленина, Троцкого, в Бухарине видит вождя революции. Третий тип—новый, не треплющийся, конкретный работник, обыкновенно старший сын в семье, в крестьянской семье это—работник, в городе—хороший рабочий. Это парень, который дело делает, как следует учится, курит, только когда нужно, и не пьет, потому, что он это считает глупостью, да и деньги

боится растратить. Из него может выйти и кулак, но из него может выйти и хороший рабочий, который выйдет в мастера. Из него может выйти парень, который в союзной работе будет очень уместен. Теперь интеллигенты. Первый тип—который от ворон отстал, а к павлинам не пристал. Это нигилист, это парень-неряха, сапоги невычищенные, теряет чулки и думает, что он спасает революцию. (Смех, аплодисменты). Второй парень — бывший гимназист. Гордый, с фасоном, пуговицы блестели, а теперь он революционер, пошел в Комсомол и занимает там посты, пролезает всюду без мыла. (Смех, аплодисменты.) Он где нужно отступит, где надо обойдет, умеет устроиться. Этот парень встречается часто среди наших активных работников. Это он пошел учиться в наши вузы, пролез через МК, ЦК и т. д. Теперь третий тип интеллигентного парня: бывший гимназист, не знает ремесла и хочет научиться ремеслу. Стать рабочим нелегко, а быть доктором гораздо легче, он получает стипендию и попадает в „красные спецы".

Теперь я хочу сказать несколько слов относительно девушек, которые занимаются на ФОН'ах, медицинских факультетах и зубоврачебных школах. Эти девушки пришли учиться, заняли много мест в институтах для того, чтобы выйти в красные интеллигенты. К чему это? Через три года им нужно замуж, и никакие знания им не нужны. Они слушают Бухарина, потому, что он—Бухарин, а не потому, что это их интересует. И в конце концов они попадают в будущие жены, которым ничего не нужно.

Теперь—к выводам. Первый вывод: я говорю, что основная задача наша в области воспитания—конкретно и деловито поставить вопрос о концентрации внимания молодежи на то, чтобы получить максимум знаний.

Вместе с этим встает вопрос о школах фабзавуча. Школы фабзавуча это не есть обыкновенный тип школы, и неправ тов. Луначарский, который в своем приветственном слове сказал, что это есть тип школы для подготовки кадра рабочих. Нет, это форма организации рабочей молодежи. Почему? Парень, идущий в школу фабзавуча, заинтересован в том, чтобы изучить ремесло, и вокруг этого-то интереса и надо вести всю работу по его воспитанию. Школа фабзавуча не хуже организована, чем наша ячейка. Парень идет туда с определенной жаждой знать, чтобы выучиться ремеслу, чтобы получить знания, чтобы выдвинуться вперед. Вокруг этого надо построить и игры, и спорт, и развлечения.

В Москве это даст нам шесть с половиною тысяч рабочих, сознательных коммунистов, развитых всесторонне, имеющих определенные навыки, действительно будущих коммунистов-пролетариев. Это не даст нам разбрасываться.

Второе: во всех ячейках и фабриках Москвы и России сказать, что значат слова „член союза должен быть примером". Это мы должны расшифровать и проводить эту задачу так, как делает это одна ячейка. Она говорит: „Ты ученик, ты живешь в общежитии, кровать у тебя должна быть в полном порядке. Ты комсомолец, ты в комнате, хотя бы у нас, не кури и не ругайся. Тогда ты будешь примерный комсомолец". Когда это будет проведено, тогда это будет уже не политическая трескотня, а дело.

Далее мы требуем здесь, во-первых, от государства подготовки нам новых работников. Таких, которые выходят из педагогических учебных

заведений, нужно гнать к чорту. Все эти четыре Пино, которые имеются в Москве, нужно уничтожить. Там обучаются поповские дочки, которые думают, что их призвание учить детей, думают, что достаточно быть мягкосердечной женщиной, чтобы быть педагогом. Нам нужно подготовлять разумных и толковых рабочих, а не славных и милых ребятишек, которые поют: „Мама дорогая“. Мы должны закрыть все имеющиеся такого сорта учебные заведения и создать новые. Мы создали в Москве Центральный дом воспитания молодежи. Мы, маленькие люди, сумели конкретно кое-что сделать. Но все же мы без денег, а, как сказал тов. Бухарин, Наркомпрос без денег никуда не годится. Необходимо ему дать деньги. Иначе он не сможет ничего сделать. Необходима реорганизация Наркомпроса. Наркомпрос в том виде, как он сейчас существует, это — каторга. (Аплодисменты, голоса: „Правильно“). Наркомпрос сумел отогнать от себя всех живых людей, всех живых педагогов. Наркомпрос должен взяться за эту работу, он должен подобрать людей, и партия должна ему таких людей дать. Пока не будет реорганизация Наркомпроса сверху донизу, нам от государства помощи не будет. Наркомпрос надо сверху донизу переделать: сделать его не бюрократическим, дать ему больше денег, чтобы он нам помогал. Тогда будет коммунистическое воспитание.

Речь тов. Тарханова

У нас вопрос относительно использования буржуазных систем воспитания и различных методов, достигнутых буржуазией в деле воспитания, был поставлен сравнительно давно, но надо сказать, что союз относился подозрительно ко всему тому, что шло из противоположного лагеря. Конечно, чрезвычайная бдительность нужна. Нужно было десятки раз проверять и примерять, но во всяком случае мы применили слишком много бдительности и излишнюю подозрительность, очень часто осуществляя различные системы воспитания. Мы были склонны выплеснуть из ванны вместе с водой и ребенка. Можно привести много примеров, которые подтвердили бы это.

Возьмем вопрос о значках для нашего союза. Тов. Бухарин говорил о духе корпоративности, о необходимости создать честь своей организации и т. д., и т. д. — то, что писала тов. Крупская в своей брошюре. Между тем, как только мы ставили вопрос о союзных значках, поднимался крик о том что это из скаутской системы, что никому не нужны значки и как мы понимаем и т. д. Между тем корпоративность и что бы то ни было другое может быть достигнуто в массовом масштабе не обсуждениями и теорией, а простым и конкретным примером, простым показательным делом, каким является тот же значок. Много примеров можно привести. Здесь искусственность не нужна, нужно исключительно то, что диктуется самой жизнью. В союзе в свое время было много кружков активных работников и т. д. Это тоже корпоративность, но корпоративнось нигде никогда не прививалась; нужно предостеречь от этой искусственности в насаждении собственности, нужно совершенно иначе поставить вопрос, так, как в одном из номеров „Юного Коммуниста“ этот вопрос ставился. Там никаких кружков и спайки этим не создавали, а дело организовывали таким

образом, что все то, что делали члены союза, в жизнь старались проводить общественно. Например, каждый комсомолец ежедневно ходит купаться. В Одессе вместо того, чтобы каждый ходил отдельно, установили правило, что все ходят купаться вместе, и это было лучшей спайкой. Конечно, не в каждом городе есть море и не везде можно себе это позволить, но необходимо подчеркнуть, что наша корпоративность должна заключаться прежде всего в том, чтобы организовать то, что является простой повседневной потребностью.

Теперь несколько слов о том, на чем нужно было бы больше всего остановиться. Наш союз сможет развить это чувство общественности, сможет создать спайку лишь в том случае, если помимо общей революционности и общих классовых традиций, которые мы должны развивать и всячески поощрять и укреплять, мы в союзе сумеем создать свои специальные комсомольские традиции, свои специальные комсомольские обычаи и т. д. Это абсолютно необходимо. Каждый член нашего союза должен быть связан со своей организацией неразрывной цепью целого ряда традиций, воспоминаний и т. д. У нас, в Москве, есть Красная Пресня. Спросите Красно-Пресненский район нашего союза, много ли там учли тех товарищей, которые когда-то, будучи молодыми рабочими, принимали участие в знаменитых красно-пресненских событиях, для того чтобы их выставлять в районе, как героев этого района? А между тем это необходимая вещь: выставлять каждой организации героя этой организации. Это—лучший подход для соревнования, так как в массе это накопление союзных традиций приводит к укреплению и связи с организацией в целом.

Совершенно правильно, товарищи, если бы мы, например, во всероссийском масштабе распропагандировали хотя бы Смородина, как вождя рабочей молодежи. И уверяю вас, что кроме пользы, от этого ничего бы не было, потому что конкретность есть лучшая форма, и мы бы конкретно говорили о наших вождях, а не о каком-то ЦК. Прийти к молодому рабочему и сказать: „ЦК рабочей молодежи“ - мало, а сказать, что такой-то парень, имеющий такие-то заслуги, сделал то-то и то-то, а вместе с ним другой и третий, это уже конкретность, конкретность понятия о ЦК.

Теперь несколько слов относительно политической активности. Я думаю, что перед нашим союзом стоит задача приспособлять политические лозунги нашей партии к тем особенностям рабочей молодежи, которые несомненно имеются налицо. Об этом можно привести очень много примеров. Тогда, когда партия выкидывает лозунг, например, „мы находимся с Польшей в состоянии мира“, т. е. мы только готовимся к обороне, мы наступательно никаких в отношении к ней намерений не имеем, это вполне понятно для взрослого, сознательного человека, а вот для молодого рабочего будет понятнее, если к первой части фразы пришить вторую часть, „а вот в том случае, если Польша захочет в отношении к нам что-нибудь сделать, то мы ей выставим вооруженный кулак и т. д., и т. д.“ Эта вторая часть фразы гораздо более революционна, гораздо более близка молодежи. То же самое в отношении нэпа. Говорят, нэп существует милостью пролетариата. Добавьте вторую часть фразы, что нэп, ее особенности и т. д., и т. д. есть временное явление, и эта часть фразы гораздо более

близка молодежи. Эта вторая часть фразы более близка, более понятна, и при таком методе политические лозунги будут гораздо более успешны.

Теперь относительно романтики, основанной на опыте. „Романтика“ обычно понятие такое: похождения нашей Красной армии, похождения наших рабочих во время белогвардейщины, различные подвиги красных героев и т. д. Я думаю, что можно развивать революционную романтику, не только отрицательную, но и положительную, не менее великую и захватывающую. На эту положительную романтику надо обратить большое внимание. Например, положительной романтикой является все то, что мы можем говорить о нашей промышленности. Такой положительной романтикой являются те же самые школы фабзавуча. Вы знаете, что буржуазные юношеские организации, например, скауты, употребляют термин: „Мы—маленькие юные герои, мы покроем своей сетью весь мир и будем создавать свои организации“ и т. д.

Употребить то же самое в отношении школы фабзавуча, которая является фактически плодом дела наших рук; говорить о том, что эта школа фабзавуча, ее строительство—ячейка будущего общества, пропагандировать это под видом революционной романтики — это достаточно привлекательно.

Наконец последнее, на что я хотел обратить ваше внимание, заключается в том, что мы чрезвычайно увлекались последнее время экономической работой. Это вполне понятно и правильно. В наших условиях вполне понятно и правильно потому, что экономическое положение рабочей молодежи было чрезвычайно тяжелым. Но это повело к тому, и мы это видели на примере целого ряда наших организаций, что многие организации союза стали на первый план выдвигать экономические требования, совершенно не заботясь о том, как это отражается на общих целях классового воспитания. И весьма часто наши лозунги, наши частичные экономические требования сходились с теми, которые бросались социал-демократическими союзами молодежи. Ибо, как вам известно, их экономическая программа целиком списана с нашей программы. Между этими требованиями можно иногда поставить абсолютный знак равенства. Это вело к стихийному росту своеобразного „экономизма“, к снижению наших коммунистических организаций. Мы должны обратить внимание на пропитание всей нашей экономической борьбы, на пропитание всей нашей практической союзной работы коммунистическими лозунгами, которые связаны практически как с политико-просветительной, так и с экономической работой нашего союза. Иначе вся экономическая работа не будет использована для коммунизма, а будет просто борьбой за насущный кусок хлеба

Речь тов. Касименко

Необходимо, говоря о коммунистическом воспитании молодежи в условиях новой экономической политики, особенно долго и особенно вдумчиво остановиться на самой основной проблеме, которая, по нашему мнению, стоит при создании целостной системы этого коммунистического воспитания. Это—проблема создания пролетарской общественности в нашем союзе.

Когда мы на прошлой Всероссийской конференции выступали с предложениями об этой общественности, то были некоторые придирки в смысле того, что общественность якобы простой лишь термин, просто лишь слово, ни больше, ни меньше. Я считаю, что особенно последний период нашей работы, летом, особенно наша массовая демонстрация во время пятилетия нашей организации, во время международного юношеского дня и то оживление, которое мы наблюдали в союзе, как нельзя лучше доказали необходимость этого лозунга, лозунга создания пролетарской общественности в нашем союзе. Именно, этот лозунг—квинт-эссенция всего того „нового", что привнесено в нашу политико-просветительную работу. Общественность есть квинт-эссенция всех новых методов. Чем страдала и чем страдает наша работа, чего у нас нет? Нет коллективной жизни нашей организации. У нас нет этой коллективной жизни, без которой нет и основной воспитательной среды, а без этого невозможно формирование коммуниста из того молодого рабочего, который руководился революционным инстинктом, революционным энтузиазмом, приходя в наш союз. Общественность это есть та идея, которая зашивает все прорехи в нашей воспитательной работе.

Можно привести несколько практических примеров. Мы имеем на Украине нашу гордость, нашу лучшую организацию—одесскую. Она в политически-просветительной области, может быть, делает меньше, чем другие губернии, но благодаря тому, что там, начиная с ячейки, кончая клубами, есть эта живая, бьющая общественность, эта спайка между членами союза (не искусственно созданная, а благодаря тому, что весь курс работы был направлен на создание этой общественности), благодаря этому там от небольшой по размерам работы получается чрезвычайно большой результат. Конечно, до сих пор мы у себя, на Украине, не добились того, чтобы у нас общественность была сверху донизу в нашем союзе. Мы имеем довольно пеструю картину: в одних местах общественность сильно развита в ячейках, в этих основных звеньях наших организаций, в других местах клубы живут коллективной жизнью. Сейчас, в связи с тем, что наступает самая пора углубления политической работы, мы взяли основной курс, курс на общественность, тем более, что сюда необходимо отнести еще одно обстоятельство—роль общественности в борьбе с мелкобуржуазной идеологией, но без цемента общественности ничего нельзя сделать. Только тогда, когда члены союза получают от общества впечатления, формируются и развертываются в силу тех воздействий, которые оказывает на них коллектив, только тогда они могут быть изолированы от мелко-буржуазной стихии, а если не изолированы, то поставлены в такие условия, что вместе с коллективом борются активно с мелко-буржуазной стихией за создание новых форм жизни. Мы должны стремиться к тому, чтобы в коллектив перенести личную жизнь союза и организовать удовлетворение всех потребностей молодых рабочих в нашем союзе. Но те десятитысячные демонстрации, которые прошли, факельные демонстрации у ресторанов с митингами против нэпманов, а не новой экономической политики, это все, может быть, неуклюже, может быть, по сравнению с тем, что должно быть, цена этому ломаный грош, но во всяком случае они вызывают могущественное действие в смысле формирования нужной психологии у членов союза.

Теперь разрешите перейти к вопросу о красной романтике. В этом отношении наша организация имеет опыт, потому что этот вопрос был у нас поставлен раньше, чем в России. Если кто знаком с Украиной, то знает, что петлюровщина и бандитизм держатся на том сильном романтизме, ореол которого был создан вокруг казаков, которые в средние века боролись с „москалями". Мы должны были бить по романтизму, разрушать его, но если бы ограничились одним разрушением, ничего не достигли бы. Мы должны были противопоставить ей красную романтику. Мы наметили создание этой задачи по следующим основным пунктам. Во-первых, история гражданской войны. Наша Украина в этом отношении богата. Подполье, героические эпизоды, все это захватывает. Затем, товарищи, когда мы ставили этот вопрос более широко, когда мы задумались над тем, что буржуазия, воспитывая свое подрастающее поколение, имела для него очень богатый арсенал романтики, все эти Киплинги, мальчики, которые умирали с криком „Да здравствует король",—мы решили поставить шире этот вопрос и поставить его по трем направлениям. Первая линия—это история классовой борьбы. Разве Спартак, разве Стенька Разин—не представляют собой богатейшего материала для красной романтики? Разве вся история классовой борьбы не представляет этого материала? Затем мы думаем создавать романтику по линии истории труда или, вернее, по линии борьбы человека с природой. Это самый лучший и богатейший материал для того, чтобы создавать новую психологию, чтобы, начиная с воспитания в детских домах, прививать любовь и уважение к труду. И наконец еще одна линия—это романтика будущего общества. Товарищи, не секрет и до некоторой степени очень удивительно, но во всяком случае мне приходилось спрашивать у многих членов нашего союза, что они думают о нашем будущем обществе. У них не было по этому поводу никакого представления. И, конечно, не „Азбука коммунизма" даст члену Комсомола это представление, а он получит его лучше всего из яркого, образного рассказа. Только когда будет привита любовь к коммунизму, стремление к будущему обществу вместе с презрением к мелко-буржуазной стихии, тогда мы сумеем развернуть романтику по этим линиям и сможем закончить формирование наших членов.

Я еще хочу сказать об одной черте красной романтики (считаю, что этот вопрос имеет большое значение)—о романтике военной. По существу, склонность к романтике молодежи присуща, но вместе с тем этой романтике надо дать определенное русло. И вот, пожалуй, даже случайно мы нашли это русло в нашем шефстве над корпусом червонного казачества. Популяризуя его героев, популяризуя его подвиги, мы этим ведем военную пропаганду среди союза молодежи. Мы заставляем каждого нашего члена, заставляем каждого крестьянина фактически помогать этому червонному казаку, думать о нем, заботиться о нем, и благодаря этому мы имеем такие результаты, что когда мы об'явили набор 600 добровольцев, то к нам записалось гораздо больше—человек до трех тысяч. Наконец мы имеем тот результат, что корпус червонного казачества с гордостью носит название КСМУ.

Тов. Троцкий вам говорил, как блестяще прошла мобилизация на Украине: ее провел наш Комсомол.

Речь тов. Абрамовича

Здесь чрезвычайно мало уделяли внимания окраинам. У нас зачастую поддержка партии весьма слаба, а иногда она просто-таки тормозит работу, не понимает ее.

Второе — о так называемой коммунистической морали. Борьба с тем, чтобы наши работники не увлекались курением — ерунда, а пьянство это одно из зол, которым сейчас увлекаются окраины. Конечно, пункты не помогут, но это говорит о том, что всевозможные кампании необходимы.

Речь тов. Зоркого

Тов. Бухарин обещал в конце доклада взять быка за рога, но его только по рогам погладил. Я говорю не о принципах и нормах, а о конкретных вещах, которые необходимы, чтобы наладить дело коммунистического воспитания молодежи.

Прежде всего — о литературе. Тут говорилось, что Маркс любил читать уголовные романы. Тов. Бухарин говорил о том, что и ему подчас приятнее прочесть о том, как „ни один мускул не дрогнул на лице кровавого Гарри", чем читать сухой ученый трактат о пользе стекла. Это—тов. Бухарину, а молодежи—тем паче. И Бухарин предлагает Пинкертона вышибить Пинкертоном, но красным. Если голодный удовлетворяет свой голод лебедой, она вздувает ему брюхо, и не надо считать, что она и есть необходимый пищевой продукт. Всякая пинкертоновщина—суррогат. Велика ли в этом смысле разница, если „от стены отделится тень знаменитого сыщика" или тень сотрудника тов. Дзержинского по ГПУ? Вспомните, что когда молодежь читает сыщика, симпатии у нее всегда колеблются между сыщиком и состязающимся с ним уголовным гением.

Но если в бухаринском красном Пинкертоне симпатии будут делиться пополам между гениальным вечекистом и пронырливым белогвардейцем, ловко готовящим заговор, то нам от этого особенной выгоды не будет. Нам надо работать глубже, не перекрашивать сыщицкие трюки, а творить.

Кто может эту литературу создать? Конечно, не мы без помощи извне. Но надо помнить, что и без нас ее нельзя создать. Необходимо наш опыт обобщить, проработать под научным углом зрения, дать выводы, чеканить методы. Кто может дать приспособленную к молодежи научно-популярную литературу, беллетристику? Все это можно только тогда сделать, если создать нужный центр именно при союзе. Тут встает вопрос, перед которым бессильно разводит руки тов. Луначарский — „ведь даже между Наркомфином и Наркомпросом в этом деле нет разногласий". Но в отношении литературы здесь дело может обернуться более благополучно. Госиздаты и пользующиеся советской поддержкой издательства тратят триллионы. А в их работе хоть сколько-нибудь учитываются запросы рабочей молодежи, ее новый быт? Наши наркомы не только пишут сочувственные статьи о литературных попутчиках, но часто подкладывают под колеса этих попутчиков миллиардные пачки. Мы требуем, чтоб нам помогли в создании нашей книги, в первую голову.

Теперь — о людях. Не тех, которые еще учатся, а о „старой гвардии“, о привлечении марксистов. В протоколах XI с‘езда нашей партии вы прочтете о молодежи очень много хороших слов, да и Троцкий еще позавчера говорил достаточно отчетливо и резко. И что же до сих пор партия нам дала? У нас в центре только один бородатый комсомолец, если не считать очень свежей бороды Шацкина. (Смех). Мы не требуем такой помощи, какую старые социал-демократы оказывали западной молодежи, опекая ее и заседая с ней в юношеских комитетах. Нам, тов. Бухарин, нужны вы, нужны старые работники для выплавки методов нашей работы, для марксистской оценки того, что у нас делается. Тов. Луначарский здесь просил, чтобы в требованиях мы взяли ноту погромче. Этому нас, комсомольцев, учить не надо. В вопросе о нашем издательстве, о людях и о деньгах мы должны взять самую громкую ноту, на которую только способны.

Речь тов. Цейтлина

Много говорят о рабочей молодежи. Тов. Луначарский когда-то выразился, и это слово пошло по нашему союзу, что рабочая молодежь— это принц. Я не знаю, как в прежнее время принцев воспитывали, но принц— рабочая молодежь находится в очень тяжелых условиях.

Дело в следующем. О каких бы тут методах ни говорили, но основное, товарищи (из питерского опыта), нужно сказать: основа—экономические условия жизни рабочей молодежи. Тов. Тарханов жалел тут, что союз занимался в большинстве экономическими вопросами — совершенно напрасно. Союзу приходится и придется в будущем вести на три четверти в рабочих центрах экономическую работу, потому что этот самый принц находится в условиях не принца: он и без работы, он и маленький тариф получает.

Нужно понимать психологию рабочего подростка. Если мы ее поймем, нельзя нам выступать и мыслить как Украина и др. товарищи, которые увлекаются романтикой Говорят, что нужно буржуазные системы воспитания перенести на рабочую молодежь. Но надо понять, что между рабочей молодежью и буржуазной — громаднейшая разница. Тов. Тарханов больше всего увлекается этой романтикой, напр., скаутизмом. На деле романтика никуда не годится. Мне ясно, что какой-нибудь 13, 14, 15-летний сын какого-нибудь богача или буржуя, который не знает завода, не знает практической работы, но знает, что такое электричество, рад будет пойти ночью зажечь костры и т. п. Но рабочая молодежь, которая работает на фабриках и заводах, которая это электричество изучает практически на заводах (на заводах костров достаточно), рабочая молодежь не пойдет на эти костры, она посмеется только над ними. Надо понять, что метод скаутов был годен для буржуазии, а не для рабочей молодежи. Мне кажется, что тов. Бухарин перебарщивает в этом отношении насчет всяких романтических историй. Это не так интересно будет для рабочей молодежи. Для рабочей молодежи (тов Трейвас правильно подошел к вопросу) интересна будет школа фабзавуча. Вокруг нее группируются интересы молодежи: стать квалифицированными рабочими. А с точки

зрения романтики насчет того, чтобы попасть в газету, насчет вождей и т. п. ерунды, то вы знаете, что рабочая молодежь на наших юношеских вождях будет воду возить, она не понимает и не может понять насчет вождей. (Смех, аплодисменты). Вожди у нас — дело неустойчивое. (Смех, аплодисменты). Если вы с этим методом хотите подходить к воспитанию рабочей молодежи, значит вы безнадежно перед рабочей молодежью засыпались. Это определенно.

Теперь я скажу насчет психологических подходов и подходов молодежи. У нас две группы молодежи. В школах фабзавуча ребята до 18 лет. А как со ставкой на юношество? Юношество не возьмет факелов. Тут нужны другие меры. Нужно нечто в роде школы фабзавуча для юношества, если мы хотим вести работу среди него, по опыту Питера. Здесь нужно сказать, что нужно создать школы фабзавуча технические, с техническим уклоном, и вокруг этого непосредственного интереса и вести работу. Только в этом и есть спасение работы среди юношества. Романтикой его не заманишь.

* * *

О КОММУНИСТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ МОЛОДЕЖИ

Резолюция V Всероссийского с‘езда РКСМ по докладу тов. Бухарина

1. Текущий момент характеризуется началом развития борьбы государственно-социалистического и частного (капиталистического и мелкобуржуазного) хозяйства в условиях нэпа. При этом нэп имеет двоякое значение: с одной стороны, он развязывает частную инициативу, рост эксплоатации и т. д., с другой—он в условиях послевоенного времени (сокращение непроизводительных затрат) способствует оживлению экономической жизни и поднятию жизненного уровня рабочего класса и крестьянства. И так как борьба государственно-социалистического и частного хозяйства будет носить затяжной характер, а в обстановке нэпа развитие социалистических элементов будет наталкиваться на ряд сложнейших препятствий, то задача укрепления, единства, дисциплинированности и классовой выдержанности революционного пролетарского авангарда будет являться важнейшей задачей момента. При этом существеннейшим вопросом при удержании крупного капиталистического производства в руках пролетарского государства является подготовка кадрового административного слоя, для которого рабочая и отчасти крестьянская молодежь будет служить основным резервуаром. В силу всего этого коммунистическое воспитание молодежи должно быть признано задачей первостепенной важности.

2. Целый ряд отрицательных последствий нэпа увеличивает трудности воспитания молодежи в коммунистическом духе и все вместе складываются

в крупную опасность для революционного развития молодого поколения. Неурядица экономической жизни, сокращение производства, сокращение штатов и т. д. ударяют прежде всего по рабочей молодежи. Рост частного хозяйства вызывает рост индивидуалистических, частно-хищнических настроений, на почве каковых вырастают взятка, разврат, упадочничество, усиливается влияние бульварщины и т. д Переход от героической борьбы к „будням“ в условиях нэпа точно так же действует в направлении усиления элементов усталости и разложения среди наименее устойчивой части молодежи. Отсутствие у молодежи практического знакомства с прежним строем дает почву для деятельности меньшевиков, эс-эров и всяческих буржуазных об'единений (националистических, даже религиозных). Одновременно с этим частичное восстановление капитализма в рамках советской системы, порождающее рост элементов „новой буржуазии“, организует враждебные марксизму элементы и усиливает напор буржуазной идеологии прежде всего на массы рабоче-крестьянской молодежи, при условии недостаточности коммунистических культурных кадров.

3. Но на ряду с указанными отрицательными последствиями нэпа на почве оживления экономической жизни вообще, сельского хозяйства, товарообмена, легкой индустрии в частности создается база для оживления культурной работы среди молодежи.

Эту работу надо направить в сторону борьбы с разлагающим влиянием нэпа, к подчинению молодежи прочному влиянию пролетарской идеологии. При осуществлении этой задачи главнейшее внимание должно быть направлено на коммунистическое образование, приобретение специальных знаний во всех нужных для республики отраслях, на практическое воспитание в повседневной борьбе и участии в общественной жизни, на согласованную с общим планом воспитания в классовом духе работу по физическому развитию и т. д.

4. В настоящее время можно различать такие обозначившиеся группировки в среде комсомольской молодежи: п е р в а я—разложившиеся, более или менее упадочно настроенные; в т о р а я—недостаточно понявшие историческую неизбежность и стратегически революционную сущность новой экономической политики, в значительной степени живущие прошлым героическим периодом; т р е т ь я—пролетарски выдержанные, закаленные в классовых битвах последних лет, стремящиеся к укреплению своего классового сознания и расширению знаний в теснейшей связи с потребностями пролетарского движения и строительства советского государства. Между этими группировками есть и целый ряд переходных. Наша ставка должна быть прежде всего ставкой на третью группу, а энтузиазм знаний должен быть выдвинут, как ось образовательно-воспитательной работы РКСМ. По отношению к членам РКСМ, уже поступившим в вузы, должны быть выработаны формы и связи с союзом, которые, с одной стороны, не перегружали бы обязанностями, не относящимися к их прямой задаче, с другой—парализовали бы тенденцию к отрыву данной категории от комсомольской массы вообще.

5. Так как задача коммунистического образования является для РКСМ в настоящее время основной, первостепенной, главнейшей задачей, то здесь нужно прежде всего продолжать и усиливать работу по ликвидации

безграмотности, интенсифицировать коммунистическое образование вообще, обратить особое внимание на углубление марксистского образовательного кадра, так называемых „активистов“; неуклонно стремиться к переодолению диллетантсткого универсализма, к специализации и серьезному выбору профессии. Фабзавучам должно быть уделено при этом особое внимание. Необходимо создание соответствующей литературы.

6. Надлежащая постановка общесоюзной работы по вовлечению раб. молодежи в новое общественное строительство социалистической республики является специфической воспитательной работой союза. Работа на фабрике, внутри союза, борьба с бюрократизмом, с кулачеством в деревне, с националистическими союзами и буржуазно-спортивными организациями; борьба с пьянством; борьба со взяткой; экономическая и идейная борьба с частным предпринимательством, помощь, в том числе и техническая, партии и профсоюзам и т д.—такова эта сторона воспитательной работы.

7. В воспитательной работе среди молодежи, которая, в силу своего возраста, более эмоциональна, этому последнему моменту нужно отводить значительно большее место. Подавая и преподнося одни сухие циркуляры и сухую „пищу“ для ума, не давая ровно ничего чувству, мы бросаем юношество в буржуазный кинематограф, в пинкертоновщину и проч. Необходимо использовать весь романтически-революционный материал для воспитания юношества: подполье, гражданскую войну, ВЧК, подвиги и революционные приключения рабочих, Красной армии, изобретения, научные экспедиции и т. д. На литературу, кинематограф, театр, клубы, вечера должно быть обращено должное внимание. Необходимо устраивать празднества, общие и местные, придавать им товарищеский характер. Демонстрации, факельцуги, знамена, массовая музыка и т. д. должны быть использованы в полной мере, как средства могущественнейшего воздействия на молодежь.

8. Уничтожая фетишизм моральных норм, рабочий класс вообще, а рабочая молодежь в особенности, должны сознавать однако необходимость классовых норм общественного поведения. Воспитательной работе в этой области необходимо исходить из социализма, как великой цели, и из воспитания ненависти к буржуазному обществу. Необходимо всячески культивировать дух товарищества и товарищеской спайки. Свои обычаи, празднества, „заповеди комсомольцев“, борьба против алкоголизма, половой распущенности, проповедь классовой гордости, партийной, комсомольской чести, внимание к мелочам, борьба против поддельной интеллигентской неумытости—все это должно быть оценено как важные составные части общей работы.

9. Существенной частью в воспитательную работу среди молодежи должны входить различные приемы, имеющие целью повышение уровня как умственного, так и физического развития.

В общую систему должны быть введены игры, задачи, шарады, конкурсы на быстроту, различные соревнования и проч.

Физический спорт, публичные состязания должны быть непременным составным элементом работы.

10. Для проведения всех вышеуказанных мероприятий необходимо увеличение материальных ресурсов РКСМ, а также всемерное укрепление связи между союзом и руководителем всей рабочей революцией, Коммунистической партией. Партия должна выделить на культурный фронт известную часть своего квалифицированного кадрового состава. Без усиления партийного внимания РКСМ не будет в состоянии выполнить все те громадные задачи, которые ложатся на его плечи.

* * *

СЕКЦИЯ XIII С'ЕЗДА РКП ПО РАБОТЕ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ

XIII с'ездом РКП была избрана секция для рассмотрения тезисов тов. Бухарина о работе среди молодежи. Эта секция имела два заседания, на которых были тщательно проработаны тезисы и внесен целый ряд существенных поправок и дополнений. В секции работали тт. Бухарин, Крупская, Ходоровский, Бела Кун, Покровский, Сырцов, Шумский и др., а также руководящие работники РКСМ и комсомольцы-делегаты партс'езда.

Ниже приводится сокращенная стенограмма работ секции [1].

(Председательствует Бухарин)

Бухарин.—Нужно предварительно разрешить вопрос: предлагаем ли мы с'езду на утверждение тезисы с поправками или будем вырабатывать более короткую резолюцию?

Голоса.—Тезисы.

Бухарин.— Разрешите считать это принятым. Начнем с общего обмена мнений по тезисам.

Речь тов. Крупской

В ряде пунктов нужно оговорить необходимость увязки работы молодежи с советской работой. У нас выходит так, что как кому вздумается (отдельному комиссариату или отдельной организации), так эта организация и начнет работать и, конечно, вести параллельную работу.

В тезисах есть некоторые неясности. Я не думаю, чтобы нужно было так, чтобы кто в лес, кто по дрова, чтоб молодежь особо работала бы,

---

[1] См. тезисы тов. Бухарина на стр. 113. При чтении стенограммы секции необходимо иметь этот документ под рукой, так как для краткости текст разбираемых пунктов в отчете не приведен.

избы-читальни — тоже особо и т. д. Необходимо всю эту работу увязать. Часто на деле идет разнобой на местах: каждая организация начинает делать одну и ту же работу, делает сама, без увязки с аналогичной работой других организаций.

Речь тов. Покровского

Картина вузов, которую нарисовал Бухарин в тезисах, я бы сказал, страдает некоторым кособочием. Выходит так, что мы овладели делом в рабфаках и комвузах, но нисколько не овладели им в вузах. Бухарин вымазал черной краской то, что нуждается в несколько более реалистическом освещении.

Пример Тимирязевской академии неудачен. Там, собственно говоря, два хозяина: Наркомпрос и Наркомзем, для которого она готовит специалистов. То, что Тимирязевская академия отстала, в значительной степени об'ясняется тем, что старый Наркомзем противился всякой серьезной чистке профессуры. Только в последнее время мы произвели чистку и отстранили от преподавания Железнова, который насаждал крестьянскую идеологию, Чаянова, который был там царем и богом и т. д, и т. д. Но там не один только Максимовский оборачивается — сейчас там работают люди из Института Красной Профессуры. А самое ценное то, что во главе этой академии стоит самый наш советский ректор, который вообще есть в СССР – профессор Вильямс, который хотя и не коммунист, но вполне наш, говорящий на нашем языке, нашими словами, искренно преданный нам, которому дали недавно орден Красного Знамени. Так что в этом смысле в Тимирязевской академии дело обстоит не так плохо...

В других учебных заведениях, где Наркомпрос является более властительным хозяином, примерно, на ФОН'е 1-го МГУ, марксистские силы уже сейчас составляют большинство.

На ФОН'е многие преподаватели - коммунисты, правда, существуют на бумаге. Так, на ФОН'е значатся Н. И. Бухарин и М. Н. Покровский, но, конечно, не работают. Берем количество часов действительно выполненных.

Коммунисты-марксисты дали 4.085 часов (67,6%), буржуазные профессора—только 2.235 часов (32,4% действительно выполненных часов). Возьмем отдельные кафедры, там картина еще более утешительная. Преподавание политической экономии целиком в наших руках. Коммунисты дали 622 часа; марксисты непартийные — 465 часов; всего 1.078 часов. Буржуазные профессора дали по политической экономии только 86 часов. Другими словами, кафедра политической экономии на ФОН'е Московского университета вся наша целиком. Возьмем другой предмет: экономическая политика. Коммунисты дали 322 часа по экономической политике, беспартийные марксисты—ни одного, а беспартийные буржуазные профессора—16 часов.

По части прикладной экономии дело обстоит хуже. Коммунисты дали 76 часов, беспартийные—176. Это нужно учесть и для Тимирязевской академии; прикладная экономия у нас занимает большое место.

Наркомпрос приходит на помощь, по мере возможности, при поддержке Института Красной Профессуры, который тов. Бухарин тоже крепко охаял, заявив, что там имеются какие-то „теории“, на которых следовало бы остановить внимание. Я должен сказать, что мы принимаем всякие меры против возникновения таких теорий. Мы из Института Красной Профессуры скоро будем выпускать профессоров по прикладной экономии, и тогда никакой диспропорции не будет.

Теперь относительно состава студентов. На том же ФОН'е при Московском университете мы имеем на первом курсе 72% членов РКП и Комсомола, на втором курсе—50%, на третьем—ниже (потому что третий курс не подпал под влияние классового приема). Скажут, может быть, что это плохие коммунисты, потому что они с разными мелко-буржуазными уклонами и т. д.? Там только что прошла чистка. Максимум вычищенных на экономическом отделении — 24%. Минимум на общественно-педагогическом—13%. Процент вычищенных приблизительно такой, как во всех интеллигентских ячейках.

В Институте Народного Хозяйства имени Карла Маркса мы имеем худшие результаты, потому что здесь опять-таки прикладные предметы, но все же из общего числа 122 часов на экономическом факультете коммунисты заполнили 52. Студенчество там распределяется так: на первом курсе—27% коммунистов и комсомольцев, на втором—30%, на третьем—только 7% (потому что третий курс не подпал под влияние классового приема. Тогда прием был самотеком).

На примере этих двух учебных заведений мы видим, что в нашей высшей школе мы завоевали себе преподавание настоящим образом. Особенно прочно мы стоим в этом отношении в Первом Московском университете. Стоим там чрезвычайно прочно, так прочно, что никакие врата адовы нас не одолеют. В силу этого соображения я вношу поправку к картине, которую дал тов. Бухарин. А именно: мы не можем сказать, что в высших учебных заведениях мы уже хозяева, но постепенно мы там хозяевами становимся.

Теперь второе мое дополнение относится к тем данным, которые давал тов. Бухарин относительно рабочих в высших учебных заведениях. Число рабочих крайне низко. Это вопрос, над которым стоит задуматься. Три года практикуется классовый прием, а между тем у нас мало рабочих. Как это могло случиться? Об этом надо спросить профсоюзы; по профсоюзным командировкам попадают люди, к пролетариату никакого отношения не имеющие. У них имеется в распоряжении известное количество вакансий, а пролетариев, достаточно подготовленных для вступления в высшие учебные заведения нет, а между тем есть канцелярия профсоюза, машинистка, окончившая вторую ступень, у инженера в профсоюзе имеется сын, окончивший вторую ступень, и т. д. Что же им, как собаке на сене лежать, и не давать, и самим не пользоваться? И они дают.

Из этого вывод тот, что в рабфаки надо брать рабочих от станка с трехлетним производственным стажем, а не тащить их сразу в университет: из рабфаков входят в университет прекрасно подготовленные рабочие. Я имею данныя относительно тысячи рабфаковцев: их средняя успешность равна 90%, а мы считаем удовлетворительной успешностью успеш-

ность выше 50%. Вы видите, какая квалифицированная публика таким образом поступает с рабфаков. Ясно, что нельзя тащить пролетариев в университеты просто с фабрики или улицы; от этого никакого толку не будет. Сейчас у нас 25 рабфаков. Ни в коем случае нельзя допустить сокращение рабфаков. У нас в последнее время было 25.000 стипендиатов на всех 25 рабфаках. Хорошо было бы в какой-нибудь мере сколько-нибудь закрепить положение, чтобы рабфаки не сокращались. Вот мое пожелание.

Речь тов. Ярославского

В тезисах есть один существенный недочет: мало говорится об идеологических уклонах среди молодежи. Следовало бы показать, какие меры должны быть приняты для излечения этих уклонов. В течение последних двух лет этот вопрос много раз поднимался и оставить его без освещения было бы неправильно.

Речь тов. Васканяна

Тов. Бухарин в своих цифрах впадает в одну крайность, а тов. Покровский впадает в другую. Нельзя брать отдельные вузы для определения количества коммунистов учащихся и преподавателей. В общем масштабе СССР среди студенчества и преподавателей чрезвычайно малое количество коммунистов (не больше 30 коммунистов на 3—4 тыс. учащихся). Мы даже не имеем рабфаков в таких городах, как Иваново-Вознесенск, Казань, и ряде других городов. Вопрос о классовом и партийном составе нашего студенчества является чрезвычайно важным. Тов. Бухарин в докладе приводил цифры, недостаточно точные. По сведениям ЦБ студенчества, в студенческих организациях имеется гораздо больший процент рабочих, детей рабочих и детей крестьян. Те мероприятия, которые предпринимались со стороны ЦК партии, все-таки не улучшают материального положения студенчества. Мы имеем в этом году 47.000 государственных стипендиатов по 20 руб., а по данным тов. Молотова имеется студентов-коммунистов (учащихся вузов и комвузов) 44.000. Нам следует призадуматься над материальным положением студенчества, а материальное положение и болезненное состояние студенчества, в котором находятся даже такие обеспеченные вузы, как например, Академия Социального Воспитания, является грозным предостережением. Надо обратить самое серьезное внимание на эту сторону положения студенчества и принять в этом направлении соответствующие меры.

РЕЧЬ ТОВ. БУХАРИНА

Тов. Покровский неправильно понял мои намерения. Чтобы обратить внимание партс‘езда на то, что партия должна дать квалифицированных работников Наркомпросу на обслуживание вузов, что без этого мы не выйдем из положения, я напирал на неудовлетворительную постановку дела. Центром моей аргументации в докладе было то, что сколько бы

мы резолюций ни писали, если партия не даст определенного количества квалифицированных работников для обслуживания наших вузов и Комсомола, все резолюции, которые мы будем писать, совершенно пропадут. Здесь не было желания вменять что-либо в вину Наркомпросу, а наоборот, было желание выручить его из той беды, которая несомненна. Пример Тимирязевской академии я привел потому, что она стоит на стыке между городом и деревней, а поставлена она у нас неудовлетворительно. Что касается состава студенчества, то я с общей принципиальной линией тов. Покровского совершенно согласен: мы должны пополнять число рабочих в вузах через рабфаки. В тезисах есть соответствующий пункт, где не только не говорится о сокращении сети рабфаков, а, наоборот, придается этому подступу в высшей школе сугубое значение. Сведения о составе студенчества по СССР более или менее верны. ФОН не является показательным относительно марксистского состава преподавателей.

Внесено предложение о прекращении прений. Будем обсуждать вопросы по пунктам.

Прения по вводным пунктам

П. 1.

Крупская.—Смущает в этом пункте то, что выходит, что все дело в кадровом составе. А вопрос ведь не только в кадровом составе, а в том, как этот кадровый состав сумеет свою работу увязать со всей рабочей массой. Эту мысль нужно ставить иначе. Здесь все как-будто говорится о сливках молодежи, а надо, чтобы о всей массе молодежи говорилось. Проблема нашего кадрового состава должна включать ту мысль, что он должен не старыми способами работать, а таким образом, чтобы вся его работа увязывалась со всей рабочей массой. Предлагаю после слов „идеологической жизни“ вставить и „теснейшей связи его с рабочей массой“.

Бухарин.—Мысль Надежды Константиновны, что пункт о кадровом составе включает определенную общественность и что мы должны подводить под нее еще более широкий фундамент—мысль бесспорная.

П.п. 2, 3, 4 и 5 принимаются без возражений.

О пролетарском руководстве и социальном составе

П. 6.

Крупская.—У меня некоторые сомнения насчет фразы „классовое руководство обеспечивается наиболее чистым социальным составом“. Первое впечатление у меня было такое, что это, как в былое время в Праге, чехи-социалисты говорили, что у них исключительно рабочий состав, между тем как этот рабочий состав был никуда негоден в смысле классового руководства. Как только более или менее остро встал вопрос о классовой борьбе, они сдали. Только в последние годы у них окрепла Компартия.

Так что я не знаю, можно ли так категорически сказать, что классовое руководство обеспечивается наиболее чистым составом.

Бухарин.—Дальше идет параграф 7, где этот момент есть. Тут могут возникнуть две совершенно различных мысли. Первая мысль, которая говорит: состав какой-нибудь организации может быть чисто рабочим, скажем, состав английских трэд-юнионов, но он не обеспечивает еще классового руководства. Другая мысль, которая здесь может содержаться, это то, что не нужно здесь напирать на классовый состав, так как это фиксирует на неопределенно долгое время царство пролетариата, а перед нами стоит задача преодоления классовых группировок. Мне кажется, что Надежда Константиновна имела в виду и то и другое.

Крупская.—Я хотела сказать первое, но поддерживаю и второе.

Бухарин.—Моя формулировка основана на предположении, что всем руководит наша классовая партия.

Бумажный.—Слова о главенствующей партии слишком абстрактны, у нас других партий нет. Надо сказать „наша партия".

Бухарин.—Эта формулировка может нас запутать, потому что, если партия не главенствующая, я был бы против того, чтобы расширять социальный охват, был бы за то, чтобы организовать в юные пионеры преимущественно детей рабочих, а так как партия главенствующая, то можно и детей нерабочих организовывать. Я предложил бы обе мысли, которые выражены Надеждой Константиновной, которые правильны по сути, принять. (Принимается).

П. 7 принимается без возражений.

П. 8.

Крупская. — Надо, чтобы вузы были построены таким образом, чтобы они воспитывали спецов-коммунистов. Это — центральный вопрос. Политика орабочения и усиления числа коммунистов—это добавочная вещь. Не говоря о первом, а говоря о втором, мы суть дела выбрасываем, а остается только внешность. Конечно, если более рабочий состав, то легче провести будет в вузах новое построение программы, новые методы работы, потому что их на лету схватывает рабочая молодежь и поможет провести инициативу снизу. Без этого сколько рабочих ни набей в вузы, красных спецов не получится. Должен быть усилен процент коммунистов. Если они будут учиться коммунизму и уметь прилагать его к специальности, толк будет, а если этого не будет, то все дело не будет иметь значения. Надо мысль о постройке вузов, чтобы они воспитывали действительно коммунистических спецов, поставить в первую очередь.

Сафаров.—В Ленинграде в вузах из 37 тысяч оказалось 22 тысячи „прочих", 6 тысяч рабочих и детей рабочих и 9 тысяч детей крестьян. Во вторых, при этом подсчете оказалось: из 3 тысяч профессоров—преподавателей вузов—76 коммунистов. Подход к реформе вузов осуществляется орабочением вузов.

Бухарин. — В этом пункте я не согласен с Надеждой Константиновной. Ее мысль такая, что все равно, кто ты — рабочий или нерабочий,

лишь бы был хорошим коммунистическим спецом. Это мысль общая, абстрактная, и в таком случае возражать против нее не приходилось бы. Но вопрос стоит не „вообще". Мы не можем отказаться от того, что нам нужен хороший коммунистический спец — это само собой понятно. Но у нас в руках одно средство—добавочная гарантия в социальном составе.

Здесь еще одна опасность, на которую, нам еще, кажется, указала Надежда Константиновна. Надо, чтобы у наших коммунистов, тех, которые имеют соответствующую квалификацию, не было комчванства.

Надо поставить вопрос практически: нужно пополнить рабочим составом вузы и обеспечить, чтобы туда послали пролетариев — не тех, которых посылают нынешние профсоюзы, а чтобы был установлен пролетарский контроль в этом деле.

Бумажный. — Можно так подготовить и рабочего, и крестьянина, что он будет и против рабочих, и против крестьян. Вопрос сводится к тому, чтобы обеспечить коммунистическое преподавание в вузах.

Бухарин.—Это относится к другому разделу. Параграф 46 говорит о методах преподавания.

Крупская.—Практика так показывает, что вопрос о том, кто выйдет из наших вузов, определяется постановкой дела: насколько тесна связь с производством, насколько программы построены так, чтобы действительно красные спецы выходили. Например, если мы возьмем педагогические вузы, они все по-старому построены, и какой бы рабочий состав ни посылать туда, они все же будут выпускать старых педагогов, которых жизнь выкинет. И потому выходит так, что если будет как следует продумано и поставлено преподавание, то тогда мы сделаем таких людей, каких надо. Через свою профессию спец сделается неизбежным коммунистом, если дело правильно будет поставлено.

Бухарин.—Все это абсолютно сюда не относится. Кто за то, чтобы эту мысль по существу принять, но внести в совершенно другой раздел? Большинство.

П. 9.

Гессен. — Нужно добавить в резолюцию пункт относительно того, чтобы как союз, так и партия ориентировались на фабрично-заводскую ячейку.

Зоркий.—Я предлагаю заменить слово „общественно-чуткие элементы интеллигенции" более точным словом. Общественно-чутким бывают по-разному: меньшевики и эс-эры тоже по-своему чутки.

Покровский. — Может быть, моя формулировка будет довольно коряво выражена: „более близкой к пролетарской идеологии советской интеллигенции". „Общественно-чуткий" это неясно. Все, действительно, скажут: „и мы чутки".

Бухарин.—Поправку „более близкой идеологически к пролетариату интеллигенции" я принимаю.

П. 10. **Кто руководит детдвижением?**

Бухарин.—К этому пункту есть такие поправки: 1) помочь в материальных средствах, 2) подчеркнуть недостаток руководства, а также отсутствие внимания со стороны партии, профсоюзов и госорганов, 3) поставить вопрос об увязке работы этих организаций с соцвосом, 4) руководство партии через Комсомол.

Шумский.—Между Украиной и ЦК РКСМ была борьба по вопросу о руководстве пионерским движением. По этому вопросу мы приняли такое решение, что руководство пионерским движением—не дело исключительно Комсомола, мы разрешили этот вопрос так, что надо организовать при партийных комитетах бюро по детдвижению. Есть уже центральное, губернские, окружные бюро; теперь вопрос идет об организации районных бюро. Комсомольцы в целом ряде вопросов делали вещи недопустимые; пришлось принять против этого такие решения. Я думаю, что такую формулировку нужно принять для всего союза.

Бела Кун. — Украинская практика совершенно неправильна. На Украине получились плохие результаты. Подход со стороны некоторых партийных комитетов на Украине был неправилен. Несомненно, что комсомольцы делали некоторые ошибки, но для чего тогда существуют партийные органы? Ведь партийные органы руководят Комсомолом.

Если сокращается влияние Комсомола, несомненно страдает только детское движение. В РСФСР практика пионерского движения доказала, что некоторые партийные комитеты непосредственно не могли руководить. Там, где были такие попытки, там сорвалось все детское движение. Поэтому здесь нужно обобщение великорусской практики против украинской.

Крупская.—Тут вот какое соотношение: партия дает общую линию. Но тут необходимо молодежи координировать свою работу с Наркомпросом потому, что Наркомпрос подходит к вопросу педагогически. Наркомпрос ведь также работает по директивам партии. Надо сформулировать тут так, чтобы было видно, что Комсомол тут должен итти нога в ногу с Соцвосом, а партия дает директиву Наркомпросу и Комсомолу, как вести работу так, чтобы была увязка.

Шохин.—Совершенно точно должен быть в резолюции и в тезисах тов. Бухарина отмечен тот факт, что детское движение руководится Комсомолом. Точка зрения Украины должна быть отвергнута. Я думаю, что надо будет дать такую же формулировку и относительно участия Соцвоса в работе. И мы за то, чтобы Соцвос участвовал в этом деле. Для того, чтобы не было потом, после партийного с'езда, драки между Комсомолом и Наркомпросом, надо дать точную формулировку в организационном вопросе. Здесь—дело редакции. Но по существу, как должно обстоять дело? Конечно, органы, руководящие детским движением, существуют при Комитетах РКСМ, не при Соцвосе, не при партийных комитетах. Органы Комсомола являются руководящими органами детского движения. Это первое. А второе: при всяких принципиальных разногласиях, когда дело идет о принципиальных вопросах по руководству детским движением, вопрос решает партия.

Крупская.—А по педагогическим вопросам решает Наркомпрос.

Шохин.—А если это—педагогически-политический вопрос, то его решает партия. Окончательную директиву дает партия. Формулировку нужно построить так, чтобы удельный вес Комсомола был больше.

Файвилович.—Партия должна руководить через Комсомол, который ведет свою работу совместно с органами Соцвоса. Украинский опыт не выдерживает никакой критики, потому что в течение полутора лет ведется там борьба. В результате никакой серьезной работы нет. Что касается фактической стороны этого дела, то здесь есть некоторые маленькие недоразумения, но в общем и целом Комсомол руководит организациями юных пионеров Этого не надо забывать. Сейчас, когда комсомольские организации создали детдвижение, говорят, что Комсомол не должен руководить. Это неправильно. Соцвос—государственное учреждение, которое дает методические указания воспитательного характера, а тут—общественное воспитание, которое партия должна вести через комсомольские организации. Я предлагаю принять такую формулировку: „Партия руководит движением пионеров через Комсомол, который ведет эту работу в полном согласии с Соцвосом".

Формулировка тов. Файвиловича принята.

Социальный состав вузов

П. 11.

Покровский.—Я бы смягчил формулировку. Это как-раз та нигилистическая точка зрения, которую я оспаривал. Я согласен, что можно писать: „гораздо хуже обстоит дело в вузах", но „неизмеримо хуже"—это значит сказать, что ничего не сделано в вузах.

Файвилович.—Поправки тов. Покровского, по-моему, не соответствуют действительности. Зачем тогда назначена чистка вузов? Не потому, что там неувязка. Чистка ведь также и классовая. Я предлагаю эти поправки отвергнуть, а принять тезисы, как они написаны тов. Бухариным.

Ходоровский.—У нас так обстоит дело: из всей массы 145 тысяч студентов имеем рабочих—16,3%, членов РКП—7,9%, комсомольцев—6%. Это—процент небольшой. Когда я читаю, что 23% на медицинских вузах—крестьяне, то я скажу, что это маргариновые крестьяне, крестьяне по паспорту, а не настоящие Следовательно, усилить тезисы в отношении указания на слабый социальный состав наших вузов—это значит только помочь делу.

Бухарин.—Я вношу компромиссную поправку. Я предлагаю вместо „неизмеримо хуже" поставить „в силу целого ряда об'ективных причин".

Покровский.—Я присоединяюсь к поправке тов. Бухарина.

Бухарин.—Голосую. Кто за поправку? Тридцать. Кто против? Тридцать. Отвергается.

Пп. 12 и 13 принимаются без возражений.

П. 14.

Покровский.—Предлагаю вместо „интеллигентских группировок" сказать просто „интеллигенции".

Бухарин.—Не буду возражать.

П. 15.

Крупская.—Вы тут говорите только так: „усилить работу по линии экономическо-правовой и по линии повышения культурно-технического уровня подростков". Таким образом вы здесь оговариваете, что подростки будут только в школе фабзавуча и больше нигде. Надо говорить о культурно-технической работе и на ряду с этим говорить об общекультурной. Не надо целиком привязывать подростка к определенной профессии.

Бухарин.—Если вы предлагаете, мы вставим: „повышение общекультурного и технического уровня подростков". (Принимается).

П. 16.

Касименко.—Я считаю, что тут формулировка „крестьянская молодежь должна быть политически кооперирована именно союзом молодежи" неверна и неправильна потому, что эта формулировка дает возможность думать, что Комсомол должен об'единить всю крестьянскую молодежь. Я считаю, что здесь нужно дать другую формулировку, примерно такого рода: „активность крестьянской молодежи должна итти по линии ее политического охвата Комсомолом".

Митрофанов У меня есть добавление. Я против такой формулировки, где говорится: „с другой стороны, необходимо увеличить состав" и т. д. Я думаю, что такая предпосылка может явиться мотивом к тому чтобы вообще прекратить расширение. Нужно иметь в виду следующее: у нас в союзе сверху донизу, во всей организации, существует традиционная боязнь расширения в деревне. Когда у нас был спор насчет того расширяться или не расширяться, на тех товарищей, которые стояли за расширение, были иногда нападки: „ага, ты за расширение, значит, ты хочешь сделать наш союз некоммунистическим, а просто союзом, куда будет входить вообще вся молодежь". Нет, мы стоим за то, чтобы наш союз был коммунистическим. Я предлагаю здесь такое добавление: „Имея в виду сильный рост комсомольских ячеек в деревне, необходимо обратить особое внимание на укрепление аппаратов, обслуживающих деревню".

Комаров.—Я предлагаю выкинуть слова, говорящие о том, что ячейки РКСМ в деревне играют более положительную роль, чем ячейки партии. Я предлагаю выбросить это из тех соображений, что здесь дается представление чересчур одностороннее, которого нельзя обобщать на основании некоторых данных, хотя бы в каком-нибудь селе ячейка РКСМ и играла большую положительную роль, чем ячейка РКП. Там, где есть ячейка РКСМ, а ячейки РКП нет, ячейка РКСМ играет большую роль, потому что ячейка РКП вообще там не играет никакой роли, так как ее

нет. Я предлагаю эти слова исключить, оставив только, что ячейка РКСМ играет положительную крупную роль.

Тарханов.—Я думаю, что поправку, которую предлагает тов. Митрофанов, принимать не следует. Нельзя исходить в данном случае из того, как понимает этот пункт тов. Митрофанов. Это будет неправильно. Что касается отдельных поправок относительно большой роли комсомольских ячеек в деревне, здесь сначала не было слов „часто“, а было, что комсомольские ячейки играют большую роль, чем ячейки партии. ЦК Комсомола внес слово „часто“ потому, что иногда в деревне существует одна лишь комсомольская ячейка, а партийной ячейки нет; поэтому естественно, что комсомольская ячейка там играет большую роль. Сейчас положение такое, что большей частью в деревне парт'ячейки нет, а комсомольская есть. И если мы в общем и целом возьмем весь СССР, возьмем густоту сети партийных ячеек и ячеек комсомольских, то, конечно, мы увидим, что комсомольских ячеек у нас значительно больше. Поэтому-то и можно сказать, что в общем и целом комсомольские ячейки часто играют большую роль, чем партийные.

Бухарин.—Я голосую. Кто за поправку тов. Митрофанова? Прошу поднять руки. Один. Кто за поправку тов. Комарова? Кто против? Большинство. Поправка отклоняется.

Крупская. — Вторая фраза так формулирована: „Если организационная энергия крестьянства должна быть направлена прежде всего по линии кооперации...“ Я тут предлагаю сказать: не „кооперации“, а „кооперирования“. Понятие „кооперирование“ шире, чем понятие „кооперация“. „Кооперирование“ включает в себя не только экономическую кооперацию, но и внесение сознательности. Кооперация может организовываться без внесения сознательности, а кооперирование должно быть увязано с сознательностью, с работой политической, потому что энергия крестьянства не может быть направлена только на экономическую организацию. без внесения сознательности в эту работу. У вас выходит так, что крестьяне должны только экономически организовываться, а молодежь должна максимум сознательности в это дело внести. Я полагаю, что такого противопоставления делать нельзя.

Бухарин.—Наша мысль заключается в том, что крестьянство мы вовсе не собираемся политически об'единить. Вопрос заключается в том, куда мы политическую активность крестьянства будем направлять. Рост сознательности крестьянства -это не есть вопрос организационный. Какую организацию вы предлагаете для этого?

Крупская.—Крестьянские комитеты. Говорили все время, что середняцкие и бедняцкие слои должны быть кооперированы в крестьянские комитеты, что политическая сознательность должна быть внесена в это дело.

Бухарин. У меня здесь сказано: „прежде всего по линии кооперации“. Это значит, что комитеты взаимопомощи не исключаются, а прежде всего идет речь об организационных формах по линии кооперации.

Крупская.—На крестьянской секции все время говорили о том, что сейчас самое важное—внести сознательность в об'единение середняцких

и бедняцких слоев крестьянства, что кооперация должна об'единить не все крестьянство, а наиболее потребительские слои, бедняцкие и середняцкие. Сейчас классовая борьба в деревне в самом разгаре. А вы как-будто не хотите, чтобы вносили сознательность в дело экономического об'единения, когда так противополагаете одно другому. Вот такой смысл получается.

Бумажный.—Крестьянские комитеты взаимопомощи—политическая форма организации, которая ближе подводит к социалистическим формам хозяйства, в том числе и к кооперированию. Кооперирование охватывает собой и потребительскую кооперацию, и сельско-хозяйственную, и прочие виды кооперации—кредитную и т. д. Крестьянские комитеты взаимопомощи являются политической организацией середняков и бедняков против кулаков. Но мы против того, чтобы вместо комитетов взаимопомощи возник крестьянский союз. Поэтому мы именно на комитеты взаимопомощи и ставим ставку.

Бухарин.—Если мы скажем так, как предлагает Надежда Константиновна, у нас будут совершенно беспредметные тезисы. Я согласен, чтобы конкретнее перечислить формы организации, например, так: „если организационная энергия крестьянства должна быть направлена прежде всего по линии кооперации, а также крестьянских комитетов взаимопомощи и т. д.“

Рязанов.—Я думаю, что надо просто выбросить слова: „если организационная энергия и т. д.“, а все это читать так: „крестьянская молодежь должна быть об'единяема именно союзом молодежи, ячейки которого“ и т. д.

Тарханов.—Я предлагаю вторую часть фразы тоже выкинуть.

Бухарин.—Значит, все выкинуть?

Тарханов.—Да, потому что следующие фразы говорят о том, что нужно расширение деревенских ячеек Комсомола и т. д. Фраза имеет смысл только как сравнение, а если сравнения нет, то фраза смысла не имеет.

Бухарин.—Будем раздельно голосовать. Кто за предложение тов. Рязанова? Принято. Кто за предложение тов. Тарханова? Отвергается.

Васютин.—Здесь же, в этот раздел, в конце предлагаю ввести один пункт о девушках.

Бухарин.—Давайте примем предложение тов. Васютина и вставим этот пункт.

П. 17 принимается без возражений.

П. 18.

Полонский.—Вношу предложение: пункт вычеркнуть. Он весь посвящен тому, что РКСМ является самоуправляющейся организацией, а это всем известно.

Бухарин.—Я думаю, что этот пункт выкидывать не нужно. Вы должны понимать, что задача двусторонняя. Если наши юношеские орга-

низации должны понимать, что им нужно руководство партии, то партия в целом должна понимать, что тут нельзя действовать одним нажимом. Этот пункт важен, его нельзя загнать куда-нибудь, как придаточное предложение. Кто за то, чтобы изменить этот пункт? Отклонено.

П. 19.

Полонский.—Я предлагаю следующее добавление: „подбор лучших партийных товарищей для работы в союзе и систематическое включение работников РКСМ в выборные партийные органы".

Бухарин.—Кто за это предложение? Отклонено.

Об активистах

П. 20.

Зоркий.—Здесь только бегло упоминается „кадр активных работников". Между тем мы уже толковали на совещании делегатов-комсомольцев XIII с'езда о том, что нужен специальный пункт об активных работниках. Надо взять решительный курс на выдвижение низового активиста на руководящую работу в союзе. В то же время необходимо подчеркнуть, что и учеба нашего активиста является его союзной обязанностью, что его нельзя перегружать организационной и всякой иной командной работой.

Коталынов.—Тов. Зоркий не туда попал. Поправка его верная, но ее нужно не в тот раздел.

Бухарин.—Тут два разных вопроса. Один вопрос—о вовлечении части активистов в партийную работу. Другой вопрос—о положении этого активиста в самом союзе, о выдвижении активистов. Я думаю, что и тот, и другой вопрос нужно поставить в другом месте, когда будет разбираться вопрос о работе РКСМ. Мы принимаем изложенную в тезисах мысль, что необходимо увеличивать число партийных активистов и поправку тов. Зоркого, что мы выдвигаем все более и более новые кадры активистов в рамках союза, а также об учебе активиста, но вставим все это в другое место.

Союз и партия

П. 21 и 22.

Крупская.—Я против этого. Тут сказано раньше о том, что комсомольцы вовлекаются в жизнь партии вообще, а здесь идет вопрос об обсуждении и дискуссиях; выходит, что в РКСМ надо дублировать все, что делается в партии. Если поставить в обязанность дискутировать все, что делается в партии, будут без конца дискутировать.

Полонский. — Я поддерживаю Надежду Константиновну. Вопрос стоит в такой плоскости, что все это якобы согласовано с партией. Это только фиговый листочек. Я убежден, что, имея такую директиву и указание с'езда, комсомольцы назавтра, как только какая-нибудь дискуссия в партии началась и еще не кончилась, начнут у себя дискутировать. Это такая директива, которая будет проводиться явочным порядком без согласования. Этот пункт нужно исключить.

Бухарин.—Вы не знаете, что шла дискуссия по этому вопросу в рамках РКСМ. Были защитники специальной „теории нейтральности“ В тезисах сказано, что союз обособляется в организацию самоуправляющуюся. Здесь речь идет о совершенно другом—о нейтральности во внутрипартийных вопросах. По этому вопросу был большой спор, и вопрос не в том, чтобы обязать союз дискутировать вопросы, а что мы не можем запрещать это делать. Мы говорим, что союз должен сближаться с партией и втягиваться в ее жизнь. Как же можно мыслить такое положение, когда острые вопросы партийной жизни запираются для союза, который должен вовлекаться в партийную жизнь? Это принципиально неправильная постановка вопроса. Это было бы совершенно неправильно и с точки зрения РКСМ, но еще больше с международной точки зрения. У нас всюду и везде союз самым решительным образом втягивается в партийную жизнь и во многих странах является нашей опорой. А если Российская партия выкинет этот пункт, такая линия пойдет по всему Коминтерну. Это принципиально совершенно неправильная позиция.

Крупская. — По-моему, фраза „в особенности“ не нужна. Надо яснее, чтобы это понималось так: „а как конкретную действительность связывать с коммунизмом?“ Тогда это будет самое основное в борьбе с оппортунизмом, потому что оппортунизм как-раз не умеет в конкретной действительности находить дорогу к коммунизму. И всегда сдает коммунистические позиции.

Быть хорошим коммунистом—значит уметь разбираться в конкретной действительности и уметь связать конкретную действительность с коммунизмом. Оппортунисты не умеют этого делать.

Бухарин—Надежда Константиновна исходит из предпосылки, что наша молодежь—такие наивные деточки, что не знают, чем пахнет оппортунизм.

Крупская.—Нет, не из этого,—из того, что надо учить их тому, что такое оппортунизм.

Бухарин.—Тут сказано: „систематическое изучение истории партии и ее программы и тактики, ее организационных принципов, всего идейного наследства, оставленного партии тов. Лениным“. „Систематическое изучение“—чего же вы хотите? Голосую. Пункт остается без изменения.

П. 23.

Зоркий.—Здесь вот какой недостаток. Говорится о „третировании“. Это не та вещь, которая опасна. Третируют союз у нас очень мало, а недооценивают очень часто и много. Поэтому я предлагаю здесь вставить слова „и недооценка“. Партийцы не третируют союза, и пункт бьет в воздух. А против недооценки высказаться полезно.

Рязанов.—А какие уголовные кары за эту недооценку?

Бухарин.—Я думаю, что поправка Зоркого полустилистического характера, и не буду ее голосовать.

Пп. 24, 25, 26 и 27 принимаются без возражений.

П. 28.

Рогов. — Позвольте мне внести небольшое дополнение по этому пункту. В экономической работе союза встречается громадное сопротивление со стороны хозяйственных органов и профсоюзов. Тут необходимо дать партийную директиву о том, чтобы перечисленные моменты выполнялись не только нами, но и профсоюзами и хозяйственными органами. Партийная директива даст нам возможность добиваться улучшения положения рабочей молодежи.

Бухарин.—Поправка тов. Рогова предлагает, чтобы партия заставила хозяйственные органы работать в направлении сохранения в производстве рабочей молодежи. Но ведь члены партии, работающие и руководящие хозяйственными органами, подчиняются постановлениям и директивам партии и без такого напоминивания. Кто за эту поправку? Принимается.

Вопросы системы народного образования

П. 29.

Крупская.—В общей нашей перспективе школы фабзавуча неравномерно обеспечены. Например, на Урале на школу, где имеется 54 ученика, ассигновано 20.000 рублей, а рядом существует школа на 180 человек, которая получает 100 рублей. Ставить вопрос так, чтобы в школы фабзавуча валить все, а на все остальное наплевать—нерационально. А если спешить в этом деле, как мы делаем всегда, то получится, что будут подготовляться в школе фабзавуча работники, которые в производство не годятся из-за этой спешки. О школах фабзавуча надо говорить серьезно, обстоятельно, говорить с массой оговорок. Я предлагаю этот пункт выбросить.

Шохин.—На основании одного Тагильского завода нельзя говорить, что фабзавучи находятся в таком аристократическом положении, что на них не надо обращать внимания. Мы сейчас имеем такое положение с фабзавучем, когда он ютится на задворках, в подвалах и т. д. Происходит это по вполне понятным причинам. Раньше таких школ не было. У нас был долгий спор о том, можно ли вводить в систему фабзавуч. Теперь Наркомпрос согласился, что это одна из школ, которая будет расти, и в этом пункте нет спора. В школах фабзавуча пока занято 37% подростков, поэтому должен быть взят курс на расширение фабзавучей.

Крупская.—Расширение обусловлено пределами производства.

Бухарин.—Кто за поправку Надежды Константиновны? Мало.

Рогов.—Я предлагаю добавить к этому пункту упоминание о школах и технических курсах для рабочего юношества.

Бухарин.—Нет возражений? Принимается.

П. 30.

Крупская.—Для чего-то создан Наркомпрос, который над этими всеми вопросами бьется. Надо сказать так: „все это—поле деятельности РКСМ, который должен увязать свою работу с Наркомпросом“, а вы предлагаете —„все дело РКСМ“, и предоставляете Наркомпросу только

слушаться Комсомола. Система народного образования принята на коллегии Наркомпроса, агитпроп ЦК также принял эту систему. РКСМ вносит и проводит узко-ремесленную систему профессионального характера, где есть школа крестьянской молодежи, школа фабзавуча, и больше ничего. Начинать всё сначала—значит вносить дезорганизацию в работу. Надо оставить дело так, как есть. Эту директиву партия дала Наркомпросу. Я полагаю, что нужно сейчас перенести вопрос из области резолюций непосредственно в жизнь.

Тарханов. — То, что предлагает Надежда Константиновна, — чтобы РКСМ был в большем контакте с Наркомпросом,—мы целиком одобряем. Но речь идет о большей увязке РКСМ с Наркомпросом. Центр вопроса— вопрос о системе. Надежда Константиновна сказала, что система народного образования, предлагаемая РКСМ, есть система узко-ремесленная. Вопрос о школе крестьянской молодежи был выдвинут не Наркомпросом, а Комсомолом. Наркомпрос ухлопывает слишком много средств на школу II ступени, которая готовит советских оболтусов и ненужных людей,—это бывшие царские гимназистики. Комсомол предлагает, чтобы из школы выходили люди, нужные для жизни, для производства, для социалистического строительства, для борьбы за новую деревню, для [поднятия хозяйства. Мы не решаем сейчас этого вопроса, он не совсем подготовлен, но надо поставить этот вопрос. Мы предлагаем добавить, что для разрешения этих задач необходим пересмотр существующей системы народного образования, для чего следует созвать при ЦК РКП специальное совещание (Голоса: „правильно").

Бухарин. — Я предлагаю вопрос снять с обсуждения (17 за, 29 против).

Ходоровский.—Тогда выходит, что мы должны оборвать обсуждение тезисов тов. Бухарина и дать один доклад тов. Крупской для изложения системы народного образования, как она принята Наркомпросом; во-вторых, надо дать доклад ЦК РКСМ для изложения его системы народного образования, а потом открыть прения, ибо предложение тов. Тарханова означает— под сурдинку провести вопрос о системе народного образования, который является вопросом кардинальным, который нельзя фуксом проводить.

Рязанов.—Предлагаю поправку, чтобы принять параграф 30 без прений:

„В школьной работе в городах необходимо возможно большее приспособление школы к потребностям рабочего класса и задачам социалистического строительства; необходимо соединение школьной работы с возможно большим развитием самодеятельности учащихся, с созданием их широкой общественности. Все это—задачи, в решении которых соответствующими советскими органами РКСМ должен принимать деятельное участие".

Тарханов.—Мы не предлагаем, чтобы партс'езд вынес решение, что система Наркомпроса отменяется и вводится система Комсомола. Мы хотим пересмотреть систему. Партс'езд имеет право сказать, что этот вопрос нужно обдумать. Раз такая организация, как Комсомол, который об'единяет 700.000, просит партию обдумать вопрос лишний раз, то как

можно нам отказывать? Надо пересмотреть систему, а потом решить вопрос.

Ходоровский.—Моя формулировка: „Все это должно проводиться органами Наркомпроса в тесном контакте с РКСМ“.

Бухарин.—Голосую формулировки: одна тов. Рязанова, другая Ходоровского и третья такая, как в тезисах. Кто за то, чтобы поддержать формулировку, как она была?—26. Кто стоит за об'единенную поправку тт. Ходоровского и Рязанова?—24. Поправка отвергается. Какие существуют предложения к порядку постановки этого вопроса?

Рогов.—Нужно дать от имени с'езда директиву ЦК: войну Наркомпроса с РКСМ прекратить. Наши тезисы принимались на V Всероссийском с'езде, ЦК партии утвердил их. ЦК партии должен пересмотреть систему народного образования. Если не нравится „пересмотр“, напишите „просмотр“...

Бухарин.—Вопрос в партийных кругах не обсуждался. Партийный с'езд не может заранее авансировать определенную точку зрения.

Тарханов.—Поскольку здесь вызывает сомнение слово „пересмотр“, давайте напишем: „проверка существующей системы народного образования“.

Крупская.—Все это неприемлемо для работников Наркомпроса. В таких условиях нельзя работать.

Второе заседание.

Файвилович.—Совместно с товарищами из Ленинграда и Урала мы предлагаем формулировку, которая, мы надеемся, всех об'единит. Надежда Константиновна не возражает против нашей формулировки.

Бухарин.—Возражений нет? Формулировка принимается.

П. 31 принимается без возражений.

Комсомольская литература

П. 32.

Диманштейн.—Предлагаю там, где говорится: „большое внимание, в особенности деревне“, указать: „необходимо приступить в центре и на местах к изданию комсомольской литературы на национальных языках“.

Зоркий.—После строчки „гораздо большее внимание надо обратить“ все дальнейшее можно было бы смело выкинуть. Здесь идет речь слишком обще и только о периодической прессе. Мы ставим вопрос о всей юношеской литературе. Нам нужно обратить гораздо большее внимание на юношеские издательства и всю комсомольскую прессу, в особенности в деревне и в национальных округах. Во-вторых, литературу для юношества создает не только Комсомол, но и партийные издательства. В этой работе господствует разнобой. Комсомол—один воспитательный аппарат партии, издательства—второй. Нужно соответствие между этими двумя воспитательными аппаратами. Предлагаю другую формулировку (оглашает). Далее: наш

величайший пробел—то, что у нас нет в системе наших периодических органов ничего для деревни. Эту задачу Комсомол сам осуществить не может. Нужно помочь ему создать журнал для крестьянской молодежи.

Крупская.—Это совершенно правильно. О журнале для крестьянской молодежи непременно нужно сказать. Мы в избы-читальни посылаем журналы, которые только о городской молодежи говорят, а деревенского журнала у нас нет.

Сафаров.—Большинство предложений Зоркого уже принято секцией печати с'езда.

Зоркий.—Нужно и здесь сохранить три основные мысли: нужно поддержать всю юношескую литературу, издаваемую РКСМ; второе—что работу партии и советской власти в области издательств нужно приспособить к воспитательной работе Комсомола; в третьих—подчеркнуть особо вопрос о крестьянском журнале.

Бухарин.—Обо всем сразу нельзя написать. Верно, что нужно подчеркнуть относительно журнала для крестьянской молодежи, так как это имеет значение в связи с нашей ориентацией на деревню. Есть возражения? Принимается.

Зоркий.—Можно бы вычеркнуть последнюю фразу, начиная от слов „отнюдь не давая ему возможности превратиться“. Это взято из чужого, не-комсомольского опыта; у нас пока что такой опасности нет.

Бухарин.—Это нужно оставить, потому что среди наших организаций, младших по возрасту, есть тот недостаток, что они копируют взрослые организации. (Фраза остается).

Комсомол и учащиеся

П. 33.

Тарханов.—„РКСМ должен в вузах и в школах II ступени об'единить советские элементы“. Но в вузах вообще предполагаются только советские элементы, а поэтому фразу нужно уточнить. У нас был спорный вопрос, в какой степени мы можем расти в школах II ступени и в вузах. Мы решили там создавать ячейки, но очень осторожно к этому делу подходить.

Бухарин.—Тут сказано не относительно приема. Тут сказано: „об'единить и брать под свое руководство“. Это не значит, что вы их обязательно принимаете в РКСМ. Фразу нужно оставить.

Сафаров.—Предлагаю сказать: „сплачивать и об'единять“.

Файвилович. — Предлагаю слово „об'единять“ выбросить и вставить „должен брать под свое руководство советские элементы школ“.

Бухарин.—Имеется одна поправка—ограничительная—тов. Файвиловича и Тарханова, и одна—по линии уточнения—тов. Сафарова. Голосую.

(Принимается поправка тов. Сафарова).

Комсомол в деревне

П. 34.

Крупская.—Предлагаю первую фразу оставить, а затем сказать так: „деревенские ячейки РКСМ должны развивать широкую общественную работу вокруг комитетов взаимопомощи, ведя защиту нужд маломощного крестьянства“ и т. д. Главное именно в том, чтобы сказать „вокруг комитетов крестьянской взаимопомощи“, чтобы не вышло так, что проводит работу другая организация.

Бухарин.—Ваша мысль заключается в том, что не Комсомол выступает непосредственно, а Комсомол около этих комитетов?

Крупская.—Об‘единяя свою работу с работой изб-читален, потому, что мы приняли, что избы-читальни - это боевой орган комитетов взаимопомощи и Всеработземлеса.

Бухарин.—Разрешите считать поправку Надежды Константиновны принятой.

Толмазов.—Нужно этот пункт как-нибудь смягчить. Очень рискованно говорить в пункте об отделении крестьянской молодежи от отцовского хозяйства.

Бухарин.—Кто за то, чтобы смягчить? (Принимается).

П. 35.

Крупская.—Я не возражаю, потому что сейчас никаких школ крестьянской молодежи нет, и спорить здесь нечего.

Шохин.—О сельско-хозяйственных кружках здесь говорится как о добровольном об‘единении молодежи. Мы рассматриваем сельско-хозяйственные кружки как зародыши будущей школы крестьянской молодежи. В ряде губерний школа крестьянской молодежи имеется одна на уезд, а сельско-хозяйственные кружки мы должны иметь при каждой ячейке Комсомола в деревне. Об этом и надо сказать здесь. Надо обратить внимание земельных, партийных и советских органов на поддержку этих сельско-хозяйственных кружков при ячейках Комсомола.

Бухарин.—По-моему, не надо это переносить в этот пункт потому, что когда-то они вырастут—неизвестно. Если сейчас мы будем их рассматривать по школьному типу, мы сделаем ошибку. Разрешите оставить так. (Принято).

П. 36 Принимается без возражений.

Работа в армии

П. 37.

Белоусов.—Здесь слабо говорится о комсомольцах, которые находятся в армии. В армии большое количество молодежи, а работа там поставлена слабо. Необходимо усиление и укрепление комсомольской работы в армии. Необходимо расширение комсомольского ядра в армии.

Бухарин.— Специально вопрос относительно ячеек в армии никто не поднимает. Можно считать этот вопрос исчерпанным. Если возражений нет, считаю пункт принятым.

Тарханов.—Необходимо усиление работы в армии, так как там будет до 50.000 человек молодежи. Если мы не начнем систематической работы, не в форме ячеек, а какой-нибудь другой, они „раскомсомолятся“, и мы потеряем свое влияние.

Бухарин.—Голосую. Кто за поправку тов. Белоусова? Кто против? Большинство.

Работа среди национальностей

П. 38.

Диманштейн.—Предлагаю дополнение: „Необходимо приспособление к быту и особенностям каждой национальности“.

Крупская.—Необходимо здесь сказать об отношении к другим национальностям. На Украине есть факты угнетения поляков и немцев. Растет также в некоторых местах ант [illegible] этим нам тоже надо бороться.

Бухарин.—Есть две поправки. Обе можно принять полностью.

О вольных об'единениях

П. 39.

Файвилович.—Предлагаю формулировать так, чтобы сказать, что эти общества будут целиком подчинены нашему союзу. Об'единение рабочей молодежи на основе культработы мешает возможности повести молодежь к союзу на основе политических лозунгов. Если добровольческие об'единения молодежи не будут подчинены целиком нашему союзу, может получиться, что рядом с Комсомолом вырастет другой союз.

Васютин.—Поддерживаю тов. Файвиловича.

Сафаров.—В пункте указано, что Комсомол является ядром, и РКСМ может через такое общество охватывать молодежь вокруг себя.

Предлагаю этот пункт оставить в прежней редакции.

Зоркий.—Предлагаю написать: „при местных организациях Комсомола под их руководством“.

Файвилович.—Мы не можем согласиться, чтобы это приняло какую-нибудь другую форму помимо Комсомола и без его руководства.

Бухарин.—Не нужно принимать этой поправки. Наша задача—не дать организоваться какой-нибудь „организации крестьянской молодежи“. Надо ту молодежь, которая стремится к организации, организовать при Комсомоле. Эта задача трудная, она не нащупана. Если же мы сразу скажем про Комсомол, то из этого ничего не выйдет или выйдет меньше, чем можно от этого ждать. Нужно оставить этот пункт, не вводя ограничительных поправок. Кто за, чтобы внести поправки? Кто против? Против на два голоса больше.

Пп. 41 и 42.

Ходоровский.—Предлагаю прибавить к 41-му параграфу: „и школу II ступени". Сейчас в школах II ступени находятся сотни тысяч молодежи, и они являются формально такими же подступами к высшей школе, как техникумы, а внимание им уделяется недостаточное. Эти сотни тысяч учащихся во II ступени не могут оставаться без соответствующей идеологической обработки со стороны партии и Комсомола. Расширять школы II ступени нам не нужно. Мы даже сеть рабфаков сокращаем и совпартшколы. Расширить же сеть профшкол крайне необходимо.

Шохин.—Вести работу в школах II ступени, конечно, надо. В вузы из школ II ступени мы будем брать только одиночек. Без реорганизации этого дела у нас ничего не выйдет Необходимо установить, сколько вузы могут принимать из школ II ступени. Вносить поправки в этот параграф не следует. Я поддерживаю вторую поправку, что нужно расширить сеть районных школ рабочей молодежи, профшкол и технических школ. Эти учебные заведения нужно расширить и нужно орабочить.

Крупская.—Выходит, что мы нынешние средние профшколы и рабфаки рассматриваем только как подступ, как подготовительную ступень к вузам. При таком подходе у нас не будет должного отбора наиболее пригодных для вузов, а будет итти драка из-за того, кто готовит в вузы: школа ли II ступени, профшколы или рабфак. Нам нужно поставить дело так, чтобы в средних школах существовал отбор наиболее приспособленных, наиболее талантливых и пригодных для вузов, а их у нас рассматривают только как подготовительную ступень к вузу. Это неправильно.

Файвилович.—Здесь неправильно поставлен вопрос о системе образования. Дело идет о том, чтобы принять такие мероприятия, которые могли бы орабочить вузы. Мы еще высшую школу не завоевали, а вы предлагаете завоевать высшую школу через школы II ступени. В школах II ступени преобладающее ядро составляет мещанская молодежь. Мы не хотим ставить вопрос о школах II ступени, потому что из них пойдут в высшую школу такие элементы, которые нам не нужны.

Сафаров.—Школы фабзавуча и школы II ступени нельзя рассматривать как подготовительную ступень к вузам. Опасный уклон, который имеется у учащихся, это — мнение, что из каждого учащегося должен выйти генерал. От этой буржуазной тенденции нам надо безусловно избавиться. Школа II ступени, которая наиболее по-буржуазному смыкалась в прошлом с высшей школой и которая в наименьшей степени излечилась от этого, не должна считаться подготовительной ступенью к высшей школе.

Покровский.—Нужно смотреть на школу II ступени, как на подступ к высшей школе. Школа II ступени не вечно будет иметь мещанский состав. Мы ее будем орабочивать, как и всякую другую школу. Что же будет со школами II ступени, когда они будут иметь 75% учащихся пролетариев, и этих пролетариев не будут принимать в высшие учебные

заведения? Комсомольцы желали бы совсем ликвидировать школы II ступени, заменить их школами фабзавуча и школами крестьянской молодежи.

Шохин.—И школой обслуживающего труда.

Покровский.—Да, и школой обслуживающего труда. Это—маленькая уступочка. Если бы говорилось о школах подготовительных к высшей, то есть одно такое учреждение, рабфак, значения которого выступающие товарищи не понимают. Если рабфак рассматривать как учреждение самодовлеющее, то это не рабфак, а школа для взрослых. Рабфак—рабочий факультет высшей школы, он—высшая школа, он готовит для высшей школы. Это—временное учреждение, которое нужно для того, чтобы экстренно подготовить рабочую молодежь для вступления в высшую школу. А когда эта задача будет выполнена, тогда рабочая молодежь пойдет в вузы через школы второй ступени и через другие школы рабочей молодежи. Предлагаем школы II ступени не бойкотировать, потому что это вовсе не классовая мещанская школа. Говоря о подступах к высшей школе нужно говорить и о школе II ступени.

Бухарин.—Опять возникают споры, которые были раньше. Глава эта называется: „Высшая школа и молодежь". Следовательно, перед нами вовсе не стоит вопрос относительно самостоятельного значения той или другой средней, промежуточной школы. Нельзя ли формулировать так поправки, чтобы они шли по этой ограничительной линии.

Шохин.—Предлагаю 41-й пункт формулировать таким образом: „Чрезвычайно крупную роль в деле завоевания высшей школы будет играть низшая и средняя профшкола. Лучшие элементы из этой школы должны в значительной степени помочь орабочению высшей школы".

Бухарин.—Кто за поправку тов. Шохина? (Поправка отвергается).

Ходоровский.—Предлагаю в пункте 41-м прибавить: „И школа II ступени". В пункте 42-м начиная со слова „следует" я предлагаю сказать: „Особенно следут всемерно содействовать не только сохранению, но и расширению сети низшей и средней профшкол".

Бухарин.—Кто за первую поправку тов. Ходоровского о том, чтобы вставить в 41-м пункте слова: „и школу II ступени"? (Поправка отвергается). Кто за вторую поправку тов. Ходоровского? (Принимается).

Крупская.—Я предлагаю вычеркнуть все, что сказано в скобках. (Отвергается).

Крупская.—Предлагаю в 42-м пункте выбросить слово „подготовительным".

Бухарин.—Кто за эту поправку? Большинство.

П. 43.

Крупская.—Предлагаю в 1-м абзаце, где говорится „с одновременным улучшением материальной и учебной стороны дела", добавить: „и улучшения материального положения учащихся".

Бухарин.—Возражений нет? (Принято).

П. 44.

Ходоровский.—Формулировка неправильная. Мы не страдаем от недостатка в учебных заведениях. Недостатка в сельско-хозяйственных и педагогических вузах нет. Ставится даже вопрос о сокращении сельско-хозяйственных и педагогических вузов. Предлагаю отметить, что в системе высшего образования у нас слаба постановка дела сельско-хозяйственных и педагогических вузов.

Бухарин.—Следовательно, первая мысль: качественно укомплектовать и поставить дело в вузах. Вторая мысль: о необходимости равномерного сокращения вузов, чтобы получилось соответствие потребностям. Если выкинуть вторую мысль, вопрос относительно непланового порядка производства тех или других квалифицированных сил из тезисов выпадает. Я голосую эти две поправки. Кто за? Большинство.

П. 45.

Покровский.—Предлагаю поправку: „необходимо употребить все силы для создания кадра преподавателей коммунистов главным образом в работе красной профессуры". Тов. Васканьян указывал на то, что нет возможности ограничиться институтом красной профессуры, ибо институт никогда не в состоянии будет готовить их в достаточном количестве. Вторая поправка такая: „Необходимо принять меры изменения состава красной профессуры; для этой цели организовать подготовительные курсы для тех, которые не могут прямо попасть в институт красной профессуры, не имея на это соответствующей подготовки". (За поправки большинство).

П. 46.

Сырцов.—Вношу следующие поправки. Во-первых, предлагаю вычеркнуть слова: „поскольку в течение ряда лет и т д.", а написать: „партия должна заботиться и т. д". По-моему, комвуз имеет самодовлеющее значение. Вторая поправка: задачи комвуза определены слишком узко; я предлагаю формулировать так: „ставить своей задачей подготовку квалифицированного партийца для политической работы, руководителя революционной борьбы и советского строительства". И третья поправка—устранить слово „руководитель", заменив словом „работник", из тех соображений, что в наших комвузах слишком развито явление комчванства; слово „выходящий руководитель" дает возможность потом развить такую психологию, что ура, я окончил комвуз, а комвуз готовит руководителей, значит мне должен быть готов пост".

Крупская.—Тут надо подчеркнуть такую мысль, что всякая специальность должна быть связана с политикой, что коммунист, работая по специальности, должен быть тесно связан с политикой, а тут выходит, что раз ты коммунист, то всеми этими специальностями можешь руководить. Это крайне нежелательно.

Бухарин.—Тут совершенно ясна мысль. То, что говорит Надежда Константиновна, годится для вузов, а у нас такая пожарная ситуация, что

мы не можем добыть достаточное количество людей. Нам приходится иметь такой кадр, который, не будучи специалистами, понимает настолько, чтобы руководить делом. (Поправки тов. Сырцова приняты).

П. 47.

Сырцов.—Я предлагаю поправку. Там, где говорится „по возможности“, я предлагаю формулировать таким образом: „должно сопровождаться постановкой практической работы“ и т. д.

Крупская.—Я предложила бы слово „в роде экономической политики“ выбросить, потому что значение более конкретной практической задачи в этом выражении не выявляется. Мы тут как-будто отбрасываем изучение задач современности, задач практических, а мы как-раз должны исходить из них.

Сырцов.—Предлагаю несколько иную формулировку. (Читает).

Бухарин.—Разница в поправках идет по двум линиям. У Сырцова практицизм идет по линии общественной, а у Надежды Константиновны, грубо выражаясь, этот практицизм идет по линии производственной.

Крупская.—Я предлагаю брать за исходный пункт практические задачи современности, а потом вставить о понимании текущих практических задач. Без этого невозможно.

Бухарин.—У нас вначале был уклон в сторону чистейшего талмудизма, а теперь есть такая тенденция, что в результате политэкономия в программе уничтожится. Тут нужна ясная и точная постановка вопроса. Мы должны связываться с практикой. Это безусловно, но мы в вузах не можем преподавать, целиком исходя из обследований производства.

Крупская.—Необходима борьба с упрощением. Никто не предлагает этого параграфа выкидывать.

Бухарин.—Кто за то, чтобы оставить этот пункт с внесенными поправками? Принимается.

П. 48.

Крупская.—Это уже давнишние разговоры. Я думаю, что можно достигнуть этого только тогда, когда сами вузы из барских затей превратятся в настоящие производственные единицы. Нужно, чтобы вузы входили в задачи, стоящие перед государством, чтобы вузы стали производственными единицами. Это—основной вопрос: чтобы практика шла в вузах не только по партийной линии, но и по линии профессиональной.

Ходоровский.—Я думаю, что тут нужно, во-первых, выбросить слово „рекомендовать“, а прямо сказать „необходимо установить живейшую связь“, а дальше сказать: „в отношении студенчества это должно выражаться в такой-то практике“. В остальном можно принять. Пока достаточно будет сказать это, чтобы оттенить необходимость живейшей связи вузов с производством.

Шохин.—Я защищаю поправку Надежды Константиновны. Нужно сказать более точно, что надо стремиться к тому, чтобы каждый вуз нес

то или иное общественное задание, выполнял бы ту или иную общегосударственную полезную работу.

Ходоровский.—Я предлагаю записать так: „Необходимо стремиться к тому, чтобы вуз находился в естественной для него хозяйственной среде определенных хозяйственных районов“. Для этого необходимо установление живейшей связи вуза с производством своего района.

Бухарин.—Я считаю, что если мы сейчас в резолюции партийного с‘езда поставим вопрос и решим его, у нас ничего не выйдет, кроме величайшего кавардака в деле постановки вузов. Поэтому я против поправки и считаю, что на данной стадии развития гораздо более рационалистично ограничиться тем, что мы только что приняли, т. е. о связи с определенной единицей, с практикой вузов. Голосую. Кто за поправку Надежды Константиновны? Поправка отклоняется.

П. 49.

Крупская.—Тут центр тяжести переносится на спорт, между тем все же спорт — принадлежность буржуазной культуры. Мы видим, что во Франции, в Англии ребята с ума сходят из-за спорта и всякую политику забывают. Потребность сильных физических переживаний — это не потребность рабочего класса, а потребность буржуазии, интеллигенции, которые вообще имеют потребность в физической работе, а рабочие, которые физически утомляются, не требуют физического напряжения, которое вызывает громадную затрату сил. Так что нельзя так безоговорочно все сводить к физической культуре. Надо сначала говорить о содействии санитарному просвещению, о правильном питании, об оздоровлении жилища и т. д. Нужно подходить с точки зрения оздоровления, а не с точки зрения спортивной. Здесь говорится о соревновании. Спорт, построенный на соревновании, крайне вреден. Он совершенно идет не по линии укрепления организации, а по линии подрыва организма, который и так от физической работы утомлен.

Коталынов.—Я не согласен с тов. Крупской. Дело в том, что физическое развитие мы рассматриваем как одно из крупных орудий оздоровления рабочей молодежи. Это не буржуазная, а пролетарская новая идеология. Теперь по существу. Моя поправка следующая. Здесь сказано: „организуют добровольные спортивные об‘единения различного рода“. Это очень опасно. Дело в том, что весь спорт и вся физкультура должны находиться в руках рабочего класса, а следовательно, и рабочих организаций. Для того чтобы этой опасности не было, чтобы спорт не вышел из-под нашего влияния, необходимо сказать: „организация спортивных об‘единений при Комсомоле, который организует свою работу вместе с профсоюзами“.

Рогов.—Я по поводу добровольных спортивных организаций. У нас был спор с товарищем Бухариным и раньше. Дело в том, что эти организации превращаются в самодовлеющие организации, где остается только футбол. Я предлагаю дать такую формулировку: „делая ее частью работы партии, профсоюзов и Комсомола“. Профсоюзы и Комсомол эту работу проводят, и партия должна ее проводить. Нужно принять поправку тов. Крупской, что нужно расширить работу в области физкультуры, но соревнование нужно оставить.

Зоркий.—Здесь у тов. Бухарина неблагополучно с его архитектурой. Почему весь пункт о физкультуре относится к высшей школе? Здесь может итти речь специально об учебной перегрузке и об ее последствиях, а весь пункт в целом я считаю нужным перенести в раздел о работе РКСМ, т. е. оставить здесь учебную перегрузку и ее последствия, а центр тяжести перенести в дело физического оздоровления всей молодежи.

Бухарин.—Замечание Зоркого, по-моему, правильное замечание. Затем насчет расширительного толкования тех вещей, о которых говорит Надежда Константиновна. Я считаю это правильным, но думаю, что здесь нужно добавить то, о чем я говорил в своем докладе на с'езде. У нас происходит разрыв: кто занимается общественной деятельностью, тот не учится, а тот, кто учится, не занимается общественной деятельностью. Я предлагаю эту мысль здесь вставить. Мы, значит, принимаем: 1) поправку Зоркого, 2) поправку Крупской, 3) поправку Рогова, 4) вносим пункт относительно соотношения между учебой и общественными обязанностями и о нелепых организациях внутри вузов.

П. 50.

Покровский.—У меня добавление о работе партийных ячеек РКСМ в вузах Она поставлена настолько плохо, что нужно отметить, что партия и РКСМ должны обратить внимание на работу ячеек в вузах, соответствующим образом ее улучшить и поставить. Нужно указать, что нужен другой подход, чем у нас. Работа ячеек должна быть улучшена, и все члены партии должны принимать в ней участие.

Бухарин.—Разрешите расширить поправку тов. Покровского. У нас есть вещи, которые идут по линии „комчванства“ наших ячеек. Вопрос о работе ячеек и улучшении этой работы нужно сюда включить, как и ту мысль, которую развила Надежда Константиновна по целому ряду пунктов—против привилегии коммунистов в вузах, определяемой их коммунистической кастовостью. Во ВТУ сто разных организаций, в каждом учебном заведении 25 профсекций, что является идиотизмом высшей марки. Организовать так студенчество, чтобы оно было разделено на 25 секций, это—бессмыслица и лишняя трата времени.

Кто за принятие этих поправок? (Принято).

Заседание закрывается.

* * *

КОМСОМОЛ И УЧИТЕЛЬСТВО

Резолюция всероссийского учительского с'езда по докладу тов. Бухарина

1. Школа в советской стране является важнейшим государственным орудием коммунистической переработки и воспитания подрастающих поколений.

2. Молодое поколение получает свое общественное воспитание не только в школе, но и непосредственно участвуя в разнообразных отраслях общественной жизни, при чем практика этой работы, организуемая РЛКСМ и пионерскими организациями, является необходимой частью процесса переработки новых поколений в духе коммунизма.

3. Развитие самого школьного воспитания и обучения должно итти по линии возрастающего сближения между школой и общественно политической жизнью.

4. Правильное решение общей проблемы воспитания и перевоспитания широких масс подрастающего поколения может быть дано лишь при обеспечении правильного руководства и, в данных условиях, правильного разделения труда между школой и общественно - политической организацией молодежи (Комсомолом и организацией юных пионеров). Особенно необходимо следить за обеспечением правильного руководства в деревне, где задача переработки людей в коммунистическом духе наталкивается на большие препятствия.

5. Центр тяжести работы учителя лежит в школе: учитель руководится органами советской власти, которые в конечном счете руководятся через коммунистов Коммунистической партией, как авангардом рабочего класса. Комсомольские организации, не представляющие собою органов власти, сотрудничают здесь с учителем, отнюдь не администрируя и не стоя над ним, а воздействуя исключительно идеологически.

6. Комсомол руководит детским движением, получая директивы от партии. Учитель сотрудничает с ним, давая советы и помогая движению, но не стоит над ним и политически не руководит им.

7. В области широкой общественной работы (советы, кооперация, избы-читальни и т. д. Комсомол сотрудничает с учителем, и учитель сотрудничает с Комсомолом, при чем это сотрудничество должно протекать в формах добровольного соглашения, а отнюдь не в форме принудительных приказов и т. д.

8. Причины трений, имеющие иногда место между комсомольскими организациями и учительством, об'ясняющиеся в основном ненужным и излишним взаимным недоверием, должны быть преодолены совместными усилиями учительства и организаций РЛКСМ.

9. Учительство должно скорее изжить остаток недоверия к Комсомолу, должно понять его громадную историческую роль, должно суметь видеть переходящий характер отдельных ошибок и недостатков в комсомольской

работе; оно должно отбросить остаток местами встречающегося пренебрежительного отношения к членам РЛКСМ, остаток, так сказать, некоторого культурного высокомерия; учительство должно открыто сознать, что ему можно поучиться у Комсомола общественной инициативе и активности.

10. С своей стороны, Комсомол, изживая остатки недоверия к учительству, должен принять решительные меры к устранению методов административного воздействия и командования. Комсомол должен повсеместно осознать, что ему нужно в культурной области серьезно учиться у учительства. Комсомольские организации обязаны или проводить свои решения через советские органы, или же договариваться с учительством, отнюдь не прибегая к мерам принуждения. С'езд констатирует, что такова именно точка зрения партии и руководящих органов Комсомола, которая должна быть усвоена на местах и Комсомолом и учительством.

11. Организуя совместную работу на началах товарищеского сотрудничества и соглашения, учительство и РЛКСМ должны принять все меры против непроизводительной траты времени в работе, бессмысленной перегрузки как учителя, так и комсомольца, а равно и пионера, что может быть достигнуто более планомерным, систематическим и обдуманным характером совместной работы.

* * *

УКАЗАТЕЛИ

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

* * *

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

* * *

СОДЕРЖАНИЕ

БОРЬБА ЗА КАДРЫ

ПАРТИЯ И МОЛОДОЕ ПОКОЛЕНИЕ

КИМ И КОМСОМОЛ

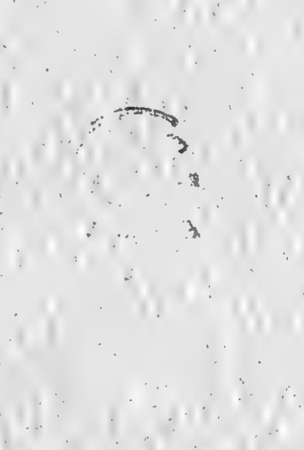
ПРИЛОЖЕНИЯ

УКАЗАТЕЛИ

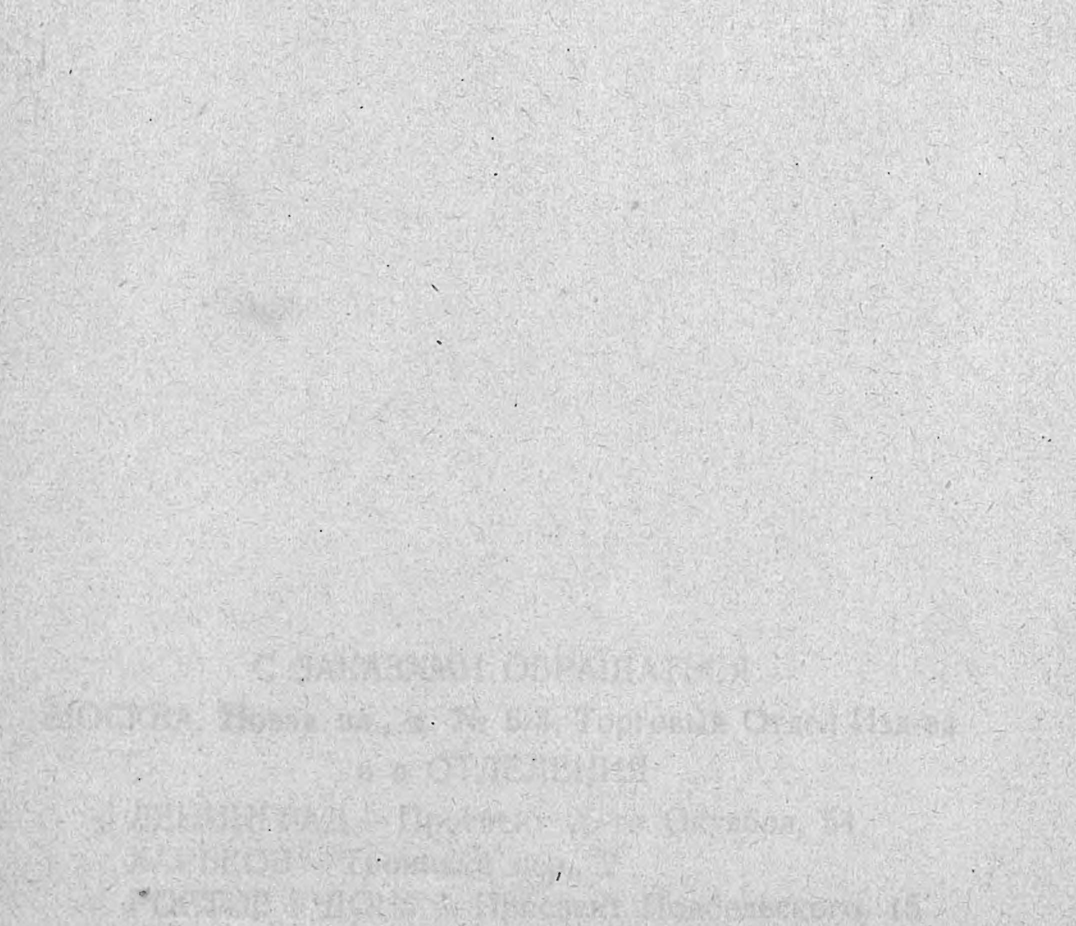

00390

С ЗАКАЗАМИ ОБРАЩАТЬСЯ
МОСКВА, Новая пл., д. № 6/8, Торговый Отдел Изд-ва
и в ОТДЕЛЕНИЯ
ЛЕНИНГРАД — Проспект 25-го Октября, 54
ХАРЬКОВ — Троицкий пер., 2
РОСТОВ н/ДОНУ — Проспект Подбельского, 15

С ЗАКАЗАМИ ОБРАЩАТЬСЯ
МОСКВА, Новая пл., д. № 6/8, Торговый Отдел

